

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Новая модель
экономического развития России:
концепция формирования и реализации

Издание Государственной Думы
Москва • 2016

УДК 338(470)
ББК 65.9(2Рос)
Н72

Под общей редакцией
председателя Комитета Государственной Думы
по экономической политике, инновационному развитию
и предпринимательству
А. Г. Аксакова

Ответственный за издание
В. В. Ладышев, заместитель руководителя аппарата
Комитета Государственной Думы по экономической политике,
инновационному развитию и предпринимательству

Н72 **Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации.** – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – 320 с.

В настоящем издании Комитет Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству продолжает обсуждение проблем развития российской экономики. Рассматриваются актуальные и дискуссионные вопросы структурной перестройки экономики, поиска путей повышения её эффективности, намечаются ключевые ориентиры долгосрочной экономической политики, определяются основные факторы и источники экономического роста.

Особое внимание уделяется теоретическим и прикладным вопросам выработки новой парадигмы социально-экономического развития России, которая должна обеспечить динамичный и устойчивый рост российской экономики.

Материалы издания подготовлены ведущими учёными-экономистами и экспертами России. Издание может быть использовано для формирования в современных сложных условиях новой экономической политики, направленной на решение задач по развитию экономики России, поставленных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

УДК 338(470)
ББК 65.9(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, кандидата экономических наук Аксакова А. Г.	5
Улокаев А. В. Вызовы экономического развития Российской Федерации и государственная экономическая политика	8
Мау В. А. Экономическая политика современной России: задачи структурных реформ	17
Мантуров Д. В. Роль российской промышленности в формировании долгосрочного потенциала экономического роста	34
Полтерович В. М. К проекту новой модели экономического развития России	45
Гурвич Е. Т. Как вывести российскую экономику из стагнации: от мифов к реальности	62
Клепач А. Н., Засов О. А. Российская экономика: между стагнацией и оживлением. Есть ли окно для интенсивного роста?	68
Шохин А. Н. Стратегия развития России: взгляд бизнеса	87
Титов Б. Ю. России нужна комплексная программа развития экономики с акцентом на несырьевом секторе и новая модель оценки эффективности отраслевой и региональной политики, основанная на росте производительности труда	92
Сухарев О. С. К новой модели экономического роста в России	103
Фортов В. Е. Инновационная стратегия развития экономики России	126
Сафонов М. С. Инновационная система России и формы государственного регулирования инновационных процессов	130
Минниханов Р. Н. Социально-экономическое развитие Татарстана: тенденции, перспективы, возможности	136
Артамонов А. Д. Рост регионов, не имеющих углеводородных ресурсов, связан со структурными изменениями и переходом к инновационной экономике	148

Дынкин А. А. Экономика: проза и мифология	164
Ленчук Е. Б. Новая индустриализация как условие формирования новой модели экономического роста	173
Макаров В. Л. Проектная экономика и банковский сектор	190
Катырин С. Н. Малый и средний бизнес как инструмент выхода российской экономики на траекторию роста	198
Масленников В. В. О необходимых системных изменениях действующей модели экономического развития России	207
Ершов М. В. О национальных механизмах развития в условиях новых глобальных рисков	216
Юргенс И. Ю. Меняться вместе с миром: какие структурные реформы нам нужны	235
Данилов-Данильян А. В. Кластерный подход как элемент новой модели экономического развития России: вопросы взаимодействия государства и бизнеса	244
Бабкин К. А. России нужна разумная экономическая политика	251
Дасковский В. Б., Киселёв В. Б. Об основах эффективной стратегии и модели развития экономики России	263
Бодрунов С. Д. К новому качеству материального производства (концептуальные основы экономической стратегии России)	285
Холодков В. М. Структурные реформы в России в контексте китайского опыта	305

Уважаемые читатели!

В непростой экономической ситуации обеспечение устойчивого социально-экономического развития на долгосрочную перспективу становится для России первостепенной задачей.

Сейчас не вызывает сомнений тот факт, что устаревшая модель пассивного экономического роста, основанная на наращивании сырьевого экспорта, исчерпала себя ещё 3–4 года назад, когда при стабильно высоких ценах на нефть сначала снизились темпы экономического роста, а затем началась стагнация экономики.

Сложившаяся модель экономического роста более не в состоянии обеспечивать высокие темпы развития экономики, и если мы не найдём новых источников роста, то в обозримом будущем вряд ли стоит рассчитывать на прирост ВВП более чем на 1,5–2,0%. Однако в этом случае Россия будет всё сильнее отставать от других стран (в том числе и развивающихся), её доля в мировой экономике будет неуклонно снижаться, а главное, мы не сможем обеспечить нашим гражданам по-настоящему качественный уровень жизни.

В этой ситуации становится очевидным, что нашей стране необходима новая парадигма экономического развития, которую нужно выработать совместными усилиями всех заинтересованных сторон.

Новая модель экономического развития должна обеспечить динамичный и устойчивый рост российской экономики, основанный на внутренних факторах конкурентоспособности страны, и, прежде всего, на повышении производительности труда и экономической эффективности. Для того, чтобы сократить разрыв в уровне и качестве социально-экономического развития, отделяющий Россию от наиболее развитых стран мира, необходимо, чтобы национальная экономика развивалась ускоренными темпами (выше среднемировых). Вместе с тем основной целью экономического роста должно быть благополучие человека, а стандарты жизни наших граждан, качество образования и здравоохранения должны быть сопоставимы с уровнем ведущих мировых экономик, чтобы нашим соотечественникам было комфортно жить в России.

Решение столь сложной задачи требует системного комплексного подхода, позволяющего решать текущие проблемы обеспечения социально-экономической стабильности и в то же время осуществлять структурную перестройку российской экономики.

В этой связи представляется, что итоговые версии разрабатываемых системных решений должны быть закреплены в комплексном программном документе – Стратегии долгосрочного социально-экономического развития, и направлены на достижение вполне определённых целей за соответствующий промежуток времени, например, за 15 лет. Учитывая, что правовая основа для разработки такого документа существует (это Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), необходимо в ближайшее время приступить к разработке

Стратегии, которая, в свою очередь, должна базироваться на новой экономической парадигме. Иными словами, бюджет, денежно-кредитная политика, ресурсы институтов и фондов развития, регуляторные и надзорные действия, – всё должно быть подчинено решению задач, поставленных в Стратегии. Только в этом случае Стратегия сможет стать не только руководством к действию для всех органов власти, но и ориентиром для бизнеса и общества и, «овладев массами», из идеи превратиться в материальную силу. При этом представляется очевидным, что цели и задачи, поставленные в Стратегии, должны быть сбалансированными и достижимыми.

В рамках настоящего издания предпринята попытка наметить ключевые ориентиры долгосрочной экономической политики, определить основные факторы и источники роста экономики и развития социальной сферы, обсудить пути проведения структурных реформ в целях увеличения темпов роста российской экономики и повышения её эффективности без ущерба макроэкономической стабильности внутри страны.

Представленные в издании статьи видных учёных, экспертов, представителей органов государственной власти и бизнес-сообщества, руководителей регионов посвящены решению накопившихся проблем российской экономики и поиску новых возможностей обеспечения качественного экономического роста Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции.

Мы попытались охватить широкий спектр мнений и пригласили к дискуссии специалистов с различными взглядами на проблемы российской экономики. По некоторым вопросам социально-экономического развития страны авторы статей иногда придерживаются прямо противоположных точек зрения, но в этом, на мой взгляд, и заключается преимущество настоящего издания, поскольку такой формат позволяет обсудить альтернативные подходы к решению актуальных проблем российской экономики, что, в свою очередь, будет способствовать выработке выверенных, реалистичных и объективных решений.

Хотел бы поблагодарить всех авторов настоящего издания и выразить надежду на то, что их предложения и рекомендации вместе с практическими механизмами их реализации помогут органам государственной власти в выработке путей выхода российской экономики на путь динамичного и устойчивого развития, а также будут учтены и использованы при разработке программных документов, в частности, Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г.

Полагаю, что настоящее издание будет также полезно и депутатам вновь избранной Государственной Думы седьмого созыва, поскольку именно им, возможно, предстоит сформировать законодательную основу для новой экономической политики. Надеюсь, что содержащиеся в издании «рецепты» по преодолению кризиса будут использованы коллегами в их нормотворческой деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что Комитет Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству планирует подготовить в 2017 г. следующее издание Государственной Думы на тему «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации. Концептуальный и правовой аспек-

ты». В связи с этим полагаю целесообразным создать при комитете рабочую группу для подготовки вышеупомянутого издания Государственной Думы с участием авторов настоящего издания, представителей финансово-экономического блока Правительства Российской Федерации и Банка России, экспертного и бизнес-сообщества. Представляется, что материалы, подготовленные этой группой, в дальнейшем могут найти своё применение в процессе разработки Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г.

Аксаков А. Г.,
*председатель Комитета
Государственной Думы по экономической политике,
инновационному развитию и предпринимательству,
кандидат экономических наук*

ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА¹

Улюкаев А. В., министр экономического развития Российской Федерации, доктор экономических наук

Текущее состояние российской экономики

Россия за последние два года пережила «идеальный шторм» – в одной стране за короткое время «сработали» практически все риски, которые считались критичными для экономики: резкое падение цен на нефть и на ряд иных сырьевых товаров российского экспорта, ограничения доступа к внешнему финансированию и технологиям, политические ограничения на взаимодействие зарубежных компаний и банков с российскими, на реализацию совместных проектов, необходимость отвлечения дополнительных ресурсов для ответа на возникшие внешние вызовы.

Значительный рост на этом фоне нервозности инвесторов и волатильности рынков, ухудшение настроений бизнеса дополнили общую картину. Серьёзно ухудшилось состояние платёжного баланса, отток капитала достиг критических величин. Результатом стала глубокая девальвация национальной валюты, ускорение инфляции, бюджетный дефицит. Однако экономика показала значительный запас прочности, высокую адаптивность и вполне адекватную рыночную реакцию на открывающиеся в кризис возможности. Падение ВВП по итогам 2015 г. составило минус 3,7%, хотя большинство экспертов предсказывали значительно более драматичное падение. Так, Moody's прогнозировало снижение ВВП России на 5,5%². Институт экономической политики им. Гайдара – на 6,8%³, Центр развития Высшей школы экономики – 6,5% ВВП⁴. Для сравнения – при более благоприятных для России внешних условиях в 2009 г. падение составило 7,9%.

В настоящее время в мире происходит поиск нового равновесия, которое должно сложиться после глобального кризиса, начавшегося в 2008 г. Эта «новая нормальность» характеризуется выравниванием темпов роста развитых и развивающихся экономик, бурным развитием технологий, замедлением спроса на сырьё, изменением направления движения глобального капитала. Структурная перестройка мировой экономики сопровождается замедлением темпов роста мировой торговли, которая перестаёт быть драйвером экономического роста. Напомним, что в прошлом году впервые с 2008 г. на 11% снизился в стоимостном выражении объём международной торговли. Глобальный перегрев сменяется охлаждением.

¹ Статья опубликована: Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 36–44.

² <http://tass.ru/ekonomika/1668225>.

³ http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2015-3-mar.pdf.

⁴ <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/140254083.pdf>.

В таких условиях российская экономика находится в относительно устойчивом состоянии. Экономика консолидировалась и в целом адаптировалась к новым условиям.

Российская экономика пережила два последовательных шока, примерно одинаковых по глубине с точки зрения падения цен на нефть и девальвации рубля – в конце 2014 – начале 2015 и в конце 2015 – начале 2016 гг. И если первую «волну» экономика переживала болезненно, то вторую – уже вполне спокойно. Главный фактор этого – набранный запас прочности самой экономики. Формируется основа новой экономики – построен ряд новых предприятий, модернизированы целые сектора экономики. Второй фактор – адекватная антикризисная политика Правительства Российской Федерации, смягчившая для экономики жёсткость «посадки» и создавшая условия для использования имеющихся и новых конкурентных преимуществ.

Докапитализация кредитных организаций позволила предотвратить угрозу полномасштабного банковского кризиса. Банки не потеряли доверие населения. Отток вкладов из банковской системы сменился притоком, банки адаптировались к более сложным условиям ведения бизнеса и наращивают, хоть и невысокими темпами, кредитование экономики.

Дали плоды усилия по поддержке реального сектора экономики. Только в рамках программы проектного финансирования поддержано 42 проекта в более чем 20 регионах, для которых выделено 59 млрд рублей госгарантий, что позволило привлечь 240 млрд рублей долгосрочных кредитных ресурсов.

Начали работать меры по облегчению налогового бремени – 64 субъекта Федерации уже воспользовались предоставленным им в прошлом году правом по введению 2-летних «налоговых каникул» на впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в сфере бытовых услуг.

В результате на фоне общего спада в отдельных сферах есть совершенно очевидные положительные тенденции, например, в сельском хозяйстве, пищевой, химической промышленности, машиностроении.

В целом можно сказать, что ситуацию удалось не просто стабилизировать, но обеспечить определённые заделы для дальнейшего развития. У России появляется ряд новых возможностей. В краткосрочной перспективе негативные факторы уже отыграны, в то же время преимущества, которые получил российский бизнес, в первую очередь в результате девальвации, используются далеко не в полной мере.

Сейчас важно правильно сделать выбор в отношении идеологии экономической политики на среднесрочную перспективу, которая должна обеспечить структурную перестройку экономики, новую модель роста.

В сложнейшей ситуации, в которой мы оказались, не может быть простых решений. Нельзя ждать стабильно высокого экономического роста за счёт бурной экспансии денежного предложения. Но и механистическое снижение инфляции до 4% само по себе не решает проблем активизации факторов роста. Слишком много в российской экономике узких мест, которые невозможно расширить «кавалерийским наскоком».

Нам нужна сложная умная политика, основанная на макроэкономической стабильности и структурной динамике экономики, не фетишизи-

рующая те или иные цифры по дефициту, инфляции, долгу и скорости их достижения. Инфляционное таргетирование – это не поклонение идолу 4%, а управление инфляционными ожиданиями через диалог с обществом. Бюджетная сбалансированность – не поклонение идолу 3%, а правильная структура бюджета, ориентированная на развитие. Главной целью является максимизация темпов долгосрочного экономического роста, а остальные параметры должны подстраиваться под неё.

Приоритеты экономической политики

Что сейчас в наибольшей степени мешает выйти на траекторию роста? Главный фактор – продолжающееся снижение инвестиций. Два других – стагнирующий спрос и жёсткая ограниченность ресурсов для проведения активной экономической политики.

Экономический рост в долгосрочной перспективе определяется использованием труда, капитала и совокупной производительностью этих факторов. Дополнительной компонентой в производственной функции в используемых нами моделях является экспортная составляющая. Полное использование факторов определяет потенциальный рост. Сейчас он находится на уровне 2%, и к 2018 г. мы вернёмся на эту траекторию. Однако эти темпы для российской экономики неприемлемы, т. к. ведут к снижению нашей доли в мировой экономике, потере конкурентоспособности, падению уровня жизни населения относительно большинства стран.

Экономическая политика России должна быть направлена на повышение потенциального роста, чего можно достичь через более полное использование трудовых ресурсов, накопление капитала через рост инвестиций и повышение производительности труда и капитала. Удвоение потенциального роста, то есть выход на траекторию 4% роста ВВП, является вполне реальной задачей.

Но для новой модели экономики необходима новая активная инвестиционная политика, реализуемая в четырёх направлениях:

- создание инвестиционного ресурса (сокращение издержек – прямых и трансакционных);
- создание условий для трансформации сбережений в инвестиции, увеличение склонности к инвестированию (макроэкономические и регуляторные меры, направленные на повышение уровня доверия бизнеса и улучшение бизнес-среды);
- стимулирование инвестиционной активности через механизмы государственной поддержки инвестиций (Программа поддержки инвестиционных проектов на основе проектного финансирования, «антикризисная поддержка» адаптации секторов экономики к новым условиям);
- расширение спросовых ограничений (максимальное использование потенциала внутреннего рынка через программы импортозамещения, агрессивная поддержка экспорта).

Итак, первое направление – создание инвестиционного ресурса. В условиях ограниченного доступа к внешнему финансированию и высоким в краткосрочной перспективе процентных ставок по ресурсам, привлекаемым на внутреннем финансовом рынке, собственные средства

компаний, их прибыль выступают основным источником для инвестиций. Ключевой инструмент формирования прибыли, которая в прошлом году выросла на 53 %, – сокращение издержек. Решение этой задачи возможно по нескольким направлениям:

Во-первых, это ограничение роста тарифов («целевая инфляция минус») и стимулирование естественных монополий к сокращению издержек. В рамках работы по этому направлению реализуется приоритетный проект по формированию долгосрочных тарифов (на 2017–2020 гг.) для регулируемых отраслей на уровне инфляция «минус» с сохранением уровня надёжности инфраструктуры и сокращением издержек монополий.

Ключевым механизмом создания системы согласования и контроля инвестиционных программ естественных монополий, нацеленной на снижение издержек, является технологический и ценовой аудит, позволяющий на уровне независимой экспертизы оценивать состоятельность предлагаемых технологических, инвестиционных и организационных решений. Законопроект, формирующий правовую основу такой регуляторной модели, уже подготовлен и внесён в Правительство Российской Федерации.

Отдельно хотелось бы отметить позитивный опыт нашего сотрудничества с компанией «РЖД». С прошлого года в ней идёт комплексный аудит издержек аудиторами «Делойт энд Туш». Первые результаты этой работы показывают наличие значительных резервов экономии (десятки миллиардов рублей), которые позволили компании сбалансировать свой финансовый результат и будут учтены в тарифных решениях на следующие три года.

Сейчас ведётся работа по распространению этой практики на другие инфраструктурные компании, в первую очередь ПАО «РусГидро» и ПАО «Россети». Компании должны провести независимый аудит издержек и подготовить планы мероприятий по их оптимизации, которые должны быть утверждены их советами директоров.

Такой простой и понятный принцип тарифного регулирования позволит снизить темпы роста нагрузки на отечественных товаропроизводителей, а также повысить предсказуемость регуляторной среды для инвесторов.

Во-вторых, на снижение издержек влияет сдерживание роста стоимости трудовых ресурсов (рост реальных зарплат не должен превышать рост производительности). Для этого готовятся предложения по корректировке трудового законодательства, направленные на повышение гибкости рынка труда.

В-третьих, важнейшим фактором экономического развития является снижение уровня административных издержек для бизнеса: сокращение объёма отчётности, уменьшение количества различных проверок, упорядочение и снижение неналоговых платежей. В совокупности данные меры, по нашим оценкам, могут снизить издержки бизнеса (высвободить инвестиционный ресурс) в объёме до нескольких сотен миллиардов рублей в год.

Работа с административными издержками – важнейший блок, приоритетным проектом которого является формирование нового облика системы государственного контроля/надзора.

Вводится запрет на истребование у проверяемых лиц документов и сведений, которые органы контроля смогут получать в рамках межве-

домственного информационного взаимодействия. Заложена законодательная основа системы управления рисками, применение которой, как показывает мировой опыт, приведёт к значительному снижению числа мероприятий по контролю. Ведётся работа по внедрению управления рисками, которая на первом этапе должна заработать в трёх видах надзора (пожарном, санитарно-эпидемиологическом и в области связи).

Подготовлены меры против необоснованных проверок, включая обязательную идентификацию при подаче электронных жалоб, а также предварительную проверку жалоб, что должно исключить проверки по анонимным и ложным сигналам. Подготовлены предложения по установлению пороговых цифр по количеству проверок, которые директивно снизят их число в самых массовых видах проверок.

С этого года в нормотворческий процесс внедряются процедуры оценки фактического регулирующего воздействия, позволяющей проанализировать эффективность уже действующих нормативных правовых актов и сделать вывод о том, достигнуты ли цели регулирования, которые были сформулированы при его принятии. Это позволит на системной основе ликвидировать устаревшие, избыточные, экономически необоснованные правовые нормы.

Второе, важнейшее для новой инвестиционной модели роста направление – создание условий для трансформации сбережений в инвестиции. Наличие инвестиционного ресурса не означает автоматической его трансформации в инвестиции. Собственные ресурсы компаний могут уйти в высокие дивиденды или в отток капитала при нежелании бизнеса инвестировать. Активная инвестиционная политика должна стимулировать бизнес к инвестициям. Для этого необходимо повысить уровень определённости в экономике и улучшить качество бизнес-среды.

В части макроэкономики меры должны быть направлены на обеспечение макроэкономической стабильности, что подразумевает долгосрочную сбалансированность бюджетной конструкции, снижение инфляции и процентных ставок.

Инфляционное таргетирование – ключевой инструмент формирования стабильных инфляционных ожиданий, что является необходимым условием для снижения уровня инфляции и реальных процентных ставок. В то же время инфляционную цель нельзя абсолютизировать, она нужна именно для формирования ожиданий, и, как показывает мировой опыт, умеренные отклонения от неё вполне допустимы как в одну, так и в другую сторону [см.: Дробышевский, Киюцевская, Трунин, 2016].

В части сбалансированности бюджетной конструкции, как и в случае с инфляцией, важнее не скорость ликвидации дефицита, а последовательность и предсказуемость бюджетной политики.

Негативная динамика основных параметров федерального бюджета и угроза его разбалансированности в среднесрочном периоде фактически вызывают желание установить целевые параметры бюджета, например, дефицита и обеспечить их «слепое» и безусловное достижение. Такой подход уже доказал свою неэффективность, так как он приводит к проциклической бюджетной политике, оказывающей негативный эффект на темпы экономического роста.

Бюджетная политика должна быть ориентирована на работу со структурой расходной части бюджета. Необходимо обеспечить повышение доли производительных расходов в структуре бюджета, обеспечивающих значительный долгосрочный макроэкономический эффект. Бюджет должен научиться вкладываться в будущее, в экономический рост. Конечно, повышение доли производительных расходов в структуре бюджета в условиях жёстких бюджетных ограничений невозможно без оптимизации и повышения эффективности непроизводительных расходов.

Результатом работы по повышению эффективности государственных расходов станет снижение дефицита бюджета.

Структура программной части федерального бюджета за последние годы существенно ухудшилась. Так, доля расходов по направлениям «Новое качество жизни» и «Инновационное развитие и модернизация экономики» от общего объёма расходов федерального бюджета на госпрограммы уменьшилась на 4,2% с 2014 г. по 2016 г.

Нужно формировать чёткую связку – «госпрограммы, потом деньги», а не «деньги, потом госпрограммы». Основная роль государственных программ в рамках формирования проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период должна заключаться в формировании предельных объёмов расходов федерального бюджета на реализацию государственных программ. Именно в рамках проработки предельных объёмов необходимо чётко уяснить, какие цели и задачи будут решены в будущем бюджетном цикле.

Другой блок мер, необходимый для трансформации сбережений в инвестиции, – радикальное повышение качества государственного регулирования, обеспечение стабильности налоговой среды, снижение силового давления на бизнес, улучшение делового климата.

Ключевые проекты в этой части – проект по улучшению делового климата и проект по развитию малого бизнеса.

Проект, направленный на формирование нового качества предпринимательской среды, предполагает внедрение разработанных совместно с бизнесом целевых моделей, которые описывают порядок действий предпринимателя и предусматривают сокращение сроков, упрощение процедур и уменьшение стоимости их прохождения в ключевых сферах бизнеса.

Будет продолжена работа по «дорожным картам» национальной предпринимательской инициативы. Среди новых направлений «дорожных карт» – оптимизация подключения к газоснабжению, оптимизация административных процедур в сфере строительства, технологического присоединения к теплоснабжению, водоснабжению и водоотведению, а также экспортных и импортных процедур, снижение логистических издержек, совершенствование корпоративного управления.

В рамках реализации «дорожных карт» национальной предпринимательской инициативы принято свыше 400 актов, в том числе 81 федеральный закон, направленных на улучшение бизнес-среды, а важнейшим направлением работы в настоящее время является обеспечение надлежащего правоприменения.

Проект по развитию малого и среднего предпринимательства предполагает как снижение административных барьеров, так и формирование

по-настоящему эффективных механизмов поддержки. Так, уже введён мораторий на проведение плановых проверок надзорными органами малых предприятий. Все добросовестные малые предприниматели исключены из ведомственных планов проверок.

Будет обеспечено сокращение числа внеплановых проверок по жалобам заявителей. Подготовлены законопроекты в части применения предупреждения в качестве исключительной санкции за правонарушение, совершённое впервые, а также либерализации уголовного законодательства.

Порог для применения упрощённой системы налогообложения будет увеличен до 120 млн рублей, продляется действие единого налога на вменённый доход, вводятся дополнительные налоговые вычеты для тех, кто переходит к применению кассовой техники нового образца.

Созданная год назад Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства выступит системным интегратором мер поддержки. Корпорация оказывает значимое влияние на рынок кредитования. Уже выдана 4381 гарантия на 24,1 млрд рублей, а сумма выданных кредитов с гарантией Корпорации достигла 50,9 млрд рублей. Кредиты уже выдаются банками-партнёрами под 11 % годовых для малого бизнеса и под 10 % для средних компаний (средняя рыночная ставка в сегменте МСП – около 20 %).

Корпорация МСП запускает бизнес-навигатор – информационную систему, направленную на ориентирование начинающих предпринимателей из массового сектора по существующим рыночным нишам для занятия бизнесом. Вся информация, необходимая для ведения бизнеса, будет предоставляться автоматически с использованием инфраструктуры электронного правительства. Одновременно будет обеспечено предоставление услуг предпринимателям в специализированных МФЦ для бизнеса.

С августа текущего года заработает единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Реестр станет инструментом увязки спроса и предложения на рынке закупок товаров, работ, услуг крупнейшими государственными компаниями, объём которого только в 2015 г. составил около 23 трлн рублей. Корпорация уже согласовала планы закупок 35 крупнейших компаний с госучастием. В рамках этих планов сформирован спрос на продукцию малых и средних компаний на сумму около 135 млрд рублей. И это только начало. Необходимо увеличить квоты для закупок малого бизнеса и расширить число компаний, на которых эти квоты распространяются.

Третья составляющая новой инвестиционной модели – стимулирование инвестиционной активности через механизмы государственной поддержки инвестиций, прежде всего через механизмы ЧГП с предоставлением госгарантий и механизмов рефинансирования, что обеспечит доступ частного капитала в модернизацию публичной инфраструктуры, включая жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование.

Будут расширяться возможности и формы участия частных операторов в управлении инфраструктурой.

Ежегодный объём инвестиций в инфраструктуру должен превысить 4 % ВВП, что при высокой мультипликации в этой сфере обеспечит рост потенциала ВВП не менее чем на 0,6 %. Российская экономика должна прийти к модели инвестиционного экономического роста.

Инвестиции должны стать главным драйвером экономики. Активная инвестиционная политика является краеугольным камнем новой экономической модели. В среднесрочной перспективе именно инвестиции в отличие от чистого экспорта, ограниченного стагнирующим глобальным спросом, и конечного потребления, ограниченного динамикой доходов, станут основным локомотивом роста.

Инвестиции в основной капитал, достигавшие на пике последнего цикла 20,5 % ВВП, в прошлом году упали до 18,9 % ВВП. Это мало в сравнении со среднемировыми показателями и со средними историческими значениями для российской экономики. Оптимальное соотношение между текущим потреблением и инвестициями, исходя из максимизации выпуска, согласно различным моделям, находится в диапазоне 23–27 % ВВП. Для того чтобы выйти на это соотношение, инвестиции в ближайшие годы должны расти на 7–8 % в год.

Чтобы поддержать инвестиционную модель роста, мотивировать частный бизнес к инвестированию, необходимо формирование спроса, снятие ограничений для российских компаний в доступе на внешние рынки и повышение их конкурентоспособности на внутреннем рынке.

Здесь важнейшим направлением является поддержка несырьевого экспорта. В 2015 г. экспорт продолжал расти, увеличившись на 6,1 % в реальном выражении. При этом физический объём экспорта несырьевых товаров вырос на 6,3 %. Перед нами стоит задача увеличения и в среднесрочном периоде несырьевого экспорта не менее чем на 6 %.

Сегодня в мировой экономике происходит перенос центра тяжести с общемировой глобализации торговли, символом которой выступает ВТО, к процессам глобализации по модели торговля плюс, формами которой выступают региональные интеграционные структуры, такие как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство, Транстихоокеанское партнёрство, Экономический пояс Шёлкового пути. Новые объединения набирают силу, и нам необходимо уже сейчас предпринять шаги, чтобы занять своё место в интеграционных конструкциях.

В контексте формирования новой архитектуры мировой торговой системы перед нами стоит задача создания стратегического торгово-экономического партнёрства в отношениях со странами ШОС, которое может стать базой для формирования в долгосрочной перспективе широкой зоны свободной торговли.

Безусловно, необходимо совершенствовать формат системы поддержки экспорта и внутри страны. Необходимо быстро выстроить крупномасштабную и бесперебойно работающую «фабрику» поддержки экспорта, основа которой в последние годы уже создана.

На эти цели направлен проект, призванный обеспечить формирование системы поддержки экспорта в режиме «единого окна», который будет реализовываться на основе максимально тесного взаимодействия Минэкономразвития России и Российского экспортного центра (РЭЦ), в контур которого вошли страховое агентство ЭКСАР и Росэксимбанк. РЭЦ работает год, и уже сейчас стоимость проектов, находящихся в поле его проработки, составляет около 200 млрд рублей. Для развития инфраструктуры по продвижению несырьевого экспорта в 2016 г. запланировано

открытие торговых домов в Аргентине, Вьетнаме, Китае, Иране, Таджикистане, Австрии, Индии, Казахстане, Франции, ЮАР.

Для успешного решения задачи по наращиванию и диверсификации экспорта несырьевых товаров и экспорта услуг необходима единая политика, предполагающая согласованность целей, координацию и мониторинг деятельности министерств, ведомств и институтов развития.

На сегодняшний день в сфере поддержки экспорта ведут работу несколько институтов развития: Внешэкономбанк, РЭЦ, ЭКСАР, Росэксимбанк, каждый из которых осуществляет деятельность в рамках своей повестки. Важно объединить усилия институтов на одной площадке, создать единый институт развития, задачей которого будет поддержка всех видов экспорта: промышленного, сельскохозяйственного, разного вида услуг и т. д.

В качестве отдельного приоритетного проекта можно выделить обеспечение опережающего роста отечественных частных высокотехнологических экспортоориентированных компаний-лидеров и формирование на их базе транснациональных компаний российского базирования.

В современной России существуют десятки высокотехнологичных компаний, успешно конкурирующих на мировом рынке. Однако их оборот, как правило, не превышает 10–20 млрд рублей.

В то же время экспансия таких компаний, конкурентоспособных на мировом рынке, однако занимающих пока относительно узкие ниши, способна дать существенный рост ВВП, формируя быстрорастущий сектор российской экономики.

Для того чтобы обеспечить для них инвестиционно-экспортный «лифт», предполагается организационное содействие в получении доступа к существующим механизмам государственной поддержки. С учётом предложений высокотехнологических компаний будут инициированы изменения в нормативном регулировании, направленные на устранение административных барьеров, и осуществлена актуализация набора инструментов поддержки инновационной деятельности.

Перечисленные приоритетные проекты, хоть и имеют среднесрочный характер, должны начать приносить экономические дивиденды уже в этом году, для того чтобы с 2017 г. началось восстановление положительной динамики инвестиций в основной капитал. При этом опережающими темпами будут расти обрабатывающие производства. Одним из основных факторов восстановления промышленности станет улучшение ситуации в производстве товаров потребительского спроса. Реализация программы импортозамещения поддержит продолжающийся рост в пищевой промышленности. Ожидается постепенное восстановление производства в отраслях инвестиционного спроса, причём наиболее высокими темпами будут развиваться отрасли машиностроения – производство транспортных средств и оборудования.

В целом в перспективе 2–3 лет экономический рост в России может составить около 3% при повышении доли накопления в ВВП до 25%, а темпы роста инвестиций до 7–8%. Это создаст надёжную основу для выполнения социальных обязательств государства и достижения долгосрочной макроэкономической сбалансированности.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЗАДАЧИ СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ¹

Мау В. А., ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

Период 2015–2016 гг. стал временем поиска нового глобального равновесия, которое должно сложиться в результате начавшегося в 2008 г. глобального структурного (или системного) кризиса. Происходит формирование новой макроэкономической (включая характер денежной политики и потенциал экономического роста) и институциональной модели роста, изменение роли отдельных отраслей экономики, формирование новой модели глобализации и международной торговли, переосмысление роли неравенства в экономическом и социальном развитии ведущих стран². Сказанное, естественно, в полной мере относится и к современной России.

Антикризисная экономическая политика

Особенностью воздействия внешних шоков на экономику России стало то, что с макроэкономической точки зрения кризис принял здесь форму стагфляции. Это, правда, была не классическая стагфляция, для которой характерно наложение роста цен и безработицы. У российской стагфляции налицо две особенности. С одной стороны, занятость пока оставалась малочувствительной к кризису – она лишь незначительно колебалась на протяжении 2014–2015 гг. С другой стороны, причиной инфляции были не денежный и бюджетный экспансионизм, не попытка противодействовать спаду кейнсианскими методами (как это было на Западе в 1970-х гг.), а вызванная резким изменением внешнеэкономической конъюнктуры и геополитики девальвация рубля и вытекающий из неё «эффект переноса». Тем самым возможности воздействия на ситуацию были весьма ограничены – с точки зрения воздействия как на инфляцию, так и на динамику производства.

Опыт свидетельствует, что реакцией на внешние шоки должна быть денежная и бюджетная консолидация. Денежные вливания в такой ситуации приводят только к раскрутке инфляции и подрывают, а не стимулируют возможности всякой инвестиционной активности. Расширение бюджетного финансирования на здоровой основе также оказывается крайне затруднено из-за резкого падения доходов бюджета при одновременном усилении потребности в финансировании оборонных статей.

¹ Автор выражает признательность В. Гуревичу, С. Дробышевскому, Г. Идрисову, П. Кадочникову, А. Мамедову, М. Хромову за помощь в работе над статьёй и ценные комментарии в ходе её обсуждения.

² Эти вопросы подробно рассматриваются в статье: Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11.

В декабре 2014 г. ситуация казалась близкой к катастрофической. Курс рубля быстро падал вслед за разворачиванием внешних санкций и падением нефтяных котировок, а денежные власти приняли решение сохранить резервы и не расходовать их на поддержание национальной валюты. Бюджет, только что принятый парламентом, становился на глазах нереалистичным.

В начале года Правительство Российской Федерации пошло на принятие пакета антикризисных мер, включая пересмотр бюджета с сокращением расходов в среднем на 10%. Активно заработала правительственная комиссия по экономической политике и интеграции (фактически – антикризисная), которая рассматривала конкретные вопросы функционирования отдельных секторов, чувствительные для экономической и социальной стабильности. Реализация комплекса намеченных мероприятий позволила стабилизировать ситуацию, хотя и не переломить негативные тренды полностью. Впоследствии Правительство Российской Федерации подвергалось критике за неполное осуществление антикризисной программы (точнее, за неполное расходование заложенных в ней средств), однако это должно было свидетельствовать, скорее, об эффективности принимавшихся мер.

Итоги 2015 г. в России выглядят несколько лучше, чем ожидалось в конце 2014-го. Тогда был риск серьёзной дестабилизации, выхода макроэкономической ситуации из-под контроля Правительства Российской Федерации и денежных властей. Худшие сценарии не реализовались. Своевременный переход к плавающему валютному курсу (названный переходом к «таргетированию инфляции»), консолидация бюджетных расходов и реализация принятого антикризисного плана Правительства Российской Федерации позволили не допустить неконтролируемого развития событий, обеспечили сохранение международных резервов и существенное торможение спада ВВП.

Ниже мы рассмотрим основные экономико-политические проблемы и решения 2015 г. и их влияние на перспективы социально-экономического развития страны.

Экономическая динамика. Спад ВВП составил в 2015 г. 3,7–3,9% ВВП, и это второй эпизод спада за период с 1999 г. (в 2009 г. на волне глобального кризиса российская экономика сократилась на 7,8%). Однако если в 2009 г. спад происходил в большинстве развитых стран, в настоящее же время рост в них ускоряется. На протяжении всего года политики и эксперты вели дискуссию о «прохождении дна» спада, то есть о той точке, в которой произойдёт смена тенденции в реальном ВВП от спада к росту (см. граф. 1, табл. 1).

Два важных фактора влияли на характер и продолжительность спада в 2015 г. и делали его трудно прогнозируемым – отраслевая структура и динамика валютного курса.

Изменение условий торговли и как следствие девальвация национальной валюты¹ по-разному влияли на отдельные отрасли, которые демонстрировали, соответственно, разную динамику на протяжении ми-

¹ Подробно о механизмах происходивших изменений см. Идрисов Г. И., Пономарев Ю. Ю., Синельников-Мурылев С. Г. Условия торговли и экономическое развитие современной России // Экономическая политика. 2015. № 3. С. 7–37.

нувшего года. Отрасли, в большей степени ориентированные на экспорт и мировые цены на товары, которых не снижались так быстро как цена на нефть, демонстрировали рост. Отрасли, связанные преимущественно с внутренним потреблением, сжимались. Но более всего пострадали те сектора экономики, которые в прошлом более всего выигрывали от притока рентных доходов – услуги, торговля, строительство. Действительно, анализ проблем «голландской болезни» показывал, что мощный приток рентных доходов подрывает конкуренцию большинства отраслей, производящих торгуемые товары, но способствует развитию тех секторов, в которых не может быть импорта (услуг розничной и оптовой торговли, строительства, финансовых и нефинансовых услуг) – соответственно, в них не может быть импортозамещения. Эти сектора особенно бурно росли в прошлом, но по той же причине именно они оказываются наиболее чувствительными к спаду спроса в результате девальвации. Безусловно, на динамику каждого конкретного сектора сильно влияла доля входящих импортных товаров и закредитованность сектора в иностранной валюте¹.

Совокупность этих факторов предопределила динамику каждого сектора и в итоге – ВВП. Когда к середине 2015 г. девальвационные процессы приостановились, промышленность начала демонстрировать признаки оживления (см. табл. 4). Однако новый виток падения цен на нефть и последовавшее за этим дальнейшее ослабление рубля привели к возобновлению спада.

Аналогично развивалась ситуация с инвестициями, которые к началу осени как будто стабилизировались. Но неопределённость валютного курса и, следовательно, неопределённость относительно эффективности условий ведения бизнеса, обусловили продолжение инвестиционного спада.

Можно предположить, что при отсутствии политических шоков вопрос обретения нового состояния равновесия займёт несколько месяцев и определится в 2016 г. С точки зрения макроэкономических факторов, для восстановления роста России сейчас важны не высокие или низкие цены на нефть, а их стабильность, которая позволила бы сформировать понятные условия для принятия бизнесом решений.

Структурная политика и импортозамещение. При всех проблемах девальвации её наступление связывалось с возможностями импортозамещения и диверсификации экономики, особенно экспорта. Впрочем, с самого начала было понятно, что эффект 1999 г. повторён быть не может – и из-за глобальной ситуации (политической и экономической), и из-за отсутствия значительных свободных мощностей и рабочей силы, и из-за гораздо более глубокой вовлеченности российской экономики в цепочки добавленной стоимости, то есть зависимости внутреннего производства от поставки импортного оборудования или комплектующих, и из-за того,

¹ См. Идрисов Г. И., Выигравшие и проигравшие: последствия изменения условий торговли для российской промышленности // Экономическое развитие России. 2015. № 4. С. 26–29; Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М. Промышленность: тренды выглядят хуже данных // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 7. С. 21–24.

что девальвации являются сейчас достаточно распространённым элементом политики развивающихся стран, конкурирующих с Россией.

В прошлом, и это касается не только России, эффект девальвации имел отдалённые последствия, но основной результат был виден уже в первый год. Похоже, что в условиях многосторонних девальваций и глобального проседания спроса эффект от них будет неравномерен по странам и в лучшем случае будет носить отложенный характер – если страна сможет дополнить девальвацию соответствующими структурными реформами. Об этом свидетельствует опыт многих стран, наиболее яркий из них – опыт Японии, которая так и не смогла запустить таким путём механизм роста.

Эффект импортозамещения важен и возможен, но он не может действовать прямолинейно и автоматически. Можно выделить следующие причины, модифицирующие влияние девальвации на экономический рост в настоящее время:

- Структурные последствия длительного периода «голландской болезни», в результате чего физически деградируют производства (и их трудовые ресурсы), которые могли бы стать источником импортозамещения – они просто перестают существовать и не могут автоматически восстановиться. Поэтому в первую очередь оживляются экспортные сектора, которые могут расширить свои производственные возможности.

- С предыдущим связано и то, что в отсутствие свободных мощностей импортозамещение требует инвестиций, а тем самым и инвестиционного климата. Девальвация может в известной мере компенсировать плохой предпринимательский климат, снижая соотношение риск-прибыль. Однако при принятии инвестиционных, то есть долгосрочных решений девальвация не является самым важным аргументом.

- Девальвация делает страну привлекательной для иностранных инвестиций. Однако применительно к России в настоящее время ситуация усугубляется санкционными ограничениями.

- Наконец, вовлечённость в международную торговлю (в глобальные цепочки добавленной стоимости) существенно ограничивает возможность воспользоваться девальвацией, поскольку часть компонентов в себестоимости продукта в результате дорожает. Тем самым влияние девальвации на импортозамещение можно обсуждать только при аккуратном анализе конкретных секторов и продуктов.

В результате в 2015 г. только в отдельных секторах наметилась возможность воспользоваться девальвацией. В основном это сектора, связанные с экспортом, прежде всего несырьевым.

В то же время девальвация помогла нам выявить слабые точки, показала местами недопустимо высокую зависимость от импорта как целого ряда производств, так и потребительского рынка. Начали рушиться бизнес-модели, основанные на валютных кредитах и связанных с этими кредитами закупках импортного оборудования.

В результате девальвации российские производители получили некоторые дополнительные конкурентные преимущества на внешних рынках. Несырьевой экспорт вырос в физическом выражении за III квартал 2015 г. на 5,6%. Именно он становится новым локомотивом расширения нашего

экспорта. Ситуация 2015 г. очень чётко показала – наиболее устойчивые позиции в российской экономике занимают те компании, которые осуществляют поставки на экспорт, причём поставки несырьевых товаров.

В 2015 г. формировались контуры поддержки курса на импортозамещение. Была создана правительственная комиссия по поддержке импортозамещения, а также Российский экспортный центр для поддержки несырьевого экспорта. Постепенно формировалось и понимание характера и механизмов этой поддержки. Принципиально важным стало то, что и В. В. Путин, и Д. А. Медведев однозначно высказались в пользу увязки поддержки импортозамещения со способностью производить конкурентоспособную для экспорта продукцию. Это означает, что власть осознаёт риски, известные из прошлого ряда стран (особенно латиноамериканских), когда импортозамещение сводилось к закрытию рынка от иностранных товаров и навязыванию отечественному потребителю товаров более дорогих и менее качественных.

Наконец, на протяжении 2015 г. предпринимались попытки ограничить экспорт товаров, выигравших от девальвации (зерно, металлы, химия). Это аргументировалось опасением физической нехватки товаров для внутреннего потребления, а также опасением, что вывоз товаров будет вести к росту цен внутри страны. (По сути, это один и тот же аргумент, но только в первом случае он выступает как «фантомная боль» советского дефицита, а во втором уже вписана в риторику рыночной экономики). К достижениям власти надо отнести, что никаких серьёзных действий в этом направлении предпринято не было. Был только продлён и так существующий запрет на экспорт кожевенного сырья, а в декабре ввели запрет на экспорт макулатуры.

Бюджетная политика. В условиях внешних шоков Правительство Российской Федерации проводило осторожную бюджетную политику, хотя её и нельзя назвать в полной мере консервативной. Дефицит федерального бюджета составил 1,2% ВВП против 0,5% в 2014 г. при сохранении государственного долга на уровне 14,3%, что является очень низким значением по всем международным стандартам, причём внешний долг даже несколько снижается (что является, разумеется, результатом санкций, а не сознательного бюджетного консерватизма). На 2016 г. правительство увеличивает дефицит до 3% ВВП. Такой подход представляется вполне реалистичным – более жёсткий бюджет был бы опасен с точки зрения устойчивости социально-экономической ситуации. Более мягкий бюджет мог привести к быстрой макроэкономической деградации.

Нередко обращают внимание на то, что низкий долг создаёт дополнительные макроэкономические проблемы, в частности, лишая денежную систему адекватных залоговых инструментов. Появились даже предложения о необходимости ограничения госдолга не сверху, а снизу (не «не более», а «не менее» определённого уровня)¹. Это вряд ли возможно и целесообразно. С одной стороны, в России нет значительного объёма

¹ В частности, в предложениях Столыпинского клуба, опубликованных осенью 2015 г., среди прочего говорится, что «доля внутреннего государственного долга в общем объёме заимствования не должна опускаться ниже 6% ВВП» (Слайд 26). Режим доступа: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf.

частных сбережений, которые могли бы заимствоваться государством без ущерба для частных инвестиций, если не говорить о переходе к прямому финансированию дефицита бюджета за счёт эмиссии Центрального банка Российской Федерации. С другой стороны, с учётом непростой «кредитной истории» России сколько-нибудь существенный рост заимствований приведёт к их серьёзному удорожанию. Словом, по нашему мнению, сохранение ответственной макроэкономической ситуации обрекает Россию на достаточно длительный период жизни с низким долгом.

Очень важно, что такая позиция получает поддержку Президента России. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2014 г. В. В. Путин поставил задачу сокращения расходов в реальном выражении на 5%. А в Послании 2015 г. было сказано о недопустимости превышения в федеральном бюджете дефицита в 3% и предложено сокращать расходы при дальнейшем падении доходов.

В связи со снижением экспортных доходов Правительство Российской Федерации должно было уже в феврале-марте скорректировать бюджет в сторону сокращения расходов. В качестве инструмента был избран секвестр примерно на 10%. Это было технически наиболее простое решение, не исключающее возможность повторения его в будущем. Однако его реализация может иметь неприятные среднесрочные последствия.

Проблема в том, что на протяжении последних семи-восьми лет происходит ухудшение структуры расходов бюджета, когда сокращается доля производительных расходов и растёт доля непроизводительных¹. Для решения долгосрочных задач социально-экономического развития страны необходимы инвестиции в человеческий капитал и транспортную инфраструктуру – именно эти государственные расходы обеспечивают повышение потенциального роста. Между тем, именно эти сектора более всего теряют в результате секвестра.

Дальнейший секвестр расходов без проведения структурных реформ (в том числе, реформы структуры организаций, финансируемых за счёт бюджетных средств) создаёт серьёзные риски для экономической и социально-политической стабильности страны уже в перспективе ближайших нескольких лет (в 2017–2020 гг.). Без структурных реформ бюджетная политика не будет иметь возможности для манёвра, который может понадобиться в 2017–2018 гг., а положительный макроэкономический эффект от девальвации окажется нивелирован.

В настоящих условиях структура бюджетных расходов становится не менее важной проблемой, чем сбалансированность (низкий дефицит). Дальнейшее достижение сбалансированности за счёт производительных отраслей чревато попаданием в замкнутый круг: сокращение расходов на производительные отрасли будет подрывать экономическое развитие, а тем самым вести к сжатию доходной базы бюджета. Из этого следует, что ключевой задачей сейчас является оптимизация структуры расходов, то есть поиск более сложных способов экономии бюджетных средств на основе структурных и институциональных решений, а не путём простого секвестра.

¹ См. подробнее Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. № 8. С. 35–59. 2013.

Непростой остаётся бюджетная ситуация в субъектах Российской Федерации. При том, что фактически налоговые поступления в реальном выражении упали, ситуация с долгом существенным образом не ухудшилась (см. граф. 2 и табл. 3). Номинальный рост доходов позволяет не допускать неуправляемого развития событий. Произошло замедление роста расходов консолидированных бюджетов, которые увеличились только на 1,5% (при том, что план по расходам исполнен лишь на 93%).

Важным трендом стало замедление роста долга консолидированных региональных бюджетов по сравнению с 2013 и 2014 гг. – рост составил порядка 5% (за 11 месяцев). За 2015 г. коммерческий долг замещался долгом перед Министерством финансов Российской Федерации, причём при росте бюджетного долга объём коммерческого сокращался даже номинально. Доля коммерческого долга снизилась за 11 месяцев 2015 г. с 64 до 58%, а доля бюджетных кредитов, напротив, увеличилась с 31 до 37%. Это позволило несколько улучшить структуру долга с точки зрения стоимости его обслуживания. Впрочем, среднесрочные перспективы обслуживания долга остаются достаточно проблематичными, и в политической элите периодически поднимается вопрос о целесообразности списания части бюджетной задолженности.

Дальнейшее ухудшение ситуации с доходами с высокой степенью вероятности приведёт к необходимости повышения налогов. Пока официальной остаётся позиция о недопустимости повышения налогов в условиях кризиса и мораторий на решения в этой области до 2018 г. Однако в определённой ситуации повышение некоторых налогов может быть более адекватным решением, чем секвестр или рост внутреннего долга.

Социальная ситуация и рынок труда. Как и в предыдущие постсоветские кризисы, в минувшем году наблюдалось сокращение доходов населения при относительной стабильности на рынке труда. Безработица колебалась вокруг 5,5%, что превышает американский показатель, но существенно ниже европейских. В условиях напряжённой демографической ситуации и особенно снижения численности населения в трудоспособном возрасте бизнес не идёт на серьёзные сокращения занятости, вместо этого сокращая рабочее время и, соответственно, выплаты.

За год произошло существенное снижение уровня благосостояния – реальные располагаемые доходы населения снизились на 3,5%, а зарплата более чем на 9%. Это вполне вписывается в «российскую модель рынка труда» – снижение зарплат, а не занятости.

Одновременно растут сбережения в банках, причём преимущественно в рублёвой форме. Это означает переход от потребительской к сберегательной модели поведения, что в краткосрочном периоде становится дополнительным фактором торможения экономической динамики: спрос ещё более ограничивается, а кризисная неопределённость не способствует трансформации сбережений в инвестиции. Соответственно, примерно на 9% снизился оборот розничной торговли.

В результате начался быстрый рост доли бедного населения. Доля россиян, относящихся к категории бедных, вернулась на уровень середины 2000-х годов (20,3% с доходами ниже прожиточного минимума).

Это совершенно новый для последних лет феномен. В период 2008–2009 г., несмотря на падение ВВП в 7,5%, этот показатель колебался вокруг 19%, а дальше произошло его существенное снижение (см. табл. 2). В тот период государство обладало значительными бюджетными накоплениями (Резервный фонд), которые были направлены на поддержание уровня жизни. За это пришлось, правда, заплатить бюджетным дефицитом в 6% ВВП в 2009 г., причём нефтяной дефицит достиг рекордных 14%. В настоящий момент таких ресурсов в бюджете уже нет.

Появились оценки о размывании в стране среднего класса¹, хотя здесь надо различать проблему потоков (снижение текущего дохода) и запасов (накопленного благосостояния, сформированных стереотипов поведения).

Кризисная ситуация привела и к некоторому сокращению неравенства – коэффициент Джини сократился с 0,141 до 0,399, а децильный коэффициент фондов – с 15,8 до 14,2². Впрочем, такое снижение неравенства вряд ли можно называть позитивным трендом.

По итогам 2015 г. ситуация является сложной и имеющей тенденцию к ухудшению, но не несущей в себе пока угроз социально-политической дестабилизации. Особой задачей социального сектора является его возможность влиять на темпы экономического роста. Если в период высокой экономической динамики избыточный потребительский спрос ухудшал структуру роста и необходимо было ставить вопрос об усилении стимулирующих факторов на стороне производства, то теперь ситуация меняется. В настоящее время динамика доходов и потребительское поведение население указывают на то, что для запуска экономического роста необходимо выработать специальные меры по стимулированию спроса. Сказанное, впрочем, не означает отрицания существенной работы с факторами, находящимися на стороне предложения.

Приоритеты и риски предстоящего периода

В настоящее время перед экономической политикой России стоят две ключевые задачи: запустить экономический рост и демпфировать потери благосостояния населения. Две эти задачи взаимосвязаны, поскольку экономический рост ведёт к росту благосостояния, а благосостояние формирует спрос для экономического роста.

Решение этих задач представляет значительные трудности, поскольку речь идёт не о циклическом кризисе, а структурном. Завершение спада, которое не может длиться долго (и тем более вечно), в данном случае не приводит к автоматическому восстановлению роста. Если не предпринять специальных усилий по формированию новой модели, потенциал роста будет оставаться на низком уровне, что означает колебание экономики вокруг нулевой отметки (или в пределах статистической погрешности). И это, в отличие от спада, может происходить уже достаточно долго, пока политическая элита не сформирует, наконец, искомую модель, адекват-

¹ См.: 2014–2015 годы: экономический кризис – социальное измерение / под ред. Т. М. Малевой. М.: РАНХиГС, 2016. С. 12–13.

² Малева Т. (гл. ред.). 2014–2015 гг.: Экономический кризис – социальное измерение. М.: РАНХиГС, 2016. С. 16–17.

ную современным вызовам. С соответствующими последствиями для благосостояния, а затем и для социальной стабильности общества.

Таким образом, наиболее серьёзным вызовом для России в настоящее время является не преодоление спада («нащупывание дна»), а запуск экономического роста. Понятно, что речь идёт о росте устойчивом и долгосрочном, сопровождаемом структурной модернизацией, а не о достижении благоприятных статистических данных. На обозримую перспективу Россия должна стремиться к темпам роста, превышающим среднемировые (или находящемся в интервале между показателями Германии и Китая).

Это нетривиальная задача – в отличие от стабилизации здесь не может быть стандартных решений. Решения обусловлены как особенностями данной эпохи, так и особенностями данной страны.

Ответ на этот вызов требует серьёзных институциональных реформ, касающихся всех сфер жизни общества, а не сводятся только к экономике. Здесь важно движение как со стороны спроса, так и предложения.

Запуск механизма роста требует прежде всего определения источников спроса – внешнего и внутреннего. Государственные закупки, закупки корпораций с государственным участием, равно как и социальные расходы, должны формироваться с учётом возможности их влияния на спрос высококачественных товаров и услуг. Одновременно необходимо качественно изменить ситуацию, складывающуюся на стороне предложения, то есть связанную со всеми теми факторами, которые влияют на решение предпринимателя развивать бизнес.

Среди первоочередных задач, стоящих перед экономической политикой по запуску механизмов экономического роста, необходимо выделить следующие.

Дезинфляция и достижение в течение трёх лет целевого уровня в 4%. Последовательное продвижение к этой цели повлечёт за собой ряд взаимосвязанных результатов, необходимых для экономического роста:

- повысится предсказуемость экономической жизни, то есть бизнес получит внятные ориентиры относительно количественных параметров своего функционирования;
- будет обеспечена доступность кредитов, поскольку именно с темпом инфляции соотносится ключевая ставка и, соответственно, ставки коммерческого кредитования;
- ценовая определённость будет способствовать социальной стабилизации и повышению потребительского спроса в экономике.

Бюджетная политика, включающая:

- бюджетный манёвр в пользу производительных отраслей (транспортной и социальной инфраструктуры) как обязательное условие повышение потенциального роста;
- постепенное восстановление бездефицитности бюджета при ограничении роста государственного долга как основы доверия к макроэкономической политике страны;
- рационализация расходов за счёт рационализации бюджетной сети и процедур при отказе от секвестра как основного метода балансирования бюджета;
- формирование нового бюджетного правила на случай восстановления высокой конъюнктуры углеводородов.

Формирование инвестиционного климата должно стать первоочередной задачей всех уровней власти. Это должно быть одним из основных критериев оценки работы региональных администраций. На это нацелен разрабатываемый в настоящее время рейтинг инвестиционной привлекательности регионов, а также разработка специальной программы по подготовке региональных инвестиционных команд.

Достижение высоких показателей в рейтинге «Doing Business», как показывает практика, является важным направлением работы, но недостаточным. Россия прошла путь со 120-го места в 2012 г. до 51-го в 2016-м, однако результаты инвестиционной активности за этот же период были неубедительными. Среди приоритетных мер по улучшению инвестиционного (и предпринимательского) климата должны быть:

- дерегулирование экономики;
- реформа контрольно-надзорных органов, которая должна сократить число контрольных органов, количество проверок и внедрить риск-ориентированный подход;
- разумная поддержка малого бизнеса, на что нацелена созданная в 2015 г. Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства;
- защита собственности и обеспечение безопасности предпринимателей.

Обеспечение конкуренции является важным направлением стимулирования предпринимательской активности. Девальвация делает эту проблему особенно актуальной, так как ограничивает доступ на отечественный рынок иностранных товаров.

Стимулирование несырьевого экспорта – для современной России с её достаточно ограниченным рынком (и это одно из многих важных отличий, например, от Китая) внешний спрос является исключительно важным для обеспечения устойчивости экономического роста. На это нацелен, в частности, созданный в 2015 г. Российский экспортный центр, однако это административное решение должно подкрепляться различными мерами институционального характера:

- снятие барьеров для экспорта – и вообще для внешнеэкономической деятельности. В рейтинге «Doing Business-2016» по международной торговле позиции России продолжали ухудшаться, передвинувшись за год со 155-го места на 170-е. Процедуры пересечения товаром границы должны быть радикально упрощены (сведены к представлению трёх-четырёх документов в электронной форме и в одно окно);
- недопущение расширения практики ограничений на несырьевой экспорт;
- снятие барьеров для импорта, поскольку в условиях глобальных цепочек добавленной стоимости эффективность экспорта нередко зависит от эффективности завязанного на выпуск данной экспортной продукции импорта;
- наконец, со стимулированием экспорта должны быть непосредственно связаны задачи импортозамещения. В принципе, способность поставлять товары на экспорт должно быть главным критерием при принятии решений о поддержке того или иного проекта по импортозамещению.

Институциональные реформы в отраслях человеческого капитала – образование, здравоохранение, пенсионная система. Необходимо обеспечить сбалансированное решение стоящих перед ними трёх задач – социальной (развитие собственно человеческого потенциала), фискальной (эффективности расходования доступных финансовых ресурсов) и инвестиционной.

Социальная политика должна ориентироваться на комплексное оказание необходимой помощи, обеспечивая рост социальной поддержки при помощи концентрации её у наиболее нуждающихся. Помимо собственно социальных эффектов адресность станет и фактором повышения спроса на товары и услуги отечественных производителей.

Обсуждая проблемы запуска механизма роста, нельзя отказываться и от долгосрочных задач, которые потребуют значительного времени. К ним прежде всего относятся:

– формирование и развитие разного рода международных экономических союзов и зон, начиная с ЕАЭС, но не ограничиваясь им. Россия должна продолжать развивать тему единого экономического пространства с ЕС («от Лиссабона до Владивостока»), а также стремиться участвовать в различных формируемых в настоящее время зонах свободной торговли;

– при всей сложности современной валютной ситуации денежные власти должны не упускать задачу превращения рубля в региональную резервную валюту.

2015 г. был очень сложным, однако его результаты оказались несколько лучше ожиданий конца 2014-го. Ключевой задачей 2016–2017 гг. станет формирование механизма восстановления экономического роста. От того, как эта задача будет решена, зависит очень много в жизни России в том посткризисном мире, контуры которого формируются на наших глазах.

Список литературы

1. *Идрисов Г. И.* Выигравшие и проигравшие: последствия изменения условий торговли для российской промышленности // Экономическое развитие России. – № 4. – С. 26–29. – 2015.

2. *Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М.* Промышленность: тренды выглядят хуже данных // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. – № 7 (апрель 2015). – С. 21–24.

3. *Идрисов Г. И., Пономарёв Ю. Ю., Синельников-Мурылев С. Г.* Условия торговли и экономическое развитие современной России // Экономическая политика. – 2015. – № 3. – С. 7–37.

4. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. – 2013. – № 8. – С. 35–59. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2013). Budget Policy and Economic Growth. Voprosy Ekonomiki, No. 8, pp. 35–59. In Russian.].

5. 2014–2015 годы: экономический кризис – социальное измерение / под ред. Т. М. Малевой. – М.: РАНХиГС, 2016. – 112 с.

6. *Мау В. В.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. – 2014. – № 2.

7. *May V., Улокаев А.* Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. – 2014. – № 11.

8. Экономика роста. Доклад / «Столыпинский клуб». Окт. 2015. Режим доступа: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf.

9. *Mankiw N. Gregory.* Defending the One Percent // Journal of Economic Perspectives. – 2013. – Vol. 27. – No 3.

Приложения

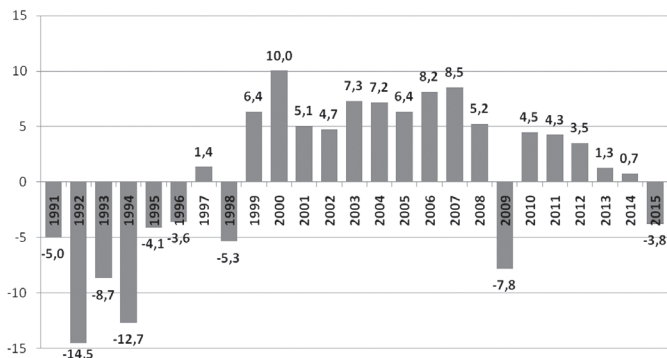

График 1. Динамика ВВП России по годам

График 2. Задолженность бюджетов Российской Федерации

Таблица 1

Макроэкономические показатели ряда стран мира в 2014–2015 гг.

Страна/группа стран	Темп роста ВВП, %		Инфляция, %		Госдолг, % к ВВП		Баланс бюджета, % к ВВП	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Мир в целом	3,4	3,1	3,2	3,6	79,8	80,7	-3,1	-3,6
Развитые экономики	1,8	2,0	0,7	0,8	104,6	104,5	-3,4	-3,1
Развивающиеся экономики	4,6	4,0	5,1	5,7	41,4	44,4	-2,6	-4,3
G7	1,7	1,9	0,8	0,7	118,6	117,4	-4,0	-3,5
ЕС	1,5	1,9	0,0	0,6	88,1	87,7	-2,9	-2,5
Великобритания	3,0	2,5	0,9	0,3	89,4	88,9	-5,7	-4,2
Франция	0,2	1,2	0,0	0,1	95,6	97,1	-4,0	-3,8
Германия	1,6	1,5	0,2	0,2	74,6	70,7	0,3	0,5
Италия	-0,4	0,8	-0,1	1,9	132,1	133,1	-3,0	-2,7
Испания	1,4	3,1	-1,0	0,7	97,7	98,6	-5,8	-4,4
Ирландия	5,2	4,8	0,2	0,2	107,6	100,6	-4,0	-2,0
Польша	3,4	3,5	-1,0	0,1	50,1	51,1	-3,2	-2,8
Греция	0,8	-2,3	-2,6	1,5	177,1	197,0	-3,9	-4,2
Норвегия	2,2	0,9	2,1	2,3	28,1	28,1	8,8	6,0
Швейцария	1,9	1,0	-0,3	-1,2	46,3	46,2	-0,1	-0,2
США	2,4	2,6	0,6	0,9	104,8	104,9	-4,1	-3,8
Канада	2,4	1,0	1,9	1,1	87,9	90,4	-1,6	-1,7
Австралия	2,7	2,4	1,6	2,4	33,9	36,0	-2,8	-2,4
Саудовская Аравия	3,5	3,4	2,4	2,1	1,6	6,7	-3,4	-21,6
BRICS	5,7	4,7			44,7	47,3	-2,6	-3,8
Бразилия	0,1	-3,0	6,4	9,3	65,2	69,9	-6,2	-7,7
Индия	7,3	7,3	5,3	5,4	66,1	65,3	-7,0	-7,2
Китай	7,3	6,8	1,5	1,8	41,1	43,2	-1,2	-1,9
ЮАР	1,5	1,4	5,8	5,5	46,0	48,4	-3,8	-4,1
Аргентина	0,5	0,4	23,9	19,3	45,3	52,1	-2,7	-4,9
Венесуэла	-4,0	-10,0	68,5	190,0	51,8	53,0	-15,0	-24,4
ЕАЭС	1,0	-3,2			18,4	21,2	-0,8	-5,3
Россия	0,6	-3,8	11,4	12,9	17,8	20,4	-1,2	-5,7
Белоруссия	1,6	-3,6	16,2	16,9	40,5	40,4	0,2	-2,4
Казахстан	4,3	1,5	7,4	9,0	14,9	18,3	1,8	-3,2
Украина	-6,8	-9,0	24,9	45,8	71,2	94,4	-4,5	-4,2

Источник: World economic outlook database, октябрь 2015.

**Основные экономические показатели Российской Федерации
в 2007–2015 гг.**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Макропоказатели (темпы роста физического объёма в % к предыдущему году)									
ВВП	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,7	-3,7
Промышленность	6,8	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-3,4
Сельское хозяйство	3,3	10,8	1,4	-11,3	23,0	-4,8	5,8	3,5	3,0
Строительство	18,2	12,8	-13,2	5,0	5,1	2,5	0,1	-2,3	-7,0
Оптовая торговля	9,5	5,4	2,0	3,0	4,4	3,6	0,7	-3,9	-9,9
Розничная торговля	16,1	13,7	-5,1	6,5	7,1	6,3	3,9	2,7	-10,0
Конечное потребление домашних хозяйств	14,3	10,6	-5,1	5,5	6,8	7,4	3,7	1,7	-10,1
Инвестиции в основной капитал	23,8	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-2,7	-8,4
Доля оплаты труда в ВВП	46,7	47,4	52,6	49,6	49,6	50,3	51,7	52,0	45,4
Доля прибыли и смешанных доходов в ВВП	34,1	32,6	30,8	32,6	31,1	33,9	33,0	32,3	43,6
Показатели государственных финансов и международных резервов									
Профицит («+») /дефицит («-») консолидированного бюджета, % ВВП	6,0	4,9	-6,3	-3,4	1,5	0,4	-1,3	-1,2	-3,5
Профицит («+») /дефицит («-») федерального бюджета, % ВВП	5,4	4,1	-6,0	-3,9	0,8	-0,1	-0,5	-0,5	-2,4
Ненефтегазовый дефицит федерального бюджета, % ВВП	-3,3	-6,5	-13,7	-12,2	-9,3	-10,5	-10,4	-10,9	-9,7
Внутренний государственный долг РФ в ценных бумагах, млрд руб.	1248,8	1421,5	1837,2	2461,6	3546,4	4064,3	4432,4	5475,7	5573,1
Внешний государственный долг, млрд долл. (данные Минфина России)	44,9	40,6	37,6	40,0	35,8	50,8	55,8	54,4	50,0
Совокупный госдолг в % к ВВП	7,2	6,5	8,3	9,0	9,5	10,5	11,4	14,4	14,3
Резервный фонд (2007 г. – Стабилизационный фонд), на конец года, млрд долл.	156,81	137,09	60,52	25,44	25,21	62,08	87,38	87,91	49,95
Фонд национального благосостояния, на конец года, млрд долл.		87,97	91,56	88,44	86,79	88,59	88,63	78,00	71,72
Международные резервы Банка России, на конец года, млрд долл.	478,8	427,1	439,0	479,4	498,6	537,6	509,6	385,5	368,4
Цены и процентные ставки									
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6,5	11,4	12,9

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Индекс цен производителей, декабрь к декабрю	25,1	-7,0	13,9	16,7	12,0	5,1	3,7	5,9	10,7
Ключевая ставка Банка России (до 2013 г. – минимальная ставка по операциям РЕПО на 1 день), в среднем за год, % годовых	6,0	6,9	8,3	5,3	5,3	5,3	5,5	7,9	12,6
Средняя процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях, в среднем за год, % годовых	10,0	12,2	15,3	10,8	8,5	9,1	9,5	11,1	15,7
Средняя процентная ставка по депозитам физических лиц (кроме депозитов до востребования)	7,2	7,6	10,4	6,8	5,4	6,5	6,5	6,7	9,7
Рынок труда									
Общий уровень безработицы (методология МОТ), в среднем за год	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6
Средняя заработная плата, тыс. руб./месяц	13,6	17,3	18,6	21,0	23,4	26,6	29,8	32,5	34,0
Динамика зарплат в реальном выражении	17,2	11,5	-3,5	5,2	2,8	8,4	4,8	1,2	-9,5
Динамика реальных располагаемых доходов домашних хозяйств	12,1	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-0,7	-4,0
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	18,8	19	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	20,3
Банковская система									
Количество действующих кредитных организаций, на конец года	1136	1108	1058	1012	978	956	923	834	733
Количество отозванных в течение года лицензий на осуществление банковской деятельности	49	33	43	27	18	22	32	86	93
Динамика активов	46,1	32,7	3,7	14,8	21,4	20,4	14,2	18,6	-1,5
Динамика задолженности юридических лиц-резидентов (кроме банков) по банковским кредитам	52,4	28,6	0,0	9,6	22,8	15,5	11,6	12,7	5,0
Динамика задолженности физических лиц-резидентов по банковским кредитам	58,3	31,2	-11,7	14,4	35,5	39,1	27,7	11,6	-7,3
Доля просроченных кредитов юридическим лицам-резидентам, кроме банков	0,9	2,2	6,0	5,5	4,8	4,6	4,1	4,1	6,0

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Доля просроченных кредитов физическим лицам	3,1	3,6	6,9	7,1	5,3	4,1	4,5	6,0	8,4
Прибыль, млрд руб.	508	409	205	573	848	1012	994	589	192

- 1) I–III квартал 2015 г. к I–III кварталу 2014 г.
- 2) Январь-ноябрь 2015 г. к январю-ноябрю 2014 г.
- 3) За период IV квартал 2014 г. – III квартал 2015 г.
- 4) Январь-сентябрь 2015 г.
- 5) На 1 декабря 2015 г.
- 6) Октябрь 2015 г. к октябрю 2014 г.
- 7) В среднем, за январь-октябрь 2015 г.
- 8) За январь-ноябрь 2015 г.
- 9) 1 декабря 2015 г. к 1 декабря 2014 г.

Источник: Росстат, Минфин, Банк России

Таблица 3

Динамика основных видов налоговых доходов в реальном выражении

Динамика основных видов налоговых доходов в реальном выражении (10 мес. 2015 г. к 10 мес. 2014 г., %)		Доля в налоговых доходах (2014 г.), %
Налоговые доходы	-7,4	100,0
Налог на доходы физических лиц	-10,2	41,5
Налог на прибыль организаций	-3,9	30,3
Налоги на имущество	-7,5	14,8
Акцизы по подакцизным товарам	-11,3	7,4
Налоги на малый бизнес	-5,8	4,9

Таблица 4

**Динамика промышленного производства:
прохождение минимальной точки**

	Доля в индексе промышленного производства	«Дно» падения пройдено	Изменение индекса выпуска, октябрь 2015 г. к июлю 2014 г.
Индекс промышленного производства		√ (июнь)	96,19 %
Добыча полезных ископаемых	33,99 %	√ (май)	101,31 %
Обрабатывающие производства,	52,50 %	√ (июль)	93,44 %
в т. ч.:			
Производство пищевых продуктов, включая напитки и табак	17,05 %		101,65 %
Текстильное и швейное производство	1,43 %		83,88 %

Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,32%	√ (июнь)	89,60%
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,20%		95,92%
Целлюлозно-бумажное производство	3,92%	√ (май)	96,81%
Производство кокса, нефтепродуктов	18,78%		100,09%
Химическое производство	7,46%	√ (не падал)	107,61%
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,26%	√ (май)	95,90%
Пр-во прочих неметаллических минеральных продуктов	4,41%		86,90%
Металлургическое пр-во и пр-во готовых металлических изделий	17,23%		92,39%
Производство машин и оборудования	6,24%	√ (июль)	86,84%
Пр-во электрооборудования, эл-го и оптического оборудования	6,05%		84,04%
Производство транспортных средств и оборудования	7,06%	√ (июль)	81,18%
Прочие производства	5,59%		87,58%
Электроэнергия, газ и вода	13,51%		98,00%

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДОЛГОСРОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Мантуров Д. В., министр промышленности и торговли Российской Федерации, кандидат экономических наук

Дискуссия о роли промышленности в формировании экономической динамики постепенно выходит на первый план при обсуждении актуальных вопросов экономической стратегии как в развитых, так и в развивающихся странах. На протяжении достаточно длительного периода времени превалировала теоретическая концепция, суть которой состояла в том, что по мере роста благосостояния и перехода экономики к постиндустриальной модели развития роль промышленности в развитых странах должна постепенно снижаться, уступая место высокодоходным видам услуг. Кроме того, предполагалось, что наличие фактора технологического лидерства создаёт для развитых стран благоприятные условия для использования производственных возможностей развивающихся стран, существенно снижая издержки при производстве продукции.

В результате процессов глобализации мировой торговли, удлинения глобальных цепочек добавленной стоимости и переноса ряда производств из развитых в развивающиеся страны возникла устойчивая тенденция к снижению доли промышленности в формировании ВВП ряда крупнейших стран.

Таблица 1 демонстрирует, что практически во всех ведущих мировых экономиках, за исключением Кореи и Индии, тенденция к снижению значимости промышленности носила устойчивый характер.

Таблица 1

Доля промышленности в формировании ВВП ряда стран, в % к суммарному ВВП

	1997	2002	2008	2014	Изменение в п.п. 2014 г. к 1997 г.
Китай	47,0	44,3	46,8	42,7	-4,3
Чешская Республика	39,7	36,4	37,7	38,0	-1,8
Германия	31,5	29,4	30,1	30,3	-1,2
Великобритания	29,1	25,1	22,2	20,9	-8,2
Япония	32,7	28,7	27,5	26,9	-5,8
Республика Корея	37,5	36,4	36,3	38,1	0,5
Польша	35,9	30,3	32,9	32,5	-3,4
Бразилия	25,7	26,4	27,3	24,0	-1,7
Индия	26,4	26,2	28,3	30,0	3,6
Южная Африка	32,9	32,5	31,4	29,5	-3,4
Россия	38,1	32,8	36,1	32,1	-6,0
США	23,9	21,3	21,6	20,7	-3,3

Источник: Всемирный банк

Однако события 2000-х гг. показали значительную уязвимость такой модели развития экономики. В условиях глобальной нестабильности мировой экономики сильнее всего пострадали страны, в наибольшей степени утратившие за последние десятилетия свой промышленный потенциал. Напротив, экономическая устойчивость стран, имевших в своём составе большую долю промышленности, оказалась несколько выше, и они (например, Германия) с меньшими потерями прошли период финансового кризиса 2008–2009 гг.

Оказалось, что тенденция перманентного снижения доли промышленного производства в структуре экономики имеет существенные издержки. Они связаны с проблемами не только макроэкономического, но и социального характера. Например, массовый вынос производств в развивающиеся страны порождал высвобождение занятых и способствовал формированию целого ряда депрессивных регионов. Критически возростала зависимость экономики от импорта конечной продукции из развивающихся стран. Можно даже утверждать, что в определённый момент времени, с учётом финансовой нестабильности, издержки избыточного сокращения промышленности в структуре ВВП стали сопоставимы с теми выгодами, которые возникали для развитых стран в результате расширения масштабов глобальной торговли.

Развитые страны были вынуждены реагировать на негативные аспекты снижения значимости промышленной деятельности, в результате чего целый ряд стран стал формировать и проводить в жизнь политику реиндустриализации, направленную на поддержание значимости промышленного производства в структуре ВВП. При этом предполагается, что на территории развитых стран будут преимущественно создаваться высокотехнологичные производства в новых секторах экономики, использующие наиболее передовые результаты научных исследований и производящие уникальную высокотехнологичную продукцию, к технологии производства которой остальные страны не имеют доступа. Идея состоит в том, чтобы развить механизмы изъятия технологической ренты, поддерживая компетенции в наиболее важных промышленных секторах на собственной территории, одновременно ограничивая доступ развивающимся странам к наиболее продвинутым технологиям.

Таким образом, и политика переноса наименее эффективных производств в развивающиеся страны, и политика последующей реиндустриализации могут рассматриваться как элементы комплексной экономической политики, проводившейся в последние десятилетия в развитых странах. Их целью было выстраивание наиболее эффективной структуры промышленности, её взаимодействия с научно-техническим сектором, формирование наиболее приемлемой структуры глобальных цепочек добавленной стоимости. Называя вещи своими именами, можно сказать, что развитые страны последовательно реализуют элементы комплексной промышленной (структурной) политики, направленной на повышение устойчивости экономического роста.

В этих условиях развивающиеся страны вынуждены выстраивать собственную политику развития промышленности в условиях ограничений как финансового, так и структурно-технологического характера.

Основной проблемой при этом являются трудности с выстраиванием контролируемых цепочек создания добавленной стоимости. Если продукция ориентирована на внутренний спрос, то разрывы в технологических цепочках приводят к высокой зависимости от импортируемой продукции, если же производство ориентировано на экспорт, то происходит значительная потеря добавленной стоимости за счёт привлечения зарубежных технологий и комплектующих.

В России доля промышленности в структуре ВВП в последние 20 лет устойчиво снижалась. В целом уменьшение значимости промышленности для экономической динамики в этот период было сопоставимо с деиндустриализацией таких стран, как Великобритания или Япония. В значительной степени это было связано с высокими темпами роста в секторе услуг посредническо-финансового характера.

Вместе с тем следует отметить, что уже с середины 2000-х гг. возникла тенденция по постепенному увеличению вклада в динамику ВВП со стороны обрабатывающих секторов российской промышленности (рис. 1). И если в начале это были экспортоориентированные виды деятельности сырьевого комплекса (металлургия, химическое производство), то к концу первого десятилетия XXI века всё большее влияние на динамику промышленного производства стали оказывать внутриориентированные виды деятельности (машиностроение, производство неметаллических минеральных продуктов, пищевое производство).

Рис. 1. Вклад обрабатывающей промышленности в прирост ВВП России в 1996–2015 гг., п. п.

К 2008 г. вклад обрабатывающих производств в формирование ВВП достиг 20% (из 5,2% роста ВВП обрабатывающая промышленность обеспечила 1%).

В период после кризиса 2008–2009 гг. значимость обрабатывающей промышленности для формирования ВВП существенно повысилась. Это было связано с целым комплексом причин. Во-первых, период быстрых темпов экономического роста характеризовался увеличением объёма инвестиционных вложений в модернизацию и строительство ряда произ-

водств, ориентированных на внутренний спрос. Во-вторых, увеличение объёма доходов в экономике формировало дополнительный объём спроса на отечественную продукцию как со стороны государства, так и со стороны других экономических агентов. В-третьих, постепенно в экономике сформировался набор ограничений для развития, связанных с исчерпанием возможности высоких темпов роста в секторе добывающих производств и ряде видов услуг. В результате действия всех этих факторов на стадии замедления темпов экономического роста в 2011–2014 гг. вклад обрабатывающей промышленности в рост экономики достигал 40 %.

Увеличение значимости промышленного производства при формировании ВВП было не в последнюю очередь связано с расширением механизмов поддержки промышленной деятельности и формированием основ промышленной политики.

В рамках мероприятий промышленной политики формировались соответствующие программы развития приоритетных секторов промышленности и концентрировались соответствующие ресурсы. Увеличивалось финансирование ряда ФЦП, а затем и государственных программ в области развития промышленности, был запущен механизм субсидирования процентных ставок для ряда приоритетных видов производств, были выделены субсидии на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а затем был создан Фонд развития промышленности, ориентированный на развитие отдельных проектов в различных секторах обрабатывающей промышленности. Произошла консолидация важнейших промышленных активов, находящихся под прямым и косвенным контролем государства в рамках Российской государственной корпорации «Ростех», Объединённой авиастроительной корпорации (ОАК), Объединённой судостроительной корпорации (ОСК) и т. д.

Формирование элементов промышленной политики в России происходило в период относительно благоприятной макроэкономической конъюнктуры. Это давало возможность относительно безболезненно изыскивать ресурсы для поддержки наиболее важных секторов промышленности, связанных с обороноспособностью страны либо имеющих значение для развития критически важных компетенций. При этом необходимо отметить, что даже в условиях отсутствия жёстких финансовых ограничений объём прямых мер поддержки промышленной деятельности не позволял реализовывать задачи масштабной модернизации обрабатывающих производств исключительно за счёт бюджетных средств. Например, в 2015 г. на инструменты непосредственной поддержки промышленной деятельности было направлено чуть более 80 млрд рублей (в том числе 19 млрд рублей через Фонд развития промышленности). При этом общий объём инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств в 2015 г. превышал 2 трлн рублей. Эти цифры дают достаточно ясное представление о том, что рост эффективности производства и общая модернизация промышленного потенциала не может опираться исключительно на государственные ресурсы. Основу для расширения инвестиционного потенциала должны составить средства бизнеса и, разумеется, расширение объёмов рыночного заёмного финансирования.

В связи с этим возникает вопрос о том, какова же роль государства в реализации политики развития промышленного потенциала России. Для этого прежде всего следует определиться с тем, какая роль может отводиться обрабатывающей промышленности в структуре долгосрочной стратегии развития российской экономики.

Важнейшей задачей государственной экономической политики ближайших лет является рост общего благосостояния страны за счёт повышения темпов и качества экономического роста. Большинство экспертов сходятся во мнении, что эта задача может решаться при сохранении российской экономикой в течение длительного периода времени (10–15 лет) темпов роста, превышающих среднемировое увеличение ВВП (3,0–3,5% в год). С учётом имеющихся финансовых, демографических, производственных и технологических ограничений это достаточно смелая задача.

Главный вызов ближайшего десятилетия состоит в том, что российская экономика не имеет возможности опираться на устойчивый рост доходов от внешнеэкономической деятельности как в результате снижения темпов добычи и производства первичных ресурсов, так и в результате снижения темпов роста внешнего спроса на подобную продукцию. Это означает, что требуется сформировать новые потоки доходов, способные придать необходимый динамизм российской экономике не только в ближайшие годы, но и в долгосрочной перспективе.

В сложившихся таким образом макроэкономических условиях требования к вкладу обрабатывающей промышленности в экономическую динамику естественным образом возрастают по целому ряду причин.

1. В условиях санкционного давления и неблагоприятной сырьевой конъюнктуры только увеличение объёмов производства в обрабатывающей промышленности может отчасти компенсировать ограничения финансового, технологического и торгового характера, с которыми столкнулась российская экономика.

2. Увеличение уровня инвестиционной активности в экономике (а это важнейший фактор выхода на устойчивые положительные темпы роста ВВП) невозможно без соответствующего отклика со стороны предложения отечественных товаров промежуточного и инвестиционного назначения.

3. Именно в обрабатывающей промышленности в результате инвестиционных вложений последних 10 лет сформировался значительный потенциал незагруженных конкурентоспособных производственных и кадровых ресурсов, которые могут быть использованы для восстановления экономической активности.

4. В результате девальвации курса рубля создались благоприятные условия, связанные с существенным ростом ценовой конкурентоспособности отечественных товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Наиболее благоприятным сценарием развития российской экономики в долгосрочной перспективе является постепенное увеличение в структуре формируемого ВВП доходов от внешнеэкономической деятельности. В связи с этим хотелось бы отметить уникальность текущей ситуации, характеризующейся возможностью использования периода перераспределения торговых потоков в связи с началом реализации политики реиндустриализации развитых стран. Изменение параметров мировой торгов-

ли, при прочих равных условиях, создаёт определённые возможности для увеличения доли России на рынках сбыта промышленной продукции.

Рост экспорта – это задача, неразрывно связанная с развитием промышленности. Однако следует отдавать себе отчёт в том, что при текущих параметрах эффективности производства российская экономика не в состоянии мгновенно произвести и реализовать на внешних рынках необходимые объёмы (а речь идёт о десятках миллиардов долларов) несырьевой продукции.

Для того чтобы обрабатывающая промышленность смогла справиться со своей функцией в рамках общей стратегии развития экономики, требуется выполнение целого ряда условий, связанных, прежде всего, с определением приоритетов развития и выстраиванием механизмов финансирования промышленной деятельности.

Кроме того, рост производства и рост доходов не тождественны между собой. Перспективное развитие промышленного потенциала страны предполагает, прежде всего, увеличение потока доходов через увеличение доли добавленной стоимости в структуре выпуска продукции. Решение этой задачи может достигаться как за счёт повышения эффективности производства, так и через удлинение производственных цепочек и уровней передела продукции. В современной российской экономике существует несколько важнейших производственных цепочек, формирующих современный технологический облик промышленности. Во-первых, это металлургический комплекс, обеспечивающий производственную деятельность от добычи руд до производства готовых металлических изделий. Во-вторых, это химический и нефтехимический комплекс, нацеленный на переработку химического и углеводородного сырья и производство широкого спектра продукции. В-третьих, это машиностроение, обеспечивающее производство высокотехнологичной продукции различного назначения.

В металлургии и химическом производстве в последние годы были введены существенные производственные мощности, позволившие устранить наиболее важные технологические разрывы, снизить зависимость от импорта и в целом повысить эффективность производства. Например, в металлургии были введены в строй производства широкого проката (Магнитогорский металлургический комбинат, Объединённая металлургическая компания), труб большого диаметра (Челябинский трубопрокатный завод, Северсталь), рельсов для высокоскоростного движения (Челябинский металлургический комбинат) и т. д. В химическом комплексе были запущены новые предприятия по глубокой переработке углеводородного сырья и производству полимеров (Тобольск-Полимер). Инвестиции в эти проекты позволили существенно снизить зависимость от импорта по ряду видов продукции, повысить устойчивость этих секторов промышленности к неблагоприятному изменению внешнеэкономической конъюнктуры. Достаточно сказать, что химическое производство продемонстрировало значительный рост как объёмов выпуска, так и финансовых показателей даже в условиях общего спада экономики в 2015 г.

В машиностроении ситуация пока не настолько благоприятна. Следует констатировать утрату или значительное снижение компетенций при производстве ряда видов продукции. Наиболее существенным технологическим разрывом является невысокое качество комплектующих и компо-

нентов для производства серийной гражданской техники. В результате большинство конечных производителей вынуждены прибегать к избыточному использованию импортных комплектующих (см. табл. 2), что размывает добавленную стоимость отечественных производителей, увеличивает риски, связанные с колебанием валютных курсов.

Таблица 2

Доля импорта в видимом потреблении отдельных видов обрабатывающих производств, % к итоговой стоимости продукции

	2015
Продукция обрабатывающих производств	25,0
Текстиль и изделия текстильные	62,4
Кожа и изделия из кожи	75,9
Древесина и изделия из дерева и пробки (кроме мебели), изделия из соломки и материалов для плетения	13,1
Целлюлоза, бумага и изделия из бумаги; носители информации записанные; услуги полиграфические	20,9
Вещества химические, продукты химические и волокна химические	52,7
Изделия резиновые и пластмассовые	33,4
Продукты минеральные неметаллические прочие	11,8
Металлы и изделия металлические готовые	17,4
Машины и оборудование, не включённые в другие группировки	54,0
Электрическое и оптическое оборудование	56,2
Транспортные средства и оборудование	30,7

Источник: Росстат, ФТС.

Возможность комплектования продукции за счёт импорта является преимуществом современной открытой экономики, которым, безусловно, необходимо пользоваться. В то же время определение наиболее важных направлений снижения зависимости от импортных комплектующих и реализация соответствующих программ импортозамещения должны стать одним из важных элементов перспективной промышленной политики. Необходимым условием модернизации промышленности является встраивание механизмов эффективного взаимодействия производства и сектора прикладных и фундаментальных исследований. Фактически речь идёт о том, что на базе текущих производственных мощностей, особенно в машиностроении, невозможно обеспечить выпуск приемлемого объёма экспортоориентированной продукции. Следовательно, уже сейчас нужно задумываться о формировании новых производств, возможно, целых секторов промышленности, развитие которых потребует как интенсивного использования результатов исследований и разработок (как внутренних, так и, возможно, импортных), так и концентрации значительных финансовых ресурсов для их создания.

Если рассмотреть роль российского машиностроения в формировании динамики обрабатывающих производств (рис. 2), то можно отметить,

Рис. 2. Декомпозиция динамики обрабатывающих производств по важнейшим секторам, 2006–2015 гг., в п. п.

что, несмотря на вложения государства в модернизацию оборонных производств и частных инвесторов в развитие производств, ориентированных на потребительский спрос (автомобилестроение, бытовая техника), вклад этого сектора в динамику производства остаётся достаточно ограниченным. В то же время в силу возможностей роста номенклатуры и качества выпускаемой продукции, а также при условии снижения зависимости от импорта промежуточной продукции этот сектор обладает наиболее существенными возможностями роста в средне- и долгосрочной перспективе.

С точки зрения параметров спроса на производимую продукцию, машиностроительные производства обладают значительным нереализованным потенциалом на внутреннем рынке. Это означает, что в перспективе ближайших 5–10 лет внутренний рынок может обеспечить наращивание объёмов производства и постепенное увеличение качества производимой продукции в гражданском сегменте машиностроения. С учётом ограничений в производстве сырьевых товаров развитие машиностроительных производств должно происходить опережающими темпами. Например, простейшие расчёты показывают, что для обеспечения приемлемых параметров экономического роста (3,0–3,5% в год) доля машиностроительных производств в структуре производства к 2025 г. должна вырасти до 7–10%, то есть более чем в 2 раза. Таким образом, в ближайшие 10 лет рост производства машиностроительной продукции должен расти средними темпами в 10% и более. В противном случае со стороны промышленности возникнут вполне очевидные трудности с достижением требуемых темпов экономического роста.

В контексте долгосрочной стратегии развития экономики *импортзамещение* является не целью, а средством, позволяющим увеличить промышленный потенциал и качество роста. Снижение доли импорта на внутреннем рынке является одним из естественных способов повышения темпов экономического роста и качества жизни населения. Прежде всего потому, что рост отечественного производства позволит сформировать в экономике необходимый поток дополнительных доходов. Например, замещение 50% импорта оборудования в течение ближайших 10 лет позволило бы дополнительно ускорить в этот период ежегодные темпы роста ВВП примерно на 0,8 п. п.

Эффективность вложений в импортозамещение будет определяться конкурентоспособностью выпускаемой продукции. Сейчас на рынке достаточно благоприятная ситуация, связанная со значительным увеличением ценовой конкурентоспособности отечественных товаров. Но такая ситуация не может существовать всегда. Рано или поздно российская экономика войдёт в цикл укрепления курса рубля и тогда конкуренция на внутреннем рынке будет усиливаться. Если качество продукции импортозамещающих производств будет недостаточно высоким, то возникнут риски не только недостаточной загрузки таких предприятий, но и потери дефицитных инвестиционных ресурсов, привлечённых для реализации импортозамещающих проектов. Соответственно, при импортозамещении целесообразно ориентироваться не только на внутренний рынок, но и на экспортный спрос, пытаясь развивать производства с уровнем конкурентоспособности, отвечающим мировым стандартам. При этом следует избегать втягивания в гонку неэффективного импортозамещения, которую могут пытаться навязывать наши геополитические конкуренты.

Важнейшей характеристикой, отражающей конкурентоспособность отечественной промышленности, является изменение эффективности производства. Здесь существует три ключевых аспекта: снижение затрат, повышение качества выпускаемой продукции и увеличение производительности труда.

Рост качества выпускаемой продукции и снижение затрат неразрывно связаны с инвестициями в основной капитал. Нарастание объёма инвестиций в развитие и модернизацию промышленных производств – ключевая задача ближайших лет. Здесь важнейшую роль будет играть создание у бизнеса положительной мотивации для вложения средств в обрабатывающие производства высокого уровня эффективности, ориентированные в перспективе на расширение экспорта.

Инвестиции могут увеличиваться только по мере роста определённости в отношении перспектив развития экономики. Кроме того, на стадии восстановления инвестиционной активности возрастает значимость инструментов финансирования инвестиционных проектов. С учётом всех ограничений, сложившихся на финансовых рынках, эти инструменты должны сочетать как рыночные принципы, так и элементы государственной поддержки, позволяя учитывать особенности различных производств. По-видимому, должны быть отработаны механизмы рыночной и нерыночной селекции инвестиционных проектов с учётом их значимости не только для отдельного сектора экономики, но и для решения задач всей промышленной политики. Реализация таких проектов может носить и демонстративный характер с последующим тиражированием успешных практик. При этом задачей государства является определение приоритетов промышленной деятельности, формирование у бизнеса ориентиров развития.

В условиях высоких ставок по кредитам и колебаний курса рубля рассчитывать на то, что рыночное банковское кредитование способно в краткосрочной перспективе обеспечить промышленность необходимым объёмом ресурсов для финансирования оборотного капитала и инвестиций не приходится. В российской экономике сложилась уникальная ситуация, при которой профицит общей финансовой ликвидности соче-

тается с дефицитом кредитных ресурсов. Соответственно, для запуска инвестиционной активности в промышленности существует необходимость расширения альтернативных механизмов финансирования производственной и инвестиционной деятельности. Среди таких механизмов можно отметить уже упоминавшийся Фонд развития промышленности, инструменты поддержки малого и среднего бизнеса, проектное финансирование, перераспределение и увеличение ресурсов, направляемых в рамках государственных программ. Значительный потенциал имеют механизмы, связанные с формированием рынка корпоративных облигаций.

Что касается роста производительности труда, то в обрабатывающей промышленности (особенно в машиностроении) трудно рассчитывать на значимый рост эффективности использования труда без сопутствующего увеличения заработной платы, особенно с учётом имеющихся разрывов с секторами-лидерами. В свою очередь рост оплаты труда и повышение квалификации работников в промышленности становится возможным при синхронном росте серийности производства, качественных характеристик продукции и её стоимости. Постепенное устранение ценовых дисбалансов в стоимости сырья, промежуточной продукции и готовых изделий должно стать одним из результатов использования инструментов антимонопольной политики, налоговой политики, регулирования уровня тарифов на услуги инфраструктурных монополий.

Расширение экспортного потенциала обрабатывающей промышленности потребует существенной модернизации институтов поддержки внешнеэкономической деятельности. Увеличение доли российской продукции на мировых рынках в условиях замедления темпов роста мировой торговли будет происходить в условиях противодействия со стороны транснациональных корпораций и государственного протекционизма крупнейших стран. Противостоять этому воздействию можно только с использованием аналогичных по своему масштабу действий. По-видимому, увеличение несырьевого экспорта потребует постепенного формирования крупных экспортоориентированных компаний, ориентированных на конкуренцию на глобальных рынках и обладающих соответствующим производственным, финансовым и кадровым потенциалом. Одновременно с этим могут быть задействованы механизмы, поддерживающие экспортную деятельность средних и малых компаний.

В целом основные факторы, которые будут оказывать влияние на формирование промышленной политики в средне- и долгосрочной перспективе, могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) промышленная политика, ориентированная на долгосрочные цели развития экономики, является неотъемлемым элементом стратегии развития большинства крупнейших экономик мира. В последние годы её роль повышается, в том числе на фоне изменения пропорций в мировой торговле;
- 2) постепенное разворачивание механизмов реиндустриализации в развитых странах и смена направлений торговых потоков создаёт для России «окно возможностей» для постепенного увеличения доли в мировой торговле;
- 3) в долгосрочной перспективе обрабатывающая промышленность должна быть ориентирована на последовательное увеличение российского

экспорта несырьевой продукции. Роль обрабатывающей промышленности в формировании экономической динамики при этом будет повышаться;

4) в среднесрочной перспективе обрабатывающие производства могут опираться на потенциал внутреннего спроса, увеличивая эффективность производства и модернизируя производственные мощности;

5) важнейшей задачей развития обрабатывающих производств должно стать устранение технологических разрывов и сокращение доли неэффективного импорта при производстве готовой продукции;

6) развитие гражданских машиностроительных производств является необходимым условием достижения экономикой приемлемой макроэкономической динамики в средне- и долгосрочной перспективе. Темпы роста производства в машиностроительных видах деятельности в ближайшие 5–10 лет должны достигать 10% в год;

7) реализация промышленного потенциала российской экономики предполагает модернизацию институтов взаимодействия научной сферы и производства, развития инжиниринговой деятельности;

8) задача наращивания инвестиционной активности в промышленности требует расширения механизмов и инструментов финансирования и селекции инвестиционных проектов.

Список литературы

1. *Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 349 с.

2. *Бодрунов С. Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 9–23.

3. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.

4. *Мантуров Д. В.* В ответ на санкции: импортозамещение, стимулирование экспорта и регулирование импорта / Д. В. Мантуров // Международная экономика. – 2014. – № 12. – С. 18–19.

5. *Никитин Г. С.* Ключевые инструменты новой промышленной политики Российской Федерации / Г. С. Никитин // Эффективное антикризисное управление. – 2016. – № 1. – С. 74–79.

6. *Сальников В. А.* Динамика конкурентных позиций России на внешних рынках / А. А. Гнидченко, В. А. Сальников // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 6. – С. 81–101.

7. *Цаголов Г. Н.* Модель для России / Г. Н. Цаголов. – М.: Международные отношения, 2010. – 160 с.

8. *Широв А. А.* Логика перехода к новой модели экономического роста / М. С. Гусев, А. А. Широв, // Экономист. – 2015. – № 9. – С. 3–12.

9. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

10. *Galbraith, John Kenneth.* The New Industrial Society / J. K. Galbraith. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. – 427 p.

К ПРОЕКТУ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ¹

Полтерович В. М., заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, академик РАН

Введение

В последние 70 лет лишь небольшой группе стран удалось совершить «экономическое чудо»: добиться быстрого экономического роста – более 7% годовых на протяжении 15–30 лет. Среди них пять «восточноазиатских тигров» и Малайзия, отстававшие страны Западной Европы (Испания, Греция, Ирландия) и разрушенные войной европейские экономики (Франция, Германия). Несмотря на радикальные различия почти все эти страны, стремясь постепенно построить современные рыночные механизмы, проводили институциональные реформы по единым принципам. Более точно, они формировали институциональные траектории, содержащие ряд аналогичных промежуточных институтов². Важнейшими из них являются индикативное планирование и генеральное (федеральное) агентство развития (ФАР), национальная инновационная система, нацеленная не столько на создание инноваций, сколько на заимствование более передовых технологий и методов хозяйствования, а также система финансирования широкомасштабных проектов. Финансовые системы успешных догоняющих стран характеризовались существенными общими чертами. В частности, они опирались преимущественно на банковскую систему, а не на финансовые рынки, банки имели более тесные связи с кредитуемыми фирмами, нежели это принято в развитых странах, политика центральных банков синхронизировалась с макроэкономической и промышленной политикой правительств и, как правило, была направлена на поддержание заниженного курса отечественной валюты.

Настоящая работа опирается на гипотезу о том, что отмеченное совпадение институциональной структуры объясняется особенностями целей, а также технологических, институциональных и культурных ограничений в странах догоняющего развития. Для передовых стран улучшение качества жизни – сложная многокритериальная задача, решение которой требует затратного поиска инноваций; возможности планирования здесь весьма ограничены. Для сильно отстающей экономики качество жизни тесно связано с ВВП на душу населения, а основной путь его повышения, как показал ещё А. Гершенкрон, – заимствование технологий и методов хозяйствования. Относительная простота формулировки цели и наличие

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (**проект № 14-02-00234а**). Полный вариант статьи будет опубликован в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

² О понятии промежуточного института см.: Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.

информации об основных путях её достижения обуславливают принципиальную возможность эффективного планирования и определяют другие указанные выше институциональные особенности стран экономического чуда. Ниже рассмотрен их опыт в свете сформулированной гипотезы и на его основе намечены принципы проведения институциональной реформы в России с учётом специфики российской экономики, нынешнего состояния российских институтов и гражданской культуры.

Две концепции догоняющего развития

Для понимания дебатов о путях реформирования российской экономики, длящихся уже четверть века, целесообразно различать два типа институтов – институты конкурентного рынка (ИКР) и институты догоняющего развития (ИДР). К первому типу я отношу институты, обеспечивающие высокое качество конкурентной среды – защиту прав собственности, антимонопольное регулирование, низкие барьеры входа на рынок, низкий уровень коррупции и т. п. Для их эффективного функционирования необходим высокий уровень гражданской культуры. Институты второго типа являются промежуточными. Их назначение – обеспечивать быстрый экономический рост в условиях культурных, институциональных и технологических ограничений, характерных для развивающихся стран. Одновременно они смягчают эти ограничения, создавая условия для собственной модификации, приспособленной к новым условиям. Таким образом, ИДР используются как кирпичики для построения институциональной траектории, обеспечивающей переход к развитой экономике с высококачественными институтами первого типа.

Среди ограничений, которые приходится учитывать и преодолевать в этом процессе, наиболее инерционными являются характеристики гражданской культуры. Патернализм, пассивность, неуважение к закону, низкий уровень обобщённого доверия, короткий горизонт принятия решений, боязнь риска и неопределённости, неумение сотрудничать – эти черты несовместимы с институтами конкурентного рынка, обеспечивающими эффективность современных передовых систем. Как показывает опыт, попытки радикально улучшить ИКР при указанных ограничениях оказываются малоэффективными. Тем не менее, эта точка зрения всё ещё находит влиятельных сторонников в России [см., в частности: Акиндинова и др., 2016]¹. Их рецепты сводятся к приватизации государственной собственности и снижению «нагрузки на бизнес» за счёт сокращения социальных расходов. Особые надежды авторы возлагают на внедрение накопительной пенсионной системы и увеличение пенсионного возраста, рассматривая эти механизмы как «институты длинных денег» [там же, с. 24]. При этом игнорируется опыт десятков стран, проводивших подобные реформы и не добившихся успеха. В частности, в результате введения накопительной системы в латиноамериканских странах значительная часть работников перешла в теневой сектор [см. обсуждение и ссылки: Полтерович. Проблема формирования..., 2012].

¹ Аналогичной концепции придерживается А. А. Кудрин [Кудрин, 2016]. Далее мы вернёмся к обсуждению его программы.

Концепция шокового улучшения институтов рынка не учитывает также, что в развивающихся экономиках некоторые виды провалов рынка играют особенно важную роль. В результате низкого уровня обобщённого доверия, короткого горизонта принятия решений и боязни риска фирмы неохотно идут на долгосрочные вложения. Короткий горизонт приводит к серьёзным ошибкам. Так, неудача диверсификации российской экономики в 2000-х гг. во многом вызвана тем, что рыночные сигналы направляли инвестиции преимущественно в добывающий сектор.

При принятии решений наряду с «временным горизонтом» большое значение имеет «технологический горизонт». Устойчивое догоняющее развитие базируется на совершенствовании технологий. В простейших случаях освоение новой технологии в одной из вершин производственного графика не предполагает изменения технологий в смежных вершинах. Однако такие варианты редко приводят к быстрому росту производительности. «Прорывные» проекты обычно требуют одновременного технологического совершенствования цепочки смежных производств. Чтобы обойти эту трудность, при формировании новых или существенно обновлённых отраслей чаще всего опираются на импортные материалы и оборудование, а также на внешний спрос; замещение импорта и переключение на внутренние поставки продукции происходят постепенно, со значительным лагом. Ускорение этого процесса, равно как и преодоление возможных трудностей, связанных с импортными закупками и ограниченностью внешнего спроса, возможно лишь на основе широкомасштабных проектов, которые редко возникают даже в развитой рыночной среде. Такие проекты требуют координации многих игроков, предполагающей высокий уровень взаимного доверия, достаточно длинный горизонт принятия решений, надёжную систему кредитования. Для реализации подобных проектов в развивающейся экономике, где указанные предпосылки отсутствуют, необходимы специальные промежуточные институты, обеспечивающие координацию под эгидой государства, и прежде всего – индикативное планирование.

Система национального планирования и Федеральное агентство развития

Практически все страны «экономического чуда» в той или иной форме использовали индикативное планирование. Оно не только способствовало преодолению упоминавшихся выше провалов рынка, но и существенно влияло на массовую культуру. Вот что писал об индикативном планировании его создатель француз Пьер Массе: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создаёт ощущение единства, способствующее выполнению плана» [Masse, 1965].

В настоящее время в ряде успешных экономик существуют системы индикативного планирования – в Ирландии, Китае, Индии, Малайзии, в Саудовской Аравии. Ведомства, ответственные за этот процесс, обычно стремятся вовлечь в него бизнес – ассоциации, представителей гражданского общества, инициируют публичные обсуждения с тем, чтобы поднять уровень доверия

к намечаемым преобразованиям, а значит, и к соответствующим институтам власти. Как показано, например, в докладе «Does Trust Promote Growth?» [Horváth, 2012], укрепление доверия ускоряет экономический рост.

Каждая из существующих ныне в разных странах систем национального планирования представляет собой тот или иной вариант синтеза двух базовых механизмов: универсального и программного планирования [Полтерович, 2015]. Первое, реализуемое обычно в форме индикативного планирования, нацелено на ускоренное сбалансированное развитие отраслей и регионов за счёт широкомасштабных инвестиционных проектов; оно требует формирования иерархии специализированных институтов планирования. Второе, распространённое в виде программного бюджетирования, использует для стимулирования развития относительно небольшое число программ, направленных на решение ключевых народнохозяйственных проблем; программы разрабатываются и реализуются министерствами и ведомствами, осуществляющими также и текущее управление. Национальное планирование в развивающихся странах тяготеет к первому типу, а в развитых – ко второму.

В России одновременно формируются системы обоих типов, причём два этих процесса не связаны друг с другом. Элементы индикативного планирования фактически содержатся в целом ряде законодательных актов, важнейшими из которых являются Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» и Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон вводит элементы скользящего планирования, указывает на необходимость согласования планов и прогнозов на федеральном и региональном уровнях. Он предусматривает также вовлечение в процесс стратегического планирования граждан и хозяйствующих субъектов, объединений профсоюзов и работодателей, общественных и научных организаций. В июле 2016 г. в закон внесено важное дополнение (статья 18.1.) о формировании стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Одновременно с формированием системы планирования универсального типа в России создаётся система программного бюджетирования. В 2007 г. горизонт бюджетирования увеличился с одного до трёх лет. Принят ряд документов, регламентирующих составление и оценку государственных программ [Хрусталёв и др., 2013, с. 49–78].

Основная задача национального планирования – инициация и отбор широкомасштабных проектов модернизации производства с последующим контролем их реализации. Для её решения требуется согласованная работа многих министерств и ведомств. Поэтому практически во всех успешных догоняющих экономиках эту работу возглавляла структура, подчинявшаяся непосредственно главе правительства: Генеральный комиссариат по планированию при Правительстве Франции, MITI в Японии, Совет по планированию в Ирландии и т. п. Интересы министерств не совпадают, и в условиях жёсткой административной конкуренции без такого органа трудно добиться концентрации усилий, необходимых для обеспечения быстрого роста.

России необходимо завершить формирование смешанной системы национального планирования (СНП), интегрирующей планирование и бюджетирование и включающей итеративное формирование кратко-, средне- и долгосрочных планов на региональном и федеральном уровнях. Нужно упразднить избыточные документы, разработать единую методологию составления стратегий и прогнозов и распределения средств между статьями бюджета. Необходимо создать специальное агентство, подчинённое непосредственно Председателю Правительства Российской Федерации. Назовём его Федеральным агентством развития (ФАР)¹. В качестве региональных отделений ФАР можно использовать уже существующие в большинстве регионов агентства развития (РАР), реорганизовав их подходящим образом. РАР, таким образом, окажутся одновременно подчинёнными и ФАР, и региональным администрациям. Необходимо использовать модельный аппарат формирования прогнозов и оценки планов, опирающийся на современные методы представления данных и проведения расчётов (матрицы социальных счётов, вычислимые модели общего равновесия, эконометрические модели).

Ещё раз подчеркнём, что в основе нашего подхода лежит нестандартное понимание «единицы планирования», в качестве которой рассматривается не фирма, а крупный проект. Это позволит преодолеть «проклятие размерности»: в условиях рыночной экономики представляется маловойрооятной возможность наладить эффективное взаимодействие со всеми даже относительно крупными фирмами. Задача планирования понимается нами как составление рационального динамического портфеля проектов, согласованного с финансовыми ограничениями и влияющего на параметры производственной системы.

Должны быть предусмотрены различные формы государственной поддержки запланированных проектов (см. ниже), однако, как правило, участие государства не должно быть доминирующим. Доля бюджетных средств, расходуемых на поддержку планов и состав планируемых показателей, также как и функции ФАР должны сокращаться по мере сближения России с передовыми странами по уровню технологий.

Необходимость государственного органа, занимающегося отбором проектов и независимого от министерств, видимо, осознана в российских правительственных структурах. Об этом свидетельствует создание 30 июня 2016 г. Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, «образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных со стратегическим развитием Российской Федерации и реализацией приоритетных проектов» [Указ Президента..., 2016]. Однако, пока что Совет можно в лучшем случае рассматривать как первый шаг к созданию ФАР. Совет

¹ Стоит отметить, что в обсуждавшемся выше законе 2014 г. упоминается «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития».

не располагает самостоятельной структурой, которая занималась бы систематической работой по инициации, формированию и отбору широко-масштабных проектов и разработкой планов на их основе. Большая часть задач, которые должна решать такая структура, даже не поставлена. Задачи согласования вынесены на уровень вице-премьеров и ведущих министров, имеются серьёзные сомнения в возможности эффективного решения спорных вопросов. Первый «пакет» проектов предлагается посвятить здравоохранению, образованию, жилищному строительству и вопросам жилищно-коммунального хозяйства. А задачи модернизации промышленности упоминаются лишь мельком.

Управление государственной собственностью

Один из наиболее популярных аргументов в пользу приватизации – коррумпированность госчиновников. Этот аргумент, однако, несостоятелен по нескольким причинам. Во-первых, чиновники являются представителями той самой культуры, которая доминирует в обществе и к которой принадлежат и предприниматели, и менеджеры. Коль скоро и для них характерны неуважение к закону и склонность к присвоению ренты, не ясно, почему это не должно сказываться после приватизации. Во-вторых, коррумпированность и неэффективность правительства неизбежно влияют на процесс приватизации, который предоставляет особые возможности для присвоения ренты. В-третьих, государственные предприятия могут служить важным инструментом промышленной политики, обеспечивая формирование новых отраслей, освоение новых технологий и методов хозяйствования. Опыт быстро развивавшихся стран подтверждает эти соображения. Так, в Корее в период быстрого роста наблюдалась высокая коррупция. При этом государственные инвестиции, включая бюджет, в госпредприятия и предприятия, контролируемые государством, составляли в 1963–1979 гг. в среднем чуть меньше 38% всех инвестиций [Kim, 1991, Table 3-1]. Более того, государство существенно ограничивало область принятия решений частных предприятий. Например, в той же Корее в 1966 г. около 40% всех трансакций подвергались государственному ценовому контролю в той или иной форме [Kim, 1991, section 3B]. Опыт показывает, что снижение роли государства в экономике следует осуществлять постепенно по мере накопления рыночных компетенций и совершенствования массовой культуры. При этом каждый акт приватизации или национализации должен сопровождаться детальным обоснованием [Полтерович, 2013].

Национальная инновационная система: эффективное заимствование

Согласно А. Гершенкуну, развивающиеся страны имеют шанс догнать развитые благодаря «преимуществу отсталости» – возможности заимствовать технологии и методы хозяйствования, изобретённые и доказавшие свою эффективность в более передовых странах. Однако эта возможность не реализуется автоматически, для её осуществления необходимы система соответствующих институтов и продуманная экономическая политика [World Bank, 2008].

Говоря о политике заимствования, следует иметь в виду следующие процессы и инструменты, позволяющие влиять на абсорбционную способность страны (Полтерович. Проблема формирования..., 2009):

- Регулирование импорта нового оборудования и технологий, покупка лицензий и тарифная политика.
- Регулирование прямых иностранных инвестиций в отечественную экономику и за рубежом, а также правила формирования совместных предприятий.
- Стимулирование аутсорсинга.
- Освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке.
- Взаимодействие с зарубежными специалистами: обучение и стажировки за рубежом, приглашение зарубежных преподавателей, совместные исследования.
- Предотвращение утечки мозгов, стимулирование возвращения соотечественников, получивших образование или опыт работы на Западе.
- Участие государства в приобретении патентов.
- Поощрение научных исследований, посвящённых выявлению наиболее эффективных направлений заимствования (см. раздел 7).
- Стимулирование диффузии технологий – передачи технологий российскими фирмами друг другу.

Опыт стран экономического чуда подтверждает решающую роль заимствований [см., например: Odagiri, Gotō, 1996]. В этой связи пристального внимания заслуживает вопрос о прямых иностранных инвестициях. Как показывают многочисленные исследования, их влияние на рост экономики страны-реципиента неоднозначно. Этим можно объяснить политику Японии, которая, начав экономический спурт в середине 1950-х, осуществляла жёсткий государственный контроль прямых иностранных инвестиций вплоть до конца 1960-х гг. При этом в 1956–1963 гг. иностранные инвесторы обязывались вкладывать в японскую экономику полученную прибыль и выручку от продажи собственности на территории Японии [Odagiri, Gotō, 1996, p. 40].

Для того чтобы интенсифицировать процесс технологического обновления, японское правительство поддерживало создание временных исследовательских ассоциаций фирм из какой-либо одной или смежных отраслей; фирмы объединялись, чтобы осваивать новые технологии, создавая общие лаборатории или выполняя разные подтемы совместного проекта. Значительная часть правительственных грантов и субсидий направлялась на поддержку исследовательских ассоциаций [Odagiri, Gotō, 1996, pp. 52–56]. Благодаря такому механизму диффузия заимствованных или вновь созданных технологий осуществлялась без дополнительных издержек.

Разумеется, по мере приближения к передовой технологической границе все успешные страны постепенно переходили на инновационный путь развития, который, впрочем, не исключает заимствования [см. ссылки: Полтерович, 2009; современный обзор литературы: Benhabib, Perla, Tonetti, 2014].

В странах экономического чуда стратегия заимствований на определённом этапе сопрягалась с политикой стимулирования экспорта. Это позволяло экспортёрам осваивать новые технологии, не дожидаясь появления внутреннего спроса на соответствующую продукцию, и лишь постепенно

расширять внутренние продажи. К сожалению, сегодня вследствие политических ограничений этот подход не может быть использован в полной мере. Поэтому особое значение приобретают комплексные проекты, предусматривающие развитие внутреннего спроса на новую продукцию и распространение опыта, приобретённого той или иной фирмой, на всю страну. Институты развития должны быть ориентированы на решение этой задачи. Высокая дифференциация российских фирм по уровню технологий [Кузнецов, 2014] создаёт возможность реализации этой политики. Без комплексных проектов и активной диффузии успешное импортозамещение вряд ли возможно.

Основой такой системы на региональном уровне могло бы стать налаженное взаимодействие в цепочке: **региональные администрации – региональные агентства развития – ассоциации бизнеса – фирмы**¹.

Региональные агентства развития распространены по всему миру. Сейчас в России их более 60, они присутствуют в подавляющем большинстве регионов. Около 40% всех промышленных предприятий входят хотя бы в одну ассоциацию [Кузнецов, 2014, с. 77]. Таким образом, есть основания рассчитывать на успешную реализацию этой идеи.

Формирование современного сектора науки и совершенствование человеческого капитала

Развитие НИС и системы планирования требует формирования современного сектора науки, содержащего все необходимые промежуточные звенья между фундаментальными и прикладными исследованиями: академические институты, университетские исследовательские центры, отраслевые НИИ, исследовательские отделы крупных фирм. Наряду с НИС и системой планирования необходима масштабная программа совершенствования человеческого капитала. Россия, как и многие развивающиеся страны, испытывает острый дефицит высококвалифицированных кадров, усугубляемый утечкой мозгов. Между тем проводимые в настоящее время реформы образования и науки не только не способствуют решению проблемы, но усугубляют положение. В нынешнем виде – это ещё одна попытка наивной трансплантации американских институтов, заведомо обречённая на провал. В наших условиях нет оснований рассчитывать на то, что университеты станут эффективными центрами фундаментальных исследований, заменив РАН, и одновременно главными проводниками их результатов в производство (одна из причин – высокая преподавательская нагрузка). Продолжение этой политики обрекает на неудачу любую долгосрочную модернизационную программу.

Задача университетов – обеспечить экономику кадрами высокой квалификации. Для разработки проектов модернизации необходима сеть отраслевых исследовательских и проектно-конструкторских институтов. Такие сети существуют в Швеции, Дании, Финляндии, Германии, где «компании обычно кооперируются с институтами, когда нуждаются в непосредственно применимых знаниях, и с университетами, чтобы получать человеческие ресурсы» [Arnold et al., 2007].

¹ См.: Полтерович В. М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 4(55). С. 17–29.

Реформа академической науки зашла в тупик. Вместо обещанного освобождения от хозяйственных забот и бюрократической работы, академические институты тонут в потоках отчётности. К тому же политика «двух ключей» оказалась нереализуемой из-за стремления чиновников управлять наукой и пассивности президиума РАН. Необходима новая реформа Академии, нацеленная на привлечение молодых кадров, и переподчинение ФАНО обновлённому президиуму.

Неэффективной и очень затратной оказалась реформа образования, проводимая вот уже более пятнадцати лет. Одна из важнейших причин неудачи – наивные представления о возможностях «свободного рынка». Реформаторы полагали, что введение платности образования должно улучшить его качество благодаря конкуренции между вузами и более тщательному выбору образовательных учреждений абитуриентами. Обнаружилось, однако, что важную роль на рынке образовательных услуг играет «престижное потребление»: значительная часть выпускников школ стремятся к получению не качественного высшего образования, а лишь документа о нём. В 1990-х рынок ответил на такой спрос массовым возникновением образовательных учреждений, фактически торгующих дипломами. Простота их получения привлекла на этот рынок новых потребителей¹. Возникшее неэффективное равновесие – институциональная ловушка – поддерживается ещё и принципом «деньги следуют за студентом», благодаря которому многие вузы готовы снижать требования, принимая слабых абитуриентов и не исключая явно неуспевающих студентов. Дополнительным фактором «плохого равновесия» явилась крайне низкая зарплата преподавателей, обусловившая старение преподавательского корпуса и медленное обновление программ обучения.

Описанные процессы сопровождалась и поддерживались снижением качества школьного образования, также обусловленным низкими зарплатами преподавателей и ошибочными реформами, прежде всего, неумелым внедрением ЕГЭ. Реформаторы проигнорировали обширный опыт других стран [см. анализ и ссылки: Полтерович. Проектирование реформ..., 2012] и вынуждены в течение многих лет бороться с «неожиданными» негативными эффектами. Падение качества школьного образования убедительно демонстрируют следующие данные [Клячко, 2013, с. 25]. Доли школьников, получивших при сдаче ЕГЭ двойки по русскому языку и математике, выросли, соответственно, с 7,9% и 20% в 2006 г. до 11,2% и 23,5% в 2008 г. В 2009 г. власти были вынуждены резко снизить требования по обоим экзаменам.

Система образования в России нуждается в реформировании. Разумеется, надо продолжить повышение зарплаты преподавателей и расширять возможности получения дошкольного и школьного образования. Кроме того, в повестку дня целесообразно включить следующие предложения:

а) предоставление права всем вузам определять проходной балл как взвешенную сумму собственных экзаменов и ЕГЭ. При этом взвешивающие коэффициенты должны выбираться самостоятельно в рамках установленных для каждого вуза ограничений;

б) модернизация программ обучения;

¹ В 1992 г. в России было 2,7 млн студентов вузов, а в 2008 г. уже 7,5 млн. [Клячко, 2013, с. 34].

в) расширение возможностей повышения квалификации преподавателей (курсы повышения квалификации, командировки в лучшие российские и зарубежные образовательные учреждения);

г) закрытие образовательных учреждений крайне низкого качества на основе анонимной экспертизы их программ и классных занятий.

Важный аспект проблемы совершенствования человеческого капитала – адекватная реакция системы образования на изменение структуры потребностей. В связи с этим необходимы система непрерывного образования и постоянный мониторинг рынка труда [Денисова, 2010].

Валютный курс как инструмент промышленной политики и проблема инфляции

Политика поддержания низкого реального валютного курса, стимулирующая экспорт и импортозамещение, была обычной практикой для успешных восточноазиатских экономик в 1960–1990 гг. [Page, 1994, р. 239]. Стараются придерживаться её и современный Китай. Несмотря на связанные с ней издержки, при высоких уровнях коррупции и лоббирования, не регулируемого на законодательном уровне, она оказывается эффективнее селективных методов промышленной политики, таких как тарифное регулирование. В статье «Валютный курс, инфляция и промышленная политика» [Полтерович, Попов, 2016] приведены аргументы в пользу проведения этой политики в современной России. Эта политика, вообще говоря, противоречит установке на таргетирование инфляции, провозглашаемой Банком России. В качестве цели и Банк России, и А. А. Кудрин называют рост цен не более 4% в год. Однако эта цель никак не обоснована и на самом деле не имеет под собой достаточных оснований.

Хорошо известно, что слишком низкая инфляция, как и очень высокая, неблагоприятна для роста. Значит, связь между инфляцией и ростом носит пороговый характер. Многочисленные исследования [см. ссылки: Полтерович, 2006; Полтерович, Попов, 2016] показали, что для развивающихся стран порог выше, чем для развитых. Численные оценки разнятся, но большинство авторов получают величину около 10% годовых или выше. Большая часть успешных экономик начинала быстрый рост при двузначной инфляции; её последующее снижение было результатом экономического роста.

Если не ставить задачу постоянного снижения однозначной инфляции, то теряет смысл и вторая задача, провозглашаемая А. А. Кудриным как центральная – снижение дефицита госбюджета до 1%. Нет никаких оснований полагать, что даже значительно больший временный дефицит несовместим с экономическим ростом. А вот сокращение расходов госбюджета, предлагаемое как основной сценарий, может надолго заблокировать экономический рост.

Сочетание частно-государственного партнёрства и проектного финансирования

Особое значение в процессе планирования имеет тщательная и всесторонняя оценка эффективности проектов. С этой целью в рамках ФАР

должна быть создана группа профессиональных консультантов и разработана единая методика оценивания, обеспечивающая сопоставимость эффектов для разнородных проектов (насколько это возможно). Должны быть введены стандарты независимой экспертизы. Только при условиях высокой эффективности целесообразно применение льготных процентных ставок при финансировании проектов. С другой стороны, ограничения на рост кредитной массы не должны быть слишком жёсткими, не следует препятствовать финансированию заведомо эффективных проектов.

Финансирование запланированных проектов может осуществляться по разным схемам, и роль государства может варьировать от 100-процентного покрытия расходов до частичных гарантий по кредитам. Одной из наиболее привлекательных схем является, на наш взгляд, модель частно-государственного партнёрства в сочетании с проектным финансированием. В последние пятнадцать лет эта модель получила распространение в западных странах, где, впрочем, она используется преимущественно для инфраструктурных проектов [Йескомб, 2015; Delmon, 2015]. Однако в принципе ничто не мешает применять её и для проектов модернизации производства. Сотрудничество государства и банка при оценке и контроле проекта может существенно снизить риски, а основной принцип – погашение кредита за счёт прибыли от проекта – позволит гибко регулировать кредитную массу в стране.

Политика низкого неравенства

Как отмечает Джон Пэйдж [Page, 1994, p. 222] быстро развивавшиеся страны Юго-восточной Азии совмещали быстрый устойчивый рост с очень низким уровнем неравенства. Низкое неравенство создаёт условия для быстрого роста в силу ряда причин. Во-первых, оно способствует социальному миру, обеспечивая при прочих равных условиях относительно низкую долю бедного населения и создавая ощущение справедливости системы, «легитимности правил и институтов». Тем самым облегчается сотрудничество государства, бизнеса и общества. Во-вторых, меньшая дифференциация доходов при прочих равных условиях ассоциирована с более низким уровнем коррупции [You, Sanjeev, 2005], что особенно важно при недостаточно развитой гражданской культуре. В-третьих, низкое неравенство способствует увеличению спроса на отечественные товары, поскольку наиболее состоятельные потребители ориентированы на импорт. Разумеется, неравенство не должно быть чрезмерно низким, чтобы не подавить стимулы к труду.

Основные направления предстоящей институциональной реформы в России

Проведённый в работе анализ приводит к гипотезе о том, что задачу догоняющего развития нельзя решить, используя лишь стандартные инструменты экономического регулирования. Необходима перестройка всей системы институтов, обеспечивающая формирование и реализацию широкомасштабных проектов модернизации. Опыт стран экономическо-

го чуда и анализ институциональных особенностей России подсказывает следующие основные направления такой перестройки¹:

- модернизация административного управления: формирование в верхнем эшелоне власти команды единомышленников (вместо структуры, основанной на принципе «сдержек и противовесов»); включение в систему управления представителей бизнеса и общества; оценка деятельности высших администраторов по их вкладу в обеспечение роста (а не по степени лояльности); региональная децентрализация;

- формирование системы национального планирования, основанной на взаимодействии государства, бизнеса и общества, для итеративной разработки и согласования целевых программ, кратко-, средне- и долгосрочных планов²;

- повышение абсорбционной способности страны и формирование НИС для заимствования технологий с постепенным переходом к инновационному развитию;

- развитие сектора науки и отладка эффективного взаимодействия в цепочке: фундаментальная наука – отраслевая наука – институты развития + исследовательские отделы крупных фирм. Университеты и система непрерывного обучения должны обеспечить эту цепочку кадрами высокой квалификации. Обновление и восстановление РАН;

- реформа системы образования: предоставление права всем вузам определять проходной балл как взвешенную сумму собственных экзаменов и ЕГЭ; модернизация программ обучения; расширение возможностей повышения квалификации преподавателей; закрытие образовательных учреждений крайне низкого качества на основе анонимной экспертизы их программ и классных занятий; развитие системы непрерывного образования и постоянный мониторинг рынка труда;

- создание системы, сочетающей механизмы бюджетного финансирования, частно-государственного партнёрства и проектного финансирования запланированных проектов. Формирование временных объединений (ассоциаций) фирм и выделение им средств на конкурсной основе для разработки модернизационных проектов;

- создание Федерального агентства развития, подчинённого непосредственно главе Правительства Российской Федерации, для управления системой национального планирования, НИС и для проведения институциональных реформ;

- модернизация управления госсобственностью: формулировка миссии для каждого госпредприятия, масштабная продажа и покупка акций только на основе соответствующих проектов-обоснований;

- изменение политики Банка России: ориентация на рост, а не на снижение однозначной инфляции. Поддержание стабильного низкого реального курса рубля за счёт накопления резервов и (или) снижения ключевой ставки;

¹ Вследствие ограниченного объёма статьи не все из этих направлений были рассмотрены выше.

² Разумеется, России не следует копировать институты стран экономического чуда. Об особенностях задачи формирования системы национального планирования в российских условиях см.: Полтерович В. М. О формировании системы национального планирования в России // ЖНЭА. 2015. № 2(26), 237–242.

- сокращение неравенства доходов за счёт прогрессивного налогообложения и акцизов на предметы роскоши;
- формирование национальных строительно-сберегательных касс, региональных и корпоративных программ помощи работникам в приобретении жилья¹;
- постепенное совершенствование институтов рынка по мере улучшения гражданской культуры и уровня благосостояния.

Разумеется, этот список не претендует на полноту. Кроме того, каждый из перечисленных разделов программы нуждается в детальной разработке с учётом нынешнего состояния российских институтов и гражданской культуры.

Важно отметить, что предлагаемый проект нигде не предусматривает шоковой терапии. В основных своих пунктах он требует завершения уже начатых преобразований, что повышает его шансы на успех.

О программах Столыпинского клуба и А. А. Кудрина

Описанная выше программа развивает проект институциональной реформы, предложенный в статьях В. М. Полтеровича [2009; 2010] и в монографии «Стратегия модернизации российской экономики» [Полтерович (отв. ред.), 2010]. В этих работах и в ряде последующих публикаций автора речь шла о формировании Системы интерактивного управления ростом (СИУР); предыдущий раздел по существу уточняет структуру и функции этой системы. Программа Столыпинского клуба «Экономика роста» [2015] содержит ряд аналогичных предложений. Однако между предлагаемым нами подходом и «Экономикой роста» имеются важные различия, которые хотелось бы подчеркнуть в надежде, что приведённые ниже комментарии будут в дальнейшем учтены разработчиками:

а) индикативное планирование отнюдь не сводится к «электронной системе», основной задачей которой является прогноз, как можно понять из текста программы. Это механизм инициации и отбора крупных проектов, а также мощный инструмент улучшения условий ведения бизнеса – укрепления доверия, снижения неопределённости, увеличения горизонта принятия решений и согласования интересов;

б) использование предлагаемого в программе показателя числа высокопроизводительных рабочих мест² в качестве основного критерия эффективности, на мой взгляд, некорректно по трём причинам. Во-первых, этот показатель не учитывает издержки на создание рабочих мест. Во-вторых, он стимулирует «дробление» наиболее эффективных рабочих мест: иметь два рабочих места выгоднее, чем одно место, производящее больший объём добавленной стоимости. В-третьих, этот критерий даёт преимущество фирмам с очень низким числом рабочих мест;

¹ См.: Корпоративные программы помощи сотрудникам в приобретении жилья: проблема выбора институциональной структуры / отв. ред.: В. М. Полтерович. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. 81 с.

² Для значительного круга предприятий этот показатель равен числу вновь созданных рабочих мест, которые обеспечивают значение добавленной стоимости на одного работника выше определённого порога.

в) нет оснований считать, что у нас в ближайшее время главными драйверами роста могут стать малые и средние предприятия. Опыт стран экономического чуда и данные опросов российских предприятий показывают, что заимствования лучше удаются крупным фирмам, а сотрудничество с ними является важным фактором стабильного развития МСБ;

г) сложилось мнение, что «Экономика роста» предлагает в качестве панацеи увеличение денежной массы. Такое понимание надо исключить. Возможно, причина не только в выступлениях некоторых членов Столыпинского клуба, но и в том, что предлагаемая схема финансирования проектов никак не связана с процессом их отбора в рамках системы планирования; ссылка на проектное финансирование в наших условиях не выглядит надёжной гарантией эффективности проектов;

д) программу необходимо дополнить разделами, посвящёнными НИС, сектору науки и образования, проблемам приватизации. В наших нынешних условиях следует особенно подчеркнуть актуальность заимствований и рассмотреть соответствующие механизмы; политика стимулирования инноваций, на которые, увы, отсутствует спрос, ведёт в никуда, порождая подтасовки и неэффективность;

е) ряд предложений программы не согласованы друг с другом. Например, справедливо отвергая снижение инфляции как генеральную цель, авторы провозглашают необходимость рыночной ставки по кредитам в 4–5%, что не имеет смысла для неприоритетных проектов при инфляции более 4%; именно такого темпа предлагает добиваться А. А. Кудрин.

Не ясно, зачем нужен предлагаемый авторами налог на кредиты в иностранной валюте: именно такие кредиты позволяют финансировать закупки зарубежного оборудования без риска инфляции.

Следует отметить, что и программа А. А. Кудрина, и программа Столыпинского клуба содержат ряд одних и тех же методологических ошибок. На одну из них указал П. А. Минакир: обе программы предусматривают достижение сбалансированности бюджета за счёт населения, что приведёт к сокращению спроса на товары и, значит, к торможению роста [Минакир, 2016]. Снижение благосостояния обычно влечёт за собой усиление социальной напряжённости, рост преступности, увеличение теневой экономики и, значит, ухудшение институционального климата и уменьшение собираемости налогов. Но ведь это лишает программу Кудрина единственного предлагаемого в ней средства инициации роста и сводит на нет один из главных источников роста, указанный в программе Столыпинского клуба, – снижение теневого производства. Таким образом, обе программы игнорируют важнейшее требование к любой реформе: необходимость формирования позитивных институциональных ожиданий.

Обе программы не используют для обоснования своих положений достижения экономической науки, включая исследования стратегий догоняющего развития в успешных странах. Тем самым их противостояние превращается в «борьбу мнений». Одно из негативных последствий этого – некорректные сопоставления России с развитыми странами. Обе программы делают ставку на инновационное развитие, игнорируя тот факт, что отсутствие «спроса на инновации» в России типично для той стадии технологического и институционального развития, на которой находится

российская экономика. Соответственно, ни одна из программ не придаёт должного значения решающему фактору выхода из стагнации – формированию эффективных широкомасштабных проектов заимствования и диффузии технологий. На нынешнем этапе именно эта цель должна лежать в основе всех институциональных преобразований. Как показывает опыт, она вряд ли достижима за счёт одних только материальных стимулов. Чтобы преодолеть недоверие и запустить процесс, государство должно стать инициатором и участником таких проектов.

Говоря об общих недочётах, нельзя не подчеркнуть и принципиальное различие обсуждаемых программ. Реформы, предлагаемые Кудриным, нацелены исключительно на улучшение институтов конкурентного рынка. Опыт свидетельствует о том, что подобная стратегия имеет мало шансов на успех. Программа Столыпинского клуба, не отрицая важности ИКР, базируется на совершенствовании институтов догоняющего развития и потому более перспективна.

Заключение

Выше была сделана попытка объединить и развить идеи институциональной реформы в России, описанные в монографии «Стратегия модернизации...» [Полтерович (отв. ред.), 2010] и в ряде последующих работ автора на основе анализа институтов в странах экономического чуда. Каждая из представленных выше идей нуждается в детальной разработке. Достаточно полная их реализация потребует, вероятно, 3–5 лет. Следует, однако, спроектировать реформу так, чтобы позитивные сдвиги можно было бы наблюдать в течение первого же года. Такой эффект возможен. Хорошо известно, например, что сам процесс составления планов, если он осуществляется не специально нанятыми для этой цели фирмами, а самими исполнителями, заставляет их по-новому взглянуть на рутинные процессы производства, стимулирует поиск новых решений. Необходимо как можно скорее добиться повышения уровня жизни, пусть и небольшого. Если в результате подобных усилий граждане поверят в реформу, это существенно увеличит вероятность её успеха.

Литература

1. *Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е.* Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. – 2016. – № 6. – С. 5–35.
2. *Денисова И. А.* Система подготовки кадров как звено модернизационной политики // В кн.: Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В. М. Полтерович. – СПб.: Алетейя, 2010.
3. *Йескомб Э. Р.* Государственно-частное партнёрство. Основные принципы финансирования. – М.: Альпина Паблшер, 2015. – 457 с.
4. *Клячко Т. Л.* Образование в России: основные проблемы и возможные решения. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 48 с.
5. *Кудрин А. Л.* Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 г.) // Тезисы доклада, представленные на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 г.; опубл. 01.06.2016. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/06/01/theses/>.

6. *Кузнецов Б. В.* Очерки модернизации российской промышленности. Поведение фирм / под ред. Б. В. Кузнецова. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 399 с.
7. *Минакир П. А.* О стратегиях роста российской экономики // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 2. – С. 158–167.
8. *Полтерович В. М.* Снижение инфляции не должно быть главной целью экономической политики Правительства России // *Экономическая наука современной России*. – 2006. – № 2. – С. 40–48.
9. *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.
10. *Полтерович В. М.* Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 6. – С. 4–23.
11. *Полтерович В. М.* Проблема формирования национальной инновационной системы // *Экономика и математические методы*. – 2009. – № 2. – С. 3–18.
12. *Полтерович В. М.* Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В. М. Полтерович. – СПб.: Алетей, 2010. – 424 с.
13. *Полтерович В. М.* Региональные институты модернизации // *Экономическая наука современной России*. – 2011. – № 4(55). – С. 17–29.
14. *Полтерович В. М.* О стимулировании накоплений и семейной пенсии // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2012. – № 3(15). – С. 187–189.
15. *Полтерович В. М.* Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // *Montenegrin Journal of Economics*. – 2012. – Vol. 8, No 2. – Special Issue. – P. 25–44.
16. *Полтерович В. М.* Приватизация и рациональная структура собственности. Ч. 2. Рационализация структуры собственности // *Экономическая наука современной России*. – 2013. – № 1(60). – С. 7–24.
17. *Полтерович В. М.* Промышленная политика: рецепты или институты? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2014. – № 2(22). – С. 190–195.
18. *Полтерович В. М.* О формировании системы национального планирования в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2015. – № 2(26). – С. 237–242.
19. *Полтерович В. М.* Корпоративные программы помощи сотрудникам в приобретении жилья: проблема выбора институциональной структуры / отв. ред. В. М. Полтерович. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – 81 с.
20. *Полтерович В. М., Попов В. В.* Валютный курс, инфляция и промышленная политика // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2016. – № 1(29). – С. 192–198.
21. *Экономика роста: доклад Столыпинского клуба. Октябрь 2015 года.* – Режим доступа: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf.
22. Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам». – СПС «Консультант Плюс».
23. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам: стенограмма и аудиоматериалы. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52504>.
24. *Хрусталева А. А., Тищенко Т. В., Соколов И. А.* Исследование влияния программного целевого подхода на бюджетный процесс, пути совершенствования методологии и информационной системы формирования бюджета, ориентированного на результат. – М.: РАНХиГС, 2013. – 93 с.
25. *Benhabib J., J. Perla, Ch. Tonetti.* Catch-up and fall-back through innovation and imitation // *Journal of Economic Growth*. – 2014. – № 1. – P. 91–35.

26. *Horváth R.* Does Trust Promote Growth? // IES Working Paper 9/2012. – IES FSV. Charles University, 2012. – 33p.
27. *Inglehart R.* Globalization and Postmodern Values // The Washington Quarterly. – 2000. – Volume 23. – № 1, Winter. – P. 215–228.
28. *Inglehart, R., Welzel C.* Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. – 2010. – № 8 (2). – P. 551–567.
29. *Johnson Ch.* The Developmental State: Odyssey of a Concept // In: The Developmental State / Woo-Cumings M. (ed.). – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999. – P. 32–60.
30. *Kim K. S.* The Korean Miracle (1962–1980) Revisited: Myths and Realities in Strategy and Development // Working Paper № 166. – 1991. – November, Kellogg Institute. – URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/166.pdf>.
31. *Masse P.* The French Plan and Economic Theory // *Econometrica*. – 1965. – Vol. 33. – № 2.
32. *Odagiri Hiroyuki, Akira Gotō.* Technology and industrial development in Japan: building capabilities by learning, innovation, and public policy. – Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996.
33. *Page, John.* The East Asian Miracle: Four Lessons for Development // In: Stanley Fischer and Julio J. Rotemberg (eds). NBER Macroeconomics Annual 1994. – Volume 9. MIT Press. January 1994. – P. 219–282. – URL: <http://www.nber.org/books/fisc94-1>.
34. World Bank. Global Economic Prospects. Technology Diffusion in the Developing World. Washington DC. The International Bank for Reconstruction and Development. – The World Bank. – 2008. – 201 pp.
35. *You, Jong-sung, Sanjeev, Khagram.* A Comparative Study of Inequality and Corruption // *American Sociological Review*. – 2005. – Vol. 70. – P. 136–157.

КАК ВЫВЕСТИ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ ИЗ СТАГНАЦИИ: ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

Гурвич Е. Т., руководитель Экономической экспертной группы, кандидат физико-математических наук

Начиная с середины 2014 г. внутренние и внешние условия развития российской экономики кардинально изменились. Прежде всего, резко упали цены на нефть, что лишило российскую экономику почти трети экспортных доходов, а федеральный бюджет примерно четверти его доходов. Менее серьёзные, но значительные потери связаны с финансовыми санкциями против ряда ключевых российских банков и компаний. Эти негативные шоки наложились на появившуюся раньше (примерно с середины 2012 г.) явную тенденцию замедления экономического роста. О скромных экономических результатах говорит и сравнение показателей роста российской экономики за последние десять лет с другими, сопоставимыми с нами странами. При этом всё указывает на то, что причины такого замедления лежат во внутренних механизмах экономики и носят не временный, а устойчивый, хронический характер.

В таких условиях «инерционный» вариант развития российской экономики (т. е. отказ от проведения глубоких экономических реформ) бесперспективен: его потенциал достаточно точно описывается недавними прогнозами МВФ, предсказывающими на следующие пять лет рост ВВП в пределах от 1 до 1,5% (в среднем 1,3%) в год. Это почти втрое ниже ожидаемых темпов роста мировой экономики и даже ниже темпов роста ВВП развитых стран (1,9%), несмотря на то, что при прочих равных условиях российская экономика должна расти заметно быстрее, как имеющая меньший душевой доход.

К сожалению среди российских экономистов нет единства не только в выборе необходимых реформ, но даже в определении причин слабых результатов, демонстрируемых российской экономикой в последнее десятилетие. Однако некоторые распространённые объяснения не опираются на объективный экономический анализ, а носят, скорее, «мифический» характер. Отметим несколько таких концепций.

1. «Главная проблема российской экономики – нехватка денег». В качестве «доказательства» этого мнения указывается на низкую монетизацию российской экономики (соотношение денежной массы и ВВП) по сравнению с некоторыми успешно развивающимися странами (такими как США или Китай). Такая позиция противоречит фактам. Во-первых, международный опыт показывает, что некоторые страны вполне успешно развиваются, несмотря на невысокую монетизацию. В качестве примеров (далеко не единственных) можно указать на Аргентину, Казахстан или Индонезию, которые в последнее время демонстрировали достаточно высокие темпы экономического роста, несмотря на низкие показатели монетизации не только по сравнению с Китаем, но и по сравнению с Россией. С другой стороны, ряд стран имеет высокий уровень монетизации, но низ-

кие темпы экономического роста (например, Тайвань) – т. е. «насыщение экономики деньгами» вовсе не гарантирует ускорения экономики.

Второе, на что следует обратить внимание – даже в период избытка ликвидности у банков (как в первом полугодии 2016 г.) они не увеличивают инвестиции в российскую экономику. Начиная с 2008 г. в России неизменно фиксируется значительный отток частного капитала (в среднем в год из страны уходит 4,5% ВВП). Это означает, что в стране есть свободный капитал, но инвестиционные проекты проигрывают конкуренцию иностранным конкурентам. Единственное возможное объяснение состоит в том, что не находящие частного финансирования проекты имеют худшие чем у конкурентов соотношения доходности и рисков (в самом широком смысле, в том числе с учётом угроз для прав собственности). Таким образом, **за проблемой «недостатка денег» на самом деле стоят высокие издержки ведения бизнеса в России (из-за дорогого труда, неэффективной работы естественных монополий, относительно высоких налогов и т. д.) в сочетании с очень высокими рисками для предпринимателей.**

2. Второй распространённый миф состоит в том, что едва ли не фатальная ошибка Правительства Российской Федерации – *«избыточное накопление поступающих в бюджет нефтегазовых доходов и их инвестирование в иностранные облигации, а не в российскую экономику»*. Данный миф фактически уже опровергнут жизнью, которая показала, что вслед за ростом цен на нефть следует их падение, и если не откладывать часть нефтедолларов в «тучные годы», то попросту нечем будет платить пенсии и зарплату бюджетникам в следующие за ними «тощие годы». Накопленный за годы дорогой нефти Резервный фонд по всей видимости будет полностью потрачен уже в 2017 г., ФНБ – ещё в течение года или двух, после чего мы останемся без защиты на случай нового падения цен на нефть. Тем самым становится очевидным, **что ошибка была, но состояла она не в избыточном, а в недостаточном накоплении резервов – иначе проведение бюджетной политики в настоящее время было бы намного более лёгким делом.** Что касается надежд на то, что инвестиции за счёт нефтегазовых доходов бюджета обеспечили бы устойчивое развитие российской экономики, то они ничем не подкреплены. Можно напомнить, например, что в СССР поддерживалась очень высокая норма накопления (порядка 28–30% ВВП), однако экономический рост, несмотря на это, последовательно затухал. На самом деле инвестиции работают только если есть сильные стимулы у бизнеса и эффективная система органов исполнительной власти.

Наконец, можно отметить, что больше всех в мире вкладывает в иностранные облигации не Россия, а Китай (накопивший таких инвестиций на сумму 3,3 трлн долларов – в восемь с лишним раз больше, чем Россия). И это не помешало сверхуспешному экономическому развитию Китая на протяжении уже трёх с половиной десятилетий.

3. Наиболее общий из мифов, объясняющих относительно неудачные экономические результаты последних лет – *«в этом виновата проводимая в России «либеральная» модель экономического развития»*.

Однако политику последнего десятилетия даже с большой натяжкой нельзя назвать либеральной. Как известно, ключевые характеристики либеральной политики – минимальное вмешательство государства и максим-

мальная свобода для частной инициативы, основными признаками чего служат:

- ограниченная роль государства в экономике (низкая доля государственной собственности, умеренное перераспределение ресурсов через бюджет государства – т. е. невысокая налоговая нагрузка и уровень бюджетных расходов, невысокая доля занятых в государственном секторе);
- безусловная защищённость частной собственности;
- открытость экономики;
- минимальные ограничения экономической деятельности и т. п.

По всем этим показателям наша страна отнюдь не входит в число мировых лидеров, и в последнее десятилетие стала скорее аутсайдером глобального процесса либерализации. Согласно оценкам Всемирного экономического форума (ВЭФ), по уровню защищённости собственности Россия занимает 120-е место среди 144 оцениваемых стран. Явно избыточно государственное регулирование – по степени регуляторного бремени на бизнес ВЭФ ставит Россию на 111-е место из 144. Ещё ниже оценивается лёгкость доступа нерезидентов к российскому внутреннему рынку – здесь мы 127-е среди 136 стран. Удельный вес государственной собственности в экономике в последние годы последовательно увеличивался, особенно среди крупных компаний. По данным МВФ, в структуре собственности 10 крупнейших компаний страны эта доля близка к 80 %, по сравнению примерно с 10 % в Германии или Финляндии, а доля госкомпаний в капитализации российского фондового рынка превышает 60 %.

Российскую экономическую модель можно было (с оговорками) назвать либеральной в 90-е и начале 2000-х гг., однако в последние годы она имеет мало общего с действительно либеральными экономиками – такими как, например, сингапурская. Следов «либерализма» нет ни в КД (по-прежнему являющейся официально действующей программой Правительства Российской Федерации), ни в фактической экономической политике последнего времени. Риторический вопрос: может ли иметь негативные последствия либеральная экономическая политика, если она уже давно не проводится в России?

С оговорками можно считать, что либеральной была «программа Грефа», которая определила действия Правительства Российской Федерации до 2007 г. Сравнение этого периода с последующими восемью годами развития даёт однозначное преимущество первому из них, в 8 раз превосходящему второй по средним темпам роста ВВП (7,2 % по сравнению с 0,9 %). Конечно, это сравнение не учитывает разную динамику цен на нефть, но даже после очистки от влияния цен на нефть «либеральный» период превосходил по темпам роста «государственнический» в 4,5 раза! Другими словами, относительно либеральная политика, пока она проводилась в жизнь, давала совсем неплохие результаты, а замедление роста связано именно с периодом повышения роли государства и усилением государственного регулирования в экономике.

Беспристрастная, не зашоренная мифами диагностика, позволяет выявить следующие основные проблемы российской экономики.

1. Избыточные размеры государственного и квазигосударственного (госкорпорации) секторов в экономике. Тем самым значительная часть

экономики выводится из сферы действия рыночных механизмов, не имея ни полностью рыночных стимулов, ни ответственности, которую несут негосударственные компании.

2. Широкое распространение «мягких бюджетных ограничений» – компенсации государственным и другим ассоциированным компаниям потерь, возникающих из-за их неэффективной деятельности, подрывающей стимулы таких компаний повышать свою конкурентоспособность.

3. Блокировка механизма «созидательного разрушения», служащего ключевым звеном модернизации экономики. Пункты 2 и 3 вместе отражают проведение политики «промышленного патернализма» – экономически неоправданной поддержки неэффективных отраслей и предприятий.

4. Слабость механизмов государственного управления из-за отсутствия их прямой увязки с экономическими результатами.

Действительно, исследования, проводившиеся как в развитых, так и в развивающихся странах, показали, что государственные компании в большинстве случаев демонстрируют худшие экономические результаты. Они реже проводят инновации, имеют более высокие издержки, менее эффективно реализуют инвестиционные проекты, и в результате отличаются меньшей рентабельностью и темпами роста. Анализ свидетельствует, что отставание госкомпаний объясняется спецификой управления ими: менеджмент частично ориентируется на задаваемые владельцем – государством «нерыночные» цели, имеет относительно слабые стимулы для повышения эффективности компаний и, что ещё важнее, несёт ограниченную рыночную ответственность за неудовлетворительные результаты работы. Два последних фактора представляют собой следствия механизма так называемых «мягких бюджетных ограничений». Компании, формально или неформально связанные с государством, получают от него поддержку в виде прямых субсидий, различных налоговых послаблений, льготных кредитов, привилегий при распределении госзаказов и т. п. Тем самым, как бы плохи ни были результаты деятельности госкомпаний, они не оказываются банкротами, а остаются (как и их руководители) на плаву благодаря поддержке государства.

Один из основных механизмов повышения эффективности экономики связан с перемещением рабочей силы и капитала из менее конкурентоспособных в более успешные фирмы. О важности данного механизма говорит тот факт, что в США его вклад в рост совокупной факторной производительности сопоставим с вкладом накопления капитала и обновления технологий на уровне отдельных компаний. По некоторым оценкам, повышение эффективности распределения рабочей силы и капитала до уровня США, позволило бы повысить производительность в Китае на 30–50 % и в Индии на 40–60 %, что демонстрирует огромный потенциал данного экономического механизма.

Интенсивность перемещения ресурсов в более производительные сектора и фирмы определяется многими факторами – например, наличием развитой финансовой системы, низкими и неискажающими налогами, однако ключевое значение имеет свободный вход на рынок новых фирм, а также условия для роста лучших и ухода с рынка худших фирм. Шумпетер называл подобный процесс «созидательным разрушением» и он по праву считается одним из главных двигателей экономического

развития. Наличие существенных барьеров для входа на рынок или ухода с него, слабость стимулов для перемещения ресурсов или рыночных механизмов отсеивания наименее производительных фирм фактически блокируют созидательное разрушение и тем самым не используют важнейший канал повышения эффективности.

Свидетельство о барьерах для входа на российские рынки дают микроисследования на уровне фирм. Они фиксируют в России аномально низкую, по международным стандартам, интенсивность входа на рынок новых фирм. Более того, начиная с середины 2012 г. интенсивность входа на рынок новых фирм снижается, в результате чего чистый приток новых фирм приблизился к нулю. Такая ситуация свидетельствует об избыточных барьерах на пути новых фирм. Вместе с тем есть и другие препятствия для эффективного распределения экономических ресурсов. Используемые механизмы налоговых льгот в ряде случаев консервируют технологическую отсталость целых отраслей (например, нефтепереработки), позволяя им выживать, не проводя модернизацию.

Убедительные свидетельства неэффективности формирующегося в таких условиях распределения экономических ресурсов даёт исследование НИУ ВШЭ и Всемирного банка, которое выявило огромные разрывы в производительности труда во всех отраслях обрабатывающей промышленности. Соотношение добавленной стоимости на одного работника для 20% лучших и 20% худших предприятий варьировало от 10 (химическое производство) до 24 раз (пищевая промышленность, деревообработка). Такая ситуация говорит о крайней слабости рыночных механизмов перераспределения ресурсов в России и низком общем качестве экономической среды.

Для Правительства Российской Федерации и Банка России пришло время перехода от решения не требующих отлагательства задач к средне- и долгосрочным задачам. Основываясь на проведённом анализе, можно предложить следующие направления реформ, которые в случае успешной реализации обеспечат устойчивый долгосрочный рост российской экономики.

Первый этап – восстановление макроэкономической стабильности. Приоритетом здесь должно стать обеспечение устойчивости бюджета. Перечислим важнейшие проблемы, которые необходимо решить, чтобы обеспечить доверие инвесторов (без которого невозможно рассчитывать на восстановление инвестиционного спроса).

1. В течение 3–4 лет необходимо привести уровень расходов бюджетной системы в соответствие с доходами при ожидаемом уровне цен на нефть и темпах экономического роста. Анализ показывает, что для этого в период до 2020 г. требуется консолидация федерального бюджета в пределах 4–4,5 п. п. ВВП.

2. Следует как можно скорее восстановить защищённость бюджетной системы от возможных негативных шоков, существенно снизившуюся в условиях активного использования средств Резервного фонда. В качестве срочной меры целесообразно рассмотреть перевод в состав Резервного фонда части ФНБ, размещённой в высоко ликвидных активах. В дальнейшем защищённость должна обеспечиваться проведением консервативной бюджетной политики, использованием долгосрочного бюджетного планирования, контролем над условными и неявными рисками и другими мерами.

3. Необходимо устранить долгосрочные дисбалансы, накопленные в бюджетной системе. Прежде всего, это касается пенсионной системы, где остаются нерешёнными долгосрочные проблемы, связанные со сдвигами в демографической структуре населения.

Следующее направление связано со структурными проблемами. Прежде всего, требуется предотвратить формирование дефицита рабочей силы в условиях начавшегося процесса сокращения численности населения в трудоспособном возрасте. Это позволит остановить процесс падения доли валовой прибыли в структуре ВВП, практически несовместимый с успешным развитием экономики. У нас есть немало резервов улучшения конъюнктуры рынка труда: оптимизация численности занятых в бюджетном секторе (сильно завышенная по сравнению не только с формирующимися рынками, но и развитыми странами), поэтапное повышение пенсионного возраста, повышение мобильности и расширение переобучения рабочей силы, совершенствование механизмов регулирования миграции и др.

Другая важная цель – устранить прежние и вновь возникающие барьеры на пути движения товаров и инвестиций в российскую экономику и из неё.

Наиболее сложное и важное направление реформ – институциональные изменения. Они должны быть нацелены в первую очередь на создание у предпринимателей и власти сильных стимулов для повышения конкурентоспособности экономики и её роста. Здесь требуется разгосударствление бизнеса, подразумевающее: а) радикальное сокращение нерыночного сектора, включая государственные и квазигосударственные компании, которые в основном руководствуются не рыночной мотивацией, б) отказ от «промышленного патернализма» – поддержки «своих» компаний и банков с помощью различных льгот, государственных инвестиций и специальных преференций – на смену такой политике должна прийти равная для всех «рыночная ответственность», обеспечивающая уход неконкурентоспособных компаний и расширение эффективных, в) усиление положительных стимулов для бизнеса за счёт гарантий защиты прав собственности. Наконец, необходимо поставить предел силовому давлению на бизнес и ослабить явно избыточные масштабы контроля и регулирования его деятельности.

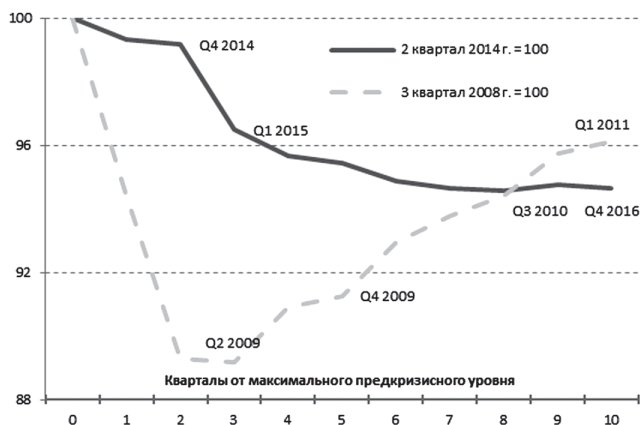
Серьёзный прогресс в достижении сформулированных целей приведёт к росту инвестиций, снижению оттока капитала, активизации интереса бизнеса к инновациям, импорту передовых технологий и их адаптации к российским условиям. Не менее важный результат – начнётся выход с рынка неконкурентоспособных предприятий и банков, перемещение всех видов ресурсов в более производительные отрасли и компании. В результате можно рассчитывать на поддержание устойчивых темпов роста экономики, на уровне не ниже мирового уровня. Если перечисленные серьёзные реформы не будут проведены, нас ждёт длительный период застоя. Долгосрочные средние темпы роста российской экономики в этом случае вряд ли превысят 1,5–2,0% – иными словами, она будет всё сильнее отставать от других стран, быстро снижая свою долю в мировой экономике, и вскоре фактически окажется на её обочине. Выбор не терпит отлагательств, процесс уже идёт.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: МЕЖДУ СТАГНАЦИЕЙ И ОЖИВЛЕНИЕМ. ЕСТЬ ЛИ ОКНО ДЛЯ ИНТЕНСИВНОГО РОСТА?¹

Клепач А. Н., заместитель председателя – главный экономист Внешнеэкономбанка, кандидат экономических наук,

Засов О. А., директор департамента Внешнеэкономбанка

С 2012 г. рост российской экономики практически остановился. Начавшийся из-за падения цен на нефть и санкций кризис продлился уже 8 кварталов, что превысило протяжённость кризиса 2008–2009 гг.². По оценке Внешнеэкономбанка, ВВП в 2016 г. сократится на 0,6–0,7%. В базовом варианте прогноз оживление экономики начнётся в 2017 г. и в 2019 г. может быть превышен докризисный уровень.

**Индекс ВВП в период кризисов 2008–2010 и 2014–2016 гг.
с исключением сезонной и календарной компоненты
(максимальный предкризисный квартал = 100)**

Основным стимулом к оживлению является повышение цен на нефть (по сравнению с минимальным значением в начале 2016 г.) и рост экспорта углеводородов и сырья. ВВП, скорее всего, во втором полугодии 2016 г. перестанет падать и даже несколько возрастет (в т. ч. благодаря рекордному урожаю), однако инвестиционный и потребительский спрос продолжатся

¹ Статья подготовлена на основе доклада Внешнеэкономбанка. Режим доступа: http://veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/macro/pr201608_1.pdf.

² За 8 кварталов экономика потеряла 5,2% ВВП. Для сравнения, во время кризиса 2008–2009 гг. спад длился в течение всего трёх кварталов, при этом сокращение ВВП было более чем в 2 раза сильнее – почти на 11%. В дальнейшем под влиянием внутренних и внешних стимулирующих мер рост ВВП достаточно быстро восстановился и через 12 кварталов после начала спада был достигнут предкризисный максимальный уровень.

ют сокращаться и перелом в их динамике ожидается в конце текущего – начале следующего года. Образно говоря, хотя шторм ещё не закончился, просветы на горизонте уже видны.

Основную угрозу представляет собой даже не риск продолжения стагнации в 2017 г., например, в случае стабилизации нефтяных цен на уровне 40 долл. за барр., а долгосрочное отставание от темпов роста мировой экономики, что ведёт к ослаблению позиций России в мире. Вопрос темпов роста становится вопросом национальной конкурентоспособности и экономического суверенитета. Вместе с тем, есть возможность значимого ускорения роста уже в среднесрочной перспективе до 3–4% за счёт стимулирующей денежно-кредитной и бюджетной политики, направленных, в первую очередь, на улучшение условий для инвестиций. Для перехода к долгосрочному устойчивому развитию, с темпами роста опережающими мировую динамику, необходимы не только денежно-бюджетные стимулы, но и глубокие структурные и институциональные преобразования.

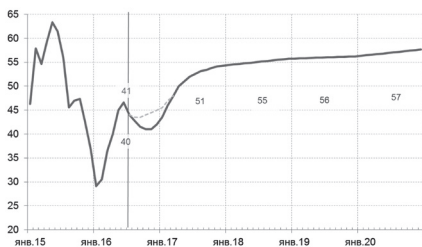
Большинство прогнозов предполагают динамичное развитие мировой экономики, хотя и с темпами несколько более низкими, чем в 2000-е гг. В то же время существует риск новой волны мировой рецессии и падения мировых цен на нефть в конце 2018 и в 2019 гг., через десять лет после предыдущего мирового кризиса. Новый нефтяной и конъюнктурный шок неизбежно затормозит восстановительный рост российской экономики. Однако в случае успешной модернизации устойчивость российской экономики к внешним шокам может быть существенно повышена.

Прогноз мировой экономики и мировых цен на нефть

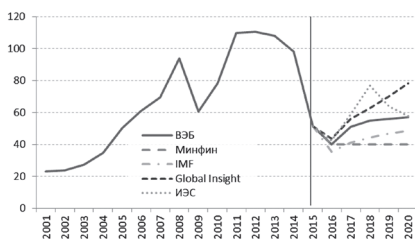
Мировые цены на нефть, скорее всего, прошли нижнюю точку и в 2016 г. в среднегодовом выражении удержат планку в 40–41 долл./барр., что означает лишь слабую коррекцию нефтяных цен вниз во втором полугодии из-за наметившегося увеличения числа активных буровых установок в США при сохраняющемся избытке нефти на рынке.

Страны-члены ОПЕК пока не смогли договориться об уровнях добычи нефти. В то же время возросла вероятность того, что производители сланцевой нефти могут повременить с активным наращиванием добычи в условиях возросшей турбулентности на мировых рынках из-за решения Великобрита-

Прогноз Внешэкономбанка

Годовой прогноз

Примечание: все прогнозы приведены к ценам Urals

Прогноз цен на нефть Urals, долл./барр.

нии о выходе из ЕС. В 2017–2020 гг. по мере повышения темпов роста мировой экономики цена нефти может закрепиться в диапазоне 50–60 долл./барр.

Достаточно вероятно, что повышение нефтяных цен в 2017–2018 гг. окажется выше большинства прогнозов, как и неизбежная затем коррекция вниз (что отражено в частности в прогнозе Института энергетических стратегий).

Ожидается ускорение роста мировой экономики с нынешних 3,1% до 3,2–3,9% в год, которое станет возможным за счёт выхода из кризиса стран Латинской Америки. При этом рост экономики стран ЕС практически не изменится по сравнению с прошлым годом, в то время как китайская экономика замедлится до 6%. Негативное влияние Brexit на экономику ЕС оценивается в пределах 0,1–0,3 п. п. ВВП в год.

В связи с существенным изменением относительных цен и конфигурации потоков капитала, мировая экономика находится в поиске новой модели глобализации и развития региональных, точнее межрегиональных, интеграционных группировок (ТРП, ТАР, ШОС). Для России это означает серьёзное возрастание уже в среднесрочной перспективе остроты конкуренции на рынках традиционных товаров, технологий, а также конкуренции за иностранные инвестиции.

Оживление, ведомое экспортом, и перспективы восстановления внутреннего спроса

В целом драйвером оживления пока выступает внешний спрос. Относительно уверенно себя чувствуют экспортно-ориентированные отрасли промышленности. Продолжается рост экспорта нефти, химических производств, металлургии, древесины и текстиля. Однако это не компенсирует эффект от снижения внутреннего спроса.

Мы ожидаем, что экономика может вырасти уже в третьем квартале 2016 г. Основным фактором оживления скорее всего станет сельское хозяйство, где ожидается рекордный уровень урожая зерновых. Динамика сельского хозяйства может обеспечить в третьем квартале дополнительный прирост ВВП на 0,2–0,3 п. п., однако эффект будет временным и исчерпается к концу года. Переход к более устойчивой фазе роста можно ожидать не раньше 2017 г. в случае увеличения цены нефти.

Инфляция в 2016 г. на фоне сокращающегося потребительского спроса существенно замедлится, как только будет исчерпан эффект от ослабления курса рубля. Кроме того, благоприятный урожай может стать причиной активного снижения цен на продовольственные товары, в особенности на плодоовощную продукцию. По оценке Внешэкономбанка, ИПЦ к концу 2016 г. снизится до 5,5–6,0%.

Динамика показателей в 2016 г., % к соответствующему периоду 2015 г.

Показатель	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	2016 г.
ВВП	-1,2	-0,7	-0,5	-0,4	-0,7
ВВП, к предыдущему периоду, <i>очищенный от сезонного фактора</i>	-0,2	-0,1	0,2	-0,1	

Показатель	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	2016 г.
Инвестиции в основной капитал	-4,8	-3,2	-2,8	-8,2	-5,3
Оборот розничной торговли	-5,8	-5,6	-5,1	-2,4	-4,6
Платные услуги	-1,2	-0,7	-0,8	0,3	-0,6
Реальные располагаемые доходы	-3,7	-6,0	-3,8	-1,3	-3,6
Инфляция (среднегодовая)	8,4	7,4	7,0	6,1	7,2

В 2017–2020 гг. при растущих ценах на нефть и некотором смягчении денежной политики (снижении процентных ставок) российская экономика перейдёт к росту. Предполагается, что рост стоимости нефти и доступности кредитования повысит уверенность как инвесторов, так и потребителей. В целом за период 2017–2020 гг. среднегодовой рост ВВП составит около 1,6%. Благодаря увеличению поступлений от экспорта, в среднесрочной перспективе ожидается укрепление курса национальной валюты до 52,8 рубля к 2020 г.

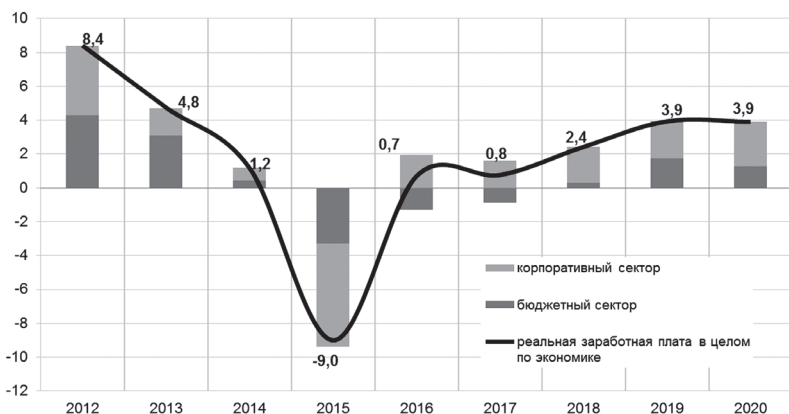
На фоне укрепления национальной валюты, умеренного восстановления потребительского спроса и ограничения индексации тарифов инфраструктурных компаний инфляция снизится до 4,9% в 2017 г. и далее не будет превышать уровня 4%, достигнув, таким образом, целевого ориентира Банка России.

Постепенное снижение инфляции будет способствовать восстановлению реальных доходов населения. Согласно базовому сценарию, реальные доходы вырастут в 2017 г. на 0,9%, а в среднем за период 2017–2020 гг. темпы прироста составят 2,3%.

В 2016 и 2017 гг. номинальный рост заработной платы – основного источника доходов населения будет обеспечиваться, главным образом, за счёт корпоративного сектора. Заработная плата работников бюджетного сектора сможет перейти к положительным темпам роста в реальном выражении только начиная с 2018 г. В целом среднегодовой рост реальной заработной платы за период 2017–2020 гг. составит 2,8%, при этом только к 2020 г. будет достигнут уровень 2014 г.

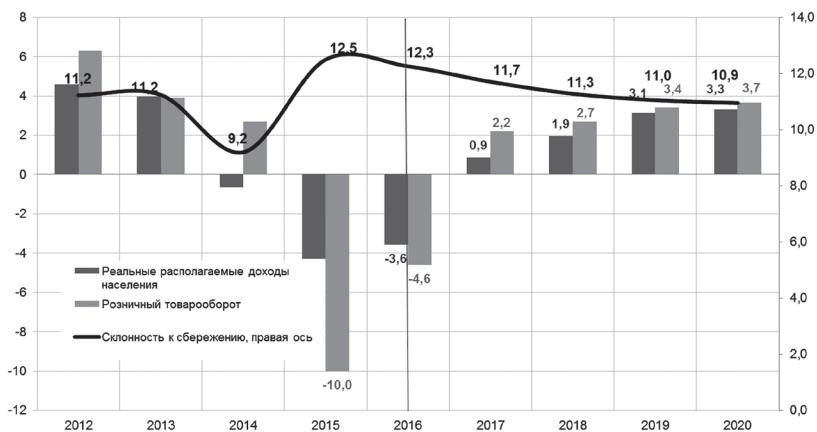
В прогнозе предполагается, что заработная плата бюджетников будет индексироваться в октябре на уровень инфляции предыдущего года: в 2017 г. – на 6% и приблизительно на 4% ежегодно в период 2018–2020 гг. Восстановление доходов работников корпоративного сектора обеспечит рост реальной заработной платы в 2017 г. на 0,7%, в 2018 г. – на 2,4%. В результате дальнейшей реализации указов в части повышения заработной платы работников целевых групп, в целом по экономике заработная плата в период 2019–2020 гг. будет расти на 3,9% в год. Кроме того, дополнительным драйвером роста доходов населения станет индексация пенсий. После разовой индексации в 2017 г. (1 февраля) на уровень инфляции прошлого года, с 2018 г. по мере восстановления экономической активности ожидается проведение 1 апреля дополнительной индексации, соответствующей темпам роста доходов ПФР.

Начиная с 2017 г., за счёт некоторой стабилизации на рынке труда и восстановления потребительской уверенности домашних хозяйств, склонность к сбережениям начнёт снижаться, в том числе за счёт посте-

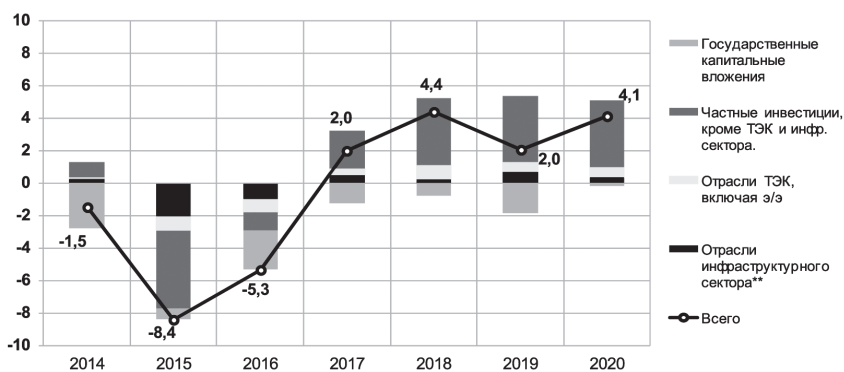
Прирост заработной платы в бюджетном и корпоративном секторах, %

пенного облегчения условий кредитования. Норма чистых сбережений сократится с 12,5% в 2016 г. до 10,9% в 2020 г. Вместе с возобновлением роста доходов населения это позволит потребительскому спросу повышаться в 2017–2020 гг. на 2,1–3,7% в год.

Прирост потребительского спроса и доходов населения, %

В период 2017–2020 гг. по мере снижения процентных ставок и повышения предпринимательской уверенности можно ожидать возобновления роста инвестиций. При этом сдерживать общую динамику инвестиций будут капитальные вложения государственного сектора. Объёмы госрасходов инвестиционного характера на период до 2019 г. будут постоянно снижаться (на 10–21% в год в реальном выражении), при этом пик снижения придётся на 2019 г. Кроме того, можно ожидать торможение роста инвестиций после 2018 г., на который приходится завершение этапов финансирования за счёт средств ФНБ по большинству проектов и завершения строительства связанного с чемпионатом мира по футболу. Рост ин-

Динамика инвестиций и вклад секторов, прирост в %

вестиционного спроса будет опираться, прежде всего, на частный сектор, не связанный с ТЭКом и инфраструктурой. При этом частные инвестиции одновременно являются и самой неустойчивой компонентой инвестиционного спроса, что накладывает негативные риски на прогноз инвестиций.

В базовом сценарии среднегодовой темп роста инвестиций в 2017–2020 гг. составит 3,1 %, при этом к 2020 г. так и не удастся достигнуть предкризисного уровня инвестиций 2013 г. (в 2020 г. он будет на 3 % ниже).

Базовый сценарий предполагает достаточно медленное снижение оттока капитала при сохранении ограничений доступа к мировому рынку займов. Чистый отток капитала в 2016–2018 гг. может составить около 30 млрд долларов США в среднем за год, в 2019 г. он сократится до 25 млрд долларов США и до 15 млрд долларов США в 2020 г.

Макроэкономические показатели прогноза в базовом сценарии

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Цена на нефть, долларов за баррель	51	40	51	55	56	57
ВВП, %	-3,7	-0,7	0,7	1,5	1,8	2,5
Инвестиции, %	-8,4	-5,3	2,0	4,4	2,0	4,1
Оборот розничной торговли, %	-10,0	-4,6	2,2	2,7	3,4	3,7
Промышленное производство, %	-3,4	0,5	1,2	1,8	1,4	1,4
Индекс потребительских цен, в среднем за год	15,5	7,2	4,9	4,2	3,9	3,8
Экспорт, млрд долларов США	341	280	322	348	359	372
Импорт, млрд долларов США	193	184	208	232	247	262
Курс доллара среднегодовой, рублей за доллар США	60,7	67,9	60,2	55,3	53,5	52,8
Изменение валютных резервов («+» – снижение, «-» – рост), млрд долларов США	-2	-15	-15	0	0	0
Отток капитала, млрд долларов США	-58	-30	-30	-30	-25	-15

Консенсус прогноз роста ВВП России, %

Источник	Дата	2016	2017	2018
IMF	июль 2016 г.	-1,2	1,0	
WB	июнь 2016 г.	-1,2	1,4	1,8
Global Insight	июль 2016 г.	-1,9	-0,3	1,4
OECD	июнь 2016 г.	-1,7	0,5	
Еврокомиссия	май 2016 г.	-1,9	0,5	
ООН	май 2016 г.	-1,9	0,6	0,6
WIIW	июнь 2016 г.	-0,8	0,8	1,8
ЕБРР	май 2016 г.	-1,2	1,0	
Moody's	май 2016 г.	-1,5	1,5	
Fitch Ratings	май 2016 г.	-0,7	1,3	2,0
Консенсус	Среднее	-1,4	0,8	1,5

Умеренно-оптимистичный сценарий прогноза

В условиях низкой загрузки мощностей и относительно избыточных национальных сбережений существует потенциальная возможность ускорения роста российской экономики в среднесрочном плане на 1,0–2,0 п. п.

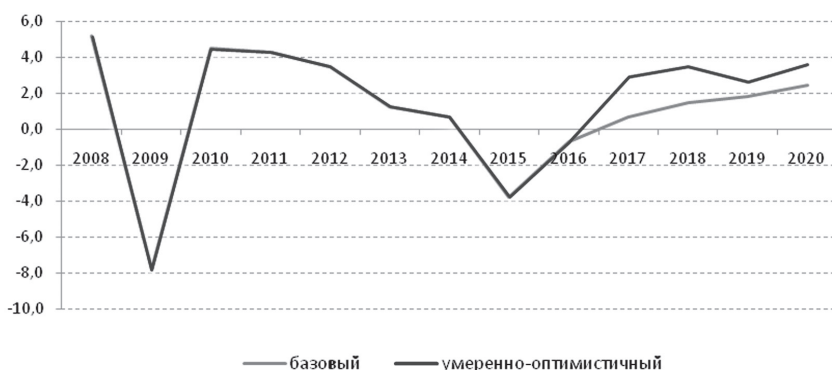
Для реализации этого потенциала необходимо повышение уровня предпринимательского доверия (оптимизма), в т. ч. за счёт стимулирующей денежной и бюджетной политики. Предполагается увеличение государственных инвестиционных расходов (за счёт средств ФНБ и бюджета). Кроме того, данный сценарий предполагает более быстрое смягчение денежной политики в ближайшие два года, несмотря на несколько более высокую инфляцию, чем заложено в целевых ориентирах. Для долгосрочного повышения конкурентоспособности экономики предлагаются дополнительные по отношению к базовому сценарию расходы, направленные на улучшение человеческого капитала и развитие научной деятельности. Кроме того, часть мер связана со стимулированием спроса на российскую продукцию: поддержка экспорта и потребительского спроса, в т. ч. за счёт сдерживания укрепления курса рубля.

В целом все рассмотренные меры позволят существенно повысить темпы развития, сохраняя финансовую сбалансированность роста.

Вклады дополнительных мер в прирост ВВП

Стимулирующие меры	Стоимость, млрд руб. в 2017–2020 гг.	Доп. прирост ВВП в 2017–2020 гг. в п. п.
Поддержка инвестиций	3400	1,3
Поддержка доходов населения	4450	1,6
Стимулирование экспорта	400	1,1

За счёт бюджетной и кредитной поддержки можно создать условия для резкого ускорения роста физических объёмов инвестиций в основной капитал уже в 2017 г. – до 8,5% (против 2,0% в базовом варианте),

Темпы прироста ВВП в базовом и умеренно-оптимистичном сценариях

и до 10,5% в 2018 г. (против 4,4% в базовом варианте). В 2019–2020 гг. темпы роста инвестиций также могут в 2–2,5 раза превысить показатели базового прогноза. Кроме того, меры поддержки обеспечат дополнительный прирост потребления в среднем за год на 0,7 п. п. При этом ускорение инфляции вследствие более слабого курса и высокого спроса в умеренно-оптимистичном варианте, по оценке, окажется не столь существенным – всего 2,2 п. п. накопленным итогом за период 2017–2020 гг. В целом, ежегодный прирост ВВП в 2017–2020 гг. ожидается выше чем в базовом сценарии примерно на 1,6 п. п.

Макроэкономические показатели прогноза в базовом сценарии (1) и умеренно-оптимистичном сценарии (2) в 2016–2020 гг.

Показатель	2015	2016	2017		2018		2019		2020	
			1	2	1	2	1	2	1	2
Цена на нефть, долларов за баррель	51	40	51	51	55	55	56	56	57	57
ВВП, %	-3,7	-0,7	0,7	2,9	1,5	3,5	1,8	2,7	2,5	3,6
Инвестиции, %	-8,4	-5,3	2,0	8,5	4,4	10,5	2,0	5,3	4,1	6,9
Оборот розничной торговли, %	-10,0	-4,6	2,2	3,6	2,7	3,4	3,4	3,7	3,7	4,8
Инфляция, в среднем за год	15,5	7,2	4,9	5,6	4,2	5,3	3,9	4,2	3,8	3,8
Экспорт, млрд долларов США	341	280	322	325	348	354	359	367	372	382
Импорт, млрд долларов США	193	184	208	208	232	230	247	245	262	264
Курс доллара среднегодовой, рублей за доллар США	60,7	67,9	60,2	64,2	55,3	63,9	53,5	63,1	52,8	61,9
Изменение валютных резервов («+» – снижение, «-» – рост), млрд долларов США	-2	-15	-15	-25	0	-25	0	-30	0	-30
Отток капитала, млрд долларов США	-58	-30	-30	-30	-30	-25	-25	-15	-15	0

Поддержка инвестиций

Умеренное увеличение инвестиционных расходов бюджета и фондирования институтов развития (в т. ч. за счёт ресурсов Центрального банка Российской Федерации) на 0,5 трлн до 1,2 трлн рублей ежегодно может существенно ускорить рост инвестиций и преодолеть инвестиционный спад уже в 2018 г.

Кроме того, в умеренно-оптимистичном сценарии мы ожидаем более интенсивного сокращения чистого оттока капитала за счёт больших внешних займов и поступлений прямых иностранных инвестиций. Совокупный чистый отток прямых и портфельных инвестиций постепенно обнуляется к 2020 г. (около –1 % ВВП в базовом сценарии). Внешний долг компаний вплотную приближается к 400 млрд долларов в конце прогнозного периода (387 млрд долларов в базовом сценарии).

При реализации этих мер дополнительный ежегодный прирост инвестиций по отношению к базовому сценарию в среднем составит 2 п. п., а ежегодный прирост ВВП в 2017–2020 гг. за счёт роста спроса может быть выше на 0,3 п. п. Создание новых мощностей позволит увеличить потенциал экономики на 1,3 % к 2020 г.

Дополнительные расходы умеренно-оптимистичного варианта в 2017–2020 гг. с целью создания инвестиционного спроса, млрд рублей

Показатель	2017	2018	2019	2020
Кредиты Банка России институтам развития		100	150	200
Инвестиции из ФНБ	200	250	250	250
Дополнительные инвестиции федерального бюджета	300	400	600	700
Итого:	500	750	1000	1150

Сдерживание укрепления рубля

В базовом сценарии рост цен на нефть и увеличение поступлений от экспорта приведёт к существенному укреплению рубля. В номинальном выражении среднегодовой курс рубля за период 2017–2020 гг. укрепится по отношению к доллару США на 22 %. При этом реальный эффективный курс вырастет ещё сильнее (более чем на 30 %). Это будет ухудшать финансовые показатели предприятий и вести к потере конкурентоспособности промышленного и туристического секторов.

Для смягчения этих эффектов в умеренно-оптимистичном сценарии политика Банка России частично переориентирована с цели снижения инфляции до 4 % в сторону сдерживания укрепления рубля за счёт интервенций на валютном рынке. Покупка валюты Банком России сохраняется на всём прогнозном периоде в целях сдерживания укрепления рубля и наращивания резервов до целевого уровня 500 млрд долларов США к 2020 г., что почти на 85 млрд долларов США больше, чем в базовом сценарии.

В этих условиях укрепление рубля будет более мягким и к 2020 г. курс доллара составит 62 рубля, против 53 рублей за доллар в базовом сценарии, а в реальном выражении рубль укрепится к 2020 г. на 14 % по отноше-

нию к 2016 г. Бенефициарами более слабого курса рубля выступают бюджет, для которого возникнут возможности по сокращению размера дефицита, и предприятия, чья прибыль окажется выше вследствие возможности повышения цен и положительной курсовой переоценки их сбережений. Это означает большой потенциальный ресурс для инвестиций. Основной проигравшей стороной здесь окажутся домохозяйства, чья реальная заработная плата будет расти медленнее из-за более высокой инфляции.

Отток капитала и валютные резервы, млрд долларов США

Показатель	2017	2018	2019	2020
Отток капитала				
Базовый	-30	-30	-25	-15
Умеренно-оптимистичный	-30	-25	-15	0
Валютные резервы				
Базовый	-15	0	0	0
Умеренно-оптимистичный	-25	-25	-30	-30

Сдерживание роста обменного курса рубля обеспечит дополнительные доходы федерального бюджета по сравнению с базовым сценарием в 2017–2018 гг. на 0,5–1,1 % ВВП и в 2019–2020 гг. на 1,2 % ВВП. Увеличение расходов потребуется с 2018 г. из-за необходимости дополнительной индексации пенсий и заработных плат федеральных государственных служащих вследствие более высокой инфляции по сравнению с базовым сценарием.

Вложения в человеческий капитал и поддержка доходов населения

По оценке за 2014–2016 гг. реальные доходы населения упадут на 8,3%, а реальная заработная плата на 7,3%. В отличие от предыдущего кризиса существенно сокращаются доходы работников не только частного, но и государственного сектора. Зарплаты целевых групп работников бюджетного сектора, за повышением которых стоят долгосрочные цели улучшения качества образования, здравоохранения и научной деятельности, сократились в реальном выражении в 2015 г. почти на 11% и, как ожидается, дополнительно снизятся более чем на 5% в 2016 г. Хотя пониженная заработная плата облегчает борьбу с инфляцией и поддерживает конкурентоспособность отечественной продукции, нынешний кризис фактически породил значительный социальный долг, особенно в бюджетной сфере, который придётся возвращать несколько лет.

Умеренно-оптимистичный сценарий предусматривает реализацию более активной политики в части повышения оплаты труда целевых категорий работников. С 2019 г. предполагается более высокая индексация всех категорий работников бюджетной сферы. Это также приведёт к росту пенсий, поскольку предусмотрена более высокая индексация пенсий в апреле, исходя из более высоких темпов роста доходов ПФР. В целом рост

доходов в бюджетном секторе и дополнительное повышение пенсий может позволить за два года полностью преодолеть провал в доходах 2015–2016 гг. В условиях спада рост доходов низкодоходных групп населения будет иметь достаточно сильный мультипликативный эффект, а инфляционный эффект может быть ограниченным.

Базовый вариант прогноза Внешэкономбанка предполагает, что реализация указов Президента России в части повышения заработных плат целевых групп работников в полном объёме будет осуществлена в 2021 г. Согласно целевому варианту прогноза, достижение среднерегionalного уровня в заработной плате целевыми группами произойдёт на год раньше, т. е. в 2020 г.

Кроме того, если в базовом сценарии индексация заработных плат нецелевой категории бюджетников на уровень инфляции прошлого года предполагается с 1 октября, то в умеренно-оптимистичном сценарии – с 1 апреля, а начиная с 2019 г. предусматривается дополнительная индексация в размере половины роста реальной заработной платы в целом по экономике.

В результате запланированных мер реальная заработная плата к 2020 г. относительно 2016 г. вырастет почти на 18 % (против 11 % в базовом варианте). Среднегодовой рост реальной заработной платы за период 2017–2020 гг. составит 4,1 % по сравнению с 2,8 % – в базовом сценарии.

Индексация зарплат в бюджетном секторе

Показатель	2017	2018	2019	2020
Целевые категории работников				
базовый	с октября на ИПЦ		траектория выхода на указы к 2021 г.	
умеренно-оптимистичный	траектория выхода на указы к 2020 г.			
Прочие				
базовый	с октября на ИПЦ			
умеренно-оптимистичный	с апреля на ИПЦ	с апреля на ИПЦ + 1/2 реальной зарплаты (-1)		

Пенсионные выплаты в реальном выражении в умеренно-оптимистичном сценарии вырастут к 2020 г. относительно 2016 г. на 20 %, по сравнению с 14 %, предусмотренными в базовом. Среднегодовой рост пенсий в реальном выражении за период 2017–2020 гг. в умеренно-оптимистичном сценарии составит почти 4,6 % против 3,3 % – в базовом сценарии.

Реализация этих мероприятий позволит значительно повысить доходы населения в умеренно-оптимистичном сценарии, что окажет стимулирующий эффект на потребление домашних хозяйств.

Индексации пенсий

Показатель	2017	2018	2019	2020
базовый				
с 1 февраля	105,9	104,4	104,0	103,8
с 1 апреля	100,7	100,8	102,4	103,9

умеренно-оптимистичный				
с 1 февраля	105,9	105,7	104,7	103,8
с 1 апреля	102	103,4	103,5	104,7

За счёт этих мер темпы прироста потребительского спроса в 2017–2020 гг. ежегодно на 0,8 п. п. превысят показатели базового сценария. Рост потребительского спроса будет также благоприятствовать дополнительному ежегодному приросту инвестиций на 0,7 п. п. Среднегодовой дополнительный прирост ВВП за счёт реализации данных мер будет на 0,7 п.п. выше в 2017 г., на 0,8 п. п. в 2018 г. и в среднем на 0,1 п. п. в 2019–2020 гг.

Стимулирование экспорта

Умеренно-оптимистичный сценарий также предусматривает дополнительное стимулирование российского экспорта. Поддержка несырьевого экспорта осуществляется на базе Российского экспортного центра, который дополнительно финансируется из ФНБ в объёме 50 млрд рублей в 2017 г., 100 млрд рублей в 2018–2019 гг. и 150 млрд рублей в 2020 г. для повышения объёмов экспортных кредитов.

Более слабый рубль по сравнению с базовым сценарием позволит нефтяным компаниям в условиях стабильной фискальной политики нарастить добычу до 560 млн тонн в год. Практически весь прирост нефтедобычи пойдёт на экспорт, главным образом, в европейском направлении. К концу прогнозного периода предполагается дополнительный рост экспорта нефтепродуктов за счёт увеличения глубины переработки сырой нефти, обусловленной модернизацией российских НПЗ, которая должна завершиться к 2020 году.

Кроме того, умеренно-оптимистичный сценарий предусматривает более активную политику «Газпрома» на европейском рынке газа. Это предполагает увеличение спотовых поставок и большую ценовую гибкость при долгосрочных контрактах. В этих условиях в 2020 г. экспортная цена газа может быть на 5% ниже, чем в базовом сценарии. То есть при росте нефтяных цен на 42% в 2020 г. относительно минимума текущего года цены на газ, поставляемый в дальнее зарубежье, вырастут не более чем на 20%. Это позволит к 2020 г. дополнительно нарастить экспорт газа на европейском направлении на 9 млрд кубометров по отношению к базовому сценарию.

В умеренно-оптимистичном сценарии за период 2017–2020 гг. прогнозируется дополнительный прирост производства СПГ на 14 млн тонн за счёт ввода планируемых производств и выходом их на проектную мощность. По сравнению с базовым сценарием предполагается рост экспорта, главным образом, за счёт восточного направления.

В результате поддержки экспорта стоимостные объёмы в прогножном периоде окажутся выше на 28 млрд долларов, при этом физические приросты будут опережать показатели базового сценария на 0,9 п. п. в среднем за год.

Экспорт

Показатель	2017	2018	2019	2020
млрд долларов США				
Базовый	322	348	359	372
Умеренно-оптимистичный	325	354	367	382
темп роста в физическом выражении, %				
Базовый	1,5	2,2	1,5	1,4
Умеренно-оптимистичный	2,6	3,1	1,8	2,6

Развилки бюджетной политики: ограничение нефтегазового дефицита и стимулирующая функция бюджета

В 2016 г. в условиях более низких цен на нефть по сравнению с 2015 г. ожидается снижение доходов федерального бюджета на 1,4% ВВП. В то же время сокращение расходов по сравнению с предыдущим годом оценивается только на уровне 0,1% ВВП, что приводит к росту дефицита бюджета с 2,4% ВВП в 2015 г. до 3,5% ВВП в 2016 г. В 2017–2019 гг. доходы федерального бюджета к ВВП относительно стабилизируются, несколько сократившись с 16,2% в 2017 г. до 15,3% в 2019 г. В основном снижение будет связано с отсутствием роста нефтегазовых доходов: рост цены на нефть будет компенсироваться укреплением рубля.

В отношении расходов федерального бюджета в 2017–2019 гг. в соответствии с правительственными установками предполагается их замораживание в номинальном выражении на уровне 2016 г. Это приведёт к тому, что в 2019 г. уровень расходов может быть на 3,3–3,4% ВВП ниже, чем в 2016 г. В реальном выражении расходы федерального бюджета сократятся за три года на 19,4%. Такая политика ценной сжатия в реальном выражении базовых расходов на инвестиции и развитие человеческого капитала позволит к 2019 г. снизить бюджетный дефицит до уровня 0,4% ВВП.

Основным источником финансирования дефицита бюджета в 2016 г. является Резервный фонд, который расходуется в объёме 3,5% ВВП. В 2017 г. может быть израсходован остаток Резервного фонда в объёме 0,6% ВВП, а основным источником покрытия дефицита станут государственные заимствования на внутреннем рынке. В 2017 г. в базовом сценарии необходимый объём чистого привлечения на внутреннем рынке оценивается на уровне 1 трлн рублей. В последующие годы по мере сокращения дисбаланса бюджета потребности в заимствованиях сокращаются – в 2019 г. в рамках базового сценария требуемая величина чистого привлечения на внутреннем рынке оценивается всего на уровне около 0,4 трлн рублей.

Ускорение роста потребительских цен в 2015 г. привело к существенному сокращению покупательной способности заработных плат работников бюджетного сектора и пенсионеров. Отсутствие индексации заработных плат в бюджетном секторе в 2016 г. и лишь частичная компенсация потерь пенсионеров от роста потребительских цен закладывает вероятность более быстрой индексации этих расходов, чем предполагается в проекте бюджета, в условиях предвыборного цикла в 2017 г.

В случае переноса периода индексации зарплат работников бюджетного сектора и довольствия военнослужащих с октября на апрель 2017 г. расходы федерального бюджета увеличатся на 183 млрд рублей, а дефицит бюджета в 2017 г. повысится с 2% ВВП до 2,3% ВВП. В то же время, эта мера позволит поддержать доходы населения, которые дополнительно вырастут в 2017 г. на 0,5 п. п.

В случае принятия решений о компенсации работникам бюджетного сектора, военнослужащим и пенсионерам потерь, связанных с ускорением инфляции в 2015 г., за счёт дополнительной индексации зарплат в апреле 2017 г. на уровень ИПЦ 2015 г., а также дополнительной индексации пенсий в феврале 2017 г. на уровень ИПЦ 2015 г. за минусом проведённой индексации пенсий в 2016 году в размере 4%, расходы федерального бюджета увеличатся на 827 млрд рублей, а дефицит федерального бюджета увеличится до 3% ВВП. Эта мера позволит увеличить рост доходов населения в 2017 г. на 2,2 п. п.

Макроэкономические и бюджетные показатели, как известно, существенно зависят от цены на нефть. В официальных проектировках бюджета используется стабильная цена на нефть на уровне 40 долларов за баррель на ближайшие три года. В этом случае ситуация с бюджетом, естественно, будет значительно тяжелее не только в результате низких доходов от нефти, но и в результате меньшего экономического роста – российская экономика выйдет из стагнации лишь в 2018 г. При таких ценах объём экспорта будет относительно стабильным и не превысит 300 млрд долларов США. Курс доллара в прогнозном периоде будет находиться на уровне 64–65 рублей за доллар США, что ниже, чем в базовом варианте прогноза Внешэкономбанка.

Макроэкономические показатели прогноза в сценарии «нефть 40» в 2017–2019 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Цена на нефть, долларов за баррель	51	40	40	40	40
ВВП, %	-3,7	-0,7	0,0	1,4	1,6
Инвестиции, %	-8,4	-5,3	-0,3	2,7	1,9
Оборот розничной торговли, %	-10,0	-4,6	0,4	1,9	2,9
Индекс потребительских цен, в среднем за год	15,5	7,2	5,8	5,4	4,5
Экспорт, млрд долларов США	341	280	288	297	305
Импорт, млрд долларов США	193	184	194	205	215
Курс доллара среднегодовой, руб./долл. США	60,7	67,9	65,1	65,0	64,5

Восстановление внутреннего спроса в 2017–2019 гг. будет более медленным. Рост розничных продаж составит 0,2–2,9% в год, а инвестиционный спрос в 2017 г. продолжит сокращаться и только в 2018–2019 гг. его рост возобновится на уровне 1,9–2,7%. В этих условиях рост ВВП ожидается только в 2018–2019 гг. и в среднем за год будет на 0,3 п. п. ниже, чем в базовом сценарии.

Показатели федерального бюджета

Показатель	2015	2016	2017		2018		2019	
			Баз.	Нефть 40	Баз.	Нефть 40	Баз.	Нефть 40
ДОХОДЫ	13 656	12 873	14 451	12 981	14 813	13 323	15 387	14 042
% к ВВП	16,9	15,5	16,2	14,9	15,6	14,3	15,3	14,1
Нефтегазовые	5 863	4 976	6 222	4 856	6 037	4 621	6 003	4 721
% к ВВП	7,3	6,0	7,0	5,6	6,4	5,0	6,0	4,7
Ненефтегазовые	7 793	7 897	8 229	8 125	8 777	8 702	9 384	9 321
% к ВВП	9,6	9,5	9,2	9,3	9,3	9,3	9,3	9,4
РАСХОДЫ	15 611	15 787	15 787	15 787	15 787	15 787	15 787	15 787
% к ВВП	19,3	19,1	17,7	18,1	16,7	17,0	15,7	15,8
САЛДО (-дефицит)	-1 955	-2 915	-1 336	-2 806	-974	-2 464	-401	-1 745
% к ВВП	-2,4	-3,5	-1,6	-3,3	-1,0	-2,6	-0,4	-1,8

Если бюджет базируется на цене 40 долларов за баррель при вероятной цене в 50 и более долларов за баррель, то тем самым не столько занижается уровень расходов, сколько задаётся достаточно искажённая система макроэкономических сигналов для субъектов экономики об уровне валютного курса, темпов роста, потенциального уровня внутренних заимствований. Это повышает неопределённость экономической политики и препятствует инвестиционно-ориентированному поведению.

В умеренно-оптимистичном сценарии доходы федерального бюджета прогнозируются на более высоком уровне, чем в базовом сценарии, в основном за счёт более слабого курса и более высоких благодаря ускорению роста нефтегазовых доходов. По отношению к ВВП доходы в 2017–2019 гг. также снижаются, но в меньшей степени: с 16,3% до 15,5% ВВП.

В рамках умеренно-оптимистичного сценария расходы увеличиваются дополнительно к базовому сценарию на 0,5–1,3 трлн руб. ежегодно за счёт роста зарплат в бюджетном секторе, дополнительного трансферта пенсионному фонду, дополнительных расходов на финансирование госпрограмм, а также дополнительных стимулирующих расходов инвестиционного характера. При этом, несмотря на дополнительные расходы, в реальном выражении объём расходов к 2019 г. будет меньше на 12% по сравнению с 2015 г. Можно сказать, что это также достаточно консервативный бюджетный вариант и определённый потенциал дальнейшей активизации бюджетной политики существует.

Более благоприятная ситуация в сфере бюджетных доходов приведёт тому, что дефицит федерального бюджета будет сокращаться быстрее (1,3% ВВП в 2017 г., 0,3% в 2018 г.) и достигнет профицита в 0,2% в 2019 г. Такая динамика бюджетной сбалансированности позволяет в среднесрочном плане ещё более увеличить бюджетные расходы (ограничить их падение в реальном выражении) при условии их позитивного вклада в экономический рост.

**Параметры федерального бюджета в базовом сценарии (1)
и умеренно-оптимистичном сценарии (2)**

Показатель	2015	2016	2017		2018		2019	
			1	2	1	2	1	2
ДОХОДЫ	13 656	12 873	14 451	15 152	14 813	16 340	15 613	17 206
% к ВВП	16,9	15,5	16,2	16,3	15,6	15,9	15,5	15,5
Нефтегазовые	5 863	4 976	6 222	6 700	6 037	7 099	6 003	7 255
% к ВВП	7,3	6,0	7,0	7,2	6,4	6,9	6,0	6,5
Ненефтегазовые	7 793	7 897	8 229	8 451	8 777	9 241	9 610	9 951
% к ВВП	9,6	9,5	9,2	9,1	9,3	9,0	9,5	8,9
РАСХОДЫ	15 611	15 787	15 787	16 329	15 787	16 329	15 787	17 031
% к ВВП	19,3	19,1	17,7	17,6	16,7	16,2	15,7	15,3
САЛДО (-дефицит)	-1 955	-2 915	-1 336	-1 177	-974	-309	-174	175
% к ВВП	-2,4	-3,5	-1,6	-1,3	-1,0	-0,3	-0,2	0,2

Денежно-кредитная сфера: между таргетом инфляции и таргетом роста

Базовый сценарий предполагает, что укрепление рубля и снижение инфляции создадут условия для существенного снижения процентных ставок, при сохранении их достаточно высокого уровня в реальном выражении. Прогнозируется, что Банк России снизит ключевую ставку до 9,5% к концу 2016 г. и до 6,25% к 2020 г.

Восстановление спроса на кредиты со стороны предприятий будет происходить медленными темпами. Так, в 2016 г. номинальный прирост кредитного портфеля составит всего лишь 0,1%, а с исключённой валютной переоценкой – 3,9%. На протяжении всего прогнозного периода прирост кредитов предприятиям будет исчисляться однозначными цифрами за исключением 2020 г., когда он составит 10,5%. В результате отношение портфеля банковских кредитов реальному сектору экономики к ВВП сократится с 42,8% в 2015 г. до 41,4% по итогам 2020 г.

В то же время, начиная с 2017 г. мы ожидаем более активного роста кредитования населения, что будет обусловлено как стагнацией спроса на корпоративные кредиты, так и более высокими ставками розничного сегмента кредитного рынка. Кроме того, свою роль будет играть и эффект низкой базы. В результате темпы прироста портфеля розничных кредитов перейдут к двузначным значениям уже в 2018 г.

Существенное влияние на динамику показателей банковского сектора, а также монетарных агрегатов, продолжит оказывать бюджетная политика. Необходимость финансирования дефицита бюджета за счёт расходования средств Резервного фонда уже в 2016 г. приведёт к переходу банковской системы к ситуации структурного профицита ликвидности¹.

¹ *Структурный дефицит ликвидности банковского сектора* – состояние банковского сектора, характеризующееся существованием устойчивой потребности у кредитных организаций в привлечении ликвидности за счёт операций с Банком России. Обратная ситуация – наличие устойчивой потребности у кредитных организаций в размещении средств в Банке России – представляет собой структурный профицит ликвидности. Расчётный уровень структурного дефицита/профицита ликвидности представляет собой разницу между задолженностью по операциям рефинансирования и операциям абсорбирования Банка России.

Это, с одной стороны, будет оказывать понижающее воздействие на все процентные ставки в российской экономике, а, с другой, будет вести к росту денежных агрегатов. Так, прирост узкой денежной базы в текущем году составит 1,8%, а далее в базовом сценарии будет расти более быстрыми темпами, которые в 2020 г. достигнут 6,8%. Денежная масса в национальном определении (M2), благодаря бюджетным расходам, за 2016–2017 гг. увеличится на 26%, в последующие годы продолжит расти с темпами 10% в год. При низких ценах на нефть темпы роста M2 могут испытать ещё большее замедление начиная уже с 2017 г.

Темпы роста отдельных показателей денежно-кредитной сферы

Показатель	2016	2017		2018		2019		2020
		баз.	40	баз.	40	баз.	40	баз.
Ключевая ставка (среднегодовая)	10,25	8,25	9,5	7,4	8,3	6,4	7,6	6,25
Кредиты (по фиксированному курсу)								
предприятиям	103,9	105,3	104,1	107,7	105,2	109,0	106,5	110,5
населению	102,1	107,7	105,7	110,9	107,8	111,9	109,8	113,9
Депозиты населения	108,3	108,9	108,5	109,6	107,7	109,2	107,9	109,5
Денежная база (узк.)	101,8	103,2	102,1	103,9	103,5	108,5	104,5	106,8
% ВВП	10,8	10,3	10,4	10,1	10,1	10,3	9,9	10,2
Денежная масса, M2	114,5	110,4	108,7	109,8	107,9	110,4	108,2	109,2
% ВВП	49,5	50,9	51,2	52,5	51,6	54,4	52,2	55,5

Динамика отдельных показателей деятельности банков

Показатель	2016	2017		2018		2019		2020
		баз.	40	баз.	40	баз.	40	баз.
Чистые требования банков к государству / рублёвые кредиты предприятиям, в %	14,6	17,3	23,1	19,6	30,8	19,2	34,4	14,2
Чистые требования банков к государству / рублёвые кредиты экономике, в %	10	11,7	15,6	13,1	20,8	12,8	23,1	9,4

При менее благоприятной траектории цен на нефть возникнет достаточно острая конкуренция государства с реальным сектором экономики за кредитные ресурсы. В рамках сценария 40 долларов за баррель прирост рублёвой части портфеля предприятиям нефинансового сектора экономики в 2017 г. составит менее 1,3 трлн рублей, в то же время на покупку государственных ценных бумаг банками будет направлено почти 2,4 трлн рублей. Поддержание объёма чистых заимствований федерального бюджета на внутреннем рынке на уровне 2,5 трлн рублей в 2018 г. не позволит банкам нарастить кредиты компаниям более чем на 1,8 трлн рублей. В базовом сценарии подобного доминирования операций с госдолгом перед кредитными не ожидается. Так, даже в 2017 г., когда на покупку ОФЗ банки потратят около 1 трлн рублей, на кредиты предприятиям ими бу-

дет направлено 1,5 трлн рублей. Ограничение дефицита бюджета в 2018 г. на фоне исчерпания Резервного фонда приведёт к росту портфеля государственных ценных бумаг на балансе банков на 1,0 трлн рублей, что существенно меньше по сравнению с прогнозируемым приростом рублёвого портфеля кредитов компаниям на 2,3 трлн рублей.

Ускорение роста экономики невозможно без умеренного смягчения денежно-кредитной политики, которое выражается не столько в увеличении объёмов эмиссии (хотя они выше, чем в базовом варианте), сколько в более активном снижении процентных ставок и формировании целевых каналов поддержки инвестиционных кредитов. Если ключевая ставка Банка России к концу 2020 года в базовом прогнозе опускается до 6,25%, то в умеренно-оптимистичном она составит 5,75%.

Прирост кредитного портфеля в этом сценарии выходит в двузначную плоскость уже в 2018 г., а в 2020 достигает отметки 13,4%. Всего же за прогнозный период кредиты нефинансовым организациям увеличатся на 56,3%. Тем не менее, такой рост не приведёт к надуванию пузыря на этом сегменте рынка: отношение портфеля банковских кредитов реальному сектору экономики к ВВП сократится с 42,8% в 2015 г. до 42,3% по итогам 2020 г.

Розничное кредитование при реализации умеренно-оптимистичного сценария также развивается ускоренными темпами. Уже в 2017 г. прирост кредитов населению составит 9,7%, а в целом за 2016–2020 гг. – 70,2%. Такой результат будет достигнут благодаря как более высокому спросу на кредиты со стороны населения, так и их большей маржинальности для банков.

Учитывая все эти факторы, можно ожидать, что узкая денежная база за 2016–2020 гг. вырастет на 43,1%. Денежная масса в национальном определении будет расти двузначными темпами на всём прогнозном периоде, и почти удвоится за эти пять лет (прирост 88,1%).

Темпы роста отдельных показателей денежно-кредитной сферы

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Ключевая ставка (среднегодовая)	10,25	8,4	7,9	6,75	5,9
Кредиты (по фиксированному курсу)					
предприятиям	103,9	107,1	110,2	112,5	113,4
населению	102,1	109,7	114,8	114,9	115,9
Депозиты населения	108,3	108,9	110,2	112,5	112,9
Денежная база (узк.)	101,8	107,5	109,5	113,1	105,5
% ВВП	10,8	10,3	10,2	10,7	10,4
Денежная масса, М2	114,5	112,2	113,3	114,9	112,5
% ВВП	49,5	49,5	50,6	53,9	55,8

В стимулирующем варианте Банк России модифицирует политику таргетирования инфляции в сторону многофакторного таргетирования, обеспечивающего контрцикличность денежно-кредитной политики, и позволяющего учитывать как шоки предложения, так и шоки платёжного баланса, влияющие на динамику цен и реального роста. Рост ВВП не может

быть прямой целью Банка России, так как его динамика, как, правда, и динамика цен, зависит от целого ряда во многом немонетарных факторов. Однако меры денежной политики, такие как сдерживание укрепления курса рубля и создание специальных каналов эмиссионной поддержки инвестиций (что означает умеренные дополнительные объёмы эмиссии и пониженный уровень ставок для этих инструментов), являются значимым среднесрочным фактором ускорения экономического роста.

Если базовый вариант прогноза фактически означает стагнацию российской экономики до 2020 года, то умеренно-оптимистичный вариант характеризуется существенным позитивным приростом ВВП и инвестиций. Вместе с тем и умеренно-оптимистичный вариант развития не позволяет преодолеть ослабление позиций российской экономики в мире. При прогнозируемом росте российской экономики в умеренно-оптимистичном варианте за шесть лет на 8% (с учётом спада в 2015–2016 гг.), мировая экономика, по оценке МВФ и международных экспертных организаций, может вырасти на 20–24%. Нам ещё необходимо выработать свою модель экономики роста. Создание условий для опережающего развития российской экономики требует более мощного пакета как институциональных, структурных, так и бюджетных, и денежно-кредитных стимулирующих мер и преобразований.

Показатели 2020 г. по отношению к 2014 г. (2014=100)

Показатель	Сценарии	2020/2014
ВВП, %	Базовый	102
	Умеренно-оптимистичный	108
Инвестиции в основной капитал, %	Базовый	98
	Умеренно-оптимистичный	117
Объём платных услуг населению, %	Базовый	110
	Умеренно-оптимистичный	113
Реальная заработная плата, %	Базовый	102
	Умеренно-оптимистичный	108
Оборот розничной торговли, %	Базовый	97
	Умеренно-оптимистичный	100
Экспорт, в физическом выражении, %	Базовый	116
	Умеренно-оптимистичный	120
Импорт, в физическом выражении, %	Базовый	98
	Умеренно-оптимистичный	98
Потребительские цены, %	Базовый	146
	Умеренно-оптимистичный	149
Реальный эффективный курс рубля, %	Базовый	114
	Умеренно-оптимистичный	93

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВЗГЛЯД БИЗНЕСА

Шохин А. Н., президент Российского союза промышленников и предпринимателей, доктор экономических наук

Российский бизнес регулярно отмечает недостаточное качество системы стратегического планирования. В кризисные периоды озабоченность данной проблемой возрастает. Опрос компаний-членов РСПП (ноябрь 2015 – январь 2016 гг.) показал, что отсутствие ясных целей, ориентиров развития страны входит в десятку ключевых ограничителей для компаний.

Подобная оценка неувидительна – Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. не реализуется, Стратегия-2020, подготовленная экспертным сообществом, так и не была утверждена. Даже план по реализации уточнённых Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2018 г. так и не принят.

Уровень реализации стратегических документов также оставляет желать лучшего. Из системных стратегических документов с начала 2000-х гг. наиболее высокий уровень исполнения зафиксирован у так называемой «программы Грефа», но и в этом случае, по экспертным оценкам, речь шла о 30 % выполненных положений стратегии. Оценку выполнения положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития никто даже не пытался сделать не только в части макропоказателей (два кризиса не могли повлиять на их достижение), но и в части предусмотренных в КДР мер.

Ситуацию должен был исправить закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», но цели, которые ставились при подготовке закона, во многом не достигнуты.

Эффективные механизмы участия бизнеса в обсуждении стратегических документов так и не появились – все по-прежнему зависит от «доброй воли» профильных министерств и ведомств.

Регулярно принимаются решения, противоречащие стратегическим целям и задачам, например, результаты активной работы по развитию малого бизнеса были нивелированы резким повышением социальных страховых взносов и закрытием или уходом в тень значительной части компаний.

Проблемы со стратегией на государственном уровне нельзя объяснить высокой волатильностью на мировых рынках и внешнеполитическими проблемами.

«Глубина» стратегического планирования у бизнеса вполне достаточна для периода экономической неопределённости. Среднесрочные стратегии развития на период от трёх до пяти лет существуют в 32 % организаций (опрос РСПП), 18,7 % опрошенных указали, что в их компаниях действуют долгосрочные стратегии на срок свыше пяти лет.

При этом срок подготовки новой долгосрочной стратегии социально-экономического развития России до 2030 г. перенесён на 2017 г. В какой-то степени складывается парадоксальная ситуация – бизнес активнее использует среднесрочное и долгосрочное планирование, чем государство.

Российские компании с уверенностью могут предсказать только одно – значительная часть проблем, с которыми сталкивается бизнес, сохранит свою актуальность в среднесрочной перспективе.

В соответствии с опросом РСПП наиболее острые проблемы, мешающие предпринимательской деятельности в России, можно сгруппировать в три блока:

1. Высокие издержки (рост цен, который занимает первое место по результатам опроса, избыточно высокие налоги, избыточно высокие страховые платежи).

2. Дефицит ресурсов для развития (недостаток квалифицированных кадров, сложность с доступом к кредитным ресурсам).

3. Неэффективное государство (высокие административные барьеры; коррупция в органах власти; неэффективная судебная система; недобросовестная конкуренция; отсутствие ясных целей и ориентиров развития страны).

Что касается санкций, то бизнес достаточно быстро адаптировался к ним. Если риск недоступности нового оборудования и технологий покоил осенью 2014 г. абсолютно все опрошенные компании, то в 2016 г. их доля не превышала 10% (опрос РСПП).

Новые вызовы и старые проблемы требуют формирования в России принципиально иной экономической модели.

Во-первых, необходимо обеспечить предсказуемость политики государства и реализацию стратегических документов на практике.

Целесообразно повысить статус стратегических документов, ужесточить ответственность органов власти за их реализацию и оценивать последствия предлагаемых решений для деловой среды, а не только для целей бюджетной консолидации. Принимаемые тактические решения не должны противоречить «духу и букве» стратегических документов.

Важно проводить обсуждения с участием бизнеса на ранних стадиях подготовки документов, а не в последний момент, когда все принципиальные решения уже приняты. Пример – пенсионная реформа, различные варианты которой циркулируют с грифом «для служебного пользования» на протяжении нескольких месяцев, но недоступны для заинтересованных сторон – работодателей и работников.

Во-вторых, абсолютным приоритетом должно стать развитие частного бизнеса. Сейчас структура экономики очевидно «перекашивается» в пользу госсектора. ФАС России оценил долю государства в экономике (включая компании с госучастием) в 70% ВВП, хотя десять лет назад она составляла лишь 35%.

Необходимо, с одной стороны, провести приватизацию госактивов, особенно в конкурентных секторах, с другой, прекратить «расползание» госкорпораций, госкомпаний и компаний с государственным участием по экономике, включая мораторий на покупку, слияние, поглощение или иное приобретение ими частных активов.

Бенефициарами от новой приватизации могут стать негосударственные пенсионные фонды, если разрешить им приобретать активы по текущей рыночной цене. При этом задача получить максимальные бюджетные доходы от продажи имущества вторично по сравнению с созданием условий для развития частного бизнеса и обеспечением долгосрочной доходной базы пенсионных фондов.

В-третьих, необходим новый подход к бюджетной политике и отказ от «бухгалтерского принципа» подготовки бюджета в пользу создания условий для развития.

Низкий дефицит бюджета или темпы инфляции – не самоцель. Если борьба с бюджетным дефицитом в ближайшие пару лет приведёт к снижению темпов экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе, то стоит задуматься о целесообразности таких подходов при формировании федерального бюджета.

Сокращение расходов должно реализовываться в первую очередь за счёт сокращения неэффективных или неприоритетных расходов, а не автоматического «срезания» по всем статьям на 5 или 10 %.

Отдельный вопрос – межбюджетные отношения. Бизнес работает в конкретном регионе и населённом пункте, но субъекты Федерации и муниципалитеты не очень заинтересованы в расширении собственной налоговой базы за счёт создания благоприятных условий для развития бизнеса. Решение данной задачи невозможно без перераспределения доходов консолидированного бюджета в пользу регионов.

В-четвёртых, принципиально важно решить задачу неэффективного правоприменения как из-за недостаточно проработанных нормативных правовых актов, так и «креатива» правоприменителей.

Бизнес нередко отсекается от публичного обсуждения законопроектов из-за отсутствия процедуры ОРВ для законопроектов, подготовленных ко второму чтению или выведения из-под этой процедуры отдельных направлений законотворчества (а это самые чувствительные для бизнеса вопросы – ставки налогов и сборов).

Подзаконные акты принимаются медленно, в лучшем случае незадолго до вступления закона в силу, в худшем – после этого. Лишь в Налоговом кодексе Российской Федерации удалось добиться жёсткой формулировки – нормативные правовые акты, предусматривающие утверждение новых форм налоговых деклараций или внесение изменений в действующие формы, вступают в силу не ранее чем по истечении двух месяцев со дня их официального опубликования. Аналогичная норма должна быть распространена на все подзаконные акты, а если они своевременно не приняты – должен переноситься срок вступления в силу базового закона.

В-пятых, необходимо переходить к последовательному снижению совокупной налоговой нагрузки и качественному улучшению налогового администрирования.

Бизнес считает существующий уровень фискальной нагрузки избыточным, а риск дальнейшего роста нагрузки после завершения объявленного Президентом Российской Федерации моратория на рост налоговой и страховой нагрузки оценивается как крайне высокий. При этом неналоговые платежи, носящие обязательный характер и составляющие значительную часть фискальной нагрузки, недостаточно урегулированы.

До настоящего времени не существовало совокупной оценки фискальной нагрузки на бизнес, которая оценивала бы все обязательные платежи. Необходимо завершить работу по проведению оценки совокупной фискальной нагрузки по методологии, предложенной РСПП, поддержанную Президентом России и Председателем Правительства Российской Федерации.

Также целесообразно закрепить принцип: при повышении качества администрирования и соответствующем росте поступлений автоматически снижаются ставки. Дополнительные доходы можно было бы поделить по формуле 50 на 50 – бюджету и бизнесу.

Необходимо активизировать подготовку проекта федерального закона, регулирующего порядок установления, исчисления и взимания неналоговых платежей.

В-шестых, необходимо повысить доступность финансирования для бизнеса в целом. Речь не идёт о том, что Банк России должен снижать ключевую ставку без оглядки на макропараметры или направить в экономику несколько триллионов рублей.

Но и ничего не делать тоже нельзя – в апреле 2016 г. средняя ставка по кредитам для нефинансовых организаций на срок от года до трёх лет составила 13,87%. Результат – даже эффективные проекты идут за деньгами в институты развития.

На заёмные средства для инновационных проектов бизнес в принципе не особо рассчитывает и оценивает как ограничитель для таких проектов нехватку собственных, а не заёмных средств – более двух третей всех респондентов выбрали этот вариант ответа (опрос РСПП).

В любом случае необходимо заняться повышением эффективности институтов развития, включая фиксацию целей, КПЭ и сроков их функционирования в момент создания, а также перевод институтов развития на единые принципы работы, включая участие бизнеса в оценке проектов.

Бизнес поддерживает системный подход, предполагающий не создание стимулов для конкретных отраслей, а формирование прозрачных и эффективных механизмов, позволяющих получить поддержку наиболее конкурентоспособным и инвестиционно активным компаниям.

В сложившейся ситуации можно предлагать либо докапитализацию всех существующих институтов развития, либо рассмотреть возможность предоставления дополнительных средств Банка России на программу рефинансирования для проектов наиболее эффективных институтов. Условие – прозрачность для Банка России процедур отбора проектов и эффективный контроль их реализации. Правда, Банк России уже заявил об отказе направлять средства на новые проекты в рамках механизма проектного финансирования – только на ранее одобренные.

В-седьмых, много сделано для повышения роли малого и среднего бизнеса в экономике, принята Стратегия развития малого и среднего бизнеса до 2030 г., создана Корпорация МСП, но ситуация принципиально не меняется. Доля малого и среднего бизнеса и в ВВП, и в количестве занятых остаётся неприемлемо низкой (около 20%).

Предстоит реализовать целый ряд мер по повышению доступности финансовых ресурсов для малого и среднего бизнеса. По оценкам Банка России, в апреле 2016 г. разница между средневзвешенными процентными ставками по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в рублях на срок до года, в целом по России и для МСП составляла 3,36 п. п.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для встраивания малого и среднего бизнеса в цепочки добавленной стоимости крупных компаний.

Но главное – это повысить заинтересованность граждан России в открытии своего дела.

В-восьмых, одной из наиболее серьёзных российских проблем является состояние инфраструктуры. 48,7% компаний, опрошенных РСПП, оценивают как плохое состояние автомобильных дорог, 51% дали такую оценку портовой инфраструктуре, 43% – системе водоснабжения и водоотведения. И только в телекоме доля негативных оценок менее 10%.

Речь идёт не только о наиболее масштабных федеральных проектах, хотя по оценкам Минтранса России лишь 10% федеральных дорог соответствуют современным стандартам по скорости, безопасности и качеству.

Без нормальных дорог между райцентрами (не говоря о дорогах в населённых пунктах) невозможно ни обеспечить высокое качество жизни, ни создать условия для развития бизнеса. Формат ГЧП может быть эффективен и для «малых» инфраструктурных проектов.

В-девятых, требуется завершение работы по корректировке системы государственного регулирования. Направлений достаточно много – от радикального изменения системы контроль/надзор, до перехода на полноценное электронное взаимодействие, включая возможность использовать одну электронную подпись для взаимодействия со всеми органами власти.

Отдельный вопрос – внеэкономические риски бизнеса, связанные с действиями органов власти. Необходимо освободить бизнес от ответственности, если он действует в соответствии с разъяснениями и предписаниями ФОИВов. Одновременно стоит ввести работающую систему возмещения органами власти ущерба, причинённого бизнесу, даже в тех случаях, когда он возникает при реализации органами власти их полномочий.

Тем более что Президент России уже дал поручение по решению ещё более сложной задачи – представить предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в части, касающейся усиления ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, приведших к необоснованному уголовному преследованию предпринимателей и прекращению ими хозяйственной деятельности.

В-десятых, ситуация с кадрами в России остаётся сложной даже в кризис. Более 60% компаний, опрошенных РСПП, говорят о дефиците квалифицированных рабочих, 50% – о нехватке операторов, аппаратчиков, машинистов, а 30% жалуются на отсутствие адекватных кандидатов на руководящие должности.

Ведётся подготовка профессиональных стандартов, принят Федеральный закон «О независимой оценке квалификации», предусматривающий создание объединениями работодателей с участием профсоюзов и государства системы независимой оценки квалификации на соответствие профессиональным стандартам и квалификационным требованиям.

Но этого недостаточно – необходимо расширять стимулирование инвестиций работодателей в профессиональное образование – в условиях сложной экономической ситуации это эффективное решение и для государства, и для бизнеса.

Это далеко не все направления формирования стратегии развития. Бизнес участвует в процессе подготовки новой Стратегии-2030 и надеется на то, что Стратегия позволит трансформировать неконкурентоспособную структуру экономики России в инновационную, открытую и эффективную.

РОССИИ НУЖНА КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ С АКЦЕНТОМ НА НЕСЫРЬЕВОМ СЕКТОРЕ И НОВАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТРАСЛЕВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, ОСНОВАННАЯ НА РОСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Титов Б. Ю., Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Вызов времени

В Указе Президента России от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» были даны чёткие целевые ориентиры. К 2020 г. в России должно быть создано и модернизировано **25 млн высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ)**, а производительность труда к 2018 г. должна вырасти в полтора раза относительно уровня 2011 г. В 2016 г., когда мы со всей очевидностью наблюдаем неспособность старой экономической модели дальше обеспечивать рост, эти ориентиры приобретают ещё большую значимость. При этом за истёкшие 4 года мы до сих пор не приняли **полноценной программы социально-экономического развития**. Фактически мы топчемся на месте в поисках «дна» или уповая на рост цен на энергоносители.

Важно понимать, что **стагнация в экономике началась до падения цен на нефть**. Так, в первом квартале 2013 г. российская экономика выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 0,6%, что было в девять раз меньше, чем в 2012 г. Это снижение – больше, чем падение ВВП в первом квартале 2015 г. Поэтому нельзя объяснять нынешний спад в экономике внешними факторами и форс-мажорными обстоятельствами. Также нельзя больше оправдывать отсутствие программы развития изменившимися условиями и необходимостью предпринять «пожарные» меры по латанию дыр в сократившемся бюджете, привыканием к «новой нормальности». Пока мы привыкаем, уровень жизни продолжает падать (реальные располагаемые доходы упали на 10% за 2 года), доля России в мировой экономике сокращается (с 2,9% в 2013 г. до 1,8% в 2015 г.). Пропорционально мы теряем геополитическое влияние и компенсировать его за счёт активных военных и дипломатических действий долго не получится.

В 2016 г. снижение ВВП продолжится, сейчас этот показатель падает уже 7 квартал подряд – впервые в истории России. При этом надо понимать, что рост менее 3% в год (меньше среднемировых значений) не может являться удовлетворительным для России, имеющей поистине огромный потенциал. Но если не предпринять срочных, полноценных и комплексных мер, по инерции мы продолжим медленное сползание вниз, и отставание от развитых стран будет увеличиваться. Сейчас мы по уровню ВВП на душу населения находимся в разряде слаборазвитых стран (69-е место в мире), а по суммарному ВВП, при сохранении текущей тенденции, мы рискуем к 2020 г. вылететь из «большой двадцатки». Другими словами,

сохранение статус-кво несёт в себе несравнимо большие риски, чем проведение давно назревших преобразований.

Несмотря на всю серьёзность стоящих перед нами задач, мы до сих пор не только не увидели программы развития, но даже не определились с **ключевыми КРІ**, по которым можно будет судить о её эффективности. Столыпинский клуб «Деловой России» предлагает в качестве такого КРІ взять число высокопроизводительных рабочих мест, которое закреплено в упомянутом в начале статьи указе Президента России. В 2015 г., исходя из КРІ 25 млн ВПРМ, была разработана концепция среднесрочной программы развития «**Экономика Роста**», состоящая из **10 пунктов**, при комплексной реализации которых возможно достижение указанного целевого ориентира к 2025 г. Сейчас на основе этой Концепции по поручению Президента России идёт разработка полноценной среднесрочной программы реформ, которая получила название «Стратегия роста». Также разрабатывается пакет неотложных первоочередных мер по возобновлению экономического роста и недопущению дальнейшего падения уровня жизни граждан, который станет также подготовкой для проведения полномасштабных реформ.

По уровню производительности мы в два с лишним раза отстаём от развитых стран ОЭСР, что говорит о неэффективности российской экономики. Рост производительности возможен за счёт **инвестиций в обновление текущих и создание новых современных мощностей**. Но сейчас реализации инвестиционных проектов мешают **чрезмерно высокие издержки**:

- на соблюдение всех, зачастую избыточных, требований контроля и надзора;
- на уплату налогов, не стимулирующих новые проекты;
- на оплату услуг естественных монополий, тарифы на которые продолжают расти для конечных потребителей быстрее инфляции;
- на оплату чрезмерно высоких, откровенно запретительных ставок по кредитам.

Высокие риски, связанные с частым изменением законодательства и всё новыми законами, вводящими новые ограничения для бизнеса (а значит и новые непроизводственные издержки), не только не снижаются, но и растут. Таким образом, **соотношение риск/доходность**, по которому инвесторы принимают решение о капиталовложениях, в России не является удовлетворительным. То есть реализация новых инвестпроектов в большинстве секторов лишена экономического смысла, в этом кроется **основная причина низких темпов экономического развития**.

Эту ситуацию невозможно исправить точечной поддержкой ограниченного круга предприятий через существующие институты и инструменты развития. Взять к примеру, Фонд развития промышленности, бюджет которого – всего 20 млрд рублей в 2016 г. (и столько же в 2015 г.) на всю Россию. При этом заявок уже поступило на 486 млрд рублей. Точечная поддержка МСП также не может охватить сколько-нибудь существенный процент предприятий.

Поэтому России нужна масштабная программа реформ, направленная на **создание условий** для развития (на снижение издержек для бизнеса) и на стимулирование инвестиционного процесса.

Более того, России необходим **новый общественный договор**, который будет заключаться в объединении усилий всех социальных групп, всех

ветвей власти и ведомств, направленных на социально-экономическое развитие. Старая модель общественного договора, державшаяся на перераспределении сырьевой ренты, больше не способна обеспечивать общественное благосостояние, так как денег в бюджете становится все меньше, что прямым образом угрожает социальной стабильности. У России есть огромный потенциал экономического развития в несырьевых, в том числе современных высокотехнологичных отраслях, но для их развития, повторюсь, нужно создать действительно благоприятные условия. На начальном этапе стоит задача активизации существующих источников роста – малых и средних предприятий, промышленности, в которой пока сохраняется большой потенциал для импортозамещения за счёт наличия свободных мощностей и ослабевшего курса рубля. На втором этапе доходы, полученные от развития традиционных отраслей, должны быть направлены на увеличение инвестиций в отрасли, создающие человеческий капитал – науку, образование и здравоохранение. Таким образом, мы получим современную, сильную, стабильную и диверсифицированную экономику и сможем занять достойное место в мире. Сейчас доля России в мировом ВВП сокращается, чтобы только остановить этот процесс, мы должны расти не ниже 3% в год. Для увеличения доли России в мировой экономике и увеличения геополитического веса нашей страны, нам нужны темпы роста 5–6% в течение долгого времени. Для этого в ближайшее время необходимо реализовать полноценную программу преобразований, которая в прямом смысле слова даст волю предпринимательской инициативе.

Долгий период высоких цен на нефть заставил слишком многих поверить, что нам не нужен малый и средний бизнес, обрабатывающая промышленность, массовое развитие высокотехнологичных предприятий, что нам достаточно крупных сырьевых и естественных монополий для наполнения бюджета и выполнения социальных обязательств. Кризис показывает, что это не так.

Для того чтобы переломить негативную тенденцию и перейти к качественному росту, **необходимо:**

1. Обеспечить новые инвестиционные проекты в производственном секторе и сегмент малого и среднего бизнеса доступными и под низкую ставку долгосрочными кредитными ресурсами. Для этого необходимо перейти к умеренно-мягкой денежно-кредитной политике, нацеленной на рост экономики, и обеспечивающей опережающее денежно-кредитное предложение. Сейчас крайне дорогие кредиты высасывают все соки из предприятий и населения. Это, во-первых, не даёт российским производителям использовать потенциал импортозамещения, образовавшийся из-за падения курса рубля, во-вторых, снижает потребительский спрос, так как население вынуждено значительную часть своих доходов тратить на оплату кредитов, не может позволить себе взять ипотеку и т. д. Это ключевой пункт. Мы считаем, что Банк России должен беспокоиться не только о низкой инфляции, но также об экономическом росте. Только развитие собственной экономики может привести к долгосрочному снижению инфляции, так как её высокие темпы возникли из-за удорожания импортных товаров и комплектующих.

2. В случае сохранения волатильности рубля необходимо бороться с ней мерами мягкого валютного регулирования. Это снизит инфляцион-

ные ожидания и позволит экспортоориентированным предприятиям более уверенно смотреть в будущее.

3. Реформировать систему ценообразования на услуги инфраструктурных и сырьевых монополий. Нельзя рассматривать такие предприятия как источники налоговых поступлений и центры прибыли – промышленные предприятия могут дать бюджету значительно больше. Поэтому естественные монополии должны рассматриваться как сервисные компании, предоставляющие широкому кругу потребителей доступные и качественные услуги.

4. Провести налоговую реформу, стимулирующую качественный экономический рост. На первом этапе необходим широкий набор налоговых стимулов инвестиционного процесса: налоговые каникулы для новых производственных проектов, налоговые льготы, стимулирующие обновлять мощности, вести исследования и разработки. На втором этапе нужно сменить приоритеты с налогообложения производства на налогообложение потребления и обеспечить стабильность налоговой политики.

5. Кардинально снизить административное давление на бизнес, устранив излишнее регулирование и снизив количество проверок. Сейчас предприниматели – единственная социальная группа, которая своими усилиями, своим талантом создаёт добавленную стоимость, находится в откровенно угнетённом положении. Высокое административное давление не только сокращает налогооблагаемую базу (за счёт ухода в «тень», за счёт закрытия предприятий или просто отказа от идеи открыть бизнес), но и порождает масштабную коррупцию: ведь одновременное выполнение всех норм и регламентов фактически невозможно, а значит, если ты хочешь работать, ты вынужден давать взятки. В конце концов, вся армия контролирующих чиновников работает сама на себя, так как львиную долю собираемых налогов приходится тратить на обслуживание контрольно-надзорного аппарата.

6. Создать правовое государство, вернув реальную, а не мнимую независимость судей. Сейчас третья ветвь власти находится в подчинённом положении, что даёт простор для неправосудных решений. Защита своих интересов в суде должна быть гарантированно справедливой и исключать возможность влиять на правосудие со стороны вышестоящих судебных органов.

7. Активировать, ввести в коммерческий оборот «спящие», прежде всего имущественные и земельные активы государства. Государство не может управлять активами эффективнее частного предпринимателя, поэтому все нестратегические активы должны участвовать в рыночном обмене. Это не только будет увеличивать налогооблагаемую базу и доходы бюджета, но и устранил возможность сомнительных или неэффективных схем использования государственных активов.

8. Создать в России электронное государство (I-State). Современное государство для человека не может существовать по стандартам, принятым в советское время. Оно должно быть удобным и эффективным. Добиться этого можно за счёт дальнейшего внедрения электронных технологий, перевода максимального количества процедур (услуг, отчётов и т. д.) в электронную форму.

9. Сформировать в России открытую экономику и обеспечить развитие международной кооперации. Россия должна стать центром притяжения

капиталов и талантов, активно монетизировать своё выгодное транспортно-географическое положение между Европой и Азией. В перспективе нескольких десятилетий наша страна может сравняться по экономическому потенциалу с Китаем и США, но для этого надо быть открытыми, учиться конкурировать, внедрять новые передовые технологии. Мы должны притягивать соседей посредством «мягкой силы», в Россию должны возвращаться наши эмигрировавшие соотечественники. Но для этого они должны чувствовать уверенность в будущем, свою необходимость стране. Сейчас люди, больше всего способные к инновациям, вынуждены покидать родину. Это напрямую связано с формированием враждебного отношения большинства к т. н. «креативному меньшинству». При этом наши школьники продолжают занимать первые места на мировых олимпиадах, но надо обеспечить для них достойные условия для труда и творчества, что неразрывно связано с уровнем зарплат в науке, с комфортностью среды, с эффективным и удобным государством, т. е. с качеством жизни.

10. Обеспечить модернизацию экономики квалифицированными кадрами. Важным звеном в обеспечении модернизации экономики должна стать современная модель инженерного образования. Наши институты по-прежнему дают качественные знания, но нам необходимо усилить их практикоориентированность, интеграцию российских вузов в международный обмен знаниями, наработать опыт коммерциализации научных исследований. Для этого необходимо повысить уровень знания английского языка как языка международного общения.

Для успешных преобразований нам также нужно создать эффективную **систему управления реформами** и, прежде всего, отделить управление стратегическим развитием от управления текущим состоянием экономики, создав единый центр реформ – Администрацию роста, подчинённую Президенту России.

Мы надеемся, что депутатский корпус также поддержит нашу программу и решительность. В текущих условиях нам надо быть смелее.

Динамика ВПРМ как основной КРІ

До сих пор в России нет единой позиции относительно того, что же считать высокопроизводительным рабочим местом. Более того, сейчас в расчётах государственных органов, институтов развития и субъектов Федерации используется методика, которая не даёт адекватного представления о числе высокопроизводительных рабочих мест. Речь идёт о методике, разработанной Федеральной службой государственной статистики России (далее – **методика Росстата**), в которой за основу берётся показатель заработной платы на одного работника. Это приводит к **завышению количества ВПРМ в организациях с высокой заработной платой** (но не всегда высокой производительностью): в бюджетных организациях, госкомпаниях и предприятиях нефтегазового сектора. Методика расчёта ВПРМ на основе заработной платы несёт в себе явные **угрозы** при установке этого показателя в качестве КРІ для органов государственной власти и институтов развития, ответственных за стимулирование роста сырьевого коммерческого сектора. Прежде всего, это опережающий

рост заработной платы в бюджетном и квазигосударственном секторе, не связанный с ростом производительности труда.

В качестве альтернативы «Деловая Россия» предлагает методику, используемую в мировой практике, где в качестве базы для определения ВПРМ берётся показатель **добавленной стоимости или выручки на одного работника**.

Добавленная стоимость рассчитывается по **данным налоговой отчётности для каждого конкретного предприятия** и, согласно методике, включает в себя валовую прибыль, фонд оплаты труда и страховые отчисления в ФСС, ФОМС и ПФР. То есть это показатель вклада предприятия в экономику: здесь и генерация прибыли для собственников и кредиторов, и обеспечение доходом самих сотрудников, и доходы бюджета и внебюджетных фондов.

Поэтому, на наш взгляд, данная методика должна быть принята к использованию при оценке текущей ситуации, планировании перспектив и оценке эффективности органов государственной власти и институтов развития. Данные ФНС отражают реальную ситуацию в экономике за истёкший период и исключают возможности манипулирования. Привязав оценку работы органов власти к динамике ВПРМ, мы будем также стимулировать вывод предприятий из «тени», чтобы они отражались в налоговой статистике.

Что же понимается под **высокопроизводительным рабочим местом**? Это замещённое в течение отчётного периода рабочее место в организации, в которой показатель добавленной стоимости на одного работника (для предприятий на специальных режимах налогообложения – доход на одного работника) выше целевого уровня. В качестве ориентира для сравнения мы берём среднюю производительность в отрасли в 2011 г., увеличенную в полтора раза. Коэффициент 1,5 обусловлен указом Президента России, в котором есть задача увеличить производительность труда в 1,5 раза к 2018 году.

Результаты расчётов

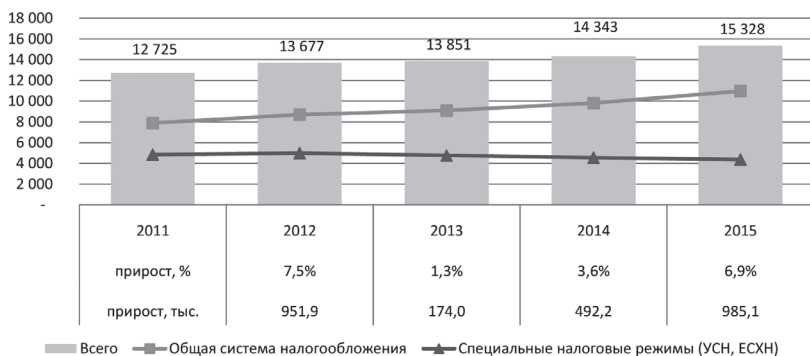
На основе этой методики был произведён расчёт динамики ВПРМ в 2011–2015 гг. За 4 года, несмотря на кризис, **высокопроизводительных мест стало больше на 2,6 млн** или на 20,5% (граф. 1).

В 2015 г. рост составил почти 1 млн ВПРМ, или 7%. Из этого миллиона **40% было создано в обрабатывающей промышленности**, то есть реальный производственный сектор экономики является локомотивом даже в кризис.

Несмотря на такой рост, мы до сих пор отстаём от наиболее развитых стран: уровень производительности в России в 2014 г. составил 42% от уровня США, так что нам есть куда расти.

При этом за указанный период рабочих мест, по данным ФНС¹, стало на 6,7 млн или на 10%, меньше. Это сокращение отчасти объясняется процессом «созидательного разрушения», когда неэффективные рабочие места заменяются эффективными. Таким образом, в целом за 2011–2015 гг. одно новое высокопроизводительное рабочее место заменило собой в среднем 2,3 старых рабочих места, если допустить, что снижение числа рабочих мест

¹ То есть это те рабочие места, которые платят налоги в бюджет.

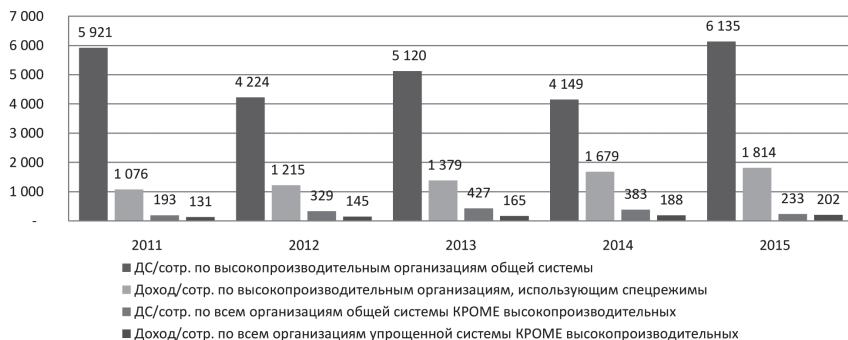
Источник: Данные ФНС, расчеты «Деловой России»

График 1. Количество ВПРМ в экономике России в 2011–2015 гг., млн ед.

не было связано с уходом в «тень». Эти данные дают сигнал о необходимости политики по переквалификации выбывающих работников.

В среднем одно высокопроизводительное рабочее место в 2015 г. генерировало 6,1 млн рублей добавленной стоимости в организациях на общей системе и 1,8 млн дохода в организациях на УСН и ЕСХН (граф. 2). Аналогичные показатели по всем остальным компаниям составили 0,23 и 0,2 млн рублей, соответственно. В среднем в 2011–2015 гг. на одном ВПРМ создавалось в **16,3 раза больше добавленной стоимости (а значит и налогов/зарплат)**, чем во всех остальных организациях общей системы. Для предприятий на упрощенной системе налогообложения разница в доходе на сотрудника составила 8,6 раза.

Таким образом, **львиная доля добавленной стоимости в России создаётся относительно небольшим числом высокопроизводительных организаций**. Доля высокопроизводительных организаций в 2015 г. составила 12,6% от общего числа компаний. Задача органов, отвечающих за разработку и реализацию отраслевой и региональной политики – поддерживать создание именно таких предприятий. Как это сделать, мы уже

Источник: Данные ФНС, расчеты «Деловой России»

График 2. Добавленная стоимость (ДС) на одного сотрудника предприятий на общей системе налогообложения и доход на одного сотрудника предприятий на специальных режимах налогообложения в России в 2011–2015 гг., тыс. руб./чел.

сказали выше: создавать условия, в которых реализация инвестпроектов по модернизации и созданию новых мощностей будет экономически целесообразной. Для этого нужно расширять налоговые льготы на новые производства, снижать стоимость кредитов, ограничивать рост тарифов и устранять избыточное административное давление.

Используя данные ФНС, можно сравнить динамику той или иной отрасли в том или ином регионе. Если отрасль важна для региона, но добавленная стоимость и число ВПРМ в ней сокращаются, это говорит о неблагоприятных условиях. Значит, издержки предпринимателей высоки, а меры поддержки, предлагаемые местными и федеральными властями, недостаточны.

Методика «Деловой России» и методика Росстата. Сравнение результатов

Интересно также сравнить результаты расчётов по методике «Деловой России» и по методике Росстата. Как видно из графика 3, в 2015 г. вслед за падением зарплат количество ВПРМ по Росстату резко снизилось на 1,5 млн.

Источник: Данные ФНС, данные Росстата, расчеты «Деловой России»

График 3. Динамика количества ВПРМ в России в 2013–2015 гг. по методике Росстата и по методике «Деловой России», тыс. ед.

В то же время расчёты на основе добавленной стоимости/дохода показывают увеличение количества ВПРМ почти на 1 млн. Стоит отметить, что новые субъекты Федерации, вошедшие в статистику с 2015 г., не дают большого вклада в итоговый показатель, так как производительность труда в Крыму пока не дотягивает до общероссийского уровня. Если доля Крымского ФО в общем числе занятых составляет 1,5%, то в количестве ВПРМ – всего 0,6% по методике «Деловой России» и 1% по методике Росстата.

Если сравнивать результаты двух методик по отраслям (табл. 1 и 2), получается, что в секторах с высокой зарплатой (недвижимость и услуги, финансовая деятельность) методика Росстата показывает превышение количества ВПРМ над расчётами по методике «Деловой России». То же касается отраслей с высокой долей бюджетных организаций (здравоохране-

ния, образования, госуправления, безопасности, транспорта). **В целом доля указанных бюджетных отраслей в числе ВПРМ по Росстату составляет 34,5%, а по методике «Деловой России» – 15,8%.** Особенно заметна разница по разделу госуправление, безопасность и социальное страхование: Росстат считает, что в этой отрасли 2,3 млн ВПРМ, или 13,7% от общего числа ВПРМ в стране. По методике «Деловой России» доля этого сектора – 0,8% ВПРМ, что, на наш взгляд, лучше отражает реальность, так как бюджетные организации генерируют низкую добавленную стоимость.

Таблица 1

Количество ВПРМ в России в 2015 г. по отраслям по методике Росстата и по методике «Деловой России», тыс. ед.

№		2015		Разница
		Методика «Деловой России»	Методика Росстата	
1	Всего	15328	16807	1479
2	Обрабатывающие производства (раздел D)	3913	3341	-573
3	Торговля и ремонт (G)	2301	1552	-749
4	Сельское хозяйство (B)	1392	321	-1071
5	Недвижимость и услуги (K)	1387	1854	467
6	Транспорт и связь (I)	1288	1789	501
7	ЖКХ (E)	907	930	23
8	Добыча полезных ископаемых (C)	764	854	90
9	Строительство (F)	741	874	133
10	Здравоохранение (N)	686	908	222
11	Прочие услуги (O)	526	259	-267
12	Финансовая деятельность (J)	495	908	413
13	Гостиницы и рестораны (H)	409	92	-317
14	Образование (M)	334	787	453
15	Госуправление и безопасность (L)	120	2307	2188
16	Рыболовство, рыбодоводство (A)	66	32	-34

Источник: Данные ФНС, данные Росстата, расчёты «Деловой России»

Таблица 2

Доли отраслей российской экономики в общем числе занятых и в количестве ВПРМ в 2015 г., %

№	Отрасль	Доля в общем количестве занятых, %	Доля в кол-ве ВПРМ, %	
			«ДР»	Росстат
1	Обрабатывающие производства (раздел D)	14,3	25,5	19,9
2	Торговля и ремонт (G)	18,4	17,7	9,8
3	Финансовая деятельность (J)	9,4	12,3	16,4
4	Сельское хозяйство (B)	6,7	9,5	2,1
5	Транспорт и связь (I)	9,5	8,4	10,6
6	ЖКХ (E)	3,2	5,9	5,5
7	Добыча полезных ископаемых (C)	2,1	5,0	5,1

№	Отрасль	Доля в общем количестве занятых, %	Доля в кол-ве ВПРМ, %	
			«ДР»	Росстат
8	Строительство (F)	7,6	4,8	5,2
9	Здравоохранение (N)	7,9	4,5	5,4
10	Прочие услуги (O)	4,3	3,4	1,5
11	Образование (M)	9,2	2,2	4,7
12	Госуправление и безопасность (L)	7,4	0,8	13,7

Источник: Данные ФНС, данные Росстата, расчёты «Деловой России»

Обратная ситуация по большинству коммерческих секторов. Из-за невысоких зарплат **показатели аграрного сектора оказываются заниженными** по методике Росстата, разница с методикой «Деловой России» составляет более 1 млн рабочих мест. В торговле тоже общий уровень зарплат невысокий, однако стремительное развитие сетевого ритейла позволило резко нарастить добавленную стоимость на одного человека и увеличить вклад этой отрасли в количество ВПРМ, что не отражается в статистике Росстата. По той же причине оказывается **недооценённым вклад обрабатывающей промышленности** в производительность в России: отрасль с самой высокой добавленной стоимостью по методике «Деловой России» включает 25,5% ВПРМ, по методике Росстата – 20%.

Динамика ВПРМ по регионам

Всего в 2011–2015 гг. в 59 регионах наблюдался прирост общего числа ВПРМ. Интересно отметить **позитивную динамику регионов центральной и северо-западной России** – Ярославской, Ленинградской, Тульской, Рязанской, Новгородской и Владимирской областей, которые конкурируют не за счёт природных ресурсов, а за счёт развития (прежде всего) обрабатывающей промышленности. **Развитие аграрно-промышленного комплекса** даёт прирост ВПРМ в чернозёмных регионах Юга России: Воронежской, Брянской, Курской, Ростовской областях. Хорошую динамику показывают также экономические лидеры Поволжья – Татарстан, Башкортостан, Ульяновская и Нижегородская области.

Хорошим показателем динамики развития региона также можно считать **изменение доли региона в количестве ВПРМ** (табл. 3). Если доля в ВПРМ растёт, значит регион развивается активнее, чем все регионы в среднем и прирост ВПРМ в нём был больше, чем в целом по экономике. Так, позитивная динамика по этому показателю в 2011–2015 гг. наблюдалась в 42 регионах. Лидерами являются Московская область, Санкт-Петербург и Татарстан – регионы с высоким экономическим потенциалом и высокой долей занятости. То есть, в общем случае, «сильные» регионы за счёт эффекта масштаба становятся ещё сильнее. Исключением здесь является **Москва**, в которой процессы концентрации экономического потенциала, наблюдавшиеся первые два десятилетия после распада СССР, сменились постепенным оттоком человеческих ресурсов и бизнес-активностей. Акцептором в этом процессе становится, прежде всего, **Московская область**, что отражает активные процессы субурбанизации в столичном регионе.

Таблица 3

Регионы России с максимальным приростом и максимальным снижением доли в общем количестве ВПРМ в 2011–2015 гг.

№	Регион	Кол-во ВПРМ, тыс.		Прирост доли в 2011–2015 гг., %
		2011	2015	
25 регионов с максимальным приростом доли в общем числе ВПРМ в России				
1	Московская область	584	922	1,67
2	Санкт-Петербург	643	950	1,39
3	Республика Татарстан	257	394	0,66
4	Архангельская область	67	149	0,49
5	Ленинградская область	106	189	0,45
6	Республика Башкортостан	210	308	0,44
7	Ростовская область	235	326	0,37
8	Ярославская область	55	114	0,34
9	Воронежская область	102	167	0,33
10	Ставропольский край	139	208	0,32
11	Нижегородская область	230	314	0,32
12	Челябинская область	219	301	0,32
13	Ульяновская область	41	84	0,24
14	Тамбовская область	51	92	0,22
15	Тульская область	86	131	0,21
16	Свердловская область	444	545	0,20
17	Самарская область	210	271	0,19
18	Белгородская область	155	204	0,16
19	Амурская область	42	68	0,13
20	Курская область	63	90	0,12
21	Брянская область	51	75	0,11
22	Владимирская область	73	100	0,10
23	Республика Саха (Якутия)	93	123	0,10
24	Рязанская область	56	79	0,10
25	Тюменская область	107	138	0,10
10 регионов с максимальным снижением доли в общем числе ВПРМ в России				
1	Вологодская область	156	126	-0,38
2	Республика Марий Эл	111	53	-0,52
3	Красноярский край	296	266	-0,52
4	Республика Мордовия	111	46	-0,57
5	ХМАО	388	365	-0,58
6	Республика Бурятия	112	43	-0,59
7	Сахалинская область	127	59	-0,60
8	Тверская область	156	85	-0,65
9	Забайкальский край	120	38	-0,69
10	Москва	3228	3337	-2,79

Источник: Данные ФНС, расчёты «Деловой России»

Динамика количества ВПРМ в целом является адекватной иллюстрацией процессов экономического развития в регионах. Если не учитывать регионы с низкой стартовой базой или нефтегазодобывающие регионы, то на общем фоне лучше других будут выглядеть субъекты Федерации, имеющие промышленный и сельскохозяйственный потенциал и проводящие активную политику социально-экономического развития.

К НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

*Сухарев О. С., заведующий сектором Института экономики РАН,
доктор экономических наук*

Проблема управления экономическим ростом – истоки

Анализируя проблему экономического роста в России, можно чётко констатировать, что, во-первых, на протяжении 2010–2014 гг. наблюдалось неуклонное сокращение темпа роста с переходом в 2015 г. в отрицательную область значений, то есть возникновение спада до $-3,7\%$ ВВП. Во-вторых, указанная динамика вплоть до конца 2014 г. сопровождалась относительным сдерживанием инфляции, возросшей при девальвации 2014–2015 гг., которая в существенной степени вызвала дополнительный рост цен (через «импортированную инфляцию»).

Первое десятилетие 2000-х гг., после запуска механизма постдевальвационного роста (девальвация 1998 г.) в 1999–2001 гг., было ознаменовано небывалым для европейских стран темпом экономического роста. Темп роста российской экономики уступал разве что Китаю, демонстрировавшему темп в 10–12%, для отдельных лет даже выше. В этот период экономический рост фактически закрепил институты и структуры сырьевой экономической системы. Можно выделить следующие соотношения, которые характеризовали данный экономический рост:

– темп роста и темп инфляции не обнаруживали никакой связи. Периоды, когда темп ВВП замедлялся, а инфляция ускорялась, сменялись периодами, когда темп ВВП увеличивался, а инфляция снижалась, либо снижался и темп ВВП, и темп роста цен. Стабильных лагов анализ не даёт, темп роста также менялся вне всякой зависимости, например в 2009 г. был сильный спад по ВВП и обработке, а уже в 2010 г. произошёл «эффект отскока», когда рост вернулся на отметку выше 4,5% и уже планомерно снижался вплоть до рецессии 2014–2015 гг., хотя планомерное снижение темпа, ставшее ощутимым уже к 2013 г., уже можно воспринимать как некую разновидность рецессии. Так, с 2000 по 2005 г. темп роста снизился с 9% до 5–6%, инфляция снизилась с 29 до 12%. Увеличение темпа роста в 2005–2007 гг. сопровождалось повышением роста цен в 2006–2008 гг. Интересно отметить, что при резком падении ВВП в 2009 г., произошло снижение инфляции с 14 до 9%. Снижение темпа роста с почти 5% в 2010 г. до 0,5% в 2014 г. и до $-3,7\%$ в 2015 г., сопровождалось соответственно увеличением инфляции с 5,1% (2012 г.) до 6,8% (2013 г.), 7,1% (2014 г.) и 12,8% (2015 г.). Таким образом, на рассмотренном интервале за пять лет вырисовывается чёткая картина политики стагфляции, когда спад производства, принимающий на начальном этапе вид торможения роста, сопровождается усилением инфляции, но при этом безработица ощутимо не возрастает. Это явление относительно новое в экономической науке, которое плохо описывается неоклассическими моделями роста-спада;

– существовала сильная детерминация роста компонентой «валовые инвестиции», которые росли довольно высоким темпом, хотя доля самой компоненты в ВВП не самая высокая, причём снижение роста инвестиций до 2% сразу сокращало темп роста ниже 1%;

– затраты на технологические инновации слабо влияли на темп роста, потому что доля их была невелика, но и при возрастании этой доли, учитывая сдержанный темп прироста в этой сфере, рассчитывать на то, что инновации будут локомотивом роста не приходится; расходы на науку и образование показывали большую силу влияния на темп роста экономики в этот период;

– экономический рост был низко технологичным, основанным на сырьевом комплексе, что подтверждало и соотношение по замещению капитала трудом и обратно, такой вид замещения, по сути, не обнаруживался, так как на одну единицу труда требовалось пять единиц капитала, что говорит о высокой доле неквалифицированного труда и простом типе воспроизводства капитала;

– экономический рост вплоть до 2014 г. происходил в условиях монетизации экономики (коэффициент монетизации увеличился за период с 14% до 47%), однако в отдельные годы темп роста денежной массы отставал от темпа экономического роста, можно предположить, что такая монетизация сдерживала темп роста экономики (противники данной оценки выдвигают иную оценку, что увеличение темпа роста денежной массы вызвало бы усиление инфляции, что затормозило бы рост). Нужно сказать, что это чисто фишеровское представление о росте, когда инфляция только тормозит экономический рост, а не сопровождает его (шумпетерианский подход к росту). Проблема в том, что наращивание денежной массы в экономике России действовало в сторону снижения цен, а не их увеличения на исследуемом интервале. По двум довольно высоким коэффициентам детерминации можно сказать, что увеличение монетизации экономики России поддерживало экономический рост ($R^2 = 0,62$), а динамика цен на нефть оказывала ещё более сильное действие ($R^2 = 0,85$). Связи между денежной массой и инфляцией не обнаруживается, так как в период, когда монетизация возрастала, инфляция снижалась (2004–2006 гг.), и когда прирост денежной массы снижался, и инфляция снижалась (2010–2013 гг.). Был период, когда снижался прирост денежной массы и увеличивалась инфляция (2006–2008 гг.). Можно предположить, что прирост денежной массы в 2004–2006 гг. дал затем рост инфляции в 2006–2008 гг., однако, как бы то ни было, на всем указанном периоде с 2000 по 2008 гг. наблюдался высокий темп экономического роста при разной инфляции, но поддерживался он не только динамикой цен на нефть (внешними факторами), но и внутренними факторами стимулирования роста и его монетизации;

– экономический рост 2000–2014 гг. обнажал структурные проблемы экономики России, которые не ставились в масштабном ключе вплоть до вышедшей из тлеющей стадии к 2015 г. рецессии, но именно такая сложившаяся структура и позволяла расти экономике «на порочных факторах» (внешняя динамика цен на углеводороды и монетизация роста внутри страны плюс доступ к иностранным кредитам, распределяемым в основном

в финансовом и сырьевом секторе, при высоком вывозе капитала, который не тормозили даже относительно высокие процентные ставки).

Важно отметить, что относительно высокий процент не только не предотвращал отток капитала, который был довольно большим все указанные годы, но и не обеспечивал притока иностранного капитала в рамках реализации парадигмы роста-развития за счёт внешних источников. Такая модель изначально подрывала безопасность России, но никто из экономических властей с подобными аргументами весь этот период особо не считался.

Иными словами, капитал не чувствителен к процентной ставке – это стало ещё одним свойством экономического роста в России. Повышение процента как мера противодействия инфляции, наоборот, приводила к повышению одного из видов цен (цены капитала), что не могло не действовать и проинфляционно. Когда произошёл обвал на валютном рынке осенью 2014 г., повышение процентной ставки как мера против импортированной инфляции была не адекватной, ибо спекулянты только переключились с одной игры на другую. Политика действенных трансакций должна приводить к ограничению спекуляции как вида агентской деятельности – и это выступает основным инструментом регулирования рынка и противодействия инфляции такого типа при сложившейся структуре экономики.

Чтобы точно говорить о том, что процентная ставка влияет на инфляцию, нужно привести коэффициенты эластичности такого влияния, то есть расчёты, что обычно властями не делается. Но проводимые в рамках наших исследований количественные оценки показывают обратное – повышение процента не тормозило инфляцию. Только суммарные действия рестриктивного характера, приводящие к существенному спаду почти в 4 %, смогли несколько снизить инфляционное давление, запущенное при высокой зависимости российской экономики от импорта и вытекающей отсюда импортированной инфляции.

Высокий процент выступает для агентов внутри страны стимулом заимствовать под низкий процент за рубежом, что увеличивает внешний частный долг. Рост долга увеличивает нагрузку по его обслуживанию, значит, программирует будущие издержки плюс условие для последующей возможной девальвации. Процент рассматривался как разновидность налога на предпринимательскую прибыль (Шумпетер), и высокий процент является символом бедности и тормозит развитие, а низкий процент выступает символом богатства, стимулом развития, но делает развитие медленным, очень постепенным. Поэтому процентные ставки по идее, если придерживаться указанного взгляда, должны соответствовать развитию – поставленным задачам. Иными словами, процент есть инструмент регуляции развития, и он не должен быть низким или слишком высоким. Вопрос об оптимальном проценте является открытым при рассмотрении вопросов развития современной экономики. В период 2000-х гг. разница по процентной ставке в России и ФРС США, и ЕЦБ была, соответственно, в 8–10 и 30–40 раз. Более того, процентная ставка изменялась асинхронно. Когда на Западе она снижалась, в России – возрастала, когда в России снижалась, на Западе – возрастала. Это обстоятельство стало условием формирования «валютно-процентного рычага», который обеспечивал

перекачку ресурсов из России на Запад (высокий отток капитала) с одновременным ростом зависимости частного сектора от внешних ресурсов развития (не только и не столько от технологий, сколько от финансов), что при примитивизации производства означало рост зависимости (частного внешнего) в условиях технологической деградации, то есть при явном ослаблении экономики по иным параметрам. Это худший вариант развития-роста, и именно он возник в России, что требует сведение задачи модернизации именно к исключению данного режима развития-роста. По существу, сложилась система, когда экономический рост при даруемых им благах и повышении уровня жизни, фактически не был заработанным населением, поскольку сложившаяся модель скрадывала «неэффективность развития», сводя ситуацию к сырьевому росту в долг. Относительно высокий процент блокировал инвестиции, хотя на данном этапе происходило обновление основного капитала и довольно высоким темпом. Но значительная доля этой динамики приходилась на возобновление капитала, а также поставки иностранного оборудования (инвестиции в новые средства производства и привлечённый капитал). Процентная ставка, превышающая рентабельность обрабатывающих секторов, нарушала процесс воспроизводства основного капитала, к тому же снижение средней рентабельности происходило при росте процента и экономическом росте системы. Такой тип роста нельзя назвать интенсивным. Отрасли с высокой рентабельностью имели и собственные средства на развитие, и был доступен для них кредит. Отрасли с низкой рентабельностью, наоборот, ограничены в своём развитии. В силу этого одни отрасли получали избыточный ресурс на развитии, другие имели недостаточный ресурс, что отражалось и в модели роста. Таким образом, формирование новой модели и управление ростом требует решения задачи распределения ресурсов между отраслями (секторами) экономики¹.

Переходя от элементов денежно-кредитной политики экономического роста, дадим коротко оценку проводимой бюджетной политики.

Бюджет и бюджетная политика являются коротким инструментом влияния на экономику, можно сказать, текущим инструментом. Фискальные ограничения подрывают возможность по многим целям бюджета и уже точно никак не связано с долгосрочными целями политики. Бюджет не видит долгосрочных стратегических целей, даже так называемый трёхлетний бюджет. Стремление обеспечить бездефицитность бюджета воспроизводит эффект Гобсека, когда ресурсы выводятся из экономики под видом борьбы с инфляцией. Финансирование программ развития происходит без учёта изменения состояния объектов, получающих и осваивающих выделенные финансы. Таким образом, бюджет является мощным ограничителем государственных инвестиций, крайне необходи-

¹ Чтобы обеспечить управляемый перелив ресурсов был предложен принцип «плохого баланса» для банковской системы и теория процентного портфеля, которые впервые были сформулированы О. С. Сухаревым в статьях 2007–2008 гг., а затем раскрыты в работе «Структурные проблемы экономики России» (М.: Финансы и статистика, 2010. Режим доступа: www.osukharev.com). Этот принцип и теория процентного портфеля получили развитие в книге «Теория реструктуризации экономики» (2016).

мых для преодоления рецессии и выхода на траекторию экономического роста и в границах «бюджетного правила» закладывает новые виды неэффективности развития, пренебрегая его стратегическим горизонтом.

Изменения налогов также способны усугублять бюджетные проблемы, причём налоги необходимо трактовать не только как фискальный инструмент, но и как стимулирующий развитие инструмент. Это требует иного подхода к проектированию налоговой системы как института. Налоговое администрирование имеет существенные ограничения в применении. Нужен подход к оптимальной системе налогообложения, которая бы формировала бюджетные доходы и, что ещё более важно, каналы расходования средств через бюджет. Именно такой подход, применяемый скандинавами, может дать для России новую модель роста и управления этой моделью посредством новой налоговой структуры.

Мифы экономической политики роста и их преодоление

Рассматривая ниже каждый миф отдельно, приведём его содержание и теоретические контраргументы, которые позволят изменить управление экономическим ростом, если выстроить систему макроэкономического управления с учётом этих аргументов.

Миф № 1. *Для организации экономического роста необходимо по-давить инфляцию до 4% в среднем к 2017 г. Примерно такая целевая установка для организации роста была принята Банком России и Правительством Российской Федерации ещё в 2014–2015 гг. до девальвации и сползания в область отрицательного темпа роста. Кроме того, неоднократно утверждалось, что увеличение денежной массы (допечатывание денег) вызовет сильную инфляцию.*

Не будем ставить вопрос, откуда появилась цифра в 4% как ориентир политики таргетирования инфляции Банка России, почему не 3% и не 5% или 5,5%? Низкий уровень обоснованности подобных целей является прямым подтверждением мифических установок экономической политики. Этому есть и более глубокие теоретические причины. Проблема в том, что экономический рост относительно динамики цен действительно может быть двух типов: 1) рост, когда повышательная динамика цен тормозит его темп (фишерский рост¹); 2) рост, сопровождаемый повышательной динамикой цен (шумпетеровский рост). Эти типы или режимы роста могут измениться с течением времени для конкретной страны, зависеть от хозяйственной структуры и действующих экономических институтов. Важно установить, какой сложился тип роста к настоящему моменту и каким-то образом оценить возможное изменение этого режима. Даже если будет точно определено, что инфляция существенно тормозит экономический рост, поэтому нужны жёсткие антиинфляционные меры для организации роста, то всё равно потребуются дать оценку той инфляции, которая приемлема для необходимого темпа роста, и снижение инфляции ниже

¹ Российское правительство и денежные власти долгое время ориентируются на такое представление об экономическом росте. На наш взгляд, оно является «узким» и не отвечает эмпирическим фактам, накопленным по проблеме экономического роста современной России.

некоторого уровня будет приводить к торможению роста. Следовательно, такое снижение не продуктивно. Иными словами, как показывают исследования автора по мировой экономике и отдельным странам, существует некий уровень инфляции, отвечающий наибольшему из возможных значению темпа роста данной экономики в рассматриваемом периоде времени¹. И если ставится задача обеспечить наибольший из возможных темп роста, то тогда надо рассчитывать именно на соответствующую ему инфляцию. Когда в России в многочисленных дискуссиях говорят о темпе в 3–4%, либо о рывке в 5–8%, отмечая, что на это имеются ресурсы, то почему-то никогда не отмечают, какой должна быть инфляция для роста в 3–4% и для роста, скажем, в 5–6%. Инфляция, соответствующая этим темпам, наверняка будет различной. Безусловно, полезно хотя бы ориентировочно знать, какой именно она будет в каждом случае. Отсюда и необходимо формировать задачи по таргетированию, рассматривая их как неотъемлемый атрибут политики роста, а не самостоятельное условие для организации роста в стране. Лучшее таргетирование – это таргетирование по номинальному ВВП (хотя и сложнее), либо по темпу роста, что по постановке задачи ориентирует денежные власти на реальные, а не вспомогательные цели.

Миф, что увеличение денежной массы приведёт к инфляции, разрушается элементарно аргументом относительно периода времени, за который увеличение будет осуществляться и на какую величину. Если инфляция провоцируется денежным фактором, то период времени увеличения массы и скорость увеличения не могут не оказывать влияния на темп увеличения цен. Однако, если нет чётких доказательств монетарной основы инфляции, тогда динамика цен будет мало чувствительна к росту денежной массы, для данной экономической системы. К слову, нужно отметить, что сторонники монетизации российской экономики, к числу которых относится и автор, не дают ответа на вопрос, как, например, поквартально в ближайшие три года должна расти денежная масса, поддерживающая рост, и какую долю от ВВП она должна составить к намеченному сроку и почему. Справедливости ради отметим, что и денежные власти России не дают подобных точных оценок. В итоге образуется дискуссия, которую можно обозначить «вокруг да около». Но то что денежно-кредитная политика рестриктивно-содержания не полезна, легко наблюдается по реакции развития экономической системы России. Кстати, отсылки к уровню монетизации иных стран оказываются бесполезны, ибо институты, экономическая структура, динамика развития и накопленные её эффекты – совершенно отличаются, поэтому прямые параллели и рекомендации в области денежно-кредитной политики для конкретного момента оказываются невозможными, без определённых оговорок, которые от случая к случаю могут оказаться главнее содержания рекомендации.

Миф № 2. *Сдерживание роста заработной платы будет залогом выхода из рецессии к 2018–2019 гг., причём рост заработной платы не должен следовать без роста производительности труда.*

¹ Подробнее см.: Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014 (2015); Сухарев О. С. Адекватность стратегии опережающего развития России в глобальных изменениях // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 47(350). С. 2–15.

При сдерживании заработной платы возникнет эффект ограничения совокупного спроса и потребительских расходов (С), что с учётом влияния той компоненты на ВВП, будет действовать не только в направлении торможения роста цен, но и экономического роста. Однако торможения роста цен может и не произойти, так как сокращение потребления коснётся импорта в большей степени. При недостаточном предложении отечественной продукции, такая политика в области заработной платы не обернётся существенным торможением роста цен (да и спираль «цена – заработная плата» была в России не столь очевидным источником инфляции). К тому же перераспределительный эффект в сторону сохранения прибыли и возможного её реинвестирования даст владельцам производств, с одной стороны, возможность обновить основной капитал, но, с другой стороны, приведёт к росту цен основного капитала. Как известно, он в существенной степени поступает по импорту, что даст больший вклад в повышательную динамику цен, нежели вклад торможения роста заработной платы в понижательную динамику цен. Такой сценарий вполне возможен, что не может не учитываться при планировании экономической политики и составлении прогнозов от предпринимаемых правительственных действий. Эффект сдерживания роста заработной платы будет много хуже, нежели обеспечение её роста, особенно если учитывать ещё и социальные аспекты подобной политики в области доходов.

Производительность труда – это показатель, который зависит не только от собственно труда, но и от обеспеченности его фондами, от технологичности системы, включая систему управления. Если заработная плата низка, труд недооценён и в стране имеются серьёзные социальные проблемы, а производительность труда сокращается по причине не фактора «труд», а фактора «капитал», низкой технологичности системы, то привязка роста заработной платы к производительности труда при высоком бремени труда выглядит ущербной в аналитико-интеллектуальном смысле конструкции. В таких условиях повышение заработной платы, выступающей фактором здоровья и мотивации труда, может повысить производительность труда на следующих этапах развития системы. Если бремя труда велико, то повышение заработной платы будет восприниматься занятым персоналом как закономерный результат, без увеличения усилий и повышения производительности. В таком случае только обновление капитала может решить проблему роста производительности труда (за счёт автоматизации и механизации труда), а этот результат достигим, если владельцы предпримут усилия по капитализации своего бизнеса, увеличат основной капитал за счёт обновления машин и оборудования. Для этого им придётся расстаться с частью своей прибыли – и иметь мотив на такое решение. В сильно спекулятивной экономической системе такое решение и мотив проблематичны. Кроме того, повышение заработной платы является для России «мотиватором» дальнейшего повышения производительности, но не наоборот. Если пытаться увеличить производительность труда увеличивая бремя труда, которое и так высоко, то можно получить обратный эффект «трудового саботажа» и снижения производительности.

Особую опасность, с точки зрения решения задачи повышения производительности труда, представляют качественные изменения, проявляющие необратимый характер, сформировавшиеся за весь постсоветский период, глубоко укоренившиеся и проявляющие себя в настоящее время.

Они выражаются в фиксации низких уровней производительности, закреплению извращённых форм трудовой морали, мотивации деятельности, снижении уровня технологической обработки продукции, глубины переработки, наукоёмкости производства, его качества и технологичности.

Принципиально важно рассматривать связь производительности и благосостояния, производительности и распределения дохода, неравенства и общего благосостояния, вознаграждения и справедливости. В масштабе заданных границ экономического анализа выводы для различных исторических периодов не одинаковы и не столь однозначны. Например, в условиях трансформационного кризиса в 1990-е гг. качестве важнейшей задачи многие российские предприятия выбрали сохранение своего кадрового потенциала и предпочитали простаивать, но не увольнять своих работников. В итоге значительно снижалась производительность труда. Некоторые экономисты¹ говорили об отрицательном значении этого эффекта. Дескать, следует сократить численность персонала, но поддержать производительность на прежнем уровне. Однако, с другой стороны, российские предприятия вели себя закономерно, так как осознавали, что человеческий потенциал это их существенное (определяющее) конкурентное преимущество. Сокращение численности и рост безработицы никак не сохранит производительность. Это углубит спад, изменит макроэкономические пропорции, увеличит издержки безработицы, социальную напряжённость и создаст давление в сторону понижения производительности, так как вместе с численной потерей фирмы будут терять качество, возрастёт внутренняя конфликтность, снизится динамический потенциал развития. Тем самым производительность не является тем «простым» показателем, который может изменяться благодаря изменению какого-то одного фактора, это системный показатель, что как раз и не учитывается обычно в рассуждениях неоклассических экономистов.

Базирующаяся на равновесных представлениях трактовка поведения российских предприятий и рекомендация по поддержке производительности в кризисной, трансформирующейся экономике была неадекватной. Если посчитать производительность труда² на доллар оплаты труда, то в России этот показатель не так уж плох. В конце 1990-х гг. академик Д. С. Львов озвучивал такое соотношение: производительность труда на один доллар заработной платы, у нас выше, чем в США, причём выше – в 2,5–3 раза, при, конечно, существенно меньшей абсолютной производительности труда. А по какой причине? Да потому, что заработная плата низка, т. е. труд недооценён. В связи с этим в России должна быть особая политика доходов и заработной платы, которая бы создала и составила ядро макроэкономической политики, обеспечив более равномерное распределение доходов, с ликвидацией неравенства и повышением зарплаты (даже вне связи с ростом производительности на первом этапе), особенно в таких секторах как образование, медицина, обрабатывающие секторы и т. д.

¹ Речь идёт о Р. Лэйарде, который в книге «Макроэкономика», предостерегал от снижения производительности труда по причине неохотного увольнения фирмами своих работников и приводил негативный опыт Восточной Европы в этом вопросе.

² В России существенную роль в освоении этой темы внёс академик С. Г. Струмилин.

Так, модель Рена-Мейднера в Швеции, двух известных экономистов, выходцев из профсоюзного движения, касалась развития идеи о равной зарплате за равный труд, что чрезвычайно актуально для российской экономики, где мало того, что огромная разница в оплате труда по регионам, так она даже в одном регионе очень различна между группами и отличается для одной и той же профессиональной группы в соседних регионах.

Решение названной проблемы требует анализа всех факторов, влияющих на производительность экономической системы. Нужно особо заметить, что проблема повышения производительности труда и новой индустриализации – напрямую связаны. По сути, новая индустриализация – это система действий, которые должны быть направлены на то, чтобы запустить мультиплицирующие цепочки по производственным секторам и задать «обратный вектор» распределения ресурсов. В чём он, этот вектор? Если все 1990-е и все 2000-е гг., особо это подчеркнём, этот вектор был направлен из реальных секторов в сырьевые сектора, банки, финансы, посреднические услуги и торговлю, то для того, чтобы осуществить новую индустриализацию, внедрить высокие технологии, логика требует обратного вектора. Потому что в экономике России сегодня нет избыточного числа трудового ресурса. Вот говорят о необходимости создания 25 млн новых рабочих мест, а что, они свободны? В России примерно 76 млн экономически активного населения и безработица 6%. Речь нужно вести о том, чтобы изменить общий вектор развития страны, её модель функционирования. И, меняя этот вектор, надо думать и о том, чтобы увеличивать норму накопления, что означает наращивание инвестиций в основной капитал, но сводить экономическую политику к увеличению этой нормы не является обоснованным и оправданным. Потому что эта норма и будет расти соразмерно с решением поставленной задачи. Однако добавочных 25 млн рабочих мест просто нет, их нужно создавать, перемещая уже имеющийся трудовой ресурс, с вытекающим влиянием на производительность. Осуществляя новую индустриализацию через обновление средств производства и нужно будет задействовать факторы, которые обеспечат повышение производительности труда. Важен для страны показатель именно производительности труда в обрабатывающих секторах. Этот показатель связан с новыми технологиями, механизацией, автоматизацией производства и привлечением туда интеллекта под конкретное развёртывание продуктовых серий.

Индустриализация (в классическом понимании) – это замена ручного труда машинным трудом, при производстве широких серий продуктов. Решением этой задачи будет обеспечено и повышение производительности труда, а значит и реальных доходов, и нормы накопления. А сейчас мы имеем следующий разрыв: реальные доходы росли (2000-е гг.) и существенно обгоняли темпы роста производительности труда. Это говорит о том, что должны расти удельные трудозатраты, хотя труд и так недооценён в сравнении с трудом в других странах. Это при определённых условиях может быть конкурентным преимуществом, так как дорогой труд при высокой доле материальных затрат в себестоимости продукции «ударит» по цене этой продукции, а значит и по её конкурентоспособности, даже при относительно высокой производительности.

Конечно, для того, чтобы точно детализировать задачи новой индустриализации, в том числе по обрабатывающим секторам (программы

развития), помимо оценки факторов, влияющих на производительность, следует измерить уровень деиндустриализации по отдельным секторам обрабатывающих производств, сокращение сложности технологических операций в конкретных видах производств, как и абсолютную потерю отдельных технологий не по причине научно-технического прогресса (когда старые технологии замещаются новыми), а по причине деиндустриализации (абсолютной потери старых и новых технологий), а также показать связь между рентабельностью активов промышленных предприятий и производительностью обрабатывающих производств.

В настоящее время проблема производительности труда встаёт достаточно остро, поскольку уровень развития экономики, темп её роста напрямую зависят от факторов, определяющих производительность труда.

Производительность труда сильно зависит, во-первых, от технической и технологической оснащённости всех процессов в экономике, во-вторых, от уровня использования интеллектуального потенциала с соответствующей оплатой. При этом следует учитывать, что производительность труда является системным, но результативным показателем. Можно сократить занятость, увеличив безработицу, и тем самым формально увеличить производительность. Более производительная система будет способна обеспечить и более высокий темп роста. Иными словами, с какой скоростью экономика растёт, зависит от совокупной производительности факторов роста.

Производительность каждой системы определится своим набором факторов. Если считать по затратам труда – это будет один параметр производительности. Считать по выработке – это будет другой параметр. Известно, что если страна отстаёт от экономического лидера в уровне производительности, то она может иметь темп прироста производительности существенно выше, иногда при отставании в 3 раза по абсолютному показателю, темп прироста производительности может в 2 раза быть выше.

Практика показывает ещё одну существенную проблему в процессе определения производительности труда – методологическую проблему расчёта и учёта показателей ряда отраслей. Т. А. Голикова в своём выступлении на совместном заседании Государственного совета Российской Федерации и Комиссии при Президенте Российской Федерации по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития России отметила, что Росстат не рассчитывает производительность труда в некоторых видах экономической деятельности, а при этом «в 2012 году добавленная стоимость в данных отраслях составила 10,4 триллиона рублей, или 16,6 процента ВВП. Занятых было 17,8 миллиона человек, или 26,2 процента от общей численности занятого населения. Всё это свидетельствует о том, что мы приходим к необходимости изменения методологии расчёта производительности труда... Анализ показывает, что в перечень целевых индикаторов и показателей отдельных государственных программ показатель «рост производительности труда» не включён»¹.

¹ Стенографический отчёт о совместном заседании Государственного совета Российской Федерации и Комиссии при Президенте Российской Федерации по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития. Режим доступа: http://state.kremlin.ru/state_council/19882 (Дата обращения: 14.02.2014).

Таким образом, задачу организации экономического роста при первых шагах не стоит сводить только к росту производительности труда. Рост производительности труда возможен в случае объединения усилий на всех уровнях управления экономической системой в рамках факторов, влияющих на производительность (техника, технологии, труд, квалификация, организационная и управленческая эффективность – X-эффективность по Г. Лейбенштайну, структура экономики, неравенство и исходный уровень благосостояния, задающие уровень мотивации и даже природно-климатические условия и пространственная протяжённость, определяющие величину потребных инвестиций в повышение технологичности и производительности системы) на государственном, отраслевом уровнях и функционирование фирм и агентские взаимодействия. Следовательно, нужно планировать и согласовывать направления воздействий и развития экономической системы. Таким образом, рост производительности труда напрямую зависит от эффективного и комплексного использования резервов элементов системы, сформированных с учётом реализуемой стратегии и особенностей развития этих элементов, их исходной ресурсной базы, в том числе и навыков управленческого персонала и используемых методов стимулирования и мотивации, социально-психологических факторов и условий, в которых осуществляется труд (эргономика).

Основной вывод состоит в том, что факторы, определяющие совокупную производительность, должны учитываться в отраслевых программах развития в качестве базовых параметров управления этими программами, что предполагает исследование взаимосвязей¹, в том числе между активами конкретной отрасли и параметрами эффективности функционирования, включая производительность труда. Без данного условия эффективное управление (планирование) промышленными системами, а также реализация стратегии новой индустриализации не представляется возможной. В приводимом исследовании изучена связь факторов, влияющих на производительность труда в промышленности России 2000 г. (до 2012 г.). Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в целом по экономике (в основных видах экономической деятельности) темп роста объёма отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами практически полностью покрывался ростом производительности труда, а не ростом совокупных трудовых затрат. Поэтому рост промышленного производства за исследуемый период в существенной мере обеспечивался повышением производительности труда, другой вопрос, что это повышение в основном было экстенсивным. Именно по этой причине повышение производительности труда сведётся к технологическому переоснащению экономики и не должно быть привязано к заработной плате, рост которой необходимо сдерживать при наличии столь крупных социальных проблем в России. Такая политика будет сдерживать экономический рост и продлять на длительную перспективу режим стагнационного развития России.

¹ Наиболее полное исследование этого вопроса осуществлено в работах: Сухарев О. С., Стрижакова Е. Н. Новая индустриализация – путь к повышению производительности труда в промышленности. // Экономист. 2014. № 5. С. 6–17; Сухарев О. С., Стрижакова Е. Н. Производительность труда в промышленности: системная задача управления // Экономика и предпринимательство. 2014. № 8. С. 389–402.

Миф № 3. *Инновации, промышленная политика и программы развития, определяющие приоритетные направления, являются определяющими составляющими экономического роста в России.*

Проведённые нами исследования показывают, что макроструктурные ограничения роста в России, действующие институциональные ограничения, сводимые в том числе к модели проводимой денежно-кредитной и бюджетной политики, укладываются в общие рамки «перераспределительной» и «сокращательной» логики развития хозяйства, но не логики наращивания результатов, что делает инструменты в рамках программ развития довольно условными, как и характер продвижения по установленным приоритетам. Идея будто в России решались проблемы развёртывания национальной инновационной системы при отсутствующей промышленной политике вообще не выдерживает критики, ибо промышленная политика присутствовала в виде программ, законов (региональных о промышленной политике, которые принимались много ранее принятого федерального закона о промышленной политике, во второй половине и на исходе 1990-х гг.), но она не смогла уберечь промышленность от убыли именно по указанным выше причинами – институциональные трансформации оказались сильнее таких мер промышленной политики. Аналогичный аргумент затрагивает и область инноваций, которые не могут и не должны быть самоцелью экономической политики. Они не могут рассматриваться вне сферы и форм промышленно-технологического развития.

Инновации с большим трудом возникают в экономике в фазе кризиса, поскольку ограничены ресурсы, производства испытывают трудности на рынках, которые не готовы принять новые продукты, внедрение новых технологий и процессов, способов организации также ограничено. Наибольший эффект обычно дают усовершенствования, имитация чьих-то достижений и т. д. Только в фазе оживления расширяющиеся возможности могут создать условия для возникновения и дальнейшего тиражирования инноваций, причём накопление инноваций и расширение их числа могут спровоцировать возникновение очередного кризиса, также в силу ограничений в области ликвидности фирм, реализующих инновации. Таким образом, сами по себе инновации не могут быть целью развития, целью модернизации, тем более преодоления кризиса, когда существенны потери по стереотипным (консервативным в противоположность инновационным) производствам и технологиям. Это не значит, что в экономике отсутствуют инноваторы или инновации не нужны. Важен их первичный масштаб в экономике и условия возникновения. Однако когда инновации делают основной целью экономической политики, имея явно сжатый ресурс и большие разрывы в области обрабатывающих секторов, то такая цель при соответствующих ограничениях является неэффективной и, более того, не обоснованной и не нужной. Развивающиеся производственные системы в силу требований развития будут инициировать инновационный процесс при соответствующих возможностях и условиях.

Экономический рост обычно тормозится, если осуществляется управление экономической структурой, принимающее вид её трансформации. Однако возможен режим роста, когда изменение экономических пропорций будет являться правилом для самого роста, то есть стимулировать экономи-

ческий рост. Именно такой режим с учётом текущего состояния факторов и элементов ВВП необходимо создать в России. В стратегическом смысле и с позиций управления крупномасштабной системой именно такая постановка представляется системной и оправданной, действительно заслуживающей усилий государства по поиску сложного решения.

Смысл структурных изменений в России должен состоять в том, чтобы обеспечить перетекание ресурсов (труда, капитала, информации и др.) из финансовых, банковских секторов в обрабатывающие сектора, которые за счёт обновления капитала создавали бы новые средства производства и продукцию промышленного назначения и широкого потребления. Необходим также обмен ресурсами между добывающим и обрабатывающим секторами, обеспечивающий повышательную динамику этих секторов, опережающего характера по обработке относительно добычи.

Миф № 4. *Имеются свободные производственные мощности, которые являются залогом будущего экономического роста.*

Четвёртый миф можно, справедливости ради, считать полумифом, поскольку действительно статистические оценки показывают на цифрах наличие свободных производственных мощностей в экономике России, примерно до 40%. Однако количественные оценки осуществляются, в основном, по простому оборудованию, по его недозагрузке. При этом такое понятие как период времени, в течение которого наблюдается такая недогрузка и состояние этих мощностей (оборудования), обычно в таких расчётах не оценивается. Таким образом, производственные мощности оказываются на бумаге свободными, незагруженными, но вопрос относительно готовности этих мощностей к загрузке остаётся открытым. Если при кризисе 1998 г. значительная девальвация обеспечила вытеснение импорта, что сопровождалось загрузкой свободных производственных мощностей и обеспечило бурный рост в промышленности, то в 2014–2015 гг. аналогичного эффекта после крупной девальвации конца 2014 г. не наблюдалось. Одним из объяснений этого явления выступает как раз условие, что свободные производственные мощности не в полном объёме готовы к загрузке. Это связано не только с названной выше причиной, касающейся состояния самих мощностей, но и с кадрами, готовыми обслуживать это простаивающее оборудование, а также с новыми собственниками, которые имеют иные мотивы, нежели собственники в 1998 г., да и структура частного и государственного контроля над производственными мощностями, включая и свободную (незагруженную) их часть, совершенно иная. Поэтому монетизация экономики и экспансионистская политика Правительства Российской Федерации сейчас не позволит вовлечь эти свободные мощности в необходимом объёме, что также является ограничением организации роста в России. Кроме того, неотлаженность каналов распределения увеличивающейся денежной массы между секторами сказывается на её переливе между обработкой и транзакционными секторами (в пользу последних). Поэтому нужны меры институционального характера, обеспечивающие этот перелив в пользу обрабатывающих секторов.

Конечно, требуется учитывать, что монетизация в виде увеличения M_2 к ВВП, скажем, от 20 до 50% – это один вид монетизации с сопровождающими его эффектами роста цен и развития. А вот если далее продолжаем

увеличивать денежную массу, например, до 70–80 % или 100 % ВВП, то скорость увеличения и величина этого параметра монетизации будут по-другому влиять на развитие данной экономической системы со сложившейся и присущей именно ей структурой. Рассуждения о благостном значении этого нового параметра монетизации без должной теоретической проработки вопроса могут составить очередной миф об исключительной полезности такой монетизации. Остаётся ясно одно, что экономический рост заданного темпа не поддержать при демонетизации экономики, причём сам рост, включая логику экспансии, не может происходить за счёт рестрикций – это противоречит логике роста. Экономическая наука лишь должна поставить и ответить на вопрос относительно экспансионистской системы мер, их согласованности, последовательности, связать их с системными изменениями в хозяйстве, а теория макроуправления должна предложить способы воздействия на конкретные параметры экономической системы (отвечая по поводу чувствительности мер и изменений параметров).

Миф № 5. *Снижение налогов на бизнес приведёт к повышению экономической активности и малый бизнес станет драйвером экономического роста в России.*

Этот миф порождён «экономикой предложения», применявшейся в качестве экономической доктрины в рамках «рейганомики» в США и «тэтчеризма» в Великобритании. Эффект снижения налогов был, мягко говоря, неоднозначным, а справедливости ради – просто отрицательным, поскольку налоговая система изменялась довольно долго, эти изменения не могли вводиться не только синхронно, но и даже последовательно, так как требовалось время на то, чтобы проводить налоговые коррекции через парламент. В итоге эффект влияния налоговых изменений смазывался, что обеспечивало и различные оценки в среде экономистов-аналитиков. Однако нужно сказать о неудовлетворительной основной идее «экономики предложения», сводимой к тому, чтобы повысить экономическую активность за счёт снижения налогов, снятия ограничивающих бизнес норм, упрощения отчётности, стимулов к повышению производительности труда. Вместе с тем налоговая система не становилась при всех изменениях более прогрессивной, поскольку основной тезис «не трогать богатых», которые будут инвестировать в экономику, если снизить налоги, оставался главным. Именно он и был ошибочным и не подтвердился эмпирическими данными, которые затем были получены. Абсолютно не извлекая никаких уроков, российские власти по сути повторяют давно совершённые в других странах ошибки, поддаваясь общей моде следования «экономике предложения», которая видна на Западе до сих пор.

Во-первых, в России малый бизнес представлен, в основном, услугами, торговлей, посредническими операциями. Поэтому совершенно контрпродуктивна поставленная цель довести вес этого вида бизнеса до 40 % ВВП. Другой разговор, если это будет производительный малый и средний бизнес. Для развития этих форм бизнеса, однако, нужны условия, включая доступ к кредитным ресурсам, и соответствующая организация внутренних рынков. К тому же следует помнить, что этот вид бизнеса один из самых конкурентных, стимулируя экономическую активность граждан нужно уметь управлять этой конкуренцией.

Во-вторых, малый и средний бизнес без устойчивого развития крупного бизнеса, контролирующего хотя бы часть внутренних рынков – не будет успешен, он заполнит ниши «импортной инфраструктуры». Кстати трудности 2015–2016 гг. в малом бизнесе связаны, в том числе, и с тем, что именно такой торгово-посреднический бизнес, обслуживающий ранее импорт, стал разоряться вследствие крупной девальвации, вызвавшей подорожание импортной продукции и снижение спроса на неё, а также ответных санкций России, после введения санкций в отношении неё. Как видим, изменения рынка и экономической структуры подготовлены масштабными институциональными коррекциями, на которые внутренняя экономическая политика была не в силах повлиять, так как эти институциональные сдвиги привнесены экзогенно.

Неверные стратегические установки экономической политики, опирающиеся на «экономику предложения», могут негативно сказаться на будущих возможностях экономического роста, подорвать конкурентоспособность экономики в длительной перспективе. Контроль за внутренними рынками является ключевой позицией обеспечения экономической безопасности страны. Малый бизнес в конкурентной игре не может обеспечить равнозначный уровень капитала и интеллекта, как транснациональные корпорации, которые будут хорошо осваивать внутренний рынок, переориентируя на свои задачи и малый бизнес данной страны. Это обстоятельство не может не учитываться при формировании стратегии экономической политики, да ещё при враждебном окружении, когда различными экономическими методами стараются ослабить использование хозяйственного потенциала данной страны (конечно, мы имеем в виду Россию).

Снижение налогов может дать эффект, только если они изначально очень высоки. Однако сохранится проблема – насколько снижать и какие виды налогов, как управлять налоговой структурой (ставки, бремя и т. д.)¹. Но в России предпринимались уже усилия по их снижению, причём средние и предельные ставки не самые высокие среди европейских стран. Это не привело к существенному позитивному скачку в области развития промышленности и сельского хозяйства. Причина в том, что структурно-институциональные ограничения, формирующие систему перелива и использования всех ресурсов в экономике, сильнее меры, связанной с облегчением налогового бремени. Таким образом, снижением

¹ Будет важно даже то, как часто осуществлять снижение по различным видам налогов, и какие ставки не трогать. Перманентные налоговые изменения сильно затрудняют оценку общего эффекта от изменений этого института. Вообще, любые институциональные изменения характеризуются эффектом, что пока они не осуществлены, проблематично заранее оценить эффективность таких изменений. Но, как видим, по отдельным изменениям, даже когда они осуществлены, выводы относительно общей результативности подобных институциональных коррекций остаются неоднозначными. Главная причина сводится к тому, что институциональные коррекции непредсказуемо наслаиваются в действии друг на друга и, кроме того, неким образом взаимодействуют с уже действующими и изменяющимися в силу иных факторов институтами, экономической ситуацией. Причём для целых групп агентов эти изменения, идущие параллельно или вместе с вводимыми институциональными коррекциями, касающимися налоговой системы, могут оказаться более действенными.

налогов бизнес воспользовался для решения своих задач по обогащению, но не инвестированию. Таким образом, данная политика – это политика абсолютно не стимулирующая инвестиции, а политика перераспределения ресурсов, причём в сторону их утраты и обострения, вследствие этого, бюджетных проблем. Повышение налогов обычно приводит к росту цен в коротком периоде, а снижение налогов даже не приводило к ощутимой дефляции. Это показательный эффект, отражающий специфику структуры российской экономики. Кстати, похожий эффект наблюдался при реализации мер «экономики предложения» и в развитых западных странах, причём и совсем недавно при рецессии 2007–2009 гг., которая пролонгирует своё влияние на мировую систему до сих пор¹.

Для запуска экономического роста в России требуются большие инвестиции и самое главное – стимулирование спроса, которое способно поддержать выбывшие так называемых старых технологий. Малый и даже средний бизнес, даже при великолепно налаженной системе кредитования и доступности кредита, не могут обеспечить такую концентрацию капитала, интеллекта и контролировать пространственно большой российский рынок. В лучшем случае, получится фрагментарная система, где малые формы бизнеса будут контролировать локальные в территориальном смысле рынки, что легко подлежит дифференциации со стороны притекающего иностранного капитала.

Миф № 6. *Иностранный капитал обеспечит подъём промышленности России и запуск новой модели экономического роста, поэтому необходимо создавать условия для привлечения иностранных инвестиций, привлечь капитал.*

Этот миф опасен не только тем, что относительно России введены санкции, и никто не заинтересован (и никогда не был заинтересован) в развитии её промышленности и новых технологий, так как лишний конкурент на мировом рынке и сильная ядерная держава никому не нужны, но и тем, что издавна в России сложилась скверная традиция уповать на привлекаемый из-за границы капитал². В результате констатировалось, что Россия бедна капиталом и подъём её производительных сил возможен только за счёт привлечения капитала. Эта идея господствовала среди крупных экономистов России, таких как М. И. Туган-Барановский. В итоге не искались способы наращивания – создания собственного капитала, как видим, даже сторонниками марксистской теории, на основе которой создавалась теория воспроизводства, а предлагались схемы, чтобы направить привлекаемый иностранный капитал на создание внутренней покупательной силы экономики. Иными словами, на стимулирование спроса. Схематично можно представить данную идею так, как показано на рисунке 1.

Как видим из рисунка 1, недостаток собственного капитала порождает потребность в иностранном капитале (эта потребность является текущей, а привлечение капитала может не дать эффекта восполнения

¹ В 2016 г. не прекращаются разговоры среди западных аналитиков о мировой рецессии, снижении среднего темпа роста мировой экономической системы.

² За исключением советского периода. И даже в это время осуществлялся импорт технологий и оборудования, но его величина не была критичной для СССР уже к середине 1930-х гг.

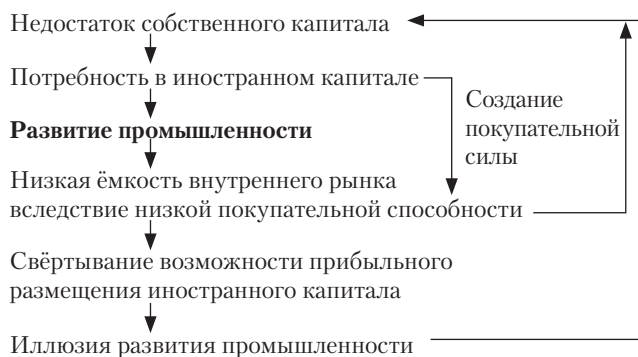

Рис. 1. Общая схема причинно-следственных связей развития российской промышленности по Туган-Барановскому (представлена авторами)

нехватки собственного капитала), который должен использоваться для подъёма промышленности за счёт создания новой покупательной силы, что повысит ёмкость внутреннего рынка. Однако не учитываемые ограничения по размещению иностранного капитала, а также целей этого капитала, сокращают прибыльные возможности его использования, создают иллюзию процветания промышленности, порождая высокую зависимость от внешних источников развития, сопровождаемую потерями активов в промышленности, что сохраняет недостаток в собственном капитале, очерчивая своеобразный «порочный круг»¹.

Отмечая необходимость роста общественного капитала, Туган-Барановский столетие назад не говорил, каким образом это осуществить за счёт привлечения по существу чужого капитала, имеющего иные цели. Он отмечал ситуацию в промышленности в 1910 г. (обсуждаемую на съезде промышленников) как «промышленный маразм», причиной считал недостаток внутреннего спроса, а способом – привлечение иностранного капитала (просто объяснение на основе анализа спроса он считал поверхностным).

Таким образом, фактически отрицалась возможность создания внутренней покупательной силы за счёт внутренних источников (ресурсов), констатировалась (и считалась полезной) зависимость российского капитала от иностранного капитала². В то время стилистикой экономического развития было то, что производство довлело над финансовым сектором. Сегодня ситуация совершенно обратная, финансы довлеют над производством. Поэтому одной из задач современного развития является задача обуздания финансовых рынков. Технологии достигли такого совершенства, что они фактически программируют спрос (экономический агент

¹ Эффекты порочных кругов стали известны в науке позже работ Туган-Барановского, хотя проблема кругооборота капитала была изучена довольно хорошо и самим Т-Б. Вместе с тем, приводимый нами эффект на рисунке 1 явно не учитывался российскими экономистами того времени.

² Открыто указывалось, что для Урала иного выхода указать нельзя, бояться захвата иностранным капиталом природных богатств России – не стоит (Т-Б). Можно сожалеть, что данная позиция имеет довлеющее влияние на российское правительство в наши дни (все 1990, 2000-е гг. и в 2016 г.).

не может знать, что ему понадобится мобильный телефон, либо ноутбук – всё это создала наука и технологии, о которых не специалист просто не догадывался, пока не увидел уже готовое изделие). Принцип независимости потребителя перестал действовать, что опрокидывает многие экономические модели и рецепты. Система стала более сложной, информированной, непредсказуемой, что требует и системных решений, взвешивания силы применяемых правительством инструментов и определения последовательности их применения. Поскольку производство подстраивает под себя потребление и спрос, а само сильно зависит от финансов, то финансовый сектор определяет текущие возможности экономики, причём его динамика, как и управление им, становятся лимитирующими факторами экономического развития в современную эпоху¹. Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что иностранный капитал может быть использован только как вспомогательный элемент в организации новой модели роста в России, на него нельзя делать ставку, поскольку возникает режим структурно-технологической зависимости (зависимость по капиталу), с вытекающими эффектами и по организации труда. Со временем изменяется структура владения и контроля за секторами промышленности, когда владельцами становятся иностранные агенты с вытекающими решениями в области международного права и договоров.

Конечно, когда речь заходит о капитале, будь то созданный в экономике или привлечённый, то важна исходная структура размещения этого капитала, имеющиеся точки его приложения. Структурные ограничения развития становятся самыми весомыми. Смена модели роста не может рассматриваться вне их влияния, если речь идёт действительно о новой модели роста. И здесь возникает ещё один миф экономической политики.

Миф № 7. *Структурные реформы приведут в России к устойчивому экономическому росту, причём они должны состоять в приватизации, судебной, пенсионной реформе, стимулировании развития малого бизнеса (снятие ограничений), административной реформе и др.*

Этот миф настолько слаб в обосновании, что развевается собственной формулировкой, ибо судебная реформа, как и административная и даже пенсионная как таковые не являются методами изменения экономической (народнохозяйственной) структуры. Изменения в пенсионной системе могут со временем сказаться на инвестициях, если пенсионные фонды выполняют инвестирующую функцию в экономике, которую во многих иных странах исполняют. Однако это настолько условно, что не может оказаться решающим фактором по запуску новой модели роста в России, так как фонды аккумулируют часть создаваемого дохода и эффект размещения финансовых ресурсов таких фондов (инвестирования) зависит от исходного состояния объектов инвестирования и стимулов для инвестиций, а также, что особенно важно, от возможностей данных фондов. Судебная система обеспечивает наказания за несоблюдение норм (преступления), задаёт режим правовой эффективности хозяйствования, но как таковая не влияет на изменение структуры экономики (при имеющемся влиянии на поведение экономических агентов).

¹ Источником экономических кризисов перестаёт быть производство и бедность, генерируют современные кризисы, финансы и богатство.

Из всех перечисленных направлений воздействий к структурной политике имеет прямое отношение только приватизация, так как изменяет соотношение и связи между частным и государственным сектором. Это и есть реальное влияние на межсекторальную структуру, только далеко не факт, что такое влияние будет позитивным, так как оно сопровождается сокращением диапазона государственного управления, ужесточением требования по системе регулирования экономикой. С этим в России имеются серьёзные проблемы опять же в силу уже проведённой масштабной приватизации. К тому же, если делать ставку при запуске роста на внешний капитал, или даже на имеющийся внутренний капитал, нужно уже принимать во внимание какие секторы промышленности и сельского хозяйства (агропрома) контролируются внешними собственниками (иностранцами).

Эта институциональная структура (владения активами) будет определять чувствительность всех мер экономической политики относительно параметров воздействия. Самое важное обстоятельство сводится к тому, что любая реорганизация и структурное изменение способно повысить издержки и затормозить экономический рост. Следовательно, новая модель роста в России должна предполагать поступление ресурса в обработку из области услуг, торговли, финансов, добычи (ограниченно, так как этот сектор имеет проблемы с эффективностью), а также оборонно-промышленного сектора (трансферт технологий) – и это будет то структурное изменение, которое не даст сразу слишком большого роста, но создаст долгосрочную основу для умеренного роста темпа в 3–4%¹. На эту цель уже ориентировано образование, ведущее подготовку инженеров (выпуск их в ближайшие 4–5 лет возрастёт), а также научные организации и Патентное бюро России, которое запускает программу передачи патентов в бизнес. Отдельные производства, защищённые патентами, необходимо запустить в рамках государственного сектора промышленности² при реализации специальных программ индустриализации.

Как видим, анализ складывающихся (во многом мифических) установок правительственной политики позволяет подойти к формированию новой модели экономического роста в России, изменяя содержание этих мифических установок, показывая возможности вариаций и гибкой экономической политики.

Основные позиции новой политики роста в России

Рецессия 2015–2016 гг. была подготовлена всей динамикой российской экономики предыдущего периода и сформировавшимися, закреплёнными структурными проблемами в период бурного роста 2000–2008 гг. Оценим общую динамику российской экономики по компонентам ВВП (см. табл. 1) за четыре года до рецессии.

¹ Далее в книге мы приведём расчёты и количественные оценки, подтверждающие правильность и обоснованность такого стратегического вывода.

² Понятно, что в оборонно-промышленном секторе эти меры реализуются в рабочем порядке, следует интенсифицировать усилия в этом направлении.

Динамика компонент ВВП России, 2011–2015 гг.

Элементы использования ВВП	2015 к 2011, %
Валовой внутренний продукт	101,6483
Расходы на конечное потребление домашних хозяйств	102,8505
Расходы на конечное потребление государственного управления	102,3085
Валовое накопление	72,13415
Экспорт	110,46
Импорт	78,08056
Чистый экспорт	190,5735

Анализ по проведенным расчётам показывает, что кризис 2015–2016 гг. отбрасывает Россию как минимум на 4–5 лет назад по ВВП, наблюдается стагнация в области потребительских расходов, роста валового продукта (за пять лет рост на 1–2%), колоссальная проблема активизации инвестиций в стране (в 2015 г. 72% к уровню 2011 г.). Модель развития/роста российской экономики, таким образом, привязана к динамике чистого экспорта, с явной доминантой по сырьевому экспорту, который дал 110% прироста за указанный период 2011–2015 гг. (табл. 1).

Организация экономического роста требует точной по инструментам макроэкономической политики Правительства Российской Федерации, направленной на обеспечение должной динамики компонент ВВП. Учитывая вес доли потребительских расходов в ВВП и важность валовых накоплений, требуется стимулировать именно их динамику через бюджет, а также методами денежно-кредитной политики, принимая институциональные ограничения относительно импорта в пользу отечественного продовольственного рынка, а также рынков продуктов длительного пользования. Институциональные модификации потребуются относительно валютного рынка и банковской системы с тем, чтобы снизить спекулятивный накал экономического развития, направив ресурсы в обрабатывающие контуры. Главное необходимо отказаться от тех мифов, которые продолжают действовать ориентирами современной макроэкономической политики, а структурные изменения сводить к проектированию новых пропорций народного хозяйства, а не к изменениям в судебной системе, защите прав собственника, развитию малого бизнеса, судебной защите, повышению уровня образования. Отдельные из названных мер совсем не плохи (повышать уровень образования – нужно), но они не имеют прямого отношения к структурным изменениям как таковым.

Учитывая значение компоненты «потребительские расходы» в динамике ВВП, а также стоящие задачи вытеснения импорта, на первой фазе запуска роста необходима политика расширения производства отечественных продуктов – заменителей импорта на внутреннем рынке (отдельно от экспортной стратегии), под решение данной задачи потребуются инвестиции как часть наращиваемого дохода при расширении отечественного производства.

На рисунке 2 отражена общая схема системы межсекторных взаимодействий при организации новой модели роста России с опорой на реаль-

ные факторы производства, и для обеспечения продовольственной безопасности России. Можно выделить четыре институциональных уровня, определяющих функционирование всей системы элементов по тому, кто владеет и контролирует:

- 1 – развитие обрабатывающих секторов промышленности;
- 2 – пищевая промышленность;
- 3 – секторы растениеводства и животноводства в сельском хозяйстве по конечной продукции и рынкам;
- 4 – рынок ресурсов (семена, удобрения, землю, выведение пород скота, кадры).

Общий потенциал развития экономики, определяемый текущим создаваемым доходом и ресурсной базой, задаёт границы для развития соответствующих секторов производства. Состояние фондов, кадров, земли, исходные ресурсы, включая природно-климатические для сельского хозяйства и изменяемые текущие погодные условия, оказывают также сильное влияние. Однако институт владения имеет большую силу, особенно при принятии решений о выделении финансов по указанной структуре (решение задачи распределения ресурсов). Структура владения будет оказывать в этой схеме (рис. 2) сильное влияние на возможность развивать сельское хозяйство и использовать его как генератор экономического роста в России. Если пищевая промышленность (отдельные её секторы) контролируются иностранными собственниками, а производство организовывается по лицензии, то это лишает отрасль возможности совершенствовать технологии, выступать субъектом спроса на создание отечественного оборудования для пищевой промышленности, решать задачи по повышению экологической чистоты производимого продовольствия.

Рис. 2. Общая система секторальных связей для новой модели роста

Мультиплицирующий финансовые расходы механизм, очевидно, заложен в работе сельскохозяйственного сектора, но быть включён он может по-разному – в зависимости от названного институционального условия. В конечном итоге, ограниченные финансовые (и другие) ресурсы при-

дётся распределять между обрабатывающими секторами, предлагающими для сельского хозяйства оборудование, пищевой промышленностью, предъявляющей вместе с сельским хозяйством спрос на оборудование (фонды) и кадры, собственно сельскохозяйственным производством (между растениеводством и животноводством) и поддержанием (создание новой) ресурсной базы сельского хозяйства¹. Если решать задачу в приведённой постановке, то программы развития села и сельского хозяйства не могут не учитывать текущего состояния исходных релевантных элементов данной системы и не обосновывать распределение ресурсов между ними, чтобы мультиплицирующий эффект был в идеале наибольшим (при прочих равных условиях).

Применение методологии структурного анализа и исследование динамики ВВП по компонентам использования позволяет поставить чёткий диагноз проблемы экономического роста в России за рассматриваемый период 2000–2015 гг. и прийти к выводу, что нельзя сводить новую модель роста только к стимулированию совокупных инвестиций – это не решит проблемы роста. Требуется стимулировать совокупный спрос и потребление за счёт развития пищевой промышленности и сельского хозяйства. И полностью переоборудовать эти сектора отечественными технологиями и техникой (первый контур новой структуры экономики), позволяющей осуществлять производство экологически чистых продуктов по широкой номенклатуре. То же относится и к строительной отрасли (второй контур новой структуры экономики России). Тем самым, нужно сформировать несколько контуров саморазвития экономики, с включением в эти контуры производство средств производства соответствующих типов. Третьим контуром является оборонный комплекс, который уже демонстрирует неплохие результаты своего развития, по причине автономности функционирования и режима известных ограничений, исполняющих функцию протекционизма – защиты этого комплекса. Основное направление политики роста – на первой фазе стимулировать совокупное потребление, резко активизируя на следующей фазе инвестиции. Период времени, который разграничивает эти две фазы, должен составить примерно 2 года, на третий год требуется уже активнее включать механизм внутренних инвестиций. За два года необходимо провести подготовительную работу, вводя институты, облегчающие процесс внутреннего в стране капиталобразования. При этом необходимо осуществить ряд известных и давно предлагаемых мер по блокированию валютных спекулянтов, поддержке устойчивости валютного рынка, чтобы не было эксцессов с динамикой чистого экспорта, которые наблюдались при кризисе 2009 и 2015 гг., обнажая проблему смены режима роста с потребительско-инвестиционной модели на модель внешней зависимости (что пролонгирует режим сырьевой ориентации экономики, противоречит поставленным стратегическим задачам). В области макроэкономической политики необходимо изменить режим денежно-кредитной политики, расширив функции Банка России для стимулирования роста (умеренно мягкий вариант денежно-кредитной

¹ Здесь нужны финансы на функционирование научных подразделений, институтов в аграрном секторе, что является условием для развёртывания в этом секторе инноваций.

политики вместо проводимой рестриктивной политики), монетизировать бюджет, выведя его из «модели Гобсека», в рамках которой бюджетный процесс развивался до сих пор (это не означает ликвидацию резервов – фондов), отойти от таргетирования инфляции, перейдя к таргетированию темпа роста, либо номинального ВВП, реальных денег (отношение денежной массы к индексу цен).

Любые изменения системы, будь то здравоохранение, образование, наука – должны обосновываться и требовать оценки ресурсов, чёткого плана (по этапам) необходимых изменений, а также высокой адаптивности агентов к проводимым изменениям. Идея проста – агенты должны не сопротивляться, а быть генераторами изменений. Адаптация агентов и адекватность воздействий выступают важнейшими принципами осуществления эффективной макроэкономической политики роста. Возникновение сопротивления означает более высокую конфликтность, транзакционные издержки и часто ставит под сомнение полезность осуществляемых трансформаций системы.

Долгосрочный экономический рост обеспечивается режимом технологических и институциональных изменений, по крайней мере, существенно зависит от этого. Однако текущие события в мировой экономической системе заставляют нас считать, что и на коротких отрезках времени названные факторы сильно детерминируют экономический рост.

Стратегия развития российской экономики, а также долгосрочное научно-техническое развитие должны разрабатываться Правительством Российской Федерации, его соответствующей плановой службой, на основе различных подходов к прогнозированию и программированию, текущая политика должна выверяться исходя из стратегических целей. Данная работа, по нашему мнению, должна включать:

- общий стратегический план развития хозяйства, со всеми необходимыми целями и параметрами их достижения на 5 и 10 лет;
- план институциональных изменений;
- план научно-технологического развития;
- планы развития секторов хозяйства;
- общий финансовый план, распределения ресурсов и производительных сил;
- планы и программы развития территорий России, включая южные регионы, Крым, Сибирь, Урал, Дальний Восток, Арктический Север и прилегающие пространства и т. д.;
- текущие планы экономической политики, согласованные с решением общих задач развития.

Это минимально необходимый набор действий (изложенных в «тезисном режиме») в области единой системы планирования и управления развитием российской экономики, включает обширный круг задач, подготовку соответствующих специалистов, эффективную работу министерств и ведомств как аппарата управления страной.

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Фортвов В. Е., президент Российской академии наук, академик РАН

Анализ социально-экономического развития России за последнее время убедительно свидетельствует о практически полном исчерпании возможностей уже ставшей традиционной для страны сырьевой модели экономики. Созданная в середине 2000-х гг. рабочая группа учёных РАН подготовила 12 вариантов технологического развития экономики России и практически единственной из возможных для достижения поставленных целей является ресурсно-инновационная стратегия, позволяющая соединить использование богатейших природных ресурсов страны и новейших технологий, прежде всего в самих ресурсодобывающих и перерабатывающих отраслях.

Ресурсно-инновационная стратегия основана на использовании потенциала ресурсодобывающих отраслей, отечественной науки, инноваций, новых технологий и предусматривает ускоренный рост перерабатывающих отраслей. Именно это служит базисом для последующего развития комплекса обрабатывающих отраслей, увеличения масштабов производства конечной продукции, восстановления производственной инфраструктуры.

Стратегия опирается на скоординированное и полное использование отечественного ресурсного и инновационного потенциалов за счёт формирования и развития длинных технологических цепочек. Это предполагает смещение приоритетов от добычи ресурсов к их глубокой переработке с насыщением перерабатывающих и обрабатывающих отраслей инновационными и наукоёмкими технологиями, переориентацией части первичных ресурсов в обрабатывающий комплекс за счёт дополнительного их производства.

Суть предлагаемой стратегии – в объединении потенциала науки и промышленности.

Любая новая технология основана на самых прорывных научных исследованиях. Но, тем не менее, некоторые особенности накладывает, с одной стороны, скорость развития инновационных процессов, а с другой – темпы получения научных знаний и достижение новых параметров и прогресса в понимании того, что происходит во Вселенной вокруг нас. Некоторое время назад фундаментальная наука использовалась скорее как способ объяснения и понимания тех вещей, которые возникают вне зависимости от человека, была некая схема приобретения научных знаний, но 50–60 лет назад ситуация поменялась.

Сегодня наука открывает явления, которых раньше в природе не наблюдалось. Классический пример – радиоактивность и вся последующая атомная военная и мирная энергетика.

Другой пример – работы нобелевского лауреата Жореса Алферова. Происходит переориентация на новое фундаментальное исследование, ко-

торое не объясняет то, что было раньше, а даёт новое качество вещей. Для нас очень важно, что сейчас происходит лавинообразное сжатие времени: около 80% открытий в физике сделаны во время жизни одного поколения.

Поэтому возникает большая проблема: как эти знания «переваривать» и потом использовать. И это – особые новые требования к тем, кто занимается инновациями. Они должны быть образованными и понимать, что делают люди в фундаментальной науке. Перестающий интересоваться исследованиями опаздывает и в инновациях. Конечно, важная проблема, которая сейчас возникает, – научным исследованиям нужно быстро войти в практику. Это вечный вопрос – как нам двигаться от фундаментальной науки к практическим применениям. И я считаю, что нет универсального ответа для всех стран и всех народов касательно построения подобной системы.

Самое яркое достижение человека – создание инновационного комплекса, но сегодня в России только 3% продукции производится на основе инноваций. Нам ещё предстоит найти структуру, которая внедряла бы результаты фундаментальных исследований в практику. В СССР существовала система министерств контроля, куда входила прикладная наука, сегодня она разрушена и существует тенденция «натянуть» функции этой сферы на то, что осталось от Академии наук. Это очень опасно, потому что мы переплетаем фундаментальный поиск знаний и разработку практических решений, которая живёт по своим законам.

В прикладной науке есть цели и задачи, система администрирования с чёткими сроками выполнения этих задач. В Академии всё наоборот: наличествует элемент творчества, свободы дискуссии, и бюрократические методы, которые годятся в прикладной науке, там не применимы. Перед нами всеми стоят очень серьёзные задачи, которые нужно решить для развития страны, и важно найти свой путь, который сделает прикладную науку привлекательной. Мы сегодня, несмотря на большие усилия, довольно далеки от этого.

Сейчас мало кто сомневается в необходимости отказа от экспортно-сырьевой модели и перехода к инновационному социально ориентированному варианту экономического развития. В любом случае вопрос состоит в том, как обеспечить подобный переход, принимая во внимание не только состояние экономики и энергетики страны, но и совокупность внешних для России угроз и вызовов.

Ресурсно-инновационная стратегия создаёт дополнительный внутренний спрос. В отличие от стратегии, ориентированной на ограниченный круг высокотехнологичных кластеров, она обеспечивает мультипликативный экономический рост благодаря распространению инноваций внутри страны, модернизации используемых технологий и реструктуризации обрабатывающих и перерабатывающих отраслей. Более того, эта стратегия не противопоставляет ресурсы и инновации по принципу «или – или», а объединяет их, умножая возможности и тех, и других.

Следует особо подчеркнуть, что выход на инновационный путь развития не означает отказа от экспорта первичных энергоресурсов. Традиционный экспорт должен развиваться в соответствии с требованиями мирового рынка, а за счёт экспорта нефтехимической продукции возрастёт

гибкость, улучшится структура экспорта, увеличатся финансовые поступления в государственный бюджет.

С нашей точки зрения, ресурсно-инновационная стратегия способна противостоять внутренним и внешним угрозам. Основой стратегии является опора на естественные преимущества России – подаренные природой ресурсы и интеллектуальный потенциал российского научного и инженерного сообщества.

Инновационные процессы обеспечат значительные финансовые поступления, которые могут быть направлены на развитие транспорта, инфраструктуры, а также на промышленное и жилищное строительство. Рост доходов от расширения занятости поднимет спрос и вызовет увеличение производства товаров потребительского назначения.

Совокупный рост производства расширит налоговую базу, что позволит увеличить государственные расходы на науку, социальную сферу и оборону страны. Мощный внутренний спрос явится предпосылкой для опережающего роста потребления наукоёмкой и новой продукции.

Для обеспечения перехода к ресурсно-инновационному развитию экономики необходимо создать эффективные условия для привлечения финансовых ресурсов к реализации инновационных проектов через налоговые освобождения и льготные кредиты за счёт включения в себестоимость затрат на инновации с повышающим коэффициентом, введения льготных условий концентрации ресурсов по целевым научно-техническим направлениям и проектам, разработки и освоения комплексных технологий.

Сегодня, когда серьёзнейшей проблемой остаётся систематическое недофинансирование научно-технологического комплекса страны, это тем более необходимо.

Нужно как можно скорее отказаться от «остаточного принципа» государственного финансирования науки, придав ей статус защищённой строки бюджета, разработать механизмы поддержки организаций, аккумулирующих и направляющих финансовые ресурсы в высокорисковые инновационные проекты, а также создать приоритетные условия формирования инвестиционных ресурсов для использования предприятиями отечественных технологий.

Накопившийся груз социальных, экономических, технических и экологических проблем требует выработки принципиально новых подходов к функционированию экономики и общества. Только политического и государственного переустройства недостаточно, нужна иная, чем прежде, ориентация всего потенциала – природного, производственного и научно-технологического – на создание духовных и материальных ценностей. Справедливые призывы к инновациям, модернизации, реиндустриализации должны быть подкреплены конкретными масштабными действиями, – экономически обоснованными и финансово обеспеченными.

С чего начать? Прежде всего надо выявить отрасли, готовые к масштабной реализации инновационных процессов. По-видимому, это традиционные лидеры российской экономики – ТЭК, Космос, оборонная промышленность. Эффективное и целенаправленное внедрение инновационных технологий РАН уже с первого года даст возможность получить

постоянно нарастающий финансовый поток в результате реализации инновационных технологий высоких переделов.

Значительные финансовые ресурсы позволят поддержать развитие инновационных процессов в самых различных, в том числе несырьевых отраслях экономики. Созданные инновационные технологии дадут возможность повысить конкурентоспособность отечественной продукции и технологическую независимость нефтегазового комплекса страны.

В целом инновационные процессы обеспечат эффективную модернизацию российской промышленности. Они должны определять направленность преобразований в каждом кластере, каждой отрасли экономики, когда модернизация осуществляется, прежде всего, на тех предприятиях, которые работают на реализацию инновационных технологий. Масштабное развитие подобных процессов создаст все необходимые условия для реиндустриализации экономики России.

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Сафонов М. С., заместитель президента Российской академии наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

В научном сообществе России и среди представителей бизнеса давно ведётся широкая дискуссия об альтернативах роста экономики России. Сейчас мало кто сомневается в необходимости отказа от экспортно-сырьевой модели и перехода к инновационному типу экономического развития при одновременной модернизации традиционных секторов российской экономики. Нам всем нужно помнить, что основой любой стратегии является опора на собственные естественные преимущества – подаренные природой ресурсы и интеллектуальный потенциал российского общества. Ресурсно-инновационная модель экономики – это, прежде всего, естественность предлагаемого пути её диверсификации; это максимальное взаимодействие различных отраслей и комплексов отечественной экономики, взаимная поддержка инвестиционных и инновационных процессов, рост возможностей для формирования новых устойчивых межрегиональных и межотраслевых кооперационных цепочек и интегрированных компаний; это повышение предсказуемости результатов и снижение рисков инвестиционной деятельности для отечественных и иностранных компаний, а также отработка реальных, а не декларативных «правил игры» в развитии отечественного рынка капитала¹.

Формирование национальной инновационной системы – это достаточно сложный, длительный и многоплановый процесс, затрагивающий интересы большого количества регионов, предприятий и организаций, сотен тысяч специалистов, работающих на них. Лишь широкомасштабная государственная политика, строгое государственное регулирование в сочетании с инструментами цивилизованного рынка помогут решению подобных сложных социально-экономических задач.

Термин «национальная инновационная система» (НИС) впервые был использован в 1982 г. английским профессором Центра изучения научной политики при Сассекском университете К. Фриманом. Он определял НИС как своего рода сеть институциональных структур в государственном и частном секторах экономики, активность и взаимодействие которых инициирует, создаёт, модифицирует и способствует диффузии новых технологий².

¹ Мастепанов А. М. Ресурсно-инновационное развитие в энергетической стратегии России. Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/press-c/source/Mastepanov_2-14.doc.

² Freeman C. Technological Infrastructure and International Competitiveness: Репринт оригинальной статьи для конференции ГЛОБЕЛИКС. Режим доступа: http://redesis.it.ufrj.br/globelics/pdfs/GLOBELICS_0079_Freeman.pdf.

Современная государственная инновационная политика России наиболее цельно представлена в Государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.12.2013 № 2429-р (период действия 2013–2020 гг.). В этом документе констатируется, что: «...единственным возможным способом обеспечения высокого уровня благосостояния населения, закрепления геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня, является переход экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития»¹.

Именно поэтому крайне актуальным является изучение предлагаемых государственной программой пути и мер по переориентации экономики на инновационный тип с позиции базовых принципов государственного регулирования экономики: создания равных для всех субъектов условий развития и приоритетной поддержки ключевых для экономики страны сфер деятельности.

Как известно, в зависимости от степени участия государства в решении стратегических задач, стоящих перед экономикой страны, методы государственного регулирования принято разделять на прямые и косвенные. При этом, прямые методы – это методы управления государственной собственностью, меры воздействия на государственный сектор экономики и государственного контроля за отдельными (конкретными) субъектами хозяйствования или их группами; косвенные методы – это заданные государством условия существования и предпринимательской деятельности физических и юридических лиц в конкретной стране.

Все последние годы государство пыталось и пытается использовать все предоставляемые возможности для концентрации усилий (прежде всего финансовых ресурсов) на наиболее важных направлениях развития экономики страны, и достижения синергетического эффекта от применения одновременно целого комплекса мер.

Эти стремления в настоящее время реализуются в государственных программах, входящих в направление «Инновационное развитие и модернизация экономики», когда должны быть реализованы мероприятия, которые позволят российской экономике оставаться мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создадут конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий. Должны быть сформированы условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики, и в первую очередь, в сфере экономики знаний.

Особенностями современного этапа управления инновационными процессами в нашей стране, проявившимися столь открыто, являются:

– конкретность и относительная краткосрочность достижения ближайших результатов;

¹ Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 316 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://programs.gov.ru/Portal/files/download?id=F5F2B082-8D53-410D-86BA-B59B2134AB59>.

– комплексный подход в достижении стратегических целей развития страны, когда учтены практически все проблемные точки, и они объединены в цельную модель управления;

– взаимная увязка целей, задач и мероприятий Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» с целями, задачами и мероприятиями других государственных программ, что позволяет рассчитывать на синергетический эффект от их реализации;

– преемственность программных документов разного уровня: федерального, регионального, отраслевого, – что создаёт условия для обеспечения действенного контроля за точностью следования выбранной на уровне государства стратегией;

– обращённость Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» прежде всего к учёным и изобретателям новых идей и продуктов, создателям малых инновационных предприятий (стартапов), венчурным и посевным инвесторам.

В качестве основных проблем, стоящих перед всеми нами, мы должны упомянуть следующие: низкий спрос на инновации и преимущественные закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных разработок; низкий уровень инвестиций в инновации, а поэтому проблемы в обновлении технической и технологической базы производства и выпуске конкурентоспособной продукции, которая была бы востребована на мировом рынке.

В качестве неблагоприятных условий нашего развития названы: слабая конкуренция и отсутствие серьёзных стимулов к росту производительности и снижению себестоимости продукции, неразвитость сектора малого бизнеса, недостаток кадров для развития инновационных отраслей.

Именно поэтому ключевыми задачами инновационной стратегии, нашедшими отражение в Государственной программе, стали:

1. Формирование общества инновационных личностей, не только способного в полной мере использовать достижения науки и техники, но и мотивированного на создание инноваций, внедрение их во все сферы общественной жизни за счёт: а) создания стимулов для притока квалифицированных специалистов, активных предпринимателей, творческой молодёжи в сектора экономики, определяющих её инновационное развитие, а также обеспечивающих скачок в образовании и науке; б) радикального расширения «класса инновационных предпринимателей», создания в обществе атмосферы «терпимости к риску», пропаганда инновационного предпринимательства и научно-технической деятельности.

2. Резкое повышение инновационной активности существующего бизнеса и динамики появления новых инновационных компаний за счёт формирования условий для понимания того, что инновации – это жизненно важно для развития компании, повышения эффективности и занятия лидерских позиций на рынках.

3. Обеспечение благоприятного «инновационного климата», включая создание условий и стимулов для инновационной деятельности, а также благоприятных условий для использования инноваций во всех видах деятельности.

4. Создание передового сектора исследований и разработок за счёт формирования оптимальной институциональной структуры этого сектора и создания инновационной инфраструктуры, которая гарантировала бы коммерциализацию результатов передовых научных исследований.

5. Максимально быстрое включение в мировые инновационные процессы за счёт повышения открытости национальной инновационной системы и экономики в целом для инноваций извне, расширения многостороннего международного научно-технического сотрудничества.

6. Создание разветвлённой сети территорий инновационного развития, развитие инновационных кластеров.

Основы системы поддержки инноваций и регулирования инновационной деятельности в нашей стране определены российским законодательством, что само по себе уже является неким инструментом формирования благоприятного инновационного климата, хотя само понятие «инновационный климат» не содержится в российских нормативных документах. Зарубежные источники обычно трактуют его как правовые и социальные условия для широкого распространения передовых знаний и технологий в предпринимательской среде, и как следствие – во всём обществе¹.

Государство всегда играло и, как ни странно это звучит с точки зрения и желания отдельных «прогрессистов» разгосударствливать эту деятельность, должно играть роль регулятора инновационного развития как путём прямого участия в научных исследованиях, так и путём создания благоприятных условий для последующего внедрения новаций и превращения их в реальные инновации. Последнему сегодня отдан приоритет, но мы все прекрасно понимаем, что процесс этот неоднороден. Именно поэтому в рамках работы Комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики России в 2009 г. было принято решение о необходимости обеспечения координации деятельности институтов развития в целях поддержки непрерывности цикла реализации инновационных проектов – от научно-исследовательских работ до вывода высокотехнологичной продукции на рынок. В целях исполнения указанного решения в феврале 2010 г. Внешэкономбанком была инициирована разработка многостороннего соглашения о взаимодействии институтов развития и заинтересованных организаций в сфере обеспечения непрерывного финансирования инновационных проектов малых и средних предприятий на всех стадиях инновационного цикла.

Участниками данного соглашения стали государственные институты развития. Соглашение стало основой организационного механизма, который позволяет оперативно осуществлять обмен информацией по реализуемым проектам и выбирать для каждого проекта инструмент поддержки, наиболее подходящий для данной стадии развития инновационной компании.

Ключевые функции участников соглашения, осуществляемые в рамках взаимодействия, заключаются в следующем:

– оказание финансовой поддержки инновационным проектам на разных стадиях их осуществления (применительно к государственным институтам развития – Внешэкономбанк, ОАО «Роснано», ОАО «РВК»,

¹ Investment Climate // The World Bank. July 8, 2015. Режим доступа: <https://www.wbinvestmentclimate.org/>.

Фонд Сколково, Российский банк развития, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере);

– поиск перспективных для реализации инновационных проектов и представление их на рассмотрение другим участникам соглашения (Федеральное агентство по делам молодёжи, «ОПОРА РОССИИ», Российская ассоциация венчурного инвестирования, Агентство стратегических инициатив);

– привлечение частных инвестиций в проекты, поддержанные финансовыми институтами развития (ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа», Российская ассоциация венчурного инвестирования);

– выработка единых подходов к отбору, экспертизе, структурированию и реализации инновационных проектов (все стороны соглашения).

Практический эффект от реализации соглашения заключается, прежде всего, в том, что для перспективных проектов, получивших государственные гранты на стадии разработки, значительно упростится процедура привлечения инвестиций следующего раунда.

И организации, и само соглашение представляют собой «инновационный лифт», иначе – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг.

Несомненно, институтами развития, которых в Российской Федерации насчитывается уже около 70, сделано много. При их поддержке реализовано немало успешных проектов. Однако у них по-прежнему есть большие резервы для повышения эффективности и результативности работы. Практически год назад, в июне 2015 г. Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев поручил провести исследование эффективности деятельности институтов развития и разработать рекомендации по её повышению. Очевидно, что углублённый анализ их деятельности достаточно сложно провести за столь короткий период времени, тем более, что оценивать деятельность различных институтов порой невозможно из-за разницы их внутренних критериев оценки, они никак не связаны между собой, что не даёт возможности оценить вклад институтов в создание общей инновационной системы страны. Логика долгосрочных показателей воздействия на экономику также пока не выстроена.

Очевидная проблема в деятельности институтов развития – это отсутствие кооперации и координации между ними: они не накопили общую базу знаний по инновациям, а если даже и накопили, то не готовы ею делиться. Большинство институтов развития ещё относительно молодо и не может продемонстрировать впечатляющих результатов, но чтобы сделать возможной оценку хоть каких-то результатов, необходимо как можно скорее начать сбор корректных данных. Использование единого показателя для измерения успеха программы может оказаться контрпродуктивным. Чтобы иметь возможность дать объективную оценку работе инновационной системы, важно организовать в национальном масштабе сбор данных согласно рекомендованным показателям, отражающим развитие венчурной индустрии.

Есть много других проблем, накопленных в институтах развития, и как следствие в самой системе. Необходимо в самое ближайшее время предпринять ряд кардинальных мер, чтобы сама система, о которой так много было сказано и написано, наконец-то заработала. Нужно незамедлительно снизить диспропорцию, которая возникла в системе затрат, направленных на развитие национальной инновационной системы. В то время как на поздние стадии сделан сильный акцент, на ранних стадиях ощущается недофинансирование. Чтобы гарантировать поток проектов для поздних стадий развития всей системы, которые с большей вероятностью будут интересны частным инвесторам, Правительству Российской Федерации следует выделять больше средств для ранней и посевной стадий.

Важно добиться того, чтобы государственные инвестиции не вытесняли частные. В настоящее время этот вопрос может быть актуальным для проектов на поздних стадиях развития. Следует рассмотреть и проблему избыточной конкуренции между институтами развития, ориентированными на проекты в их поздней фазе (в частности, возможное наложение функций в местах пересечения интересов РВК и «Роснано», «Роснано» и Внешэкономбанк). Решая эти и другие задачи, мы должны обратить внимание на создание особой инновационной культуры у населения. Существует острая нехватка осведомлённости и готовности внедрять инновации в экономику и общественную жизнь. Необходимо создать соответствующую систему инновационного образования, причём образования долговременного.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАРСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

Минниханов Р. Н., президент Республики Татарстан, доктор экономических наук

Экономика субъектов Федерации, как и России в целом, проходит сложный период. На сегодняшний день требуется новая модель более интенсивного использования всех ресурсов и резервов экономического роста.

Татарстан, являясь одним из ведущих регионов страны, последовательно поддерживает курс на укрепление государственности – строительство сильной России.

Крайне важно видеть перспективу, думать о будущем и быть на шаг впереди.

С этой целью в 2015 г. принят основополагающий документ государственного планирования – Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г., в которой определены основные направления долгосрочного развития региона.

В данном документе используется модель «Татарстан 7+6+3», задающая логику стратегического анализа, целеполагания и построения системы управления, ориентированной на рост конкурентоспособности республики и её предприятий.

Модель совмещает два уровня рассмотрения Татарстана:

– внешний, отражающий конкурентные позиции республики относительно других регионов в разрезе 7 направлений межрегиональной конкуренции (человеческий капитал, пространство, финансовый капитал, рынки, институты, природные ресурсы, инновации и информация),

– и внутренний, описывающий структуру 6 базовых экономических комплексов (нефтегазохимический, энергетический, машиностроительный, агропромышленный, инфраструктурный и комплекс услуг) в разрезе трёх экономических зон (Казанская, Камская, Альметьевская), формирующихся вокруг трёх городских агломераций.

Главная цель Стратегии определена как Татарстан-2030 – глобальный конкурентоспособный устойчивый регион, драйвер полюса роста «Волга-Кама».

Интегральный показатель конкурентоспособности – объём валового регионального продукта. Реализация Стратегии должна позволить республике увеличить этот показатель в 1,8 раза в сопоставимых ценах.

Для этого необходима целенаправленная работа по трём ключевым направлениям:

- формирование и накопление человеческого капитала;
- создание комфортного пространства для его развития;
- создание общественных институтов, при которых человеческий капитал востребован экономикой и может успешно функционировать.

Человеческий капитал является основным ресурсом современной экономики, конкуренция за него в настоящее время выходит на первый

план в развитии стран и отдельных регионов. Накопленный человеческий капитал должен обеспечивать конкурентоспособность республики.

Современная система образования, качественное здравоохранение, самобытная культура, высокооплачиваемая и интересная работа станут теми факторами, которые обеспечат приток в Республику Татарстан профессионалов и создадут комфортные условия для их жизни и работы.

Реализация Стратегии будет способствовать укреплению позиций Татарстана как региона, привлекательного для жизни и ведения бизнеса, позволит занять достойное место среди глобально конкурентоспособных территорий.

В настоящее время в муниципальных районах и городских округах республики ведётся разработка муниципальных стратегий до 2021 г. и на период до 2030 г. Они построены на принципах агломерационного подхода, будут соответствовать Стратегии Республики Татарстан до 2030 г., а также иметь чёткую гармонизацию с отраслевыми федеральными и республиканскими документами.

Один из путей повышения конкурентоспособности Татарстана в рамках Стратегии-2030 – создание зон опережающего развития на базе кластерного подхода.

В республике такой точкой роста является Камская агломерация, в которой уже сформировался и активно развивается Камский инновационный территориально-производственный кластер – крупнейший из 26 инновационных кластеров федерального значения. Его специализация – нефтепереработка, нефтехимия и автомобилестроение.

Уже сегодня здесь сосредоточен мощный инновационный потенциал, определяющий указанную территорию в качестве точки роста не только Республики Татарстан, но и Российской Федерации в целом. Здесь производится 45 % российских синтетических каучуков, 57 % полимеров стирола, каждый второй грузовой автомобиль (грузоподъёмностью 14–40 т) и каждая вторая грузовая шина. По итогам 2015 г. объём отгруженной продукции составил более 750 млрд рублей.

При этом дальнейшее эффективное развитие Камского кластера и Камской агломерации в целом сдерживается неразвитостью инфраструктуры, которая значительно отстаёт от потребностей промышленности. Так, авто- и железнодорожная инфраструктура в агломерации уже сегодня имеют ряд проблем по пропускной способности грузов, а планируемое к 2020 г. увеличение грузопотоков в 3 раза может вызвать транспортный коллапс. Также существенным является вопрос обеспечения нефтегазохимического комплекса углеводородным сырьём.

В целях решения задачи комплексного развития Камского кластера и Камской агломерации в целом распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2016 г. № 1257-р утверждена Концепция создания территориально обособленного инновационно-производственного центра «ИнноКам» (далее – Концепция).

Её основными направлениями определены производство, инновации, качество жизни, инфраструктура и агломерация, институциональная среда.

Реализация Концепции позволит снять инфраструктурные ограничения для стимулирования наращивания производственных мощностей

промышленных предприятий и создать благоприятную среду для проживания населения Камской агломерации. Особое внимание предполагается уделить инфраструктурным проектам (развитие транспортного, энергетического направления), модернизации системообразующих отраслей, образованию и квалифицированным кадрам (создание вузов), повышению качества жизни.

На сегодняшний день в Концепции отражены порядка 80 приоритетных проектов, в том числе:

- расширение железнодорожной инфраструктуры;
- строительство моста через р. Каму в районе посёлка Соколки и пр.

Реализация Концепции позволит к 2020 г. создать более 30 тысяч высокопроизводительных рабочих мест, увеличить объём отгруженной продукции до 2 трлн рублей, а размер созданной валовой добавленной стоимости до 1,1 трлн рублей.

Развитию центра ИнноКам будет способствовать создание территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) в моногороде Набережные Челны. Это, несомненно, позволит не только привлечь дополнительные ресурсы, но и существенно диверсифицировать экономику моногорода, одного из крупнейших в России.

Образование ТОСЭР позволит создать 10 тысяч новых рабочих мест и обеспечить приток дополнительных инвестиций ежегодно не менее 20 %.

Ключевая роль в Камском кластере отводится особой экономической зоне промышленно-производственного типа «Алабуга».

На сегодняшний день в особую зону в качестве резидентов привлечено 48 компаний, из них промышленно-производственную деятельность ведут 22 резидента. Продукция, производимая предприятиями на территории ОЭЗ «Алабуга», прежде всего, нацелена на реализацию на внутреннем рынке.

Проекты ещё 5 компаний получили положительные рекомендации Наблюдательного совета.

Резиденты особой экономической зоны представлены тремя ключевыми кластерами: производство автомобилей и автокомпонентов, переработка полимеров в готовую продукцию, производство строительных материалов. Помимо этого на территории ОЭЗ «Алабуга» реализуются проекты в сфере пищевой промышленности, деревообработки, производства стекла, композиционных материалов, машиностроения.

По состоянию на 1 июля 2016 г. объём инвестиций, освоенных резидентами за весь период деятельности, составил 102,9 млрд рублей. Создано 5,5 тысяч рабочих мест. Объём выручки резидентов – 192,1 млрд рублей.

К 2023 г. планируется привлечь 120 компаний-резидентов с объёмом заявленных инвестиций 360 млрд рублей. Будет создано 16 тысяч рабочих мест.

В стадии интенсивного формирования и развития находятся уникальный проект нового города и особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Иннополис», созданные в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1131.

В городе Иннополис создана необходимая жилая, социальная, разветвлённая инженерная и дорожно-транспортная инфраструктура, кото-

рая отвечает самым современным требованиям. Жители и компании будут обеспечены полным набором коммунальных услуг, при строительстве и эксплуатации сетей использованы высокотехнологичные методы, что обеспечивает экономное расходование ресурсов и поддержание экологической устойчивости.

Интеллектуальным ядром нового города является Университет Иннополис. Это новый российский вуз, специализирующийся на образовании и научных исследованиях в области современных информационных технологий. Основная цель создания университета – подготовка высококвалифицированных кадров по ИТ-специальностям для выведения отечественной инновационной индустрии на качественно новый уровень.

Город размещён вокруг особой экономической зоны технико-внедренческого типа, предоставляющей компаниям-резидентам широкий спектр экономических льгот и преференций. Особые условия ведения предпринимательской деятельности включают в себя специальный налоговый режим, льготные условия аренды офисных помещений и земельных участков, льготные тарифы на подключение к инженерным коммуникациям.

На сегодняшний день резидентами ОЭЗ «Иннополис» является 21 компания. Проекты 14 компаний получили положительные рекомендации Наблюдательного совета и будут рассмотрены на заседании Экспертного совета по технико-внедренческой особой экономической зоне Республики Татарстан.

В соответствии с перспективным планом развития ОЭЗ «Иннополис» к 2024 году на её территории предполагается размещение около 350 резидентов, планируется создать свыше 13 тысяч рабочих мест.

Иннополис должен стать одним из передовых центров компетенций, задающих современные стандарты разработки и коммерциализации новых продуктов и технологий. К указанному процессу будут привлечены все субъекты инновационной и инвестиционной среды – наука, разработчики, инвесторы, венчурные фонды и пр.

Повышение конкурентоспособности экономики республики тесно связано со значительными объёмами привлекаемых инвестиций. На протяжении последних лет Татарстан стабильно входит в число наиболее привлекательных для инвестирования регионов, что обусловлено сочетанием высокого потенциала и низкого инвестиционного риска.

В 2015 г. объём инвестиций в основной капитал, привлечённых в экономику и социальную сферу Татарстана, составил 617,2 млрд рублей или 100% в сопоставимых ценах к уровню 2014 г.

Отмечен рост инвестиционной активности в республике по итогам первого полугодия 2016 г.: объём инвестиций в основной капитал составил 219,1 млрд рублей или 101,6% в сопоставимых ценах к уровню соответствующего периода 2015 г.

В Татарстане реализуются масштабные конкурентоспособные инвестиционные проекты в нефтегазохимическом комплексе:

– в феврале 2016 г. состоялся официальный запуск нового интегрированного комплекса по выпуску аммиака, метанола и гранулированного карбамида ОАО «Аммоний» в г. Менделеевск. В настоящий момент обрабатывается вопрос по строительству второго завода;

– в следующем году запланирован ввод в эксплуатацию завода по производству метилхлорсиланов ОАО «КЗСК-Силикон» мощностью 40 тыс. тонн продукции в год;

– на ОАО «ТАИФ-НК» в 2017 г. планируется выход на проектную мощность Комплекса по глубокой переработке тяжёлых остатков нефтеперерабатывающего завода (реализация проекта позволит увеличить глубину переработки нефти до 98%);

– к 2018 г. ПАО «Татнефть» введёт в эксплуатацию новую установку первичной переработки нефти ЭЛОУ-АВТ-6 на Комплексе «ТАНЕКО». Это обеспечит дополнительную переработку 6 млн тонн нефти в год;

– к 2020 г. на ПАО «Нижнекамскнефтехим» будет введён новый олефиновый комплекс мощностью 600 тыс. тонн этилена в год.

Реализуются крупные инвестиционные проекты и в области машиностроения:

– запланирован запуск производства самолётов дальней авиации ТУ-160 на базе КАЗ им. С. П. Горбунова – филиала ПАО «Туполев»;

– планируется начать серийное производство вертолётов Ми-38 на ПАО «Казанский вертолётный завод»;

– с 2017 г. стартует производство пилотных партий Электробус КАМАЗ с ультрабыстрой системой зарядки аккумулятора (от 6 до 20 минут), к 2020 г. планируется серийное производство;

– с 2018 г. будет начато серийное производство комплекса воздушного мониторинга на базе беспилотного летательного аппарата большой продолжительности полёта на АО «НПО «ОКБ им. М. П. Симонова»;

– с 2025 г. начнётся производство роботизированных беспилотных автомобилей КАМАЗ;

– к 2020 г. на АО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького» планируется серийное строительство пассажирских судов с двигателями, работающими на сжиженном природном газе (СПГ) и др. проекты.

Важным направлением татарстанской экономики является развитие сельскохозяйственной отрасли. Республика находится на 4-м месте среди регионов России по стоимостному объёму валовой сельхозпродукции.

По итогам 2015 г. производство валовой продукции сельского хозяйства (по всем категориям хозяйств) составило порядка 214 млрд рублей, с ростом 104,7% в сопоставимой оценке к 2014 г. (по сельхозформированиям рост 105,1%).

Занимая 2,3% сельхозугодий России, республика производит 4,2% её валовой сельхозпродукции.

Сельское хозяйство Татарстана полностью обеспечивает внутренние потребности по большинству основных видов сельхозпродукции. Производство мяса составляет 108% от потребности, яйца – 117%, молока – 120%, производство картофеля и сахара – в 2,5 раза превышает потребность.

Привлечённые инвестиции в сельское хозяйство позволили обеспечить техническую оснащённость для своевременного выполнения всего комплекса агротехнических мероприятий и модернизацию объектов животноводства.

В текущем году также реализуется целый ряд крупных программ с привлечением средств республиканского бюджета, в т. ч. техническое

первооружение АПК РТ, капитальный ремонт ферм, строительство силосно-сенажных траншей и развитие мелиоративной отрасли.

Продолжается строительство и модернизация крупных высокотехнологичных комплексов, что позволит к 2018 г. увеличить производство мяса на 160 тыс. тонн. Одновременно вводятся в эксплуатацию современные предприятия по глубокой переработке мяса.

Большое внимание уделяется развитию малых форм хозяйствования. В республике действуют свыше 400 тысяч личных подсобных и около 5 тысяч фермерских хозяйств, за ними – треть республиканского поголовья скота и почти половина сельхозпродукции республики. 12 января 2016 г. принят Закон Республики Татарстан № 3-ЗРТ «О государственной поддержке развития личных подсобных хозяйств на территории Республики Татарстан».

В регионе действуют 1182 семейные фермы различной направленности, в том числе 505 – высокотехнологичные.

Эффективность проводимой в Республике Татарстан работы по улучшению инвестиционного климата подтверждается тем, что на сегодняшний день местом для ведения своего бизнеса выбрали территорию Татарстана такие известные мировые компании, как Ford-Sollers, Rockwool, Hayat Group, Daimler, ЗМ, Schneider Electric, Fujitsu, Air Liquide, ŞİŞECAM, Saint Gobain, Armstrong, Haier и многие другие.

Высокий уровень созданных условий для ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности подтверждается и результатами Национального рейтинга состояния инвестиционного климата регионов Российской Федерации. По итогам Национального рейтинга 2014, 2015 гг. Республика Татарстан стала регионом-лидером, обеспечившим наиболее благоприятные инвестиционные условия для бизнес-структур.

Успешно внедрены Стандарт деятельности органов исполнительной власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и Стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в муниципальных образованиях Республики Татарстан. Реализуются «дорожные карты» Национальной предпринимательской инициативы, направленные на снижение административных барьеров в развитии бизнеса.

Для повышения эффективности взаимодействия участников инвестиционной деятельности в республике ежегодно утверждается Инвестиционный меморандум. Он устанавливает основные приоритеты развития данной деятельности, в том числе государственной поддержки предприятий (организаций), а также иных форм поддержки.

В Инвестиционный меморандум на 2016 г. включены порядка 200 приоритетных проектов на общую сумму более 1 трлн рублей.

Один из важнейших факторов экономического роста – развитие малого и среднего предпринимательства.

В этом секторе в настоящее время функционируют более 142 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе более 53 тыс. экономически активных малых предприятий, 467 средних предприятий и 88 тыс. индивидуальных предпринимателей.

В Республике Татарстан на протяжении последних 10 лет созданы и успешно развиваются индустриальные парки, технопарки, бизнес-инкубаторы, промышленные площадки.

По итогам 2015 г. их резидентами произведено продукции почти на 120 млрд рублей, что составляет порядка 7 % всего объёма промышленного производства республики.

Важной площадкой для развития инновационного высокотехнологичного производства и технологий выступает Технополис «Химград», резидентами которого являются компании малого и среднего бизнеса, занятые в области малотоннажной химии, переработки полимеров, нанотехнологий, ресурсосбережения и энергоэффективности, медицинских технологий. Планируется, что к 2020 г. выручка компаний-резидентов Технополиса «Химград» увеличится почти в 2 раза и составит 38 млрд рублей, из них 6 млрд рублей – нанотехнологическая продукция. Количество резидентов увеличится с 265 до 300.

Ярким примером стратегии модернизации экономики республики является Камский индустриальный парк «Мастер», который предназначен для размещения предприятий, в первую очередь, осуществляющих свою деятельность в машиностроительной отрасли. Увеличение площади парка в 2 раза, с 0,64 до 1,34 млн кв. метров, позволит к 2020 г.:

- увеличить количество резидентов с 252 до 470, а их совокупную выручку – в 2 раза, до 60 млрд рублей;

- двукратно увеличить количество высокопроизводительных рабочих мест (до 9100).

Среди технопарков особое место занимает Инновационно-производственный технопарк «Идея», состоящий из трёх функциональных подразделений, каждое из которых отвечает за свой этап развития инновационной компании: бизнес-инкубатор, инновационно-технологический центр, бизнес-парк. За весь период деятельности технопарка «Идея» создано свыше 300 инновационных компаний, более 5 тысяч новых рабочих мест. И этот процесс продолжается.

Другим значимым субъектом региональной инновационной системы является Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк», ключевым направлением специализации которого является разработка отечественного программного обеспечения, в том числе в сфере «электронного правительства» и «электронных государственных услуг».

Сегодня ИТ-парк предоставляет все условия для ускоренного роста компаний в сфере высоких технологий за счёт концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов.

Выстраиваемая стратегическая модель развития ИТ-отрасли в Республике Татарстан предусматривает обеспечение на базе инфраструктуры ИТ-парка максимально благоприятных условий для эффективных ИТ-разработок стартап-проектами и развивающимися ИТ-компаниями. После прохождения данной стадии и перехода ИТ-компаний к этапу зрелости целесообразным становится их размещение в городе Иннополис.

Активно развиваются промышленные площадки муниципального уровня. На сегодняшний день в республике созданы 52 такие площадки.

На них осуществляют деятельность 292 резидента, создано 5,7 тысячи рабочих мест. Объём произведённой продукции, по итогам 2015 г., составил более 13,2 млрд рублей.

В 2015 г. разработана Программа создания и развития индустриальных (промышленных) парков и промышленных площадок муниципального уровня на территории Республики Татарстан. К 2020 году к имеющимся муниципальным площадкам добавятся ещё 45. Количество резидентов увеличится до 551, их выручка возрастёт до 25 млрд рублей. Численность работающих на площадках увеличится в 2 раза и составит 11 тысяч.

Развитие сектора малого и среднего бизнеса требует постоянных эффективных мер государственной поддержки, направленных на улучшение предпринимательского климата. Мероприятия, проводимые в республике, в основном направлены на поддержку компаний, реализующих проекты в сфере сельского хозяйства, производства и переработки, строительства, инноваций и деятельности в сфере науки и техники.

В прошлом году на поддержку малого и среднего бизнеса было направлено 1,9 млрд рублей.

В рамках финансирования по программе поддержки малого и среднего предпринимательства были реализованы такие мероприятия, как:

- «Лизинг-грант» (39% его получателей предприниматели, осуществляющие сельскохозяйственную деятельность) (351,9 млн рублей);
- субсидирование покупки оборудования (198,8 млн рублей);
- предоставление льготных микрозаймов (218,7 млн рублей).

Также средства направлены на строительство государственных и частных промышленных парков в Казани, Набережных Челнах, Мамадышском, Новошешминском, Кукморском и Лаишевском муниципальных районах.

Осуществляется информационная поддержка предпринимателей, а также проводятся встречи с руководителями органов исполнительной власти.

26 мая 2016 г. в Казани был открыт единый центр предоставления услуг для малого и среднего бизнеса, в котором действует центр производственной субконтракции (помогает малым и средним предприятиям заключать контракты с крупными производителями) и предоставляют государственные и муниципальные услуги. В центре можно получить консультации по программам поддержки Минэкономразвития России, АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», Российского экспортного центра и подать соответствующие документы. Аналогичные единые центры планируется открыть и в муниципальных образованиях республики.

Большое значение имеют бесплатные обучающие программы для начинающих и действующих предпринимателей. При участии Казанского (Приволжского) федерального университета в Республике Татарстан в 2015 году стартовал проект «Фабрика предпринимательства», основной идеей которого является возможность получения практического опыта в сфере управления бизнесом без первоначальных инвестиций при поддержке наставников – действующих предпринимателей. Проект продолжается и в текущем году, по результатам отбора проходят обучение 150 начинающих предпринимателей.

В 2016 г. в республике реализуется образовательный онлайн-проект «Бизнес-класс» от компании «Google» и ПАО «Сбербанк России». На сегодняшний день на проекте зарегистрировались около 9 тыс. участников из Татарстана.

Резервы роста и конкурентного развития республики – в тесной взаимосвязи университетов, предприятий реального сектора и вновь созданных объектов инфраструктуры – региональных инжиниринговых центров и центров прототипирования.

Так, в рамках программы Министерства экономического развития Российской Федерации по оказанию государственной поддержки малому и среднему предпринимательству в Татарстане созданы и функционируют 4 региональных инжиниринговых центра и 2 центра прототипирования:

- Региональный инжиниринговый центр «КАИ-Лазер», специализирующийся в сфере лазерных технологий (сварка, резка, маркировка, упрочнение, наплавка, фрезеровка);

- Региональный инжиниринговый центр медицинских симуляторов «Центр медицинской науки», осуществляющий разработку высокотехнологичного медицинского оборудования;

- Региональный центр инжиниринга в сфере химических технологий, который оказывает инжиниринговые услуги в сфере мало- и среднетоннажной химии и полимерных компаундов в различных отраслях промышленности (нефтедобыча, нефтехимия, автохимия, агрохимия, биохимия, кремнийорганические продукты);

- Региональный центр инжиниринга биотехнологий, обеспечивающий инфраструктуру для осуществления исследовательской и научной деятельности в сфере производства пищевых продуктов, кормов и кормовых добавок с использованием отечественной ресурсной базы;

- Центр прототипирования и внедрения отечественной робототехники, способствующий введению в производство промышленной робототехники третьего поколения и осуществляющий компьютерное проектирование, изготовление прототипов роботизированных комплексов и оборудования;

- Центр прототипирования «Центр цифровых технологий», специализирующийся в сфере высокотехнологичного литейного производства с применением промышленных аддитивных технологий.

Открытые в Татарстане инжиниринговые центры и центры прототипирования создают задел для инновационного развития экономики. С участием вузов, предприятий и субъектов малого и среднего предпринимательства они решают задачи технологической модернизации и вопросы импортозамещения отечественной продукцией и технологиями.

К числу важнейших конкурентных преимуществ Татарстана относится мощный научно-технический потенциал экономики. Исследованиями и разработками в республике занимается около 17,5 тыс. штатных сотрудников – исследователей, техников и представителей вспомогательного персонала.

В Республике Татарстан существуют все сегменты сферы науки и технологий – академический, вузовский, отраслевой и корпоративный. Структура научного комплекса представлена 40 научно-исследователь-

скими учреждениями, 9 проектно-конструкторскими бюро, 32 высшими учебными заведениями, 18 корпоративными НИИ и КБ, а также 15 прочими научными организациями.

В соответствии с требованиями и установками Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г., в республике происходит усиление роли высшей школы в процедурах коммерциализации результатов научно-технической деятельности.

За прошедшие годы внутренние затраты на исследования и разработки в Татарстане возросли более чем в 10 раз (с 1,2 млрд рублей в 2000 г. до 12,2 млрд рублей в 2014 г.).

Примечательно, что в структуре источников финансирования НИОКР в республике преобладают внебюджетные средства.

На них приходится более 60 % расходов на науку, в то время как в целом по стране величина этого показателя сложилась на уровне 35 %.

Таким образом, экономическая модель научного комплекса региона отвечает принципу «многоканального» финансирования исследовательского процесса.

Важнейшее условие инновационного развития – вопрос коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

С этой целью в Республике Татарстан принята Программа развития рынка интеллектуальной собственности до 2020 г. Документ направлен на повышение конкурентоспособности наших товаропроизводителей на отечественном и зарубежных рынках за счёт эффективного управления интеллектуальной собственностью.

Одним из факторов конкурентоспособности республики является наличие соответствующих кадров в области инноваций. Татарстан, руководствуясь принципом «образование и самосовершенствование в течение всей жизни», ведёт активную работу в сфере образования и подготовки высококвалифицированных специалистов.

На протяжении последних лет большое внимание уделяется модернизации дошкольного образования. Детский сад – это не просто место для времяпровождения ребёнка, здесь создаются условия для интеллектуального, личностного и физического развития детей.

Расширяется сеть инновационных школ, действуют ИТ-, химический и технический лицеи. Развиваются высшая школа и наука. У нас действуют федеральный и два национальных исследовательских университета.

Для подготовки и поддержки интеллектуальной элиты республики, а также для удовлетворения потребности экономики Татарстана в высококвалифицированных кадрах с 2006 г. реализуется республиканская программа «Алгарыш». Это программа грантов Правительства Республики Татарстан на подготовку, переподготовку и стажировку граждан в ведущих образовательных и научных центрах мира, расположенных в США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции, Сингапуре, Китае.

Для детей от 4 до 14 лет в Казани открыты детский городок профессий «КидСпейс» и научно-развлекательный центр «Зарница».

С 2013 г. работает интерактивный научно-развлекательный центр «Дом занимательной науки и техники», где посетители могут посмотреть интересные и необычные эксперименты, а у детей есть возможность по-

пробовать провести научное исследование, увидеть работу различных механизмов.

Татарстан оказался в числе трёх пилотных регионов, где созданы первые детские технопарки – «Кванториумы», которые станут новой моделью дополнительного образования, образовательно-творческим пространством. В них будут созданы условия для раскрытия потенциала школьников, имеющих склонность к инженерному творчеству и научной работе.

Первый «Кванториум», на площадке которого со школьной скамьи будут готовить новое поколение учёных и инженеров, открылся на базе Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк» в Набережных Челнах.

Кроме того, в Татарстане уделяется особое внимание созданию и развитию Центров молодёжного инновационного творчества, финансируемых по программе Министерства экономического развития Российской Федерации. Центр стимулирует интерес молодёжи к высокотехнологичным решениям в сфере инновационного развития науки и техники, способствует выявлению талантливой молодёжи, формирует базу для будущих инженерно-технических кадров. На сегодня уже создано 14 таких центров.

В сфере профессионального образования важнейшей задачей является обеспечение соответствия выпуска специалистов потребностям экономики.

С этой целью принято решение о создании совместно с крупнейшими предприятиями республики ресурсных центров, где сконцентрированы уникальные учебно-методические, кадровые и материально-технические ресурсы, предназначенные для подготовки рабочих кадров для развития различных отраслей экономики.

В настоящее время ресурсные центры созданы на базе 14 профессиональных образовательных организаций. В 2016 г. статус такого центра получают ещё 6 профессиональных образовательных организаций Республики Татарстан. Одним из них станет Казанский техникум информационных технологий и связи, на базе которого в 2016 г. создаётся Межрегиональный центр компетенций в области информационных и коммуникационных технологий по стандартам WorldSkills. К 2020 г. планируется довести общее количество ресурсных центров до 25.

Проводится большая работа по популяризации рабочих профессий и созданию условий для развития высоких профессиональных стандартов.

Знаковым событием для республики станет проведение в 2019 г. в Казани мирового Чемпионата по профессиональному мастерству – World Skills.

Все это направлено на воспитание и подготовку нового поколения профессионалов, которые смогут обеспечить дальнейший рост экономики.

Для устойчивого развития республики полностью сохранены все социальные обязательства. Сегодня в Татарстане реализуются более тридцати программ, многие из которых уникальны. Они финансируются не только из средств республиканского и федерального бюджетов, но и за счёт привлечения инвестиций.

Основополагающий фактор обеспечения комфортной среды – улучшение жилищных условий граждан, качества и доступности жилья.

Продолжается реализация программ социальной ипотеки и арендного жилья. По итогам 2015 г. в республике введено 2 405,5 тыс. кв. метров жилья, в том числе по программе социальной ипотеки – 323 тыс. кв. метров жилья на 4 905 квартир (13,4 % от общего ввода жилья).

В Татарстане в течение нескольких лет строятся спортивные и культурные объекты, создаётся доступная среда для инвалидов, реализуются программы капитального ремонта общеобразовательных учреждений, детских оздоровительных лагерей, объектов культурного назначения, зданий советов поселений муниципальных образований.

Целый ряд программ направлен на улучшение качества жизни на селе: активно строятся сельские клубы, фельдшерско-акушерские и ветеринарные пункты, административно-жилые комплексы для участковых, решаются вопросы обеспечения питьевой водой, проводятся мероприятия по переходу на индивидуальные системы отопления.

С целью обеспечения населения республики комфортным пространством реализуется программа по созданию и обустройству парков и скверов. Она охватила все 45 муниципальных образований Татарстана. В рамках программы благоустроено 75 объектов в городах, 23 – в посёлках городского типа, 39 – в сельских поселениях, а также более 3,1 млн кв. метров парковых территорий.

2016 г. в республике объявлен Годом водоохраных зон в целях привлечения внимания общества к вопросам сохранения и восстановления водных объектов, среды обитания биологических ресурсов, создания комфортных условий для населения.

Новые экономические условия предоставили ряд уникальных возможностей для поиска новых «точек роста», способных активно привлекать инвестиции, эффективно их использовать и стимулировать развитие различных научно-производственных и социально-экономических структур.

РОСТ РЕГИОНОВ, НЕ ИМЕЮЩИХ УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ, СВЯЗАН СО СТРУКТУРНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ И ПЕРЕХОДОМ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Артамонов А. Д., губернатор Калужской области, доктор экономических наук

Стратегия социально-экономического развития Калужской области – яркий пример формирования экономики, не ориентированной на использование природных ресурсов.

К середине 2000-х гг. в Калужской области сложилась ситуация, при которой собственные доходы консолидированного бюджета области не обеспечивали приемлемого уровня исполнения социальных обязательств регионального правительства. Дотации федерального бюджета превышали 20 % от суммы доходов областного бюджета. Это потребовало пересмотра управленческих подходов, приоритетных направлений развития области и действий по их достижению.

В 2006 г. были определены стратегические приоритеты регионального развития – обеспечение достойного качества жизни населения, сохранение социальной стабильности и переход к бездотационному бюджету, основанному на устойчивом экономическом развитии.

В 2007 г. была разработана и в 2009 г. официально утверждена Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 г. Она является основным документом, определяющим цели и направления развития области. Основной её приоритет – «Человек – центр инвестиций».

Качество реализации Стратегии, прошедшей проверку на устойчивость двумя кризисами, можно оценить как высокое.

Она актуальна и сегодня, соответствуя целевым рынкам с учётом утверждённых приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и другим актам, развивающим и детализирующим эти направления.

В 2013 г. по результатам первого рейтинга качества региональных Стратегий, проведённого РА «Эксперт», Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 г. объявлена лучшей. Для нас это подтверждение правильности наших действий.

Более того, если на момент разработки документа Калужская область была одним из многих регионов, которые были безлики на карте России для экспертов, инвесторов и деловых кругов, то сегодня – мы узнаваемы, а наш опыт востребован.

Наша область принимала активное участие в становлении стратегического планирования и разработке соответствующего федерального закона (от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), который ликвидировал почти 20-летний пробел в системном выстраивании стратегического планирования.

Мы – единственный регион, который вёл работу по установлению законодательных основ стратегического планирования с начала (с 2006 г. –

даты проведения первого заседания Государственного совета Российской Федерации, посвящённого комплексному социально-экономическому развитию регионов Российской Федерации) до момента принятия федерального закона. Большая работа проводилась не только на этапе взаимодействия с Министерством экономического развития Российской Федерации, но и в рабочей группе Государственной Думы Российской Федерации.

Участие в этих процессах позволило нам объективно оценить происходящие процессы и действовать наиболее эффективным образом. Для регионов, не имеющих углеводородных ресурсов, возможности дальнейшего роста должны быть связаны со структурными изменениями и переходом к инновационной экономике.

В этом случае ключевыми ресурсами становятся человеческий капитал и качество среды обитания. Именно они будут определять конкурентные преимущества на протяжении ближайших 20–25 лет.

Для Калужской области стратегическим базовым процессом является использование возможностей «энергетики роста» московской агломерации.

Основной смысл Стратегии – переход от преимущественно промышленного развития к развитию на основе капитализации среды и привлечения на территорию области новых жителей. Но привлечь высококвалифицированные кадры в неразвитую среду обитания невозможно. Поэтому необходимо развивать благоустройство населённых пунктов, инфраструктуру, индустрию гостеприимства и развлечений, жилищное и дорожное строительство.

На разных этапах реализации Стратегии в большей степени мы акцентировали усилия на различных направлениях и приоритетах развития. Зачастую внешнее окружение должно накопить достаточно компетенций, чтобы произошли качественные изменения.

Стратегический приоритет развития области – использование новых источников экономического роста для обеспечения достойного качества жизни населения, что включает в себя решение следующих задач:

- развитие человеческого капитала;
- обеспечение лидерства в сфере науки и инноваций;
- развитие образования, создание «экономики знаний»;
- модернизация транспорта и энергетики на основе новых технологий;
- перенос акцента с индустриального на социокультурное развитие;
- создание качественной среды проживания и деятельности.

Главными преимуществами такого подхода являются долгосрочный экономический рост и постепенное выравнивание пространственных дисбалансов, которые характерны для нашей области.

Реализация Стратегии подразумевает достижение трёх приоритетов за счёт развития 7 кластеров и реализации 12 мега-проектов.

Перечисленные задачи выстраиваются в следующую систему приоритетов:

- пространственная организация и комплексное развитие территорий (пространственное развитие);
- создание инновационной инфраструктуры;
- поддержка развития кластеров.

Первый приоритет – пространственное развитие. Основные усилия здесь направлены на формирование в региональной экономике сегмента территориального развития и жизнеобеспечения, включающего в себя си-

стемный девелопмент земли и качественно новое жилищное строительство, а также производство стройматериалов, пищевых продуктов, оказание торговых, транспортных, туристических, коммунальных услуг.

Это направление находится в высокой степени достижения запланированных показателей: по увеличению численности жителей, продолжительности жизни, комфортности проживания. И это с учётом того, что, например, туризм в регионе как отрасль на момент разработки Стратегии отсутствовал, а миграция в Москву отвлекала активную часть населения, в том числе молодёжь, из региона.

В данном приоритете нами было учтено расширение Москвы до границы с Калужской областью и возникающие при этом риски и возможности для региона. При этом для нас важно не только привлечь новых жителей, но и удержать уже проживающих в области.

Стратегический расчёт на привлечение на территорию новых жителей и сохранение уже проживающих означает реальную конкурентную борьбу за новое население из московской агломерации, которое в силу своих компетенций и требований к качеству жизни способно существенно повысить конкурентоспособность Калужского региона в целом.

Второй приоритет – инновационное развитие. Это то, над чем мы работаем и выводим на нужную траекторию развития, и что без поддержки со стороны федерации – институциональной средой, налогами, законодательством, нам изменить непросто.

Приоритетными направлениями инновационного развития для Калужской области с учётом «целевых рынков» являются:

- производство новых материалов, в том числе строительных;
- биотехнологии и фармацевтика как ядро нового кластера жизнеобеспечения и развития среды;
- ядерные технологии и радиомедицина;
- информационные технологии.

Создаваемый в Обнинске технопарк в сфере высоких технологий с современной инженерной инфраструктурой и развитой системой поддержки компаний-резидентов должен стать ключевым элементом инновационного вуза и обеспечить системное развитие инфраструктуры высокотехнологичного производства.

Строительство здания бизнес-инкубатора на территории технопарка «Обнинск» находится в завершающей стадии, что позволит разместить здесь до 50 компаний-резидентов, реализующих инновационные проекты, общей численностью около 300 рабочих мест.

В области созданы основные элементы региональной инновационной системы:

- бизнес-инкубаторы, в том числе один студенческий, в которых размещены более 40 малых инновационных компаний;
- два инновационно-технологических центра (лазерных и нано-технологий);
- IT-центр, объединяющий инфокоммуникационные компании;
- центр кластерного развития;
- два центра коллективного пользования приборами и оборудованием для субъектов малого и среднего предпринимательства (фармацевтической направленности и лазерной обработки);

- центр молодёжного инновационного творчества;
- региональный инжиниринговый центр;
- региональный венчурный фонд и другие.

В области сформированы инновационные кластеры: информационно-телекоммуникационных технологий; авиационно-космических технологий, полимерных композиционных материалов и конструкций; а также фармацевтики, биотехнологий и биомедицины.

В 2015 г. в Обнинске был открыт инжиниринговый центр в сфере фармацевтики, медицины и биотехнологий, который оснащён высокотехнологичным оборудованием, позволяющим реализовать весь необходимый объём работ.

С 2013 г. в области реализуется проект развития Центра молодёжного инновационного творчества (ЦМИТ). ЦМИТ – это открытая мастерская для молодёжи, в которой собрано современное оборудование, позволяющее создавать прототипы различных изделий и устройств, реализовывать интересные изобретательские идеи и заниматься техническим творчеством.

Третий приоритет – кластерное развитие.

Создание и развитие кластеров как инновационного способа организации экономической политики позволит обеспечить конкурентоспособность региона не только по стандартным макроэкономическим показателям, но и по состоянию среды жизни и качеству человеческого капитала.

Это направление придаёт устойчивость нашей экономике, обеспечивает снижение территориальных диспропорций и включает в себя 7 пространственно-организованных кластеров, которые взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

Состояние реализации этого приоритета, особенно с учётом большого срока планирования, произошедших изменений в мировой экономике и во взаимоотношениях России с другими странами, можно характеризовать как положительное.

Стратегия социально-экономического развития Калужской области реализуется в три этапа:

1 этап: 2009–2013 гг. – акцент делался на технологическую модернизацию в выбранных сегментах и преодоление инфраструктурных ограничений.

2 этап: 2014–2019 гг. – характеризуется привлечением на территорию области новых жителей, сохранением существующих.

3 этап: 2020–2030 гг. – акцент на использование комбинации инновационных, человеческих и средовых ресурсов территории для эффективного развития.

На первом этапе, который завершился в 2013 г., была проведена технологическая модернизация, привлечены новые компетенции, преодолены инфраструктурные ограничения. Можно констатировать, что запланированные мероприятия и проекты реализовались с высоким уровнем исполнимости.

Сейчас область перешла ко второму этапу реализации Стратегии, который продлится до 2019 г. Стоящие перед нами цели – привлечение на территорию области новых жителей, сохранение уже проживающих, системная работа с качеством среды обитания. На это направляются доходы, полученные в результате реализации первого этапа.

В стадию более активного роста входит инновационное развитие, результаты деятельности которого будут использованы для повышения каче-

ства жизни, в том числе социальной инфраструктуры, ресурсосбережения, комплексного жилищного строительства с использованием прогрессивных технологий.

К началу второго этапа Стратегии в регионе активно развиваются следующие пространственные кластеры:

- автомобилестроительный;
- биотехнологий, фармацевтики, медицинских услуг;
- транспортно-логистический;
- образовательный;
- туристско-рекреационный.

Входят в стадию активного роста кластеры:

- жизнеобеспечения и развития среды;
- агропищевой.

Все перечисленные кластеры характерны для развитой экономики. На диверсификацию и повышение устойчивости экономики влияет развитие кластера фармацевтики, биотехнологии, медицинских услуг, а также транспортно-логистического и туристско-рекреационного кластеров, которые ранее были представлены в незначительной мере.

Кластер, ставший визитной карточкой области по результатам реализации первого этапа Стратегии, – **автомобилестроительный**.

У нас локализованы глобальные мировые бренды: VW, Volvo, Peugeot-Citroen-Mitsubishi. Каждое из этих предприятий привлекло к себе поставщиков автокомпонентов, дало возможность развиваться среднему и малому бизнесу (АО «Магна Автомотив Рус», ООО «Янп Рус Автомобильные системы», ООО «Гестамп-Северсталь-Калуга», ООО «Фуяо Стекло Рус», ООО «Бентелер Аутомотив», «Форесия Аутомотив Девелопмент» и др.).

В 2015 г. Volkswagen в дополнение к имеющимся мощностям открыл завод по производству двигателей.

Региональными поставщиками автокомпонентов, которых на сегодняшний день уже 28, выпускается практически полная номенклатура узлов и агрегатов, удовлетворяющая производственные потребности автосборщиков.

Автомобилестроительный кластер положил начало реализации системы дуального обучения.

На базе учреждений образования региона реализуются разработанные совместно с предприятиями, адаптированные к производству специальности: «мехатроника», «автомехатроника», «механик покрасочных работ», «механик-конструктор», «оператор в логистике», «слесарь механосборочных работ», «механик по металлообработке».

Ресурсный Центр подготовки и переподготовки кадров для автомобильной промышленности обучает специалистов для десятков компаний автомобилестроения, в том числе из других регионов. В Центре прошли переподготовку и повышение квалификации около 13 тыс. человек.

В Калужском филиале Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана студенты, обучающиеся по направлению «робототехника», проходят подготовку не только в стенах вуза, но и на предприятии.

В рамках развития кластера биотехнологий, фармацевтики, медицинских услуг формируется сбалансированная высокотехнологическая цепочка по разработке и внедрению готовой фармацевтической продукции. Это

позволит Калужской области стать не только центром локализации фармацевтических производств с промышленным выпуском конечной продукции, но и заниматься научными разработками и опытно-клиническими исследованиями новых субстанций с доведением их до готовых лекарственных форм.

Строительство технопарка в сфере высоких технологий «Обнинск» и заполнение его резидентными совместно со строительством Федерального центра ядерной медицины и Центра доклинических исследований по стандартам GLP на базе Медицинского радиологического научного центра им. А. Ф. Цыба – филиала ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский радиологический центр» (НМИРЦ) Минздрава России – ключевые звенья в повышении эффективности нашей инновационной политики и инновационности экономики.

Реализация этого масштабного проекта позволит не только решить задачу обеспечения населения Российской Федерации современными лекарственными препаратами, но и улучшить диагностику и лечение онкологических заболеваний с использованием уникального опыта в ядерной медицине, активно использовать современные органосберегающие технологии.

Подписанное соглашение о создании междисциплинарного инновационного медицинского центра «Гамма-нож» на базе МРНЦ – филиала НМИРЦ – важное событие для нашей области. Гамма-нож – установка, позволяющая проникать в раковую опухоль, не повреждая здоровые ткани.

Программа развития инновационного кластера «Фармацевтика, биотехнологии и биомедицина на территории Калужской области» вошла в число победителей проведённого конкурса пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров. Указанный конкурс прошёл по инициативе рабочей группы по развитию частно-государственного партнёрства в инновационной сфере при Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям.

В 2013 г. постановлением Правительства Российской Федерации калужскому фармкластеру присвоен статус пилотного. Заявка региона на получение федеральных субсидий была поддержана Министерством экономического развития РФ, что позволило привлечь на его развитие средства федерального бюджета.

Ядро кластера составляют такие компании как: Novo Nordisk, Berlin-Chemie, AstraZeneca, STADA, Menarini, «Ниармедик Плюс», «Мир-Фарм», «БИОН», Обнинская химико-фармацевтическая компания, 38 малых инновационных и проектных компаний. Доля инновационных компаний среди резидентов кластера составляет более 70%.

Лекарственные средства, находящиеся в портфеле «якорных» компаний», а также в продуктовых и инновационных портфелях малых и средних инновационных предприятий кластера находятся в наиболее перспективных областях терапевтических категорий, востребованных российским фармацевтическим рынком.

Исследования и разработку новых фармпрепаратов (противовирусных и противотуберкулёзных, кардиологических, противоопухолевых, репродуктивных, препаратов крови и др.) ведут российские компании «Ниармедик Плюс», «Мир-Фарм», «Бион», «ФармВИЛАР», «Фарм-Синтез».

Высокий уровень экономического развития региона невозможен без обеспечения надёжной и развитой логистической базы.

Приход в область новых производителей, расширение границ Москвы, создание центров высокотехнологичной медицинской помощи в Обнинске предъявляют запрос на оказание услуг современного уровня. Отсутствие инфраструктуры, обеспечивающей товародвижение, снижает экономическую активность региона и увеличивает стоимость транспортных услуг.

За 8 лет грузооборот в области увеличился в 25 раз.

Региональный транспортно-логистический кластер включает в себя как промышленную логистику, так и оказание современных транспортных услуг для населения.

Организация высокоскоростного железнодорожного сообщения с Москвой с остановками на территории области в городах Обнинск, Калуга, Сухиничи, формирование местной транспортной инфраструктуры (сеть общественного транспорта, местная «капиллярная» автодорожная сеть, пересадочные центры, автотранспортные предприятия) и аэропортовых комплексов – «Калуга» (на базе аэропорта «Грабцево») и «Ермолино» (Боровский район) – позволит пассажирам сократить время в пути. Реализация этого направления приведёт к улучшению условий перемещения жителей Калужской области и других ближайших областей к объектам:

- международного авиасообщения;
- туристической сферы региона («Этномир», «Никола-Ленивец», Парк птиц «Воробьи», художественный музей мусора «Му му» и др.);
- оказания высокотехнологичных медицинских услуг по диагностике и лечению онкологических заболеваний с использованием уникального опыта в ядерной медицине (г. Обнинск).

Формирующаяся вокруг него сеть частных медицинских учреждений: специализированных клиник, центров, лечебно-профилактических санаториев и баз отдыха, предлагающих современные медицинские услуги с использованием инновационных разработок, позволит снизить стоимость оказания услуг и увеличить поток посетителей, в том числе и зарубежных из-за близости аэропорта.

Хорошо налаженное транспортное сообщение:

- простимулирует привлечение частных инвестиций в реализацию бизнес- и социально ориентированных проектов для развития территорий вокруг транзитных остановок;
- увеличит туристический поток в Калужскую область;
- повысит загрузку аэропортов на проектируемую мощность и тем самым снизит стоимость перевозок;
- создаст дополнительные рабочие места в производстве и бизнес-услугах.

Всё перечисленное приведёт к снижению диспропорций развития территорий Калужской области, привлечению в южную часть региона жителей соседних областей на работу и постоянное место жительства.

Улучшится доступность и быстрота взаимодействия по реализуемым проектам в ОЭЗ «Калуга» не только на этапе запуска проектов, но и на этапе их реализации.

В рамках этого кластера делается акцент на развитие поперечных транспортных коридоров с областями, жители которых заинтересованы в международном авиасообщении минуя Москву, а также в других услугах, предоставляемых областью в настоящее время и потенциально: медицинских, туристических и других.

Работа по развитию кластера также важна с учётом трехуровневой организации обслуживания в здравоохранении и предоставлении социокультурных услуг, в том числе с учётом потребностей групп населения с ограниченными возможностями (по зрению, по слуху, двигательной активности) и маломобильных групп населения.

Транспортно-логистические центры в Сухиничском и Боровском районах должны стать объектами терминально-складской инфраструктуры межрегионального значения, выполнять функции региональной дистрибуции и обеспечивать рынок терминально-логистических услуг Калужской области и соседних регионов.

В области реализуются крупные проекты по развитию логистических центров в промышленных парках «Ворсино» (Боровский район) и «Росва» (Калуга).

Ключевой проект – мультимодальный логистический центр «Фрейт Вилладж Ворсино», предоставляющий комплексное транспортно-экспедиционное и сервисное обслуживание на территории промышленного парка – это сочетание трёх видов транспорта – автомобильного, авиационного и железнодорожного в едином мультимодальном терминале.

Комплекс в формате «грузовой деревни» включает в себя железнодорожный терминал, таможенную зону, деловой центр внешнеэкономической деятельности, контейнерный терминал и кросс-докинг. Уникальное расположение комплекса (он граничит с Москвой в новых границах), позволяет рассчитывать на обслуживание транспортных потоков не только Калужской области, но и части московского транспортного узла.

В 2016 г. МЛЦ «Ворсино» стал одним из ключевых звеньев нового международного проекта «Новый Шёлковый путь» – железнодорожного маршрута, который связывает бурно растущий регион Северо-Восточной Азии с потребителями и партнёрами в Европе через территорию России. Этот проект не имеет аналогов в России и включает таможенный терминал со складами временного хранения, открытую площадку для досмотра грузов с контейнерным терминалом для таможенной обработки, склады кросс-докинга общей площадью 116 тыс. кв. м. и бизнес-парк класса В+. Мощность логистического центра составляет 150 000 контейнеров в год.

В начале февраля текущего года на станцию Ворсино прибыл первый контейнерный поезд из китайского порта Далянь. Новый маршрут составил всего 7721 км. Для сравнения, путь из Владивостока – 9300 км. Груз из Китая был доставлен менее чем за 10 дней. Также благодаря этому проекту произошло снижение затрат на перевозку – на некоторых отрезках пути тарифы уже сократились на 15%, при этом ожидается дальнейшее удешевление грузового транзита.

Сейчас реализуется только первая часть проекта, заключающаяся в снижении стоимости перевозки и переводе на «Новый Шёлковый путь» морских логистических потоков. Следующим шагом станет продление маршрута в Европу. Уже есть договорённость с Люксембургом, где находится крупный мультимодальный центр, откуда грузы смогут отправляться в другие страны ЕС.

Другой МЛЦ – «Фрейт Вилладж Росва». Он расположен рядом с Калугой и создан с целью оптимизации логистических операций резидентов промышленных парков «Грабцево», «Росва», «Калуга-Юг», а также обслуживания других участников внешнеэкономической деятельности.

Активно развиваются авиаперевозки из международного аэропорта «Калуга», который уже признан лучшим в своём классе аэропортом в России.

В перспективе планируется организация авиасообщения из аэродрома «Ермолино», расположенного на границе Калужской и Московской областей.

Без качественного образования невозможна реализация поставленных масштабных задач, которые мы решаем в рамках **образовательного кластера**.

Квалифицированная подготовка кадров – наша важнейшая задача. И здесь мы обязаны работать на опережение, привлекая школьников и студентов к научной деятельности.

В области созданы Центр подготовки и переподготовки специалистов для автомобильной промышленности и ресурсный Центр (многофункциональный центр прикладных квалификаций) для отраслей строительства, сельского хозяйства, машиностроения.

Работа по развитию системы дуального образования по подготовке специалистов, ориентированной на потребности высокотехнологичных производств, ведётся в пяти учреждениях среднего профессионального образования и одном вузе области.

Проект развития прикладного образования интегрирует возможности региональных учебных заведений начального и среднего профессионального образования с последующим выходом на ступень высшего профессионального образования областных вузов.

На ступени высшего профессионального образования организована интеграция образовательных учреждений, осуществляющих профессиональную подготовку, научных учреждений разных типов, форм и уровней на базе калужских, обнинских вузов и технопарка «Обнинск», согласующего интересы всех игроков инновационного развития.

В калужских вузах созданы научно-образовательные центры, позволяющие готовить специалистов фармотрасли и медицины в условиях, максимально приближённых к реальному производственному процессу:

– Центр практического обучения на базе ИАТЭ НИЯУ МИФИ с модулем «чистых помещений»;

– Центр «Виртуальные и симуляционные технологии в медицинском образовании» на базе ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского».

Обучение в таких лабораториях под наблюдением преподавателей предоставляет возможность обучающимся делать ошибки в безопасной среде, что улучшает освоение ими клинических умений и позволяет адаптироваться в условиях, близких к реальным. Это позволяет приобрести опыт для взаимодействия с реальными пациентами.

Центры осуществляют подготовку и повышение квалификации специалистов фармацевтических компаний и медицинских учреждений региона, а также организацию занятий студентов и учащихся профильных учебных заведений.

Развитие **туристско-рекреационного кластера** началось с определения его в качестве приоритета в 2006 г. За период реализации первого этапа Стратегии ситуация в этом секторе экономики значительно изменилась.

В рамках принятой в 2011 г. федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» Калужская область вошла в число 25 наиболее перспективных

регионов Российской Федерации с высоким туристическим потенциалом. В области эффективно развиваются уникальные проекты культурно-образовательного туристического центра «Этномир», парк птиц «Воробьи», художественный музей мусора «Му му» и туристско-рекреационный кластер «Никола-Ленивец», возникший на основе зимнего и летнего фестивалей ландшафтных объектов «Архстояние».

С периода разработки Стратегии и старта активного развития туризма в Калужской области въездной поток туристов увеличился в 8,5 раз и составил в 2015 г. более 2 млн туристов.

В области активно развивается аграрный туризм, который создаёт рабочие места и способствует сохранению экономической активности в сельскохозяйственных районах области. По числу объектов агротуризма Калужская область занимает одно из лидирующих мест среди регионов России.

Кластер жизнеобеспечения и развития среды – это приоритетный кластер второго этапа реализации Стратегии, но правовая основа и механизмы которого заложены на первом этапе для выхода на необходимый уровень развития. Привлечение новых жителей и создание комфортных условий для жизни уже живущих на территории области – это основа развития региона в ближайшие десятилетия, так как в стране и в мире усиливается конкуренция за основного преобразователя в экономических и социальных отношениях – человека.

На это направлены доходы, полученные в результате реализации первого этапа Стратегии.

Результаты инновационного развития будут использованы для повышения качества жизни, в том числе социальной инфраструктуры, ресурсосбережения, комплексного жилищного строительства с использованием прогрессивных технологий.

Население и места для приложения труда во многом связаны между собой. Интересная и хорошо оплачиваемая работа, сохранение экологической чистоты территории, возможности получения качественных услуг и проведения досуга – основа стабильности региона.

Мы минимизировали финансовые и временные затраты на размещение производств, создав сеть инвестиционных площадок.

Это территории особой экономической зоны промышленно-производственного типа (ОЭЗ ППТ) «Калуга» (Людиновская и Боровская площадки) и 12 индустриальных парков (ИП): «Ворсино», «Обнинск», «Коллонтай», «Детчино», «Габцево», «Калуга-Юг», «Росва», «Лемминкяйнен», «Сосенский», «Маклаки», «К-Агро», «Мещовск».

Они полностью обеспечены необходимой инженерной инфраструктурой, расположены в разных частях области, все имеют выход на таможенные и логистические терминалы. В составе этого инвестиционного продукта есть браунфилды, а также площадки формата build-to-suit. Размещение в ОЭЗ привлекательно для производителей, которые могут воспользоваться преференциями ОЭЗ (налоговыми, инфраструктурными и др.) и другими действующими видами государственной поддержки инвестиционной деятельности. Привлекательность Калужской области для инвестиций гарантируется нашим законодательством.

Приоритеты области, направленные на создание качественно новой среды обитания, начиная с рынка доступного и качественного жилья, и за-

канчивая использованием инновационных продуктов, повышают планку требований к размещаемым производствам.

В части отбора конкретных инвестиционных проектов приоритет устанавливается для обрабатывающих высокотехнологичных экологически чистых производств диверсифицирующих экономику области, связанных с импортозамещением продукции, ориентированной на внутренний рынок и на экспорт.

ОЭЗ ППТ «Калуга» является не узкоспециализированной, а смешанного типа с преимущественным размещением обрабатывающих производств. Для получения максимального экономического и социального эффекта от её создания приоритет в размещении отдаётся только производствам с минимальным воздействием на окружающую среду.

До 2020 г. в ОЭЗ ППТ «Калуга» планируется разместить 13 предприятий, создать 5800 рабочих мест. Общий объём инвестиций по предварительной оценке составит около 100 млрд рублей.

На сегодняшний день на территории ОЭЗ ППТ «Калуга» зарегистрированы шесть резидентов. Первый – ООО «Агро-Инвест» реализует проект по строительству крупнейшего в Центральном федеральном округе комплекса круглогодичного выращивания овощей в закрытом грунте. Подписано ещё 8 соглашений о намерениях с компаниями, выразившими желание разместиться на территории ОЭЗ и организовать производство:

- ультразвуковых систем измерения и газового оборудования;
- сэндвич-панелей и металлоконструкций;
- фибролитовых плит;
- водостойких шумоизоляционных напольных покрытий;
- древесных панелей;
- школьно-письменных принадлежностей;
- молочной продукции;
- по переработке козьего молока.

В 2012 г. рядом с первым индустриальным парком была создана АНО «Калужская международная школа», имеющая тройную аккредитацию: статус IB World School (международный бакалавриат, Швейцария), экзаменационного центра Кембриджского Университета (Cambridge International Examinations centre) и лицензию на осуществление образовательной деятельности по программам дошкольного, начального и дополнительного образования регионального министерства образования и науки.

Для создания благоприятных условий жизни, улучшения жилищной обеспеченности населения, снижения стоимости строительства, обеспечения предприятий квалифицированным персоналом в регионе особое внимание уделяется строительству жилья, в том числе арендного и жилья для профессионалов.

Калужская область одной из первых приступила к реализации проекта строительства арендного жилья.

Приоритетом для развития жилищного строительства является комплексная малоэтажная застройка, где сразу планируется размещение социальной инфраструктуры под проектируемые мощности.

Организация массового жилищного строительства требует развития стройиндустрии и промышленности строительных материалов, применения новых, в том числе энергоэффективных технологий, а также возобновляемых источников энергии.

На замену импортным материалам на рынке стройматериалов в нашей области производятся отечественные аналоги:

- цемента в ОАО «Лафарж Цемент»;
- стройматериалов с использованием молотого мрамора в ООО «Омиа Урал»;
- керамогранитной плитки в ООО «Фрилайт».

Совместно с компанией «Роснано» запущен первый в России технологический комплекс по производству пеностеклового щебня на предприятии ООО «АйСиЭм Гласс Калуга».

Основой для укрепления продовольственной безопасности и импортозамещения основных продуктов является **высокотехнологичный агропромышленный комплекс**.

Несмотря на то, что Калужская область находится в зоне Нечерноземья, у нас всегда было развитое сельское хозяйство, которое часто ориентировалось на использование последних научных достижений.

Сегодня агропромышленный комплекс Калужской области объединяет 219 организаций, 45 крупных и средних предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, 750 крестьянских (фермерских) хозяйств, 101 тысячу личных подворий.

Общая площадь используемых сельскохозяйственных угодий составляет 1 миллион 145 тыс. гектаров, из них более 856 тыс. гектаров пашни.

Стабильность регионального сельскохозяйственного производства подтверждает положительная динамика основных индикаторов развития отрасли за последние годы.

За период 2011–2015 гг., кроме кризисного по погодным условиям 2013 г. среднегодовой рост валовой сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах составил 3,9%. В 2015 г. объём производства валовой сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий составил 36,7 млрд рублей.

Индекс физического объёма к соответствующему периоду прошлого года составил 110%, тогда как в среднем по Центральному федеральному округу этот показатель составил 105%, в среднем по России – 103%.

Таким высоким темпам роста производства способствует последовательная реализация основных направлений государственной экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности, а также целенаправленная работа по привлечению инвестиций в региональный АПК.

Суммарный объём инвестиций, привлечённых в развитие сельского хозяйства региона за период с начала реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса», составил около 40 млрд рублей, из них 2,7 млрд рублей привлечено в прошлом году.

Ввод новых животноводческих комплексов и приобретение высокопродуктивного племенного молочного скота позволили сельхозорганизациям региона увеличить производство молока в 2015 г. до 114% к соответствующему периоду предыдущего года. Только за пять месяцев текущего года произведено 111,6% молока.

Сегодня устойчивый рост производства молока в области обеспечивается 51 современным молочный комплекс. Одним из наиболее перспективных направлений высокотехнологичного развития молочного скотоводства

является роботизация молочной отрасли. Открывающая новые возможности для развития высокодоходного молочного производства, она становится всё более привлекательным и конкурентоспособным агробизнесом. С 2014 г. в рамках разработанной и реализуемой на территории области ведомственной целевой программы «Создание 100 роботизированных молочных ферм» в хозяйствах уже работают или находятся в разной стадии установки 111 доильных роботов. Роботизированное молочное животноводство практически полностью обеспечивает область высококачественным молоком, которое можно использовать при производстве различной молочной продукции, в том числе деликатесных сыров.

Мы крайне заинтересованы в развитии переработки молочной продукции. Для этого мы запустили электронную биржу молока, к которой подключаем и фермерские хозяйства, и молокозаводы.

Большие перспективы развития в регионе у таких отраслей как мясное скотоводство, свиноводство, птицеводство. Например, в прошлом году производство скота и птицы на убой (в живом весе) составило более 80 тыс. тонн или 100,4% к соответствующему периоду прошлого года.

Успехам, достигнутым в мясном скотоводстве, в значительной степени способствует государственная поддержка из федерального и областного бюджетов. Благодаря этому с 2008 г. численность поголовья мясного скота в хозяйствах области возросла более чем в 10 раз. Удельный вес племенного скота мясного направления продуктивности составляет 40%.

Сегодня в хозяйствах разных форм собственности сформирован массив специализированного мясного скота общей численностью более 30 тыс. голов. В производство говядины мы активно вовлекаем малый бизнес. В регионе действует порядка 20 мясных ферм на базе фермерских хозяйств.

С 2014 г. региональный агропромышленный комплекс сотрудничает с компанией «Мираторг», которая планирует создать на территории области 10 мясных площадок по 4400 голов каждая. В ближайшие три года общая численность мясного скота абердин-ангусской породы на мясных фермах «Мираторга» должна возрасти до 70 тыс. голов. На сегодняшний день площадки уже сформированы в четырёх районах, на них завезено более 9,5 тыс. голов мясного скота.

Развивая мясное скотоводство, мы рассчитываем на кумулятивный и мультипликативный эффекты для всей экономики региона и, прежде всего, для смежных отраслей: мясопереработки, транспорта и логистики, торговли и общественного питания.

В структуре производства мяса в регионе высокий удельный вес – 79% приходится на производство мяса птицы. В этой отрасли мы проводим планомерное обновление основных фондов, перевод на автоматизированные производственные процессы.

Птицеводство в области включает не только мясное направление, но и производство яйца. В прошлом году в хозяйствах области произведено более 125 млн яиц, или 102,2% к соответствующему периоду 2014 г.

Птицефабрика «Калужская» после реконструкции инкубатора сможет дополнительно инкубировать 25 млн яиц в год, что позволит ускорить ввод новых дополнительных площадок по откорму цыплят бройлеров.

Несмотря на сложную ситуацию с вспышками на территории области и соседних регионов очагов африканской чумы свиней, мы активно разви-

ваем свиноводческую отрасль. Для этого в регионе созданы все необходимые условия. С вводом в эксплуатацию свинокомплекса на 300 тысяч голов в Мещовском районе потребности области по свинине полностью закроются, более того – около 50 % продукции мы сможем реализовывать за пределами региона.

Ещё одним активно развивающимся направлением регионального АПК является рыбоводство и производство аквакультуры.

В прошлом году хозяйство «Ф-Траут» по индустриальному производству радужной форели и лосося в закрытом помещении произвело 500 тонн форели. В настоящее время в хозяйстве возводится вторая очередь по производству лососёвых рыб мощностью 4 тысячи тонн лосося в год. На базе «Калужского рыбоводного осетрового комплекса» создан «Селекционный центр аквакультуры» – индустриальный комплекс по инкубированию икры и выращиванию молоди осетровых, сиговых и лососёвых рыб. В ближайшей перспективе эта икра будет использоваться для инкубации собственного маточного поголовья.

В течение полутора лет объём годового цикла инкубации икры хозяйство планирует довести до 16 млн штук мальков.

Кроме того, два рыбоводческих хозяйства выращивают в промышленных объёмах прудовую рыбу, которая реализуется на региональном продовольственном рынке.

В области стабильно развивается производство продукции земледелия.

В хозяйствах всех категорий в прошлом году произведено: 209 тыс. тонн зерна или 149 % к уровню прошлого года, 331 тыс. тонн картофеля или 130 % к уровню 2014 г. Собрано 103 тыс. тонн овощей открытого грунта или 107 % к уровню 2014 г., 8,4 тыс. тонн овощей защищённого грунта, что в 3,1 раза больше чем в 2014 г.

Региональные сельхозпредприятия активно занимают освободившиеся производственные ниши на агропродовольственном рынке в рамках импортозамещения.

Так, компания «Агро-Инвест» строит в нашей Особой экономической зоне крупнейший в Центральном федеральном округе тепличный комбинат. Планируемый годовой объём производства овощей составит порядка 70 тыс. тонн, в прошлом году уже произведено более 8 тыс. тонн овощей. На сегодняшний день в эксплуатацию введено 20 гектаров теплиц. В этом году запланировано ввести ещё 23 гектаров теплиц.

Ещё две компании приступили к строительству тепличных комплексов. Возрождается производство плодово-ягодной продукции.

На территории индустриального парка «Росва» реализуется уникальный проект строительства завода по переработке зерна пшеницы мощностью 250 тыс. тонн в год. Предприятие будет выпускать широкий ассортимент продукции, в том числе сорбитол и моногидрат глюкозы, которые ранее завозились из-за рубежа. С прошлого года на предприятии действует элеватор на 160 тыс. тонн единовременного хранения. Помимо выпуска востребованной рынком продукции, этот проект даёт дополнительный импульс развитию зернопроизводства в Калужской области и соседних регионах, обеспечивая производителям зерна гарантированный сбыт продукции.

Одним из перспективных направлений импортозамещения становится промышленное грибоводство.

В области мы начали заниматься выращиванием культивируемых грибов задолго до продовольственного эмбарго. Первые партии выращенных у нас грибов поступили в продажу ещё в 2010 г. Благодаря государственной поддержке, грибоводство в нашем регионе получило возможность для дальнейшего развития. На предприятиях «Хозяин земли» и «Калужский субстрат» налажено производство вешенок и субстратного мицелия.

Региональным министерством сельского хозяйства разработана соответствующая ведомственная программа, которая прошла конкурсный отбор в Минсельхозе России.

В рамках её реализации в течение двух лет хозяйство «Верный путь» на приобретение технологического оборудования для производства субстрата культивируемых грибов получило 27,5 млн рублей субсидий. Годовая проектная мощность предприятия составляет 300 тонн грибов и 30 тыс. тонн субстрата. В этом году в области заработало ещё одно грибоводческое хозяйство «Грибодоф», построившее менее чем за год предприятие по выращиванию вешенок. В настоящее время оно производит более 300 кг вешенок в сутки. Планируемая суточная мощность – 650 кг.

Вышеуказанная компания «Агро-Инвест» также планирует реализовать проект по выращиванию не менее 25 тыс. тонн шампиньонов в год, группа компаний МИАК рассматривает возможности строительства крупной грибоводческой фермы на территории региона.

В решении задач по наращиванию производства и инновационному обновлению аграрной отрасли важнейшее место мы отводим вопросу привлечения и закрепления на селе квалифицированных кадров.

Наряду с мерами материальной поддержки кадрового потенциала, в области ведётся планомерная работа по социальному и инженерному обустройству села, решению жилищных проблем сельских тружеников. Перед руководителями муниципалитетов поставлена задача: привлекать как можно больше инвесторов в сельское хозяйство. Это является одним из основных критериев оценки работы муниципальной власти.

Со своей стороны правительство области всегда готово поддержать того, кто пришёл в аграрную отрасль всерьёз и надолго.

Специально для предприятий АПК в регионе разработана система содействия в реализации бизнес-проектов, сформированы эффективная нормативно-правовая база и существенные налоговые льготы, дающие возможность как крупным хозяйствам, так и малому сельскому бизнесу модернизировать свои производственные фонды.

Для достижения обозначенных стратегических приоритетов нами запланирована реализация следующих **мега-проектов**:

– «Региональный университет» – развитие областной инновационной инфраструктуры и создание коммуникационной, научно-исследовательской, производственной и учебной площадки для развития высокотехнологического сектора экономики;

– «Центр прикладного образования» – увеличение предложения квалифицированных трудовых ресурсов в ключевых профессиях и в растущих секторах экономики области, предоставление высококачественного профессионального образования, соответствующего потребностям коммерческих организаций;

– «Научно-медицинский центр радиационной медицины» – повышение качества и продолжительности жизни населения на основе реа-

лизации потенциала и инновационных наработок научных учреждений Обнинска;

- «Региональный венчурный форум и ярмарка инновационных проектов» – согласование интересов власти, бизнеса и науки в сфере высоких технологий для развития областной инновационной инфраструктуры;

- «Модернизация транспортной инфраструктуры» – рост конкурентоспособности Калужской области за счёт обеспечения эффективной транспортной связи между Калужской областью и Москвой, между соседними субъектами Российской Федерации и районами области;

- «Межрегиональный туристический бренд» – формирование межрегионального туристского бренда как эффективного механизма развития туризма в Калужской области;

- «Исторические поселения Калужской области – источник народных традиций» – поддержка уникальности традиционной народной культуры поселений Калужской области;

- «Инвестиционный форум «Историческая недвижимость» – запуск рынка исторической недвижимости на территории Калужской области с учётом роста интереса к этому типу недвижимости как к объекту инвестиций;

- «Агентство территориального развития» – запуск и координация на территории Калужской области процессов обустройства среды, «нового расселения» и масштабного производства инновационных технологий жизнеобеспечения;

- «Региональная агролизинговая компания» – повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и пищевой промышленности Калужской области, усиление агропищевой специализации региона в межрегиональном разделении труда;

- «Техническое перевооружение коммунальных и индивидуальных жилищных комплексов «Умный дом» – содействие обустройству качественно новой среды обитания через внедрение инновационных экологически ориентированных систем жизнеобеспечения;

- «Подготовка кадрового резерва управления Калужской области» – подготовка конкурентоспособной новой профессиональной и управленческой элиты – специалистов в сфере территориального развития и гражданской службы, способных обеспечить модернизацию и устойчивое развитие Калужской области в российском и глобальном контексте.

Дальнейшие перспективы развития Калужской области связаны с проведением федеральной экономической и социальной политики, поддерживающей регионы, нацеленные на развитие технологичного бизнеса, вложения в человека и в экономику знаний.

Достижения Калужской области говорят сами за себя, и это позволяет сделать вывод о своевременности и правильности взятого нами почти 16 лет назад курса развития. Для меня, как губернатора, самым значимым является то, что за эти годы Калужская область из депрессивного субъекта Федерации превратилась в динамично развивающийся регион.

За последние годы имидж региона существенно изменился. И сегодня калужанам, кто бы где ни находился – в нашей стране или за рубежом, не стыдно сказать, что они из Калужской области. Наоборот, это является предметом гордости. Вот это одна из главных целей, которую мы себе поставили и ради которой работаем.

ЭКОНОМИКА: ПРОЗА И МИФОЛОГИЯ

Дынкин А. А., директор Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, доктор экономических наук, академик РАН

О содержании экономических споров. Полемика по концепции экономической политики – постоянная характеристика общественного дискурса. Она не затихала и в период высоких темпов экономического роста. Тогда она подогревалась, в основном, интересами перераспределения ограниченных ресурсов в пользу той или иной отрасли, или группы банков под лозунгом «промышленной политики». (В 90-е годы – под лозунгом «конверсия».) В условиях экономического спада и в преддверии двух избирательных циклов, естественно, происходит её обострение. И это нормально. Огорчает, то, что она не блещет ни новизной, ни содержательностью. Уже 25 лет она сводится, по сути, к двум простым идеям: 1) укрепление рыночных инструментов государственного регулирования, структурные реформы, использование конкуренции, как драйвера роста, проведение ответственной кредитно-денежной политики, удерживающей инфляцию хотя бы в пределах однозначных значений; 2) оппоненты предлагают кредитную экспансию, как источник инвестиций, направляемых на централизованно выбранные приоритеты, утверждают, что инфляция – меньшее «зло», а государственное планирование – оптимальный путь ускорения экономического роста.

Похоже, что дискуссия, с небольшими вариациями, по-прежнему ведётся в рамках наивной дихотомии второй половины 80-х годов прошлого века: «план или рынок». Идеологической основой оппонентов остаётся неприятие основ конкурентной рыночной экономики. Можно вспомнить «пламенных» борцов с присоединением к ВТО. Профессиональный анализ показывал, что это событие, без структурных реформ – нейтрально по отношению к темпам роста. Реальность это полностью подтвердила. Сегодня помимо ультралевой идеологии добавились весьма конкретные лоббистские устремления и желание предложить себя на высокие посты в экономическом блоке исполнительной или законодательной власти. Печально, что идеология, лоббизм и карьерные интересы по-прежнему часто доминируют над общенациональными задачами. Совершенно неприемлемо то, что такие воззрения крайне далеки от современного уровня экономических знаний.

Циклы в экономике. Текущий экономический спад – уже третий в истории новой России. Первые два спада в 1998 г. и 2008 г. носили отчётливо выраженный V-образный характер. Если в 1998 г. экономика упала на 5,3% ВВП, то уже в 1999 г. был рост 6,4%, а в 2000 г. – вообще 10%. Это рекордный рост за последние 30–35 лет. Похожая картина была в 2008 г. Сегодня очевидно, что нынешний спад будет менее глубоким, но более продолжительным по времени. Графически его можно представить U-образной или в худшем случае L-образной кривыми. В соответствии с инерционным прогнозом Минфина России, темпы роста у нас 10 лет могут

быть ниже среднемировых. МВФ (октябрь 2015 г.) прогнозировал восстановление роста в 2017 г. (+1% ВВП) и затем ежегодный прирост 1,5% ВВП ежегодно, вплоть до 2020 г.

Как это влияет на наше позиционирование в мире? В 2014 г. мы были шестой экономикой мира по паритету покупательной способности и десятой по текущему обменному курсу. При сохранении вялой экономической динамики Россия может к 2030 г. опуститься на седьмое место в мире по паритету, пропустив вперёд себя Бразилию, и на пятнадцатое – по текущему обменному курсу. Сразу после Мексики. Сегодня эти две страны – наши реальные конкуренты. Высока и вероятность, что в ближайшие четыре года Китай обгонит нас по ВВП на душу населения – по курсу. А по паритетам покупательной способности это может произойти в районе 2025 г. Если эти оценки сбудутся – завершится окончательная перебалансировка экономической мощи в Евразии, будет пройден и важный негативный для нас психологический рубеж.

Каковы причины этой ситуации? Во-первых, в 2014–2015 гг. завершился так называемый ресурсный цикл, и мировая экономика вступила в период низких цен на сырьё. Поэтому экономика России, сильно завязанная на глобальные рынки сырья, испытывает своеобразную «ломку» после полутора десятилетий из «голландской болезни».

Во-вторых, исчерпана экспортно-ориентированная модель роста, основанная на постоянном увеличении экспортных цен на углеводороды.

Период 2000–2008 гг., который некоторые обозреватели называют «русским экономическим чудом», когда ежегодные среднегодовые темпы роста составляли 7%, дал долгожданную передышку после тяжелейшего и драматического трансформационного шока 1992–1998 гг. В этот период были заложены, пусть не совершенные, основы рыночных институтов. Политическая стабильность, которую принесло стране избрание Президентом России В. В. Путина и ответственная, профессиональная макроэкономическая политика, приоритет в проведении которой безусловно принадлежит А. Л. Кудрину и Г. О. Грефу, лежали в основе бурного роста 2000–2008 гг. Первый шаг в этом направлении был сделан Правительством Российской Федерации, возглавляемым Е. М. Примаковым, впервые в истории новой России сбалансировавшим бюджет на 1999 г.

Конечно, благоприятная конъюнктура мировых рынков сырья «надувала паруса» российской экономики в эти годы. Реальный эффективный курс рубля в 2013 г. превышал расчётный инфляционный примерно на 35%. Другими словами, доходы и домашних хозяйств, и предприятий больше чем на треть состояли из нефтяной ренты. При этом производительность труда росла гораздо медленнее. Тем не менее ряд секторов экономики (металлургия, пищевая промышленность, химия, мобильная связь, банки, здравоохранение и др.) смогли провести значительную модернизацию основного капитала. У домашних хозяйств образовалась определённая «подушка безопасности». За последние 15 лет почти на четверть выросла средняя жилплощадь на человека в России. В домашних хозяйствах сформирован определённый запас новейших товаров длительного пользования. Свыше 300 миллиардов долларов сегодня находится на банковских депозитах и, возможно, столько же хранится в наличной форме.

Сегодня нет никакой банковской паники, как это было в 1998–1999 гг. или осенью 2008 г. Её тогда удалось погасить достаточно дорогой ценой.

Домашние хозяйства и компании накопили определённый опыт антикризисных стратегий. Домашние хозяйства сменили потребительскую модель поведения на накопительную, то есть, как говорится, создают запасы на чёрный день.

В январе 2016 г. депозиты физических лиц в финансово-кредитных учреждениях выросли по отношению к январю 2015 г. на 27%. Сократилась задолженность россиян и по кредитам. И если в 1998 г., когда я работал помощником Председателя Правительства России, многим казалось, что небо падает на землю, сегодня этого ощущения, слава богу, нет.

Активное сальдо внешнеторгового баланса у нас осталось примерно прежним. Относительно высокими остаются и золотовалютные резервы. Но, конечно, падение доходов домашних хозяйств стало очень резким и вернуло нас к уровням десятилетней давности.

В сложившихся условиях экономика может выйти на траекторию роста, особенно если поддержать спрос через пенсионеров и бюджетников, но с темпами, близкими к слабому росту ведущих стран Европейского союза, то есть порядка 1,5–2% в год. Однако экономика России с огромным отложенным потребительским спросом на здравоохранение, образование, жильё, спросом экономикой на инфраструктуру, модернизацию многих отраслей, которые ещё далеки от технологического фронта, имеет гораздо больший потенциал роста, чем высокоразвитые европейские экономики.

Вместе с тем, ещё раз подчёркиваю, риски затяжной стагнации высоки. В 2010–2015 гг. среднегодовые темпы экономического роста составляли 0%. Необходимость перехода к новой модели экономического развития настоятельно стучится в двери. Естественно, она должна быть гораздо сложнее предыдущего опыта.

Предпосылки и препятствия устойчивого роста. С чем связаны возможности преодоления экономического спада? Прежде всего переключением части спроса на отечественную продукцию. Экономика постепенно адаптируется к новым ценовым пропорциям. Появились незагруженные мощности, но пока ещё при сохранении рабочей силы, в том числе в виде неполной занятости. Без возможности лёгкого внешнего рефинансирования заметно улучшаются балансы компаний. Некоторые отрасли продемонстрировали и в 2015 г. заметный рост: химическая промышленность – 6,2%, сельское хозяйство – 3,0%. Всё это оставляет пространство для восстановительного роста.

Конечно, критическое препятствие на этом пути – это падение инвестиций. Элементарный инвестиционный анализ опирается на отношение доходности к рискам. Так вот риски сегодня в нашей экономике, с моей точки зрения, зашкаливающие. Часто, ссылаясь на низкие ставки по кредитам в Японии, США и ЕС, призывают понизить ставки кредитования в России. Но до тех пор, пока сохраняются длительные процедуры землеотвода, подключения к энергетическим сетям, многоступенчатое оформление экспортных операций, запутанные процедуры возврата НДС по экспортным операциям, рейдерство, дискриминационный доступ к логистической инфраструктуре, другие хронические регулятивные «торм-

бы», ставки по кредитам, устанавливаемые на рыночных принципах, а не «с потолка», не могут не учитывать эти и другие риски.

Более того, идёт постоянное наращивание регулятивных и налоговых издержек бизнеса. Объём Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации за последние 15 лет вырос в 2,7 раза. Если за первое полугодие 2000 г. было выпущено 1717 нормативных актов федерального уровня, то за первое полугодие 2015 г. – 5169 актов. Получается, 28 федеральных актов в день, считая выходные. Представьте себе вице-губернатора по экономике и финансам в среднем регионе. На него ежедневно падает этот регулятивный «ливень». И как ему с ним справляться? То же самое в компаниях среднего размера. Крупные компании, конечно, имеют десятки юристов и каким-то образом управляют этим потоком.

К чему это приводит в своём пределе? Обработка одного контейнера в порту Владивосток зимой 2016 г., включая растаможивание, занимала 72 часа. Южнее порта Владивосток примерно на 450 километров находится китайский порт Далянь (раньше – «порт Дальний»), в нём обработка контейнера занимает 18 минут. И пока по этому и другим параметрам госуправления мы не приблизимся к лидерам современной мировой экономики, говорить о том, что надо заливать страну деньгами, на мой взгляд, крайне безответственно.

Это только небольшой штрих к провалам госуправления. Его реформа стучится в двери. Вместе с судебной реформой – это лучшая антикризисная и контрциклическая политика, способная вывести на траекторию устойчивого роста.

Другим серьёзным ограничением роста остаётся качество человеческого капитала. По индексу человеческого развития мы делим с Белоруссией 50–51-е места в мире. И больших подвижек здесь нет, в основном из-за продолжительности жизни. По данным Всемирной организации здравоохранения, по этому показателю мы находимся на 122-м месте в мире. Средний ожидаемый уровень продолжительности жизни у нас 70,9 лет. В Северной Корее – 70,5 лет. В Китае ожидаемая продолжительность жизни уже 75, а в соседней с нами Финляндии – 81 год.

Пустеет Центральная Россия. Самая высокая смертность при рождаемости в 1,5–2 раза ниже среднестатистической в Псковской, Тульской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Владимирской и других центральных областях. Плохо то, что воронки мегаполисов – Москвы и Питера – затягивают молодёжь из этих регионов, и эта территория пустеет. Известны оценки о том, что 60% трудоспособного населения г. Иваново работают в Москве.

Такая пространственная неравномерность экономического развития – это серьёзный вызов, на который пока не удаётся найти адекватный ответ. Ключ к нему, на мой взгляд, это инфраструктура, прежде всего дороги и газификация, и, конечно, развитие аграрного и малого бизнеса.

При появлении чёткой экономической стратегии на среднесрочную перспективу и соответственно снижению неопределённости в экономике, предоставления большей свободы бизнесу путём обуздания регулятивного бремени, повышения скорости и качества государственных расчётов и при относительно низком курсе рубля, на мой взгляд, можно расчи-

тывать на возобновление роста. В принципе, конечно, он у нас не может быть выше, чем в Китае, но 3–4% прироста ВВП в год – реалистическая оценка. Она опирается на необходимость технологической модернизации хозяйства, потребности в развитии инфраструктуры, высокий отложенный потребительский спрос.

Вообще, у нас со времён Политбюро ЦК КПСС сохраняется некая фетишизация темпов роста. Академик Струмилин ещё Хрущёву предлагал «санитарную» пятилетку с целью выравнивания структурных дисбалансов. Академик Анчишкин в 1980 г. с помощью расчётов по межотраслевым балансам вышел на оптимальные с его точки зрения 0,8% ВВП в год. Он подчёркивал важность качественного наполнения структуры выпуска, но его тоже не слушали – заставили пересчитать на 4%. С моей точки зрения, необходимо вернуться к приоритету качества роста над количественными показателями.

Бег по кругу. Странники высоких темпов роста любой ценой предлагают различные комбинации кредитной экспансии, «инвестиционные» деньги, применение искусственных схем финансового «инжиниринга» в надежде профинансировать приоритетные, наукоёмкие отрасли, малый и средний бизнес или просто инновации. При этом часто ссылаются на опыт Федеральной резервной системы США или Европейского Центрального банка, практиковавших «количественное смягчение», не вызвавшее инфляционной волны. Всё это так. Но только если бы мы могли эмитировать не рубли, а доллары или евро. Эти мировые валюты имеют практически неограниченный глобальный спрос, являются привлекательным финансовым активом. К сожалению, этого пока нельзя сказать о нашей национальной валюте. Стихла без последствий шумная кампания по превращению Москвы в международный финансовый центр. Вместо этого предлагаются искусственные финансовые схемы, призванные удерживать «инвестиционные» деньги от попадания на валютный или потребительский рынки. Эти предложения по своей экзотичности отчасти напоминают «три модели хозрасчёта» тридцатилетней давности. Эти утопии можно осуществить только если одновременно отменить конвертируемость рубля, ввести «фондирование», карточное распределение потребительских благ, множественные валютные курсы. Но для полноты картины стоит отметить, что такие практики не возможны без восстановления Госплана, Госнаба, Госкомцен и других «прелестей» обанкротившейся центрально-планируемой экономики. Как тут не вспомнить программу «ускорения на базе машиностроения», обрушившую советскую экономику. Можно рыть канавы – с печальной периодичностью в горячих головах возникают идеи межбассейновой переброски северных стоков рек Сибири. Раньше в Среднюю Азию, теперь – в Китай. По сути дела, сторонники денежной накачки призывают к обанкротившимся экономическим стратегиям. Да и наш сегодняшний опыт тоже говорит о том, что на один более или менее эффективный (судить ещё рано) Суперджет у нас есть десятки АЗЛК, ЗИЛов и других ё-мобилей. Конечно, сбалансированная денежно-кредитная политика – необходимое, но не достаточное условие роста. Часто журналисты задают вопрос: какая от неё польза? Отвечаю – никакой, какая может быть польза от грудного младенца? Но плохая – проэмисси-

онная – политика способна взорвать социально-политическую стабильность. Поэтому считаю, что отказываться от жёсткой кредитно-денежной политики – контрпродуктивно. Можно обсуждать превышение ключевой ставки над текущей инфляцией, можно подумать об увеличении госдолга. Но QE – пока рубль не является глобальным активом – это не для нас.

В чём политическая трудность проведения жёсткой кредитно-денежной политики или политики санации банковской системы? В том, что она несёт концентрированный ущерб ожиданиям или даже прямые финансовые потери инсайдерам при распределённом общественном выигрыше, который не всегда сразу заметен.

Структурные реформы и институциональная модернизация. Для того, чтобы заложить фундамент устойчивого экономического роста, необходимо проведение структурных и институциональных реформ. Распоряжением В. В. Путина (16 мая 2016 г.) создана рабочая группа Экономического совета при Президенте Российской Федерации под руководством А. Л. Кудрина, которая занимается этой сложной работой. Её название абсолютно однозначно: «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост». Поскольку шоковые реформы всегда крайне болезненны, необходимо постепенное вхождение в новые экономические реалии. На период выхода из спада, с моей точки зрения, стоит объявить мораторий на новые законодательные и нормативно-правовые акты, которые ухудшают условия хозяйствования.

Следует резко упростить условия госзакупок по тендерам. Пока это законодательство ориентированно в основном на процедуру, а не на конечный результат. Необходимо устранить барьеры по экспорту для средних компаний. И конечно, необходимо неуклонное движение к таким хорошо известным экономистам разных школ институтам, как конкурентная среда внутренних рынков, защита инвесторов и эффективная судебная система. Это всё назревшие структурные реформы, о которых мы давно говорим.

Инновации. Только структурные реформы, направленные на восстановление конкурентного климата, позволят преодолеть инновационную апатию. В сфере нововведений сложилась парадоксальная ситуация. В результате массивного и не всегда критического заимствования зарубежных институтов, практик и процедур в России сформированы практически все структурные элементы стандартной англо-саксонской инновационной системы. Есть и исследовательские университеты, и государственные научные и венчурные фонды, технопарки, даже секция новых высокотехнологических компаний на ММВБ. Нет только одного – инноваций. С моей точки зрения не укоренилось ещё представление о том, что инновация – это исключительно рыночное, экономическое событие. Это не технологический прорыв, не новое открытие или изобретение. Инновация, продуктовая или в сфере услуг, рождается в точке пересечения общественной потребности (другими словами – платёжеспособного спроса) и технологии. Если инновацию надо «внедрять» – это из другой оперы. Даже если она «шестого» или любого другого уклада. И реальное изменение здесь опять связано со структурными реформами. Дело в том, что до тех пор, пока победу в конкуренции на рынках может принести ис-

пользование административного ресурса, а не конкуренция за долю рынка, за потребителя по качественным инновационным эффектам – до тех пор бизнес не будет фокусировать свои стратегии на создании и использовании нововведений. Недавний (29 июля 2016 г.) визит В. В. Путина на завод компании «Акрон» в г. Великий Новгород показал, что в России есть глобально конкурентоспособные предприятия, осуществляющие многомиллиардные инвестиции в технологии с опорой на отечественные научные и проектные организации. И это, в частности, результат грамотной политики регуляторов (ФАС, Минпром России), сформировавших конкурентный климат в промышленности минеральных удобрений.

Структурные реформы в государственном регулировании, госуправлении, судебной системе позволят сохранить существующие конкурентные позиции таких секторов как нефтедобыча, химия, сельское хозяйство, атомное, транспортное, сельхозмашиностроение, вертолётостроение, связь, банковское дело, производство строительных материалов, робототехника. Здесь сохраняется и внутренний, и внешний спрос. Кроме того, сегодня оказывается достаточно серьёзная господдержка автопрому, сельскому хозяйству и строительству. И от всех этих секторов можно начать движение вглубь технологического пространства, в смежные технологически сопряжённые отрасли на основе так называемого органического структурного роста. Заимствование технологий, встраивание в глобальные цепочки добавленной стоимости на этом пути – неизбежный процесс. Но надо стремиться к тому, чтобы центры прибыли и системной интеграции технологий сдвигались на территорию России.

Конечно, при этом не стоит забывать, что в нашем ВВП уже 65% составляет сфера услуг. И здесь тоже есть пространство для роста. В частности, сегодня пошли инвестиции во внутренний туризм.

Сектора, которые обеспечивают поддержание оборонной достаточности, естественно, нуждаются в госзаказе. Но и здесь есть возможности оптимизации, в том числе за счёт выпуска продукции невоенного или двойного назначения, за счёт акцента на так называемые двойные инновации. Не удалось пока и решить проблему распыления ресурсов, в результате множественности разработки и производства ряда стратегических систем. Конечно, для этого нужен определённый набор стимулов.

Вызовы мировой экономики. Здесь я отметил бы три группы факторов. Первый фактор – это замедление китайской экономики, которое способно оказать влияние на наше развитие в предстоящие годы. Официальные данные по темпам экономического роста в Китае за 2015 г. – 6,9% – оказались самыми низкими в этой стране за последние четверть века. Большинство западных и японских экспертов считают, что реальный рост Китая ещё ниже – менее 5%. В принципе, это нормально, потому что 1% китайского ВВП сегодня – это 1,5% в 2010 г. и 2,5% в 2000 г. Для нас негативное влияние наиболее чувствительно в связи с давлением на цены на углеводороды.

Второй фактор. Дополнительное давление на состояние энергетических рынков может оказать снятие эмбарго на экспорт нефти из США и возвращение Ирана к экспорту углеводородов.

Расширение предложения углеводородного сырья со стороны США и Ирана может привести к очередной перебалансировке нефтяного рынка.

Хотя выход этих стран – и Ирана, и США – на значительные объёмы экспорта стоит ожидать в 2017 г.

Третий фактор – это ухудшение делового климата, это негативные ожидания экономических факторов в ведущих странах ЕС, связанные с проблемой беженцев, с выходом Великобритании из Европейского союза и, конечно, с террористической угрозой.

Прогноз Международного валютного фонда по экономике ЕС уже понижен. В текущем году ожидается не 1,7%, а 1,5%. Некоторые эксперты говорят о том, что рост может быть в районе 1%.

Конечно, несмотря на санкционное давление, Европейский союз остаётся нашим ведущим торговым партнёром. Это 48% российского экспорта и 38% импорта в прошлом году. Вялая экономическая динамика в Европе может повлиять на объёмы экспортного спроса и поставки продукции инвестиционного назначения из стран ЕС.

Если говорить о сотрудничестве с Китаем, то здесь нужен реализм, а не избыточные иллюзии. Был период, когда некоторые чиновники и эксперты сильно опасались китайской экспансии на Дальний Восток. Этого не произошло. Сегодня скорее дальневосточники стремятся в Китай. Точно так же не сбываются пророчества, что «Китай нам поможет». Объём прямых китайских инвестиций в 2015 г. в Соединённые Штаты примерно в 26 раз превышал объём этих инвестиций в Россию. Из 39 миллиардов прямых иностранных инвестиций Китая за рубежом в прошлом году нам досталось лишь 1,5%.

Китай пока не сможет заменить сотрудничество с Европой и Соединёнными Штатами в технологической, энергетической, инвестиционной сферах. Вместе с тем китайский вектор – это важнейшее и растущее стратегическое дополнение к европейскому вектору. Особенно, исходя из планов руководства КНР превратить страну в мирового технологического лидера. По прогнозам ИМЭМО им. Е. М. Примакова, к 2030 г. доля Китая в структуре глобальных расходов на НИОКР превысит долю всех стран ЕС.

Китай сохраняет позицию нашего главного внешнеторгового партнёра. А новые возможности в плане привлечения китайских инвестиций открывает для России стратегия «Экономический пояс Шёлкового пути» и его финансовая база – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Однако эту возможность надо реализовать. Нужна наступательная политика в практическом претворении соглашения о сопряжении Шёлкового пути и планов развития Евразийского экономического союза. Тем более что, как заявил Премьер Госсовета КНР на пресс-конференции 16 марта 2016 г., по итогам мартовской сессии ВСНП: «Китай стал в прошлом году самым крупным торговым партнёром США, объём торговли приблизился к 560 млрд долл.» То есть китайцы, уже потеснили ЕС с первого места в торговле с Соединёнными Штатами.

Почему я говорю о том, что нам нужна наступательная политика на этом направлении? Потому что российское направление далеко не единственное и пока не главное в планах Шёлкового пути, который отдаёт сегодня приоритет Казахстану, Пакистану и Восточной Европе через южные маршруты в обход Украины и России. Китай начал инвестирование по пакистанско-казахстанскому коридору (объём инвестиций 40 миллиардов долларов) и восточно-европейскому в обход России и Украины.

Активно развивается сотрудничество по линии Китая плюс 16 бывших социалистических стран. И высока вероятность, что эти южные коридоры будут созданы раньше, чем меридианные транспортные коридоры «юг – север», которые нас больше интересуют.

Технологическая конкуренция. Китай в своём 13-м пятилетнем плане недвусмысленно заявил о том, что стремится стать мировым инновационным лидером. Руководство КНР планирует к 2020 г. увеличить расходы на НИОКР до 2,5% ВВП, что само по себе очень много.

Почему это происходит? Потому что сегодня, очевидно, увеличивается количество игроков на глобальных рынках хай-тек, обостряется конкуренция за так называемую инновационную премию.

Достигли своих пределов, прежде всего с точки зрения экологии, демографии, многие технологические решения. Наконец, с инновационным превосходством государства и корпорации связывают надежды удержать или, наоборот, захватить глобальное лидерство. Происходит разворот от фронтального подхода к науке и инновациям к фокусировке ресурсов. Ресурсы концентрируются на тематике и структуре, имеющей очевидное национальное и международное лидерство.

Актуальным организационно-управленческим ответом на все эти вызовы стало формирование центров превосходства. Эти структуры создаются при ведущих научных организациях и университетах. Китай активно пользуется этим приёмом. В странах ОЭСР количество этих центров превосходства уже перевалило за 320.

Центры превосходства – специальная форма финансирования в целях сокращения времени научно-инновационного цикла. Для России это важно с точки зрения ликвидации критической зависимости по ряду импортных позиций. Центры превосходства рассматриваются сегодня как гравитационные центры для научно-технологических консорциумов и даже цепочек добавленной стоимости. На сегодня это самый современный организационный приём интеграции науки, технологий и рынка.

Хочу отметить, что сегодня конкуренция на глобальных рынках высоких технологий идёт уже скорее не между странами, а именно между консорциумами и цепочками добавленной стоимости. Конечная цель инновационного роста, конечная цель национальной конкурентоспособности – это удержание высококвалифицированных и, соответственно, высокооплачиваемых рабочих мест на своей территории. Без этого невозможен рост уровня и качества жизни.

И в заключение я отмечу, что не в наших интересах оказаться на обочине крупнейших за последние 70 лет международных трансформаций. Я имею в виду Экономический пояс Шёлкового пути, Транстихоокеанское партнёрство. Это масштабные долговременные мегарегиональные проекты, и нам необходимо серьёзно размышлять о взаимодействии с ними. Очевидно, что в долгосрочном плане возможность эффективного международного позиционирования будет зависеть не только от военных мускулов (хотя полицентричная архитектура мироустройства опаснее и би-полярной и однополярной конструкций), но и от нашей способности к инновационному развитию, от уровня и качества жизни, от умения выстраивать выгодные отношения с другими крупными игроками.

НОВАЯ ИНДУСТИАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Ленчук Е. Б., директор Института экономики РАН, доктор экономических наук

Объективные предпосылки структурной модернизации российской экономики

Поиск новых драйверов экономического роста является стратегическим вызовом для России, экономика которой длительное время находится в состоянии рецессии на фоне двух-, трехкратного отставания по уровню экономического развития от ведущих экономик мира. Затухание экономической динамики и неспособность выйти на докризисные темпы экономического роста, ухудшение конъюнктуры мировых цен на энергоносители, обострение геополитической обстановки, введение санкций со стороны Запада, ограничивающих доступ России к инвестициям и высоким технологиям, свидетельствуют о невозможности дальнейшего развития отечественной экономики на основе экспортно-ориентированной модели сырьевого роста. Такая модель не только себя исчерпала, но и обернулась для страны снижением устойчивости экономики, развалом промышленного производства, повышением уровня зависимости российской экономики от иностранных капиталов, технологии и продукции, создавая угрозу экономической безопасности России.

Как показывает мировой опыт, в условиях бурно развивающейся научно-технологической революции, технологический фактор приобретает решающее значение в обеспечении конкурентоспособности национальных экономик и их динамичного развития. В таких условиях становится всё более очевидным, что оживить экономическую динамику и вывести российскую экономику на устойчивый экономический рост можно только на основе структурной модернизации и возрождения индустриального развития на базе инноваций, обеспечивающих переход к новой модели экономического роста. Именно современная индустрия формирует как спрос на новые технологии, так и обеспечивает трансформацию результатов научно-технических разработок в рыночные продукты, в реальные инновации, повышая тем самым конкурентоспособность экономики страны и создавая базу для решения задач социально-экономического развития.

Реализация такого стратегического курса уже закреплена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, в рамках которой развитие промышленно-технологической базы, создание национальной инновационной системы, модернизация и развитием приоритетных секторов национальной экономики, повышение инвестиционной привлекательности напрямую увязывается с решением задач экономического роста и обеспечения экономической безопасности страны¹.

¹ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, ст. 58 // СПС «ГАРАНТ».

Для ускорения экономической динамики России предстоит в кратчайшие сроки преодолеть возросшую за последние десятилетия технологическую отсталость, которая характеризуется следующими факторами.

1. *Масштабная деиндустриализация и примитивизация национальной экономики.* За годы рыночных трансформаций в России произошло сворачивание промышленного производства. Так, в 2015 г. доля материального производства в ВВП составила 37,3% (при пороговом значении экономической безопасности (ЭБ) – 66%), доля машиностроения в объёме отгруженной продукции всей российской промышленности опустилась до 12,4%, (при пороговом значении ЭБ 25%)¹. Наметилось серьёзное отставание страны от стран Запада в освоении высших технологических укладов. В США доля производительных сил четвёртого технологического уклада составляет 20%, пятого – 60%, шестого – около 5%, в то время как в России это соотношение соответственно будет 50:10:0,5².

2. *Старение производственной базы.* Инвестиции в основной капитал в 2015 г. опустились до 18% ВВП (при пороговых значениях ЭБ 25%), что обеспечивало обновление производственного аппарата в обрабатывающем секторе экономики на уровне 6%. В 2015 г. степень износа основных фондов по экономике достигла 50,5%, в обрабатывающих производствах – 48%, в высокотехнологичных производствах – 47,1% вместо 30%, характерных для стран, постоянно обновляющих свои технологии и фонды. Средний срок службы машин и оборудования в России около 14 лет, что в два раза выше, чем в развитых странах мира.

3. *Падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках, в том числе высокотехнологичных.* Доля России на мировом высокотехнологичном рынке устойчиво сохраняется на уровне 0,3%. По отдельным видам высокотехнологичной продукции её присутствие на мировых рынках крайне мало, о чём свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Доля отдельных стран на рынках высокотехнологичной продукции в 2014 г. (в % к общему объёму рынков)

Виды продукции	Удельный вес стран (в %)			
	США –	Франция –	Германия –	Россия –
Продукция авиакосмической промышленности	32,4	17,5	12,6	0,75 Китай – 1,31
Изделия электронной промышленности, оптическая и компьютерная техника	Китай – 27,1	США – 8,0	Юж. Корея – 5,9	Россия – 0,21
Фармацевтическая продукция	Германия – 14,9	Швейцария – 12,3	Бельгия – 9,6	Россия – 0,7

Источник: Main Science and Technology Indicators/OECD Volume 2016/1, p. 89–91

¹ Рассчитано на основе данных «Россия в цифрах 2016» Росстат, М 2016, С. 185, 186; 237–238; 262–263.

² Бодрунов С. Д. Грядущее новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. С. 179.

Сегодня можно говорить лишь о точечных успехах страны в ряде сегментов передовых производственных технологий и потенциальных возможностях их расширения. Российские игроки занимают сильные позиции (близкие к 30% долям рынка) только в сфере производства лазеров и инженерного программного обеспечения.

4. Высокая степень импортозависимости от зарубежных материалов, продукции и технологий. За последние четверть века произошла переориентация отечественного машиностроения с обеспечения собственным оборудованием воспроизводственных процессов на удовлетворение текущего спроса на соответствующие виды оборудования за счёт зарубежных производителей. Так, например, в такой отрасли как станкостроение, которое является базой для развития других отраслей, импортозависимость достигла 85–90%, в радиоэлектронной промышленности – 80–90%, в тяжёлом машиностроении – 60–80%, в производстве офисного оборудования и вычислительной техники – 80%. При этом, по мнению экспертов, угроза национальной безопасности уже возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25%.

Сегодня Россия имеет отрицательный баланс в торговле технологиями с зарубежными странами в размере 1,2 млрд долларов¹. Высокая зависимость от зарубежных технологий – это крайне негативный факт, особенно в условиях ухудшающейся геополитической обстановки и введения масштабных санкций против России, ограничивающих доступ отечественных компаний к современным технологиям двойного назначения и высокотехнологичному оборудованию, используемых в ведущих отраслях промышленности (прежде всего, в ТЭК и оборонно-промышленном комплексе).

Деградация научно-технического потенциала. За годы рыночных трансформаций Россия практически потеряла отраслевую прикладную науку. На протяжении последнего десятилетия количество научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, сократилось более, чем на 30%, а проектных организаций – на 45%. При этом потери в отраслевой науке практически не удалось компенсировать развитием корпоративной науки. Сегодня под угрозой разрушения находится фундаментальная наука.

Преодоление технологической отсталости для России связано с обеспечением структурного разворота в сторону возрождения отечественного промышленного комплекса на базе инноваций и предполагает решение следующих первоочередных задач. Во-первых, необходимо обеспечить масштабное расширение спроса на продукцию национальных производителей и сохранение его высокой динамики в течение длительного времени. Во-вторых, следует преодолеть технологическую зависимость от основных конкурентов путём выстраивания собственных воспроизводственных цепочек полного цикла – от фундаментальных исследований до внедрения научных разработок в производство. При этом создание собственных продуктов по ценовым и качественным характеристикам не должны уступать иностранным аналогам. Повышение технологической конкурентоспособности российской экономики создаёт предпосылки для решения третьей важной задачи – диверсификации экспортного потенциала стра-

¹ Наука, технологии и инновации в России 2015. Краткий статистический сборник. М.: ИПРАН РАН, 2015. С. 68.

ны, расширения его товарной номенклатуры за счёт высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью.

Основные барьеры на пути формирования инновационной модели развития

Следует отметить, что риторика, связанная с необходимостью перехода к инновационной модели развития, обеспечивающей новую качество роста, не нова. Такой курс декларировался в России ещё в начале нулевых годов. Однако за прошедший период стране так и не удалось сформировать национальную инновационную систему, обеспечивающую непрерывный поток инноваций. Об этом свидетельствуют основные показатели инновационной деятельности (см. рис. 1), которые на протяжении последних полутора десятилетий практически не изменялись и оставались на уровне, заметно уступающим развитым и многим развивающимся странам. Таким образом, экономика страны оставалась невосприимчивой к инновациям.

Рис. 1. Динамика основных показателей инновационной деятельности в России

Выявление основных причин сложившейся ситуации позволяет сформировать следующую группу проблем. Во-первых, в стране отсутствуют макроэкономические условия для развития инновационной деятельности. Речь, прежде всего, идёт об отсутствии развитой конкуренции, сохранении высоких барьеров выхода на рынок, высокого уровня инфляции, ограниченности инвестиционных ресурсов, низкого уровня доходов основных слоёв населения и т. п.

Во-вторых, низкая инновационная активность промышленных предприятий определяется произошедшей за эти годы деиндустриализацией национальной экономики, вымыванием целого ряда технологически ёмких отраслей, определяющих спрос на инновации. Деиндустриализация подавляет экономическую мотивацию перехода к инновационной модели экономического роста, поскольку в таких условиях, с одной стороны, происходит существенное сокращение спроса на технологические инновации, а с другой, – деградирует материальная база для практического освоения нарабатываемого научно-технического задела. В результате национальная

инновационная система лишается промышленного производства как важнейшего элемента, без которого не может реализоваться коммерциализация научно-технического задела, происходить его трансформация в реальный экономический рост. Не случайно, что в мировой практике лидерами инновационной экономики выступают страны с развитым промышленным потенциалом, и, прежде всего, современным машиностроением и приборостроением. Эти отрасли формируют ядро национальных инновационных систем, формируя устойчивый спрос на технологические инновации.

В-третьих, проводимая в стране неолиберальная политика практически изолировала инновационную политику от индустриального развития страны. Сложилась парадоксальная ситуация, когда формирование национальной инновационной системы проходило при полном отрицании промышленной политики. Лишь в последние пять-шесть лет промышленная политика перестала быть запретной темой, а в последние два-три года стало приходить осознание необходимости выработки государственной промышленной политики с целью влиять на развитие отдельных секторов промышленности, что нашло своё проявление в разработке ряда отраслевых стратегий и государственных программ, формировании вертикально-интегрированных структур в государственном секторе в виде крупных государственных корпораций, создании финансовых институтов развития, принятии в 2014 г. Федерального закона № 488-ФЗ «О промышленной политике Российской Федерации». Вместе с тем, выстраиваемая система научно-технологических и структурных приоритетов, разработка программных документов в сфере научно-технической, инновационной и промышленной политики продолжают сохранять автономность и практически не взаимосвязаны между собой.

Новая индустриализация как мировой тренд развития

В контексте поиска путей активизации факторов экономического роста на основе возрождения промышленного развития отечественной экономики целесообразно взглянуть на новые подходы к индустриальному развитию, складывающиеся в развитых странах мира. По сути, там происходит переосмысление роли индустриального развития в современных экономических системах. Столкнувшись в посткризисный период с необходимостью поиска путей ускорения экономического роста, борьбы с безработицей, сокращения бюджетного дефицита и т. п., многие западные страны с особой очевидностью стали ощущать, что только материальное производство, традиционная занятость на предприятиях, которые производят материальный продукт, могут выступать в качестве надёжной основы экономического развития. Следует отметить высокий мультипликативный эффект, которым обладает развитие промышленного сектора по отношению к другим сферам экономики. Так, вложенный в обрабатывающую промышленность 1 доллар приводит к росту ВВП на 1,5 доллара, каждое дополнительное рабочее место в промышленности создаёт 0,5–2 рабочих места в других секторах¹.

¹ Толкачев С. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада // Экономист. 2014. № 10. С. 57.

Кроме того, высокий интерес к промышленному развитию подогревается и ожидаемой новой волной технологических изменений в глобальной экономике, способной привести к существенному увеличению производительности труда как в материальной, так и в социальной сферах. Речь идёт о стратегии «новой индустриализации». Сегодня она выступает в качестве стратегического курса экономической политики большинства стран развитого мира. Её основным содержанием становится процесс распространения «прорывных технологий», которые охватывают как формирование новых отраслей и секторов экономики промышленности, воспроизводящие эти прорывные технологии, так и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах экономики.

Как отмечалось на Мировом экономическом форуме в Давосе в 2016 г., современный мир вступает в новую четвёртую промышленную революцию. Такая технологическая революция связывается, прежде всего, с развитием и использованием новых перспективных (прорывных) производственных технологий, которые обладают потенциалом качественного обновления производственных процессов, методов их организации и вовлечения трудовых ресурсов, меняя представление о том, что и как может быть произведено. К таким технологиям, прежде всего, относятся робототехника, 3D-принтинг, новые материалы, «Интернет вещей» и т. п. Они способны создавать новые рынки и отрасли, выступая драйверами экономического роста.

Таким образом, акцентируя внимание на новых производственных технологиях и их комплексном применении, страны Запада стремятся обеспечить качественное обновление технологической базы в различных секторах национального хозяйства и, прежде всего, в обрабатывающей промышленности. Именно способность к перманентному технологическому обновлению начинает играть первостепенную роль для поддержания конкурентоспособности и развития как конкретного бизнеса, так и национальной экономики в целом.

Для осмысленного движения вперёд страны Запада формируют государственную промышленную политику, неотъемлемой частью которой становится инновационная и научно-техническая политика. В таком триедином подходе решается вопрос комплексной модернизации современной экономики, обеспечивающей динамичный рост её конкурентоспособности.

Неотъемлемыми чертами новых подходов, реализуемых западными странами в рамках промышленной политики, также становятся:

- формирование научно-технологических приоритетов, концентрация внимания на развитии конкретных технологий и осуществлении крупных проектов;

- широкое распространение системы горизонтальных связей и управления, гибкие организационные формы создания воспроизводственных цепочек с высокой добавленной стоимостью, использование инструментов кластерной промышленной политики;

- акцент на совершенствовании связей между агентами инновационного процесса (университетами, исследовательскими институтами, частными фирмами, индивидуальными предпринимателями, государственными органами власти) путём улучшения рамочных условий, поддержки

кооперационных связей, использования механизмов государственно-частного партнёрства;

– поддержка предпринимательства, создание условий для быстро растущих инновационных компаний, способных создать необходимый уровень конкуренции с уже существующими компаниями в технологических областях, на основе обеспечения их доступа к финансам, рынкам и профессиональным кадрам;

– использование селективных госзакупок в качестве инструмента стимулирования инновационной деятельности компаний и распространения инноваций;

– постоянный мониторинг и оценка результатов программ, реализуемых в рамках промышленной политики.

Особенности содержания новой индустриализации в России

Для России переосмысление роли современного индустриального развития как с позиции создания материального базиса для устойчивого развития так и преодоления технологического отставания в рамках сложившегося глобального тренда мирового развития – новой индустриализации, также имеет принципиальное значение. Пропустить этот момент – означает закрепить за собой роль второсортной страны, которая впоследствии не сможет не только конкурировать на мировых рынках высокотехнологичной продукции, но и воспринимать новые технологии.

Однако беря курс на новую индустриализацию, нельзя не учитывать сложившиеся условия развития российской экономики и состояние промышленного комплекса, которые определяют собственное содержание стратегии новой индустриализации для нашей страны. Для России новая индустриализация означает необходимость остановить ярко выраженные тенденции деиндустриализации и примитивизации структуры экономики и обеспечить восстановление отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе (т. е. речь идёт об реиндустриализации). Помимо этого, необходимо также сосредоточить усилия в части создания конкурентного сектора, связанного с развитием прорывных технологий высших технологических укладов – био-, нано-, информационных технологий и т. д., формируя для этого соответствующую технологическую базу. Как справедливо отмечал академик А. И. Татаркин, под новой индустриализацией следует понимать *синхронный процесс* создания новых высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления традиционных секторов при общественно согласованных качественных изменениях технико-экономической и социально-институциональных сфер¹.

Таким образом, речь идёт о восстановлении и последующем развитии национальной промышленности на новой высокотехнологической основе, открывающей путь для формирования устойчивой, сбалансированной, независимой от внешнего влияния отечественной экономики. По сути дела, *новая индустриализация – это важнейший и неотъемлемый этап перехода российской экономики к инновационной модели развития.*

¹ Татаркин А. И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития или вызовы времени. // Экономическое возрождение России. 2015. № 2. С. 24.

Продвижение в данном направлении предполагает формирование долгосрочной государственной промышленной политики, важнейшей задачей которой должно стать построение государственной системы законодательного, финансового, институционального и кадрового обеспечения новой индустриализации. Такая политика призвана обеспечить создание гармоничных пропорциональных соотношений в экономике страны путём разработки и проведения комплекса мер государственного регулирования экономических процессов на макро-, мезо- и микроуровнях, обеспечивающих структурную перестройку экономики и стабильный экономический рост, представленных в виде поэтапных задач, сформулированных исходя из мировых трендов и внутренних особенностей хозяйствования.

Проблема выбора структурных приоритетов промышленного развития

Ключевая проблема разработки и реализации промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации – выбор приоритетов для формирования перспективной промышленной структуры отечественной экономики. Структурные приоритеты характеризуют важность отраслевых сегментов промышленности и первоочередность их развития для обеспечения устойчивого экономического роста и конкурентоспособности национального хозяйства. Выбор структурных приоритетов позволит сформулировать основные требования к количеству и качеству необходимых технологических и трудовых ресурсов, инвестициям и их источникам, воспроизводственной и институциональной среде.

Сложность выбора структурных приоритетов промышленной политики состоит в том, что должен учитываться целый ряд факторов – перспективные товарные рынки для национальной промышленности, потенциал роста конкурентоспособности различных секторов промышленного производства, необходимая степень обеспеченности различными товарами стратегического назначения, социальная значимость развития тех или иных секторов национального хозяйства и промышленности, имеющиеся научно-технологические заделы и т. п. При этом влияние, оказываемое выбранными структурными приоритетами на темпы и качество экономического роста, должно рассматриваться в качестве обобщающего критерия.

В настоящее время среди экономистов продолжается дискуссия о выборе приоритетных секторов экономики, которые могли бы стать локомотивами экономического роста. К таким секторам, прежде всего, относят оборонно-промышленный и топливно-энергетический комплексы.

Так, в последние годы государство активно стимулирует развитие оборонно-промышленного комплекса, реализуя масштабную программу обновления стоящей на вооружении военной техники стоимостью более 20 трлн рублей на период до 2020 г. Созданная для этих целей госкорпорация «Ростех» демонстрирует неплохие результаты: в 2015 г. её консолидированная выручка выросла на 18 %, составив 1140 млрд рублей, а чистая консолидированная прибыль – 99 млрд рублей, повысилась рентабельность и как следствие, налоговые выплаты госкорпорации в бюджеты всех уровней превысили 160 млрд рублей. По словам гендиректора «Ростеха» С. Чемезова, сегодня доля гражданской продукции госкорпорации состав-

ляет около 26% от выручки, в ближайшие десять лет планируется увеличить эту долю до 50%¹. Однако сможет ли госкорпорация стать мультипликатором роста для гражданской промышленности покажет только время. Пока «Ростех» демонстрирует рост прибыли на фоне общего снижения российской экономики и падения промышленного производства. Только в период 2013–2015 гг. производство машин и оборудования упало на 20,8%, электрооборудования, электронного и оптического оборудования – на 9,3%, лишь в производстве транспортных средств и оборудования наблюдался небольшой рост в 1,5%².

Что касается топливно-энергетического комплекса, то современный уровень его развития несомненно требует переход на высокий уровень технологических стандартов и фондовооруженности. Однако в условиях резкого падения мировых цен на энергоносители российские нефтедобывающие компании вряд ли способны предъявить основной платёжеспособный спрос на новые технологии и оборудование, и превратить топливно-энергетический комплекс в локомотив внедрения инноваций.

Вместе с тем Россия как страна с достаточно ёмким рынком, претендующая на роль одного из субъектов в мировой экономике, не может специализироваться в двух-трёх продвинутых отраслях или технологиях. Она должна занимать достойные позиции в широком круге отраслей. Это становится особо очевидным в условиях обострения противостояния России и Запада в связи с усложнившейся геополитической обстановкой в мире, устоять в которой Россия сможет только при условии формирования диверсифицированной, технологически независимой и конкурентоспособной экономики, ориентированной на развитие отраслей как перспективных, так и традиционных технологических укладов.

Для сохранения себя в качестве самостоятельного геополитического и экономического субъекта Россия должна стремиться к обеспечению своей глобальной конкурентоспособности в формате формирующегося нового технологического уклада, т. е. решать задачи в контексте опережающего развития. В то же время, для динамичного сокращения сохраняющегося разрыва в общем уровне экономического развития и стандартах жизни основных слоёв населения с ведущими экономическими державами, России необходимо обеспечить высокую экономическую динамику на основе широкомасштабной технологической модернизации. Для решения и той, и другой задачи необходимо обеспечить возрождение и развитие диверсифицированного машиностроения, которое всегда обеспечено конечным спросом.

В таком контексте в рамках промышленной политики должны быть сформулированы две группы структурных приоритетов.

Первая группа приоритетов должна быть ориентирована на опережающее развитие промышленного потенциала (т. е. промышленных производств), обеспечивающего достаточную конкурентоспособность России в важнейших технологических областях, формирующих перспективный технологический уклад. Как отмечалось выше, в период до 2030 г. наибольшее влияние на уровень экономической конкурентоспособности

¹ Независимая газета, 12.08.2016.

² Россия в цифрах 2016. М., Росстат, 2016, С. 263–266, 268.

и национальную безопасность будет оказывать прогресс в информационно-коммуникационных технологиях, нанотехнологиях, новых материалах и живых системах, новых производственных технологиях. При этом основной эффект будет достигаться на их стыке – в междисциплинарных областях, с выходом на производство новых продуктов для самых различных сфер деятельности.

Вторая группа приоритетов должна обеспечивать широкомасштабную технологическую модернизацию важнейших секторов национальной экономики – перевооружение и динамичное развитие ведущих отраслей российской экономики (добыча топливно-энергетических и сырьевых ресурсов и их углублённая переработка; электроэнергетика; чёрная и цветная металлургия; химия; лесная и целлюлозно-бумажная промышленность; текстильная промышленность, аграрный сектор; строительный сектор; наземный транспорт, включая автомобильный), преодоление их технологического отставания и импортозависимости от зарубежных производителей технологического оборудования путём выстраивания собственных воспроизводственных цепочек.

В условиях ограниченности инвестиционных ресурсов задача промышленной политики состоит в определении соотношения между наращиванием выпуска продукции перспективного технологического уклада, способного увеличить экспорт и позиционирование страны на перспективных товарных рынках, и широкомасштабной модернизацией отраслей обрабатывающего комплекса, прежде всего, машиностроения и современного приборостроения. Причём мировой опыт показывает, что ориентация на развитие только наукоёмких секторов экономики не может обеспечить системной устойчивости национальной экономики, особенно в крупных диверсифицированных системах. Подтверждается это и российской практикой нулевых годов. Узкий круг высокотехнологичных отраслей, поддерживаемых в рамках проводимой экономической политики в тот период, не позволил сформировать критическую массу инвестиционных проектов, которые бы смогли существенно повлиять на динамику экономического роста. Кроме того, устаревающая производственная база традиционных секторов промышленности становится непреодолимой преградой на пути развития высокотехнологичных отраслей.

Вместе с тем Россия обладает широкими возможностями добиваться ускорения экономической динамики за счёт формирования масштабного внутреннего спроса, который может удовлетворяться главным образом за счёт внутренних ресурсов экономики. Учитывая масштабы страны, невысокий уровень обеспеченности жильём и территориальной инфраструктурой, в качестве драйвера экономического роста на несколько десятилетий может стать долгосрочная программа масштабного инфраструктурного обустройства страны. Она поможет задействовать имеющиеся резервные мощности стройиндустрии и трудовые ресурсы, сгенерировать рост спроса на широкий круг продукции – цемент, стройматериалы, продукцию металлургии, строительную технику и транспортные средства и т. п.

Выбор структурных приоритетов промышленной политики должен базироваться на инвентаризации имеющихся промышленных мощностей (промышленной переписи), тщательном анализе существующих научно-

технологических заделов для выявления базовых предпосылок реализации приоритетных направлений. Также формируемые приоритеты должны опираться на долгосрочные прогнозы научно-технологического развития и быть увязаны с основными стратегическими задачами социально-экономического развития.

Технологический вектор индустриального развития

Курс на новую индустриализацию предполагает обязательное согласование структурных приоритетов промышленной политики с основными направлениями национальной научно-технологической политики, формирующей стратегический технологический вектор развития страны, в том числе для отечественного промышленного сектора экономики на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В условиях бурно развивающегося научно-технологического прогресса нельзя пропустить и формирование новых отраслей, связанных с использованием технологий формирующегося нового технологического уклада, продукция которых будет определять глобальную конкурентоспособность экономик в ближайшие 10–15 лет. Решение этих задач требует скорейшего определения научно-технологических компетенций, перечня необходимых опорных ключевых технологий.

Другими словами, на повестке дня – определение *технологического вектора* развития российской экономики, который должен исходить из видения будущего страны, её перспективной отраслевой структуры, технологического состояния основных секторов экономики, задач социально-экономического развития. Основные научно-технологические приоритеты, инструменты и механизмы их реализации должны найти отражение в национальной стратегии научно-технологического развития. В настоящее время разработка такой стратегии уже началась, однако в связи с задержкой формирования общей долгосрочной стратегии социально-экономического развития, определяющей цели и задачи экономической политики, отсутствия качественного прогноза долгосрочного научно-технологического развития, конкретизировать приоритеты научно-технологического развития не представляется возможным.

Вместе с тем, как отмечалось выше, только обеспечив единство научно-технологической, инновационной и промышленной политики, развитые страны добиваются результата в развитии промышленного комплекса, повышении глобальной конкурентоспособности национальных экономик. Такой путь должен быть ориентиром и для России. Сформированные в рамках Стратегии научно-технологического развития приоритеты должны стать сквозными для всех других стратегий и программ, разрабатываемых в отраслевом и территориальном срезе.

В этой связи принципиально важно, чтобы Стратегия научно-технологического развития была вписана в дизайн Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании Российской Федерации» и стать составной частью документов стратегического планирования. Первоначально Стратегия научно-технологического развития в такую систему документов не вошла, однако есть указание Президента России о её скорейшем включении.

Инвестиционное обеспечение новой индустриализации

Развёртывание процесса новой индустриализации невозможно решить без выхода на новый виток *наращивания инвестиционной активности*. Необходим существенный приток финансовых и материально-технических ресурсов в создание и воспроизводство основных фондов путём нового строительства, расширения, реконструкции, технического перевооружения, а также поддержания мощностей действующего производства. Без прогрессивного развития инвестиций в основной капитал, без увеличения их темпов роста вряд ли следует ожидать каких-либо кардинальных улучшений в механизмах взаимодействия экономики и её инновационных составляющих. Пока же доля инвестиций в основной капитал продолжает сокращаться. По абсолютному объёму инвестиций в основной капитал (в 2015 г. 14,5 трлн рублей) Россия кратно уступает ведущим экономикам мира (например, американской, составляя примерно 1/4–1/5 от её уровня. В расчёте на душу населения объём инвестиций в Российской Федерации в настоящее время примерно вдвое ниже, чем в США)¹.

Отмечая низкий уровень инвестиционной активности в российской экономике – норма накопления в 2015 г. составила лишь 20,7% от ВВП, против 22,6% в 2010 г., а инвестиции в основной капитал – 18%, важно иметь в виду, что для поддержания высоких темпов экономической динамики на основе масштабной модернизации экономики инвестиции должны составлять не менее 30% от ВВП².

Вместе с тем сегодня можно говорить не просто о низком уровне инвестиционной активности в российской экономике, а о *системном сбое в инвестиционной сфере*, который выражается в относительно низкой эффективности вложений в приоритетные, с точки зрения задач модернизации национальной экономики и повышения её конкурентоспособности, сектора экономики. Прежде всего, речь идёт о машиностроении и производстве оборудования, транспортных средствах. Оба сектора промышленности остаются непривлекательными для инвестиций по сравнению с экспортно-ориентированным ТЭК и металлургией, а также торговлей, финансами и посредническими услугами.

Основные центры прибыли в национальной экономике формируются за границами технологически ёмкого сектора промышленности, который характеризуется гораздо более низким уровнем рентабельности к выручке по сравнению с добывающими отраслями и металлургией. Так, в 2015 г. уровень рентабельности в добывающих секторах экономики составлял 24–26% по сравнению с 12,4% – в обрабатывающей промышленности. Причём в секторе производства машин и оборудования он был самый низкий – 6,8%, в секторе производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 11,9³. Такой уровень рентабельности в технологически ёмких секторах промышленности заметно ниже цены

¹ Алексеев А. В. Производительность труда в России: Ахиллес догоняет черепаху? // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 8 / [отв. ред. Ю. С. Пивоваров]: ИНИОН РАН. М., 2013. Ч. 1. С. 388–394.

² Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 188, 445.

³ Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 418–420.

кредитных ресурсов, что отсекает их от финансового рынка. В результате в развитии кредитования промышленности сегодня не заинтересованы ни предприятия, ни сами банки.

Таким образом, запуск структурно-технологической перестройки отечественной экономики в пользу развития промышленного комплекса требует не только наращивания инвестиционной активности, но и создания механизмов перетока инвестиций из экспортно-ориентированных отраслей топливно-энергетического и сырьевого комплекса в технологически ёмкие сектора обрабатывающего сектора промышленности.

Вопрос об источниках и масштабах необходимых инвестиционных ресурсов для технологической модернизации и инновационного развития до сих пор остаётся дискуссионным и ещё ждёт своего решения. Имеются разные оценки затрат на реализацию такого сценария. Так, например, исследователи ГУ ВШЭ оценивают нижнюю границу требуемых для модернизации ресурсов в 300 трлн рублей (~9,64 трлн долларов), а верхнюю – где-то за пределами 800 трлн рублей (~25,7 трлн долларов)¹. Академик Аганбегян А. Г. при расчёте необходимых инвестиций берёт в качестве ориентира вдвое более высокие по сравнению с развитыми странами темпы экономического развития. По мнению академика, чтобы обеспечить такой опережающий экономический рост, потребуются порядка 20,0 трлн рублей инвестиций ежегодно в течение 15 лет для выполнения программы модернизации. В результате «норма инвестиций увеличится примерно до 30–35 % и станет такой же, как во многих развивающихся странах, чей среднегодовой темп роста составляет 5–6 %, к которому и мы стремимся»². Отметим, что в пересчёте на масштабы ВВП 2015 г. для поддержания инвестиций на уровне 30 % ВВП их годовой объём должен быть не менее 24 трлн рублей с последующим ростом не менее 10 % в год по всему периоду.

Как показывают данные Росстата, последние годы финансирование инвестиций в обновление основного капитала осуществлялось преимущественно за счёт привлечённых средств, доля которых стабильно возростала в общем объёме инвестиций в основной капитал – с 41 % в 2010 г. до 51,1 % в 2014 г. Однако в 2015 г. на первое место по значимости источников инвестиций вышли собственные средства организаций, их доля составила 51,1 %. Доля банковской сферы в инвестиционных затратах сократилась до 7,8 %³.

Проводимая при этом государственная денежно-кредитная политика, направленная на поддержание финансовой стабильности за счёт ограничения денежной массы и сверхвысоких кредитных ставок, делает, по сути, невозможным для бизнеса получение долгосрочных кредитных ресурсов на реализацию масштабных проектов технологической модернизации и освоения инновационной продукции. Из огромной суммы активов банковской системы, которые в 2015 г. превзошли объём ВВП и составляют сейчас 83 трлн рублей (в 2,5 раза больше консолидирован-

¹ Ведев А., Данилов Ю. Прогноз развития финансовых рынков Российской Федерации до 2020 года. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2012. С. 139.

² Аганбегян А. Г. Инвестиционный кредит – главное звено преодоления спада в социально-экономическом развитии России // Деньги и кредит. 2014. № 5. С. 14.

³ Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 449.

ного бюджета страны и в 5 раз больше федерального бюджета), весь объём инвестиционного кредита всех банков страны составил в 2014 г. 1,1 трлн рублей (отечественных банков – только 0,8 трлн рублей) или 1,5 и 1,1 % от банковских активов¹.

Инвестиционный кредит отечественных банков составляет 6 % всех инвестиций, а в США, Германии и других развитых странах – 30–50 %. В абсолютном выражении инвестиционный кредит на душу населения сегодня в 9–10 раз меньше, чем в развитых странах и в 4–6 раз меньше, чем в Китае и других развивающихся странах².

Слабо задействованы в инвестиционном процессе средства внебюджетных фондов – пенсионные, страховые, паевые фонды, которые на Западе являются важнейшим источником длинных денег. Их активы в 15–30 раз меньше активов отечественных банков.

Что касается бюджетных средств, то они преимущественно расходуются на реализацию инфраструктурных проектов, где альтернативы государственным вложениям вообще нет.

Финансовые институты развития на службе новой индустриализации

Особую роль в инвестиционном обеспечении задач новой индустриализации должны сыграть *финансовые институты развития*, создание которых началось в середине нулевых годов и было направлено, прежде всего, на обеспечение консолидации интересов государства и частного бизнеса в развитии высокотехнологичных секторов экономики и запуска инновационных процессов. Финансовые институты развития занимают особую нишу в экономике между частными инвесторами, ориентированными на реализацию своих коммерческих интересов, и прямым бюджетным финансированием социально значимых инвестиционных проектов. На базе использования инструментов государственно-частного партнёрства предполагалось сформировать соответствующие центры компетенций, способные запустить долгосрочные проекты технологической модернизации и инновационного развития.

Сегодня можно говорить о широком многообразии действующих институтов инновационного развития. Среди наиболее значимых финансовых институтов развития – Внешэкономбанк, Российская венчурная компания, ОАО «Роснано», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», Фонд развития промышленности, Фонд «Сколково» и т. д. На них в 2005–2008 гг. были потрачены огромные средства – около 1 трлн рублей. В настоящее время их финансовая подпитка продолжается через специализированные государственные программы.

Однако действующие институты развития пока так и не смогли стать катализатором инновационных процессов и обеспечить серьёзный переток инвестиций в инновационную сферу. По расчётам академика С. Ю. Глазьева, общая мощность российских институтов развития составляет 70 % ВВП (порядка 1,5 трлн долларов), и эта мощь используется

¹ Аганбегян А. Г. Сокращение инвестиций – гибель для экономики, подъём инвестиций – её спасение // Экономические стратегии. 2016. № 4(138). С. 82.

² Там же.

всего на 20–30% из-за отсутствия системы долгосрочного рефинансирования и контроля за их деятельностью¹.

В последнее время в деятельности финансовых институтов развития всё чаще стало выявляться нецелевое использование финансовых средств. Вместо финансирования перспективных инновационных проектов некоторые институты развития отправляют средства на депозиты банков, поддерживают иностранных разработчиков и производителей инновационной продукции, слабо вовлекают частные инвестиции в инновационные процессы и т. п. Низкий профессионализм работники финансовых институтов развития зачастую демонстрируют и при отборе перспективных инновационных проектов, что ведёт к финансовым убыткам и потерям. В таких условиях крайне важно провести ревизию деятельности институтов развития, оценить эффективность их управления.

Деятельность финансовых институтов развития должна выстраиваться в контексте с задачами новой индустриализации, что требует расширения их сферы деятельности за пределы поддержки узкого круга инновационных проектов, реализуемых в высокотехнологичных отраслях. Поддержка проектов по технологической модернизации отечественной промышленности, возрождению машиностроительного комплекса также должны быть включены в задачи институтов развития. Безусловно, очень важным шагом в этом направлении стало создание в 2014 г. Фонда развития промышленности, который предлагает льготные условия финансирования проектов, направленных на разработку новой высокотехнологичной продукции, техническое перевооружение, импортозамещение и создание конкурентоспособных производств. Совокупный объём средств Фонда развития промышленности – 23,3 млрд рублей, из которых уже выделены средства на поддержку 75 проектов в разных областях промышленности.

Одним из важнейших шагов по совершенствованию деятельности институтов развития является формирование экосистемы инновационной деятельности – комплексной сети государственных институтов развития, обеспечивающих сквозное непрерывное финансирование инновационных проектов на всех стадиях развития. Речь идёт о создании «инновационного лифта», в рамках которого будет налажена передача реализуемых проектов от одного института к другому, а также налажена стыковка сферы исследований и разработок с бизнесом. Такая задача, в частности, была поставлена ещё в рамках Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.

Формирование институциональной среды новой индустриализации

Новая промышленная политика, нацеленная на решение задач новой индустриализации, призвана сформулировать не только чёткие цели, задачи и приоритеты, но и сформировать под них соответствующие инструменты и механизмы поддержки. Определённый шаг в этом направлении был сделан в 2014 г. с принятием Федерального закона № 488-ФЗ «О про-

¹ Финансирование исследований и разработок в России: состояние, проблемы, перспективы. М.: ИПРАН РАН, 2013. С. 190.

мышленной политике в Российской Федерации», в рамках которого наряду с общими целевыми установками для развития национального промышленного комплекса, были обозначены и основные меры по созданию соответствующей институциональной среды.

В целях стимулирования промышленной деятельности, принятый закон расширил рамки финансовой поддержки промышленной сферы, предусматривая возможность предоставления субсидий из федерального бюджета не только на реализацию проектов в сфере промышленности, но и на финансирование создания и модернизации объектов промышленной инфраструктуры, путём формирования широкой сети индустриальных парков и инновационных и производственно-территориальных кластеров. Так, суммарные инвестиции в создание инфраструктуры индустриальных парков к 2016 г. достигли 134 млрд рублей, а количество парков возросло до 146¹.

Высокий интерес сохраняется и к реализации кластерного подхода в развитии промышленной сферы. Минэкономразвития России с 2012 г. реализует программу по формированию 26 пилотных инновационно-территориальных кластеров, которые получают финансовую поддержку от государства. Вместе с тем, по оценкам регионов России, в стране сегодня насчитывается 59 промышленных кластеров. Такие кластерные структуры за счёт обеспечения гибкого сетевого взаимодействия между фирмами, поставщиками, исследовательскими и образовательными центрами, способны выстраивать замкнутые технологические цепочки от создания продукта до его производства и вывода на рынок, повышая тем самым конкурентоспособность как отдельного региона или отрасли, так и государства в целом.

Вместе с тем Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» не исчерпывает всего многообразия институтов инновационного и промышленного развития, необходимых для решения задач новой индустриализации. Курс на выстраивание собственных воспроизводственных технологических цепочек требует дальнейшей работы в этом направлении.

Так, чрезвычайно важной задачей является укрепление и развитие собственной науки, позволяющей восстановить непрерывный конвейер создания инновационной продукции по цепочке: фундаментальная наука – прикладная наука – проектные институты – опытные производства – серийное производство. При этом особое значение приобретает возрождение *прикладной науки*, имеющей непосредственное отношение к созданию и продвижению новых инновационных продуктов.

Решению задач технологической модернизации и инновационного развития промышленности также должно содействовать распространение таких институтов как центры трансфера технологий, инновационно-технологические, инжиниринговые компании, информационно-аналитические центры и центры коллективного пользования оборудованием.

Создавая благоприятную институциональную среду для новой индустриализации в России, важно не только создавать институты развития

¹ Индустриальные парки России. Отраслевой обзор. М.: АИП, 2016. С. 8. Режим доступа: [http://www.indparks.ru/upload/medialibrary/8f4/Obzor%202016%20site%20\(1\).pdf](http://www.indparks.ru/upload/medialibrary/8f4/Obzor%202016%20site%20(1).pdf).

науки, инновационной деятельности и промышленного развития, обеспечивающих эффективное взаимодействие между государством, бизнесом и научным сообществом, но также продолжать поиск эффективных методов государственного управления в этих сферах. Речь должна идти о *новом* качестве управления инновационными процессами, базирующимися на развитии гибких систем управления, адекватных решению задач инновационного обновления российской экономики. Чтобы повысить у компаний реальную мотивацию к нововведениям, следует изменить принципы организации, содержание и методы управленческой деятельности на основе развития и использования института контрактных отношений, которые, как показывает опыт промышленно-развитых стран, могут стать эффективным и действенным механизмом управления материальными, трудовыми ресурсами и научным, промышленным потенциалом для реализации крупных инновационных проектов.

ПРОЕКТНАЯ ЭКОНОМИКА И БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

Макаров В. Л., директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН

Банковский сектор предоставляет жизненно важное общественное благо и только

В настоящее время российское общество, особенно его экономическая составляющая, находятся на переломном этапе. Народ ждёт решительных действий как со стороны интеллектуального сообщества, так и особенно со стороны политического руководства страны. Нужна одобряемая обществом чёткая стратегия развития на ближайшие годы, и самое главное, конкретные действия по реализации этой стратегии.

В настоящей работе вопрос о стратегии затрагивается, но упор делается на немедленные действия, которые надо предпринять в экономической сфере.

В первую очередь речь идёт о банковском секторе, который нуждается в коренном реформировании. Все банки должны быть государственными, ибо они обеспечивают функционирование денежной системы, представляющей важнейшее общественное благо. Денежная система относится к общественным благам высшего ранга, то есть к тем, которые производит и предоставляет обществу непосредственно государство. В классической рыночной экономике современного типа, как например, американской, имеется тенденция перепоручить предоставление некоторых общественных благ частному сектору. Частные дороги, наёмные работники в государственной армии, частные армии, процветающий адвокатский бизнес и многое другое, вплоть до частных тюрем.

Что касается денежной системы, то она постоянно приспосабливается к меняющимся условиям экономической деятельности и, тем самым, совершенствуется.

Сначала деньги сами, как натуральный продукт, представляли собой ценность. Скот, драгоценные металлы, особенно золото. Теперь деньги превратились в обязательство, как правило, государства или другого института, имеющего доверие. Обязательства предоставляются в разных формах, в первую очередь в виде бумажек (банкноты), записей на счетах банков. С такими записями в электронный век придумано множество разнообразных манипуляций, но смысл обязательства при этом сохраняется. По своей природе ценность обязательства имеет место лишь до тех пор, пока институт, давший обязательство, существует.

Из этой природы денег как обязательства следует, что государство должно выработать эффективный механизм работы с этими обязательствами. Одним словом, денежная система по самой своей сути является общественным благом (public good) подобно обеспечению обороны, судебной системы и других институтов, без которых государство существовать не может.

Отмеченная выше тенденция передачи части функций государства по предоставлению общественных благ в частный сектор коснулась и денежной системы. Начать с того, что американская Федеральная резервная система (ФРС) исторически является частным образованием, отвечающим за эмиссию долларов. Глядя на США, многие страны мира также предоставляют своим центральным банкам некоторую свободу от государства. Всё это привело к тому, что банковский сектор в современном западном мире превратился в ведущую силу, отодвинув на второй план производство материальных благ, технологий, науку, духовную составляющую.

Всесилие денег выглядит удивительным феноменом, с которым столкнулась человеческая цивилизация. На ранних стадиях развития человека ничего подобного не наблюдалось, не говоря уже о более примитивных популяциях различных животных, где трудно найти что-либо похожее на деньги.

Теоретики исследования человеческого общества рассматривали множество способов производства и особенно распределения благ между людьми. Вспомним древних греков, особенно Аристотеля, город Солнца Кампанеллы, красивый лозунг коммунистического общества: «От каждого по способности, каждому по потребности». Деньги там если и играли какую-то роль, то чисто техническую, вспомогательную. Богатство могло быть идеалом не само по себе, а как символ власти и могущества.

Особенно следует упомянуть плановую экономику, которую последнее время стали всё чаще вспоминать, и по делу. В плановой экономике существенную роль играют социальные нормы, хотя в литературе о них говорится незаслуженно мало. Вообще социальные нормы – это огромный мир, мало изученный социологами и представителями других наук.

Социальные нормы лежат в основе принципиально иного механизма распределения благ по сравнению с рыночным. Суть этого механизма можно понять на примере льгот. Имеющий льготу получает право на получение определённого блага, например, бесплатного проезда на транспорте. Конечно, тотальное использование механизма норм (льгот и др.) приводит к формированию так называемого «классового» общества. Слово «классовое» взято в кавычки, поскольку под «классами» можно понимать что угодно. Это сословия в царской России, касты в Индии, национальная принадлежность при Гитлере и т. д. Ясно, что в наше время большинство будет против такого распределения благ, ибо это противоречит правам человека. Однако под «классами» можно понимать такие группы, вступление в которые зависит от эффективности, от пользы деятельности для общества. Тогда выше сказанное возражение снимается.

В теперешней реальной жизни таких «классов» с разного рода привилегиями (льготами) множество. Поэтому поступление в «класс», то есть получение льготы, является стимулом для эффективной деятельности. В правильно организованном «классовом» обществе такая система стимулов будет сильнее тотального ныне стимула: «стать богатым».

В российском обществе исторически институт льгот воспринимается позитивно. Вспомним недавнюю монетизацию льгот. Отношение населения к этой реформе по ликвидации льгот было, как известно, отрицательным.

Разнообразие типов экономик повышает жизнеспособность и эффективность

Этот параграф является введением в обоснование смысла и неизбежности проектной экономики и, соответственно, реформы банковского сектора.

О роли разнообразия в формировании и жизни общества написано немало [см. например, Макаров В. Л., 2015]. Применительно к нашей теме можно сказать, что разнообразие присутствовало в механизмах распределения благ между членами общества во все времена. Чисто рыночный способ получения благ людьми выглядит справедливым лишь на первый взгляд. Недаром практически во всех странах развивается социальная сфера, где получение благ осуществляется нерыночным способом (см. на эту тему множество работ по социальному государству). Среди учёных-экономистов также начинает превалировать мнение, что не может быть идеальной модели экономики. В каждой стране есть свои особенности, которые вносят свои коррективы в экономическую модель. Многообразие моделей – это, с одной стороны, наблюдаемая в мире данность, а с другой – рациональное приспособление общества к своим особенностям.

В связи со сказанным экономика, называемая проектной, то есть в основе которой лежат проекты, отнюдь не претендует на тотальную цель или на всеобщность. Обсуждается естественный для российской экономики путь движения от теперешнего рыночного доминирования к такой модели, которая отвечает нашей исторической сущности.

Проектная экономика

Ныне всем ясно, что классическая рыночная экономика существует только в учебниках. Она удивительно привлекательна, о чём талантливо писали Л. Мизес, Ф. Хаек, М. Фридман и другие. Принцип индивидуальной свободы человека, лежащий в основе модели, с одной стороны, соответствует его природе, а с другой, творит чудеса творческой эффективности. Примеров в истории множество. Рыночный механизм – это та сила, которая улучшила жизнь человечества коренным образом. Теперь вопрос в том, чтобы этот механизм использовать наилучшим образом в новых современных условиях, в частности, в так называемой цифровой экономике, в которую мир стремительно погружается.

Тотальное использование принципа индивидуальной свободы и рыночного механизма приводит, в конечном счёте, к примитивизации человека, к погоне за деньгами, как едва ли не единственному стимулу в жизни. Правильно говорят, что действия в рыночной экономике приводят к односторонней мотивации. Там отсутствует духовная компонента и, тем самым, выхолащивается истинный смысл жизни.

Скептики говорят: при чём тут проектная экономика. Проекты были всегда. Это правда. Действительно, проекты были всегда. Более того, большинство шедевров, оставшихся нам от предков, результат исполнения проектов. Если мы посмотрим на то, как развивается в настоящее время мировая экономика, то увидим, что в основе едва ли не большинства

международных переговоров лежат проекты. При этом о принципах классической рыночной экономики никто не вспоминает. Цель таких проектов весьма разнообразна, то есть отнюдь не обязательно получить как можно больше прибыли.

Говорить об отличии проектной экономики от классической рыночной можно много. В частности, в проектной экономике разнообразие желаний, устремлений людей и коллективов получает реальную поддержку, в том числе идеологическую и институциональную. Смысл жизни раскрывается полнее [см. например, Макаров В. Л., 2013].

Здесь мы обратим внимание на проблему финансирования проектов. В рыночной модели основными действующими лицами являются фирмы, производящие продукты, и люди, эти продукты потребляющие. При этом фирмы стремятся получить больше прибыли, а люди больше денег для последующего потребления. В проектной модели действующим лицом становится проект как таковой. Это не рыночная фирма, а принципиально другой институт, хотя много общего между ними сохраняется. Разница в целях. Цель – это основа проекта. Проект существует ради достижения цели. Государство обеспечивает условия для реализации проекта, если общество согласилось его осуществлять. Кстати сказать, коммерческая фирма, естественно, может пониматься как проект, цель которого получение прибыли и капитализация.

Итак, в проектной экономике должны быть сформированы новые институты, которые пока существуют разве только в зачаточной форме. Назовём их.

– (а) Сектор организаций, собирающий идеи, которые могут перерасти в проекты. Эти организации проводят социологические опросы, оценивают смысл и ценность поступающих идей. Среди существующих организаций таковыми можно считать Агентство стратегических инициатив, Российскую венчурную компанию (РВК), и целый ряд им подобных. Особую роль должен играть недавно созданный Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте Российской Федерации. Есть надежда, что этот Совет интенсифицирует работу по созданию основ проектной экономики.

– (б) Сектор прикладных научно-исследовательских институтов (НИИ), конструкторских бюро (КБ), опытных заводов, превращающих идеи в тщательно разработанные проекты, готовые в дальнейшем к реализации.

– (в) Сектор собственно проектов, то есть организаций, которые проекты реализуют. Такие организации-проекты должны иметь свой статус, отличающий их от обычных государственных и частных компаний. Определённый шаг в направлении создания таких организаций сделан официальным утверждением особого статуса генеральных конструкторов. Некоторые генеральные конструкторы уже назначены Правительством Российской Федерации.

– (г) Сектор, в котором главную роль играют банки, причём банки нового типа, где наряду с финансовой деятельностью присутствует юридическая, инженерно-конструкторская и плановая. Речь идёт, в частности, о юридическом оформлении статуса проектов, включая вопросы

заключения договоров, подряда, вопросы государственного и частного финансирования, налогообложения и т. д. Этот блок вопросов представляется наименее проработанным, особенно с учётом использования быстро развивающихся информационных технологий. Подчёркиваем, что банковский сектор должен коренным образом измениться в проектной экономике.

Сектор (а) является наиболее размытым, неструктурированным по своей природе, но это и неплохо, ибо позволяет в полной мере использовать сетевые технологии и структуры. К примеру, любую идею можно достаточно быстро пропустить через интернет-опросы в разных социальных сетях и тем самым проанализировать отношение разных слоёв народа к рассматриваемой идее.

Сектор (б), к сожалению, находится в настоящее время в жалком состоянии. В советское время он был довольно мощным, там работали профессионалы самого высокого класса. В течение 90-х гг. он был разрушен, в основном, отсутствием спроса, ускоренной приватизацией и использованием зданий и оборудования не по назначению. Пока восстановление проходит очень медленно и бессистемно.

Сектор (в) пока не создан официально. Нужен закон, подобный закону о государственных корпорациях, где были бы чётко прописаны юридический статус проектов как организаций, права и обязанности генеральных конструкторов как руководителей проектов. При этом следует иметь в виду, что проекты, за редкими исключениями, имеют конечный срок действия, то есть после достижения цели проект прекращает своё существование. Поэтому надо тщательно прописать процедуру ликвидации проекта, указав, в частности, схемы перехода сотрудников в другие организации.

И наконец, сектор (г), который играет едва ли не главную роль в проектной экономике. Поскольку речь идёт об экономике, то механизм реализации, в частности, финансирования проектов существенно отличается от подобных механизмов в рыночной экономике и плановой экономике советского типа. Проектная экономика имеет место как экономика только тогда, когда кроме секторов (а, б, в) полноценно работает сектор (г), в котором банки принципиально другие, с другими функциями, чему посвящена оставшаяся часть настоящей статьи.

Новый тип банков

Несмотря на известные экономические трудности банковский сектор России живёт неплохо. Сотрудники имеют приличные доходы, имеют высокий социальный статус в глазах населения. В значительной степени это связано с тем, что многие слои населения окутаны менталитетом либеральной рыночной экономики. Примерами для подражания стали финансовые бароны. А спросим себя: что сделал банковский сектор и его сотрудники для развития общества, для улучшения жизни, для безопасности, для создания предметов национальной гордости? Ответ: это делают другие сектора, а банкиры только помогают, как правило, слабо.

Ради справедливости следует сказать, что руководство Центрального банка Российской Федерации старается улучшить работу банковского сек-

тора, последовательно ликвидируя банки, которые занимаются самообогащением. Но при этом природа банковского сектора остаётся прежней.

Итак, финальное оформление проектов должны осуществлять банки. Именно их сотрудники доводят проект до совершенства, не оставляя никаких недоработанных вопросов. Формирование проекта проходит последовательно, а иногда частично и параллельно, по секторам (а), (б), (в), и поступает для окончательного оформления в банки. Сетевой график исполнения проекта окончательно утверждает именно банк. Он отвечает за оформление всех договоров подряда, и, естественно, за своевременное финансирование всех стадий. При этом вся документация должна храниться в банке, он осуществляет мониторинг и контролирует исполнение.

Всё это говорит о том, что банк превращается в комплексную организацию, в которой наличествуют сотрудники различных специальностей. Это инженеры, конструкторы в той сфере, в которой специализируется банк. Это, естественно, юристы и финансисты, специалисты в области цифровых технологий, в частности, защиты информации.

Здесь уместно упомянуть мусульманские банки, которые, как известно, финансируют проекты не в кредит под проценты, а под будущую прибыль. Это означает, что в банках должны быть специалисты, которые оценивают перспективность проектов. Кстати сказать, мусульманские банки начинают свою деятельность в Российской Федерации, в первую очередь в Татарстане.

И, наконец, это аналитики общего плана, занимающиеся стратегическим планированием, способные моделировать последствия от принимаемых решений. Особенно речь идёт о влиянии действия проектов на общее развитие экономики и общества.

Относительно специалистов по стратегическому планированию и, в частности, анализу эффективности проектов и их влияния на развитие общества, следует отметить, что ситуация непростая. Практически таких специалистов почти нет. В ЦЭМИ РАН (Центральном экономико-математическом институте) разрабатывается компьютерная модель общества, в которой экономика представляет собой основную его часть. С помощью данной модели просчитываются различные варианты развития общества на перспективу, особенно когда речь идёт о российской экономике. Количество возможных вариантов огромно. Применительно к проектной экономике можно сравнивать вариант развития без конкретного проекта и вариант с его реализацией. Разработанная модель носит пока экспериментальный характер. Использование её на практике только планируется. В частности, предполагается, что модель войдёт в качестве постоянного инструмента принятия решений в систему ситуационных центров Российской Федерации.

В процессе работы с моделью важны критерии, по которым оценивается: какой вариант лучше, а какой хуже. Эти критерии неоднозначны. Скажем, какой-то вариант хорош для отдельного региона, но не годится для всей страны. Здесь вступают в действие интересы отдельных групп населения, соответствующих политических партий и пр. К сожалению, в стране ещё не действует в полной мере механизм выявления мнения населения по вариантам стратегии развития общества на перспективу. Хотя

в развитом цифровом обществе такой механизм неизбежно появится. Кстати сказать, механизм выявления идей, из которых потом вырастают проекты, близок по своей сути к названному. Дело в том, что люди оценивают стратегические цели общества и идеи для конкретных проектов в одной связке. Как всегда, люди должны разрешать внутри себя противоречие между личным и общественным. В целом народ хочет жить в сильной стране, уважаемой во всем мире, которая реализует проекты всемирного значения. С другой стороны, люди тянутся к комфортной жизни внутри своего микрорайона, где есть всё для семьи, для воспитания детей.

Этот двойственный характер отношения к проектам должен учитываться при конструировании механизма формирования спроса на них.

А с другой стороны, предложения по проектам должны идти от творческих людей, изобретателей, учёных, в том числе и с фантастическим уклоном.

Перспективы

В заключение о перспективах перехода к проектной экономике, в первую очередь, в нашей стране.

В мире в целом наблюдается повышение интереса к международным проектам глобального характера. Частично это связано с тем, что имеющаяся мировая инфраструктура, в первую очередь транспортная, становится тормозом дальнейшего экономического развития. Трубопроводы внутри и между странами стали обыденностью. Обсуждается создание современного «Шёлкового пути», проходящего по нескольким странам и требующего триллионных затрат. Вызывает международный интерес проект Нуреглоор: суперскоростная магистраль, представляющая собой трубу большого диаметра, из которой выкачан воздух и на магнитной подушке движется вагон или кабина. Не исключено, что такой вид транспорта существенно потеснит воздушный транспорт, развитие которого, кажется, близко к своему потолку. Проекты в области Космоса также на повестке дня. Поэтому проектная экономика во всем мире набирает обороты.

Было бы стратегически правильным решением развивать проектную экономику в России ускоренными темпами, чтобы стать мировым лидером в этом направлении. При этом следует учитывать уникальность и разнообразие стран в мире. Ясно, что проектная компонента в разных экономиках может играть неоднозначную роль. В России проекты должны стать ядром экономики смешанного типа, где сохраняются и госкорпорации, и солидный сектор малого и среднего бизнеса. Особенно важно, что правильно сформированный проектный сектор в разы снизит бюджетные затраты не только на собственно проекты, но и всё сопутствующее развитие. К сожалению, в настоящее время государство, да и частный бизнес планируют выделить, а порой и реально выделяют деньги не так тщательно, по всем правилам проработанные проекты, а на скорую руку сделанные прикидки. Потом делается корректировка, как правило, в сторону увеличения. Всё это рождает скепсис в народе относительно вообще любых проектов, как хорошей ширмы для коррумпции.

Но настоящая проектная экономика как раз существенно уменьшает поле для коррупции, ибо базируется на тщательных расчётах и цифровых технологиях, которые прозрачны для любых проверок.

Список литературы

1. *Макаров В. Л.* О разнообразии экономического и политического устройства в мире. (Планирование возвращается?) // *Философия, методология и история науки.* – № 1, т. 1. – М: изд-во «Палея», 2015.
2. *Макаров В. Л.* К вопросу о проектной экономике // *Экономическая наука современной России.* – 2013. – № 3(62).
3. *Мартин П., Тейт К.* Управление проектами. – СПб.: Питер, 2006. – 224 с.

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫХОДА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТРАЕКТОРИЮ РОСТА

Катырин С. Н., президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Под влиянием глобальных кризисных явлений, ряда внутренних структурных проблем социально-экономическое положение России складывается неоднозначно. Ситуацию усугубляет влияние политических и геостратегических причин: российские компании вынуждены работать в условиях санкционного давления, ограниченного доступа на внешние рынки капитала, высокой процентной ставки для заимствований внутри страны, высокой волатильности курса рубля по отношению к основным валютам, а также снижения инвестиционной активности. Факторами, оказывающими негативное влияние, безусловно, являются дестабилизация политической и экономической ситуации на Украине, многочисленные очаги напряжённости на карте мира, в частности, в Сирийской Арабской Республике, изменение отношений с традиционными для нашей страны партнёрами.

В 2013 г. динамика экономического роста замедлилась (рост на 1,3% по отношению к 2012 г.), в 2014 г. рост составил менее 1%, а по итогам 2015 г. и вовсе наблюдалось снижение валового внутреннего продукта на 3,7%¹. Индекс промышленного производства в процентном отношении к предыдущему году в 2013 г. составил 100,4%, в 2014 г. – 101,7%, а в 2015 г. уже наблюдалось его падение – 96,6%². По итогам 2015 г. в России зафиксировано снижение деловой и инвестиционной активности, падение доходов населения.

Согласно проведённому Торгово-промышленной палатой Российской Федерации исследованию, по итогам 2015 г. 60% компаний отметили ухудшение ситуации в бизнесе по сравнению с предыдущим периодом; лишь 15% ответили, что ничего не изменилось. Более половины участников опроса (57%) почувствовали влияние введённых экономических санкций против России со стороны зарубежных партнёров, и лишь для 5% введённые санкции стали подспорьем к расширению бизнеса компаний. В сложившихся условиях, предприятия стараются рассчитывать сами на себя. Так ответили 40,4% компаний.

Принятые на федеральном и региональном уровнях меры поддержки, реализация так называемых «антикризисных планов», позволили уменьшить негативные последствия сложившейся социально-экономической ситуации. Россия по-прежнему входит в десятку стран с наименьшим государственным долгом и значительными международными резервами (почти 393 млрд долларов США по состоянию на 1 июля 2016 г.³), значительно снизился отток капитала (57,5 млрд долларов США в 2015 г. про-

¹ Рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики в постоянных ценах 2011 г.

² По данным Федеральной службы государственной статистики.

³ По данным Центрального банка Российской Федерации.

тив 152,1 млрд долларов США в 2014 г.; 8,2 млрд долларов США за I квартал 2016 г. против 32,9 млрд долларов США за I квартал 2015 г.¹).

В настоящее время экономика России в целом стабилизировалась, адаптировалась к сложившимся условиям, тем не менее, динамика валового внутреннего продукта остановилась в районе нулевой отметки. В сложившихся условиях необходима консолидация усилий государства и предпринимательского сообщества, направленных на выход отечественной экономики на траекторию устойчивого развития, поиск новых источников роста. По мнению экспертов ТПП России, такими источниками могут стать, в частности, развитие малого и среднего предпринимательства (а 75 % членской базы ТПП России составляет именно малый и средний бизнес), реализация политики импортозамещения, выявление отраслево-локомотивов экономики, имеющих большой мультипликативный эффект на другие отрасли, стимулирование инвестиционного процесса, повышение эффективности институтов развития.

Говоря о развитии малого и среднего предпринимательства как одного из возможных источников выхода российской экономики на траекторию устойчивого роста, можно отметить, что это направление было определено в качестве одного из главных Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому планированию и приоритетным проектам.

Торгово-промышленная палата Российской Федерации, безусловно, поддерживала принятие Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 г., так как этот документ чётко формулирует цели и задачи, поставленные государством в части развития данного сектора предпринимательства. Эксперты ТПП России принимали непосредственное участие в разработке и обсуждении основных положений данного документа. В итоговую редакцию включён ряд наших предложений, в частности, прописан раздел «территориальное развитие», учитывающий региональный аспект, включён принцип «создавать условия для развития малого и среднего предпринимательства – выгодно», предусмотрено проведение на постоянной основе мониторинга неналоговых платежей, развитие новых механизмов финансирования, выработка механизмов стимулирования взаимодействия крупных компаний с сектором МСП, включён вопрос о развитии института наставничества с привлечением к данной работе предпринимательских объединений. Однако мы разделяем опасения, высказываемые предпринимателями на предмет того, что необходима не просто Стратегия, а чёткий план её реализации, с ресурсами, сроками и ответственными.

Определённые результаты от принимаемых решений по поддержке малого и среднего предпринимательства, в частности, реализуемых в рамках правительственного Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности и подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» Государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» уже есть. К примеру, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличилось количество занятых в сфере МСП, выросли поступления в бюджет от этой части хозяйствующих субъектов².

¹ Там же.

² По данным Счётной палаты Российской Федерации.

По результатам VII Съезда ТПП России Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был утверждён перечень поручений, касающихся развития малого и среднего предпринимательства. Это и упрощение экспортной деятельности компаний, и снижение неналоговой нагрузки на бизнес, и участие деловых и профессиональных объединений в работе профильных вузов, а также расширение доступа МСП к госзакупкам и повышение прозрачности закупочных процедур.

ТПП Российской Федерации совместно с ответственными министерствами, ведомствами, другими деловыми объединениями в настоящее время работает над реализацией данных поручений. В частности, уже внесены изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, которые обеспечивают возможность принимать к вычету суммы НДС, не дожидаясь окончания 3-месячного срока камеральной проверки и принятия указанных товаров на учёт контрагентом, как это происходит сейчас.

Совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации о внесении изменений в правила создания комиссии по оценке последствий принятия решения о реорганизации или ликвидации вузов, теперь в эти комиссии смогут входить общественные объединения.

Вместе с тем, чтобы малое и среднее предпринимательство стало действенным источником роста российской экономики, чтобы были достигнуты целевые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. необходимо предпринять дополнительные шаги.

Во-первых, проведённый ТПП России опрос субъектов предпринимательской деятельности показал, что, несмотря на проводимую органами государственной власти работу по реализации программ развития отдельных отраслей, созданию институтов развития значительная часть предприятий мало осведомлена о предпринимаемых в данных областях шагах. Даже те, кто что-то слышал об имеющихся мерах поддержки из средств массовой информации, не представляют, каким образом имеющимися механизмами можно воспользоваться на практике. Поэтому достижение заявленных целей по развитию малого и среднего предпринимательства, увеличению доли несырьевого экспорта возможно лишь при должной информационно-разъяснительной работе.

В этой связи также представляется целесообразным провести ревизию реализуемых в различных форматах мер поддержки субъектов предпринимательской деятельности, включая деятельность институтов развития. Для проведения вышеупомянутого анализа, по мнению экспертов ТПП России, необходимо создать межведомственную рабочую группу с привлечением представителей Счётной палаты Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ведущих объединений предпринимателей. По результатам данной работы возможно создание «единого окна» для работы с предпринимателями в области финансовых и нефинансовых мер поддержки, включая взаимодействие с профильными министерствами и ведомствами. Примером эффективности такого формата для предпринимателей является Российский экспортный центр, которым отлажена данная работа, но только в сфере внешней торговли.

Важный механизм развития бизнеса – эффективная работа институтов развития. В настоящее время не все они осуществляют свою деятельность должным образом. К эффективным институтам развития можно отнести Фонд развития промышленности, чьи средства выделяются прозрачно и понятно для бизнеса, а на 1 рубль государственных денег привлекают 6 рублей частных инвестиций. В целом, в 2015 г. в Фонд развития промышленности поступило 1282 заявки от предприятий на софинансирование инвестиционных проектов, однако средств хватило на оказание поддержки только 74 предприятиям.

Проведение ревизии институтов развития позволит провести докапитализацию эффективных. Также одним из возможных источников финансирования является перераспределение неэффективно расходующихся в рамках реализации федеральных целевых программ (ФЦП) и федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) средств, которые часто просто лежат на банковских счетах. Через механизм ФЦП проходит больше половины бюджетных расходов по открытой части. По результатам проведенного Министерством экономического развития Российской Федерации анализа исполнения 39 ФЦП за 2015 г. только половина признана эффективной. Отмечено, что число программ избыточно, они часто дублируют друг друга, более того, бизнес не очень заинтересован в государственных программах – по ряду госпрограмм имеет место их низкое кассовое исполнение в части софинансирования партнерами – юридическими лицами.

Во-вторых, необходимо стимулировать выход предпринимателей из теневой экономики, скрытой от налогообложения и государственного регулирования. Федеральная служба государственной статистики при расчёте показателей национальных счетов учитывает экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами, такие как теневое производство, производство неформального сектора и домашних хозяйств. По мнению многих экспертов, данные оценки сильно занижены. Согласно оценкам Росстата, в 2015 г. в неформальном секторе работало, в среднем, 20,5% всего занятого населения (14,8 млн человек). Для решения этой задачи, в частности, необходимо реформировать сложившуюся в России систему контрольно-надзорной деятельности, снизить административную нагрузку на предпринимателей, защитить бизнес от незаконного давления со стороны представителей правоохранительных органов и проявлений коррупции. Так, за 2015 г. органами прокуратуры выявлено более 32 000 преступлений коррупционной направленности¹.

Одним из инструментов стимулирования выхода предпринимателей из теневой экономики, по мнению экспертов ТПП России, является расширение сферы применения патентной системы на все виды деятельности кроме тех, которые прямо запрещены Налоговым кодексом Российской Федерации, расширение за счёт вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан перечня видов деятельности, которые будут попадать под налоговые каникулы.

Контрольно-надзорная деятельность, несмотря на принимаемые меры, в частности, утверждённый Правительством Российской Федерации в апреле 2016 г. план мероприятий («дорожную карту») по её совершенствованию

¹ По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

нию на 2016–2017 гг., остаётся одним из чувствительных для малого и среднего бизнеса вопросов. Ещё далеко не преодолён стереотип «презумпции вины бизнеса». В частности, и это подтверждается данными экспертного доклада уполномоченного по защите прав предпринимателей, сохраняется широкая практика решения хозяйственного спора путём уголовного преследования, а прессинг со стороны проверяющих органов растёт. За 2015 г. органами прокуратуры отменено более 2200 незаконных постановлений о возбуждении уголовных дел по преступлениям экономической направленности, пресечено почти 500 нарушений при проведении гласных оперативных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства.

В июле 2016 г. Президентом России В. В. Путиным подписан Федеральный закон, сокращающий риски ведения бизнеса, исключаяющий возможности давления на предпринимателей путём уголовного преследования. Федеральным законом расширяется сфера действия статьи «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации, снижается размер денежного возмещения в федеральный бюджет как основания для освобождения от уголовной ответственности. Данный федеральный закон был подготовлен на основе предложений рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства, членом которой является ТПП России.

В 2015 г. контролирующие органы провели в общей сложности 1,994 млн проверок – это на 8% меньше, чем в 2014 г. В 2015 г. на 824 тыс. плановых проверок пришлось 1,18 млн внеплановых мероприятий (без учёта проверок на муниципальном уровне). На долю Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в 2015 г. пришлось почти 33% всех проверок. Эти же ведомства чаще других обращаются в органы прокуратуры и за согласованием внеплановых выездных проверок.

Необходимо ускорить доработку базового законопроекта «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора)» с учётом предложений и замечаний ТПП России и других объединений предпринимателей, в частности, исключить «размытость» формулировок цели и предмета проверки в документации о проведении контрольно-надзорных мероприятий, более чётко закрепить положения, регламентирующие новые формы контроля («наблюдение», «мониторинг», «контрольная закупка») и т. д. По мнению экспертов ТПП России, также требуется исключить дублирующие функции при осуществлении государственного контроля (надзора), утвердить нормативную и регуляторную базу оценки результативности контрольно-надзорной деятельности, составлять рейтинг субъектов Российской Федерации для оценки ключевых показателей результативности контрольной и надзорной деятельности.

На пути выхода российских малых и средних предприятий из теневой экономики стоит, в том числе, проблема неналоговых платежей, объём которых составляет уже порядка 1% ВВП. В Российской Федерации помимо налогов и сборов взимается значительное количество различных

обязательных платежей, обеспечивающих выполнение государственных публичных функций, но не включённых в Налоговый кодекс Российской Федерации и в целом никак не систематизированных. При подсчёте общей фискальной нагрузки на бизнес указанные платежи не учитываются и создают дополнительные финансовые издержки для предпринимателей. Методика расчёта многих из них не установлена, их размер зачастую определяется государственными регуляторами произвольно и различается по регионам. Это влечёт для бизнеса существенные финансовые издержки. ТПП России считает необходимым сократить количество неналоговых платежей, а для начала сформировать их реестр, чтобы инициаторы новых налогов могли посмотреть, сколько уже на самом деле платит бизнес. Нужен рамочный закон, определяющий единые правила установления и взимания неналоговых платежей.

В-третьих, для дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства крайне важно обеспечение стабильности условий ведения бизнеса. Одним из путей решения данной задачи является полноценная реализация федерального закона о стратегическом планировании. Однако наблюдается ситуация с затягиванием сроков разработки системы нормативно-правовых актов, необходимых для эффективной реализации закона. По мнению экспертов ТПП России, на первоначальном этапе возможно внедрение отдельных элементов стратегического планирования в пилотных субъектах Российской Федерации с дальнейшим тиражированием положительного опыта на другие регионы. Стабилизация условий ведения бизнеса требует, в том числе, пролонгации действующих системных мер поддержки отдельных отраслей промышленности (в частности, принятых в рамках реализации программ импортозамещения), что позволит предприятиям иметь определённый горизонт планирования.

Беспокоит бизнес, особенно малый и средний, большое количество отчётов и их частое изменение. Можно отметить, что одним из поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам VII Съезда ТПП России стала проработка вопроса о введении временного запрета на увеличение объёма отчётности, представляемой организациями и индивидуальными предпринимателями. Нельзя сказать, что проблема уже решена полностью, однако 1 мая Президентом России подписан федеральный закон, в котором предусмотрено, что нормативно-правовые акты об утверждении новых форм налоговых деклараций вступают в силу не ранее чем по истечении двух месяцев со дня их официального опубликования. Работа по данному закону велась ТПП России более 2 лет на площадках Федеральной налоговой службы и Агентства стратегических инициатив.

На пути становления малого и среднего бизнеса как одного из источников роста российской экономики остро стоит вопрос повышения доступности финансовых услуг. В июне 2016 г. Центральный банк Российской Федерации снизил ключевую ставку до 10,5%, однако данный уровень по-прежнему остаётся запретительным для большинства субъектов предпринимательской деятельности. Опыт работы ТПП РФ по привлечению инвестиций в проекты российских предприятий показывает, что конечная ставка на уровне 10–11% для получателей средств обеспечивает, в лучшем случае, поддержание производства на текущем уровне.

Активные инвестиции в новые проекты начинаются при ставке ниже 8%, а ставкой, близкой к оптимальной, является 5%.

Общий объём кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей в рублях в 2015 г. составил чуть менее 30 трлн рублей и снизился по сравнению с 2014 г. более чем на 3 трлн рублей¹. За счёт кредитов, полученных от кредитных организаций, в Российской Федерации финансируется менее 8% инвестиций в основной капитал². Банкам сегодня неинтересно и зачастую невыгодно финансировать малый и средний бизнес. Дефицит длинных дешёвых денег приводит к тому, что источниками инвестиций становятся средства бюджетов, нераспределённая прибыль организаций или же займы на внешних рынках, сегодня малодоступные ввиду санкционного режима и курса рубля относительно ключевых валют.

Палата выступает за необходимость расширения спектра финансирования сектора МСБ, в том числе за счёт развития банковского кредитования, микрофинансирования, кредитно-гарантийной поддержки, создания инновационных инструментов привлечения ликвидности (секьюритизация), расширения рефинансирования финансовых институтов и микрофинансовых организаций. В частности, нуждается в совершенствовании механизм последующего залога: если у компании имеется залог, используемый в качестве обеспечения по кредиту, то сложно найти альтернативный банк-кредитор, поскольку заёмщик связан необходимым согласием кредитора на последующий залог и вынужден принимать любые условия банка-кредитора.

Ситуация в реальном секторе такова, что лишь единицы из предприятий действительно готовы к ведению инвестиционной деятельности, а подавляющее большинство нуждается в мероприятиях по реструктуризации, постановке финансового и управленческого учёта и без их проведения не могут выходить на инвестиционный рынок. Консультационные подразделения банков такими проблемами не занимаются, поскольку это не соответствует функциям, которые они выполняют в банковской структуре.

В условиях, когда успешность роста отечественного производства стала заложником возможности привлечения в него капитала, существуют объективные предпосылки принятия банками на себя роли инвестиционных консультантов. Необходимо налаживать в банковской системе механизмы отбора, сопровождения, реализации инвестиционных проектов. По мнению экспертов ТПП России, требует проработки вопрос о разделении банков на две категории: коммерческие и инвестиционные. Последние должны находиться в более либеральной среде: меньшие требования к капиталу, рискам, резервам, квалификации персонала, раскрытию информации.

По мнению экспертов, одним из возможных путей повышения доступности финансовых ресурсов для хозяйствующих субъектов также является развитие рынка синдицированного кредитования, что позволит увеличить размер и сроки заимствования, оптимизировать использования обеспечения по кредиту, выстроить взаимодействие сразу с несколькими банками. Данный инструмент выгоден и для кредиторов, так как позволяет снизить риски.

¹ По данным Центрального банка Российской Федерации.

² По данным Федеральной службы государственной статистики.

Важный аспект становления малого и среднего бизнеса как одного из источников экономического роста России касается экспортного потенциала данной части хозяйствующих субъектов. Импортозамещение и развитие конкурентоспособного производства невозможно без экспортной деятельности.

К сожалению, наши малые и средние компании пока ещё не экспортируют свои товары и услуги в таком же объёме, как, например, предприятия Европейского союза, где около 33 % малого и среднего бизнеса ведёт экспортную деятельность. Причём большая часть в экспорте европейских предприятий – это технологии и оборудование, продукция промышленного производства. Согласно экспертным оценкам, европейские малые и средние компании, осуществляющие экспортную деятельность, демонстрируют более высокие показатели по обороту, а приоритетное направление в части инвестиций для экспортно-ориентированных компаний – это инвестиции в инновационные технологии.

В России же экспортной деятельностью в 2015 г. занимались всего около 0,3 % субъектов малого и среднего предпринимательства¹, при этом объём в денежном выражении составил порядка 6 % от общего объёма российского экспорта². В докладе «Ведение бизнеса 2016: оценка качества и эффективности регулирования» по показателю «международная торговля» Россия занимает крайне низкое 170-е место.

Как показал проведённый ТПП России опрос, среди основных барьеров, затрудняющих выход на внешние рынки, – нестабильная экономическая ситуация, недостаток финансовых средств, трудности юридического сопровождения и поиска покупателей. Потому и наиболее востребованными услугами в рамках поддержки экспорта являются льготное кредитование, помощь в поиске партнёров и экспортные гарантии.

Одним из наиболее эффективных инструментов поддержки малых и средних компаний, по мнению экспертов ТПП России, является рынок государственных и муниципальных закупок, а также закупок отдельных видов юридических лиц. В 2015 г. данный рынок составил свыше 25 трлн рублей³.

Несмотря на то, что значительная часть предложений, внесённых предпринимательским сообществом в закон о контрактной системе, была учтена, по-прежнему остаётся ряд вопросов. Так, опрос ТПП России показал, что лишь пятая часть предпринимателей планирует принимать участие в торгах, в то время как 43 % не намерены бороться за государственный заказ. Среди основных причин столь «пессимистичного отношения» к процедуре государственного заказа чаще всего фигурируют «имитация самой процедуры», «доступ "только для своих"», «сложные процедуры подачи заявок» и «непрозрачность торгов».

В 2015 г. более 95 % закупок осуществлялись на неконкурентной основе, а закупки у единственного поставщика составили более 40 % от об-

¹ По данным Федеральной таможенной службы.

² По данным Министерства экономического развития Российской Федерации.

³ По данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г.

щего объёма¹. Сохраняется и проблема партнёрства государственных компаний и малого и среднего бизнеса в сфере закупок. Закупочная квота выполняется за счёт непроизводственного малого и среднего бизнеса, каковым, например, является канцелярия и консалтинг.

Безусловно, на развитие российского малого и среднего предпринимательства оказывает существенное влияние состояние в отраслях, выступающих локомотивами социально-экономического развития страны и имеющих значительный мультипликативный эффект. Примером такой отрасли, безусловно, является строительный комплекс, на который приходится почти 6 % валового внутреннего продукта России².

В 2014–2015 гг. наблюдались рекордные объёмы ввода жилья, однако на рынке финансовых услуг для населения в жилищной сфере сейчас доступен только один монопольный продукт – ипотечное жилищное кредитование. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. в 1,4 раза сократилось количество выданных рублёвых ипотечных жилищных кредитов, а объёмы кредитования снизились на 34 %. За период январь–май 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. намечился рост количества выданных ипотечных кредитов, однако уровень схожего периода 2014 г. не достигнут³.

Практически во всех странах Восточной Европы с переходной экономикой сразу после начала рыночных преобразований был сформирован простой и понятный механизм финансирования жилищного строительства – строительно-сберегательные кассы/банки – монопрофильные банки, имеющие в силу закона право на ведение только операций по жилищным вкладам и кредитам.

Появление в России таких банков позволило бы в среднесрочной перспективе (5–10 лет) в разы увеличить доступность жилья для мало- и среднеобеспеченных семей, привлечь на рынок жилищного строительства значительные средства населения, стимулирующие мультипликативный финансовый результат, увеличить востребованность ипотечного кредитования, а также создать устойчивый и надёжный инструмент накопления средств населения для капитального ремонта жилищного фонда. Для реализации данного проекта, по мнению экспертов ТПП России, необходимо разработать и принять федеральный закон «О строительных сберегательных банках», предусмотрев в нём меры государственной бюджетной поддержки накоплений граждан.

Приведённые выше предложения экспертов ТПП России показывают, что малый и средний бизнес имеет все шансы стать одним из эффективных инструментов выхода российской экономики на траекторию устойчивого роста, для чего необходима системная работа и совместные усилия на всех уровнях – от муниципального до федерального с привлечением предпринимательского сообщества.

¹ По данным Министерства экономического развития Российской Федерации.

² По материалам Заседания Госсовета по вопросам развития строительного комплекса и совершенствования градостроительной деятельности (17.05.2016).

³ По данным Центрального банка Российской Федерации.

О НЕОБХОДИМЫХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Масленников В. В., директор Института финансово-экономических исследований ФГБОУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор экономических наук

Ни для кого уже не секрет, что действующая модель экономического развития России исчерпала свой первоначальный потенциал и нуждается в системных изменениях. Дальнейшее использование природной ренты для текущего потребления, равно как и для отложенного (через формирование Резервного фонда Российской Федерации и Фонда национального благосостояния Российской Федерации), без изменения структуры национальной экономики, ведёт лишь к усилению её сырьевой зависимости и, рано или поздно, на фоне, например, длительного падения цен на минеральное сырьё или необходимости экстренного незапланированного наращивания расходной части бюджета, вызовет в стране финансовый кризис критического масштаба, который приведёт к сопоставимым последствиям во всей экономике страны. Поэтому *необходимость структурной перестройки экономики не является вопросом для абстрактных дискуссий ученых-экономистов, а представляет собой жёсткое требование экономической безопасности государства с позиции обеспечения его дальнейшего существования.*

Такая постановка вопроса возводит тезис о необходимости структурной перестройки российской экономики на уровень аксиомы. В связи с этим *цели не просто опережающего, а форсированного развития несырьевых отраслей нашей экономики должны быть подчинены другим многочисленным целям и задачам, декларируемые в области экономической политики. С ней должны быть скоординированы денежно-кредитная, валютная, налогово-бюджетная, инвестиционная государственные политики.*

Что принципиально важно изменить в действующих подходах к управлению экономикой? Как известно, всё новое – это основательно забытое старое. Речь, конечно, не должна идти о возврате к старой советской модели (в одну воду нельзя войти дважды). Это равно справедливо и в отношении попыток слепого копирования подходов к управлению экономикой, наблюдавшихся на протяжении последнего десятилетия. Однако накопленный опыт следует использовать, хотя бы для того, чтобы не повторять уже сделанные ошибки. Его необходимо трансформировать применительно к новым условиям и обстоятельствам, а также политико-экономическим прогнозам. И это касается и советского, и постсоветского периодов. Необходимы новые прагматичные подходы к управлению экономикой, не содержащие внутренних ограничений (своего рода, самоцензуры) по признаку принадлежности к той или иной экономической теории.

Основным критерием правильности принимаемых решений должна стать оценка их влияния на экономический рост и изменение структуры на-

циональной экономики. *Следует отказаться от оценки результатов только на основе многочисленных (у каждого ведомства свои) промежуточных показателей, лишь маскирующих реальное влияние деятельности управленческих структур на достижение подлинной цели экономического роста и изменения структуры российской экономики.* Кроме того, все законодательные и нормативные акты, решения, принимаемые министерствами и ведомствами, должны подвергаться экспертизе на предмет их соответствия вышеуказанному критерию. При этом крайне важно не допустить формального применения этой меры, как это произошло с антикоррупционной экспертизой документов, выпускаемых министерствами и ведомствами.

Нынешняя умело координируемая усиливающаяся внешняя изоляция России, даже если она каким-либо образом вдруг неожиданно исчезнет, позволяет сделать важный вывод: *не скатываясь к автаркии, необходимо чтобы собственная экономика хотя бы минимально обеспечивала свои потребности за счёт собственной производимой продукции.* Не стоит стремиться к достижению полной самообеспеченности и самодостаточности – в современном мире международной интеграции и кооперации это не просто невозможно, но и само по себе станет фактором нарастающего экономического отставания. Однако даже в условиях открытой экономики минимальные потребности населения и экономики страны должны быть обеспечены за счёт внутренних источников. Создание условий для этого является прямой обязанностью Правительства Российской Федерации.

Для обеспечения условий для устойчивого роста экономики в настоящее время необходимо опережающее развитие, прежде всего, отраслей, ориентированных на внутреннее потребление и несырьевой экспорт. Нередко обосновываемый тезис о необходимости сконцентрироваться на инновациях, при помощи которых Россия сможет занять передовые позиции в мире, поскольку в значительной части традиционных производств мы безнадежно отстали и догнать всё равно уже не получится, сродни идее о строительстве атомной электрической станции по причине неумения построить элементарный ветряк. Идея захватывает масштабом и смелостью мечтаний, но перспектив практической реализации не имеет. Надо сначала вспомнить как «держат синицу в руках», что, однако, не мешает одновременно «мечтать о журавле в небе». Только реальные возможности длительного выживания России в условиях внешних ограничений (а они в перспективе могут быть на порядок масштабнее наблюдаемых), делают эти ограничения малопривлекательными для тех, кто их вводит. Поэтому *восстановление промышленного потенциала страны во всех отраслях экономики является сегодня приоритетной задачей.*

Кроме того, для создания инновационных производств необходимы средства производства. Поскольку машиностроение как отрасль российской экономики находится в крайне плачевном состоянии, надеяться только на импортное оборудование означает попасть в новую технологическую зависимость. Это касается обслуживания оборудования, приобретения запчастей и сопутствующего программного обеспечения, последующей замены оборудования и многого другого. *Нельзя ориентироваться только на импорт готовых производств, необходимо параллельно развивать собственные производства средств производства.*

Допустим, пришло осознание необходимости возрождения производства собственного высокотехнологичного оборудования и даже найдены источники финансирования для этого. Но кто будет работать на этом оборудовании, заниматься его проектированием, обслуживанием? К сожалению, перекокс в экономике страны в сторону добычи и экспорта природных минералов и преимущественного развития её финансового сектора также привёл к искажению приоритетов у молодёжи, для которой долгие годы наиболее престижными были профессии экономиста и юриста, а профессия инженера делала её обладателя в общественном мнении неудачником. Это подкреплялось усиливавшимися диспропорциями в оплате труда специалистов. В результате, за прошедшую четверть века образовался провал в целом поколение не только в части преемственности специалистов-инженеров, но и в среде специалистов по их подготовке в сфере среднего и высшего профессионального образования по инженерным специальностям.

По сути, в сфере профессионального образования наблюдается схожая картина с производством отечественного промышленного оборудования: крайне ослаблена функция воспроизводства технических специалистов и инженеров. Причина банальная: хроническое недофинансирование, низкий уровень оплаты труда профессорско-преподавательского состава и неответственной части вузов советского образца – научных работников, который абсолютно не соответствует уровню квалификации этих специалистов, колоссальному интеллектуальному труду, который необходимо затратить для достижения личного результата и общественного признания.

В советский период крупный специалист-практик и даже руководитель мог, не заметив потери в зарплате, перейти из производственной сферы на работу доцентом в вуз. Поэтому значительная доля преподавателей имела опыт практической работы. Сейчас такой переход означает не просто изменение сферы деятельности, а получение таким «варягом» нового для него опыта выживания на символическую заработную плату преподавателя высшей школы.

Впрочем, схожая картина наблюдается и по всем другим специальностям. Как ни странно, наиболее критическая ситуация, как раз по наиболее престижным специальностям экономического и юридического профиля, по которым разрыв оплаты труда специалистов высокой квалификации в практической сфере и в вузах особенно велик. Это снижает качество подготовки специалистов, предназначенных для профессионального выполнения функций управления (государственного, муниципального, корпоративного). В результате, в настоящее время вузы финансово отсечены от практической сферы, на фоне чего звучат бессмысленные, ввиду невыполнимости, призывы сделать высшее образование практико-ориентированным.

Серьёзность намерений по формированию новой модели развития экономики легко проверяется через оценку реальных мер по возрождению российской науки и высшего образования, повышению престижности (не только декларативно-вербальной, но и в первую очередь, материальной) работы в вузах и научных учреждениях. Без этого уровень российских специалистов будет ухудшаться год от года и окончательно дегра-

дирует (с уходом специалистов, получивших образование в советское время) уже через одно поколение. Однако учитывая длительность цикла формирования качественного научно-педагогического работника, точка невозврата будет пройдена намного раньше (хочется надеяться, что это ещё не произошло).

Структурная перестройка экономики требует масштабных инвестиций в отрасли, ориентированные на производство продукции для внутреннего потребления и несырьевой экспорт. Логичен вопрос об источниках этих инвестиций. Отечественный и мировой опыт подсказывает, что теоретически такими основными источниками могут быть:

- внутренние ресурсы предприятий, формируемые из их прибыли;
- инвестиции отечественных кредитных организаций;
- прямые инвестиции внутренних инвесторов;
- прямые инвестиции иностранных инвесторов;
- зарубежные долгосрочные заимствования;
- государственные инвестиции (бюджетные или средства эмиссионного банка).

Очевидно, что при средней рентабельности активов в реальном секторе экономики (за исключением добычи полезных ископаемых) в 3,5%, что меньше текущего уровня инфляции, внутренние ресурсы предприятий, формируемые из их прибыли крайне ограничены и не могут всерьёз рассматриваться даже для целей расширенного воспроизводства в рамках существующих направлений деятельности предприятий. Тем более опрометчиво рассчитывать на этот источник для реализаций структурных изменений в экономике.

К сожалению, можно констатировать, что в российской экономике окончательно сложилась доминирующая спекулятивная модель поведения экономических субъектов. И в этом объективно мало их вины, поскольку экономические субъекты принимают решения в рамках существующей системы экономического регулирования их деятельности, а современный финансовый сектор российской экономики оказался фактически отсечённым от её реального сектора.

Низкий уровень рентабельности предприятий реального сектора экономики при высоких кредитных ставках делает рискованным или даже экономически неоправданным кредитование предприятий реального сектора экономики, особенно страдают малый и средний бизнес. Однако банки должны размещать свободные ресурсы в активы, приносящие доход. В условиях более высокой доходности операций на финансовых рынках, их предпочтения очевидны и с позиции кредитных организаций как бизнес-единиц вполне оправданны.

Финансовые потоки циркулируют преимущественно внутри финансового сектора, предприятия реального сектора испытывают кредитный голод, а попытки государства влиять на кредитную активность банков, предоставляя им дополнительные ресурсы приводят, главным образом, к росту масштабов их спекулятивных операций, в том числе и с национальной валютой. Интересы реального сектора экономики и государства, если оно ставит задачу инвестиционного развития экономики, оказываются полностью проигнорированными. *Существующая спекулятивная модель*

финансового сектора российской экономики не отвечает цели устойчивого экономического роста и поэтому требует постепенного, но радикального изменения.

Финансовый сектор, в том виде в котором он сейчас существует, абсолютно непригоден для целей инвестиционного развития национальной экономики. Однако ещё раз подчеркнём, что экономические субъекты функционируют в той регуляторной среде, которую сформировали органы государственной власти. Только они и могут её изменить. Для этого, повторим, *необходимо, чтобы в основе КРП каждого из российских министерств и ведомств лежала оценка влияния всех их действий, в том числе и в сфере нормотворчества, на динамику экономического роста в стране.* Поэтому бесполезной и даже вредной является борьба с организациями финансового сектора, которые лишь действуют в рамках той неудачной парадигмы, которая определена самим государством. Необходимо менять саму парадигму.

Таким образом, при существующей спекулятивной ориентированности финансового сектора, ожидание инвестиций со стороны отечественных кредитных организаций и прямых инвестиции внутренних инвесторов может надолго затянуться.

Что касается зарубежных долгосрочных заимствований, то излишне говорить об их потенциальной ограниченности в современных условиях. Учитывая, что прямые зарубежные инвестиции не в последнюю очередь носили характер скрытого возврата ранее выведенного под защиту иностранных юрисдикций капитала российского происхождения, более важным является создание условий по предотвращению дальнейшего оттока капитала. Проведённая в 2007 г. сверхлиберализация российского валютного законодательства привела к многократному росту оттока капитала. С 2008 г. по 2015 г. из страны только по официальным данным, которые не отражают скрытого оттока капитала, было выведено 629,3 млрд долларов США, в среднем 78,7 млрд долларов США в год (для сравнения за 1994–2005 гг. средний показатель оттока капитала составлял 13,5 млрд долларов США в год)¹.

В условиях декларируемого Банком России свободного плавающего курса рубля, сопровождающего введённый им в 2014 г. режим таргетирования инфляции, слабость валютного регулирования и валютного контроля вынуждает Банк России использовать процентные ставки для косвенного регулирования резких колебаний валютного курса. В результате этого страдает опять же реальный сектор экономики, которому завышенные кредитные ставки объективно ограничивают возможности развития. Кроме того, высокая волатильность валютного курса требует от экспортёров и импортёров дополнительных расходов на хеджирование валютных рисков.

В существующих условиях взаимоисключающими являются принятые в различное время и ныне действующие решения о либерализации валютного законодательства и о переходе к свободно плавающему курсу рубля. Необходима ревизия валютного законодательства в направлении повышения эффективности валютного регулирования и валютного контроля.

¹ Официальный сайт Банка России. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics>.

По схожему механизму воздействует на экономику и борьба Банка России с инфляцией. Проводимая Банком России рестриктивная денежно-кредитная политика, при которой давление на инфляцию, имеющую во многом немонетарный характер, достигается посредством жёсткого ограничения денежной массы, приводит к сохранению высоких кредитных ставок, превышающих уровень рентабельности в несырьевом сегменте реального сектора экономики. В конечном итоге это также приводит к вышеописанному эффекту «отсечения» реального сектора экономики от её финансового сектора и формированию циркуляционных денежных потоков внутри финансового сектора. *Необходимы не только изменения подходов к проводимой денежно-кредитной политике, но более активное вовлечение Банка России в процесс инвестиционного развития страны.* Активное создание условий для экономического роста и реформирования структуры российской экономики должно стать целью деятельности Банка России. Для этого необходимо изменение денежно-кредитной политики Банка России, единственной целью которой фактически в настоящее время является достижение таргета по инфляции.

Почему необходимо активное вовлечение Банка России в процесс инвестиционного развития страны и в каких формах это реализуемо?

Формирование государством инвестиционных фондов за счёт доли доходов бюджета, превышающих расчётное значение, возможно только в период высоких цен на нефть. Между тем, в период спада экономики потребность в её инвестиционном стимулировании не меньше, а даже выше. Следовательно, в период дефицита ресурсов необходимы альтернативные источники инвестиций. И такой источник имеется, если будет достигнута согласованность инвестиционной, бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политик.

В частности, источником могут стать долгосрочные ресурсы Банка России, направляемые в государственный инвестиционный фонд, что будет обеспечивать стабильный поток инвестиций в экономику, препятствовать углублению экономического спада и обеспечивать потенциальную базу для последующего экономического роста. Форма размещения Банком России ресурсов в указанном фонде может быть различной, например: долгосрочные кредиты, вложения в различные ценные бумаги и т. п. Для ограничения влияния инвестиционных расходов на инфляционные процессы часть средств Инвестиционного фонда развития национальной экономики должна целевым образом направляться на финансирование импорта высокотехнологичного оборудования и современных технологий.

При таком подходе за счёт взаимной увязки составных элементов экономической политики государства: бюджетно-налоговой, инвестиционной и денежно-кредитной, существующая задача достижения в долгосрочном периоде сбалансированности бюджета дополняется целями обеспечения долгосрочного экономического роста.

Однако мало сформировать суверенные фонды, необходимо обеспечить их эффективное использование, в том числе и для инвестиционного развития собственной экономики (в плане выбора направлений инвестиций, контроля за использованием ресурсов, сроками реализации инвестиционных проектов, получением запланированных эффектов и т. д.).

Анализ направлений использования нефтегазовых доходов, аккумулируемых в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния, позволил сделать ряд выводов:

1. Накапливаемые в фондах средства преимущественно используются либо для покрытия текущих бюджетных потребностей, либо для финансирования проектов, в том числе инфраструктурных, не оказывающих существенного влияния на структурную перестройку российской экономики.

2. Активы фонда, за исключением средств, размещённых на счетах Банка России, обладают низкой ликвидностью.

3. Отсутствует чёткая стратегия, в которой были бы экономически обоснованы приоритетные направления размещения средств Фонда национального благосостояния, в результате чего не прослеживается чёткая стратегическая направленность уже произведённых инвестиций.

4. В перечне самокупаемых инфраструктурных проектов, реализуемых юридическими лицами, в финансовые активы которых размещаются средства Фонда национального благосостояния, преобладают проекты по развитию транспортной инфраструктуры, транспарентность реализации которых традиционно вызывает вопросы, и проекты, связанные дальнейшим развитием нефтегазового комплекса страны. Высокотехнологические проекты почти отсутствуют (2 телекоммуникационных проекта стоимостью 28,1 млрд рублей), нет проектов, ориентированных на импортозамещение и сырьевой экспорт (сооружение АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии стоимостью 2,4 млрд долларов США за счёт средств Фонда национального благосостояния, при всём желании, считать таким сложно).

5. Отсутствует общественный контроль при выборе инвестиционных проектов, финансируемых за счёт средств Фонда национального благосостояния, публичная оценка их общих результатов и эффективности (не только текущих экономических, но и средне- и долгосрочных социально-экономических). Это усугубляется отсутствием научно-обоснованных правил отбора таких проектов, основанных на применении критериев оценки эффективности использования средств суверенных фондов (ликвидности, текущей прибыльности, а также средне- и долгосрочной социально-экономической эффективности проекта).

До 2012 г. активно функционировал Инвестиционный фонд Российской Федерации (существует и в настоящее время), при создании которого предполагалось сформировать механизм трансформации нефтяных сверхдоходов в инвестиции в реальный сектор экономики.

Эффективность использования средств Инвестиционного фонда Российской Федерации можно оценить как достаточно низкую. В обоснование приведём официальные данные отчёта Министерства экономического развития Российской Федерации за 2014 г. о ходе реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации¹, демонстрирующие недостаточную эффективность механизма функционирования данного фонда:

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Отчёт за 2014 г. о ходе реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/20150515>.

- из 51 проекта только по 14 обязательства инвесторов и ответственных исполнителей выполнены в полном объёме;
- по 7 проектам имел место отказ инвестора от выполнения принятых обязательств;
- по 12 проектам было частичное выполнение инвестором обязательств, из них по 8 с ухудшением ожидаемых результатов реализации проектов;
- по 16 проектам произошла задержка сроков реализации проектов;
- по 15 проектам не применялись предусмотренные инвестиционными соглашениями меры финансового характера;
- по 35 проектам в нарушение требований, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 01.03.2008 № 134 «Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации», условиями инвестиционных соглашений не была предусмотрена банковская гарантия.

В 2015 г. ситуация улучшилась мало:¹

- только по 20 проектам финансовые обязательства частных инвесторов выполнены в полном объёме и ещё по 3 в объёме, превышающем 90 %, при том что финансирование из средств Инвестиционного фонда осуществлено в размере свыше 90 % по 46 проектам;
- 25 из 51 реализуемого проекта, по которым финансовые обязательства частных инвесторов выполнены не в полном объёме, оказались просрочены согласно паспорту проекта, из них срок окончания истёк по трём проектам в 2011 г., по семи – в 2012 г., по четырём – в 2013 г., по пяти – в 2014 г. и по шести – в 2015 г.;
- по 9 проектам вложения инвесторов были менее 1 рубля на 1 рубль вложенных из Инвестиционного фонда бюджетных средств.

Одной из причин слабости существующего механизма Инвестиционного фонда Российской Федерации является отсутствие формализованного механизма его формирования, что, во-первых, ставит под вопрос рост объёмов ассигнований из Фонда, а во-вторых, создаёт потенциальный риск неплатёжеспособности Фонда, когда он не сможет отвечать по взятым на себя обязательствам. Такие риски реализовались в 2008–2009 гг., когда размер Фонда был секвестирован на 209 млрд рублей и 167 млрд рублей соответственно, в связи с необходимостью покрытия дефицита федерального бюджета, возникшего в результате финансово-экономического кризиса. После 2012 г. новые проекты, финансируемые из Инвестиционного фонда Российской Федерации, не начинались.

Анализ целевого характера проектов, финансируемых за счёт средств Инвестиционного фонда, свидетельствует об отсутствии чёткой ориентированности направления средств:

- среди проектов крайне мало высокотехнологичных (по оценке автора к таким можно отнести только строительство завода по производ-

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Справочные материалы по проектам, реализуемым с привлечением средств Инвестиционного фонда Российской Федерации по результатам мониторинга за IV квартал 2015 г. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/privgovpartnerdev/investfund/20160419>.

ству готовых лекарственных форм антибиотиков, профинансированный из фонда на 92%, субъектом Российской Федерации на 155%, муниципалитетом на 84%, а инвестором на 9%, срок окончания реализации проекта истёк в 2013 г.);

– в числе отобранных проектов более половины по объёму составляют транспортно-инфраструктурные и коммунальные, для финансирования которых имеются другие целевые источники.

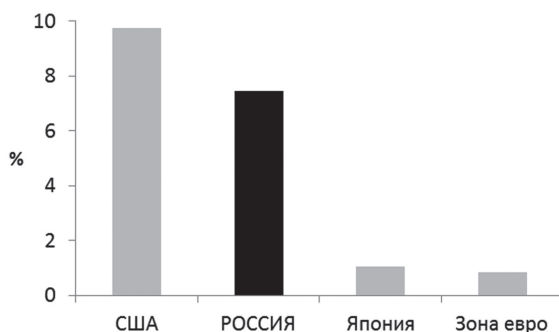
Таким образом, целесообразно, установив надлежащий контроль за завершением реализации проектов существующего Инвестиционного фонда Российской Федерации, образовать вышеупомянутый новый Инвестиционный фонд развития национальной экономики, формируемый за счёт нефтегазовых доходов и средств Банка России. Кроме того, в целом *очевидной является необходимость формирования принципиально новых подходов к использованию нефтегазовых доходов для государственной финансовой поддержки развития российской экономики.*

Существует множество локальных задач, направленных на изменение действующей модели экономического развития России, однако их реализация и, главное, формирование новой эффективной модели российской экономики невозможны при игнорировании подходов, изложенных в настоящей статье. Создание новой модели жизненно необходимо для России и должно послужить практической реализации цели экономического возрождения страны, которого ожидает патриотически настроенная часть нашего общества. В основе новой модели должна лежать концепция активного развития национальной экономики, а не пассивного проедания минерально-сырьевой ренты.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

*Ершов М. В., главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов, доктор экономических наук*

После кризисных провалов мировой экономики в 2008–2009 гг. российская экономика начала восстанавливаться лучше относительно ряда других стран (рис. 1).

Источники: по данным IMF, Росстат.

Рис. 1. Прирост реального ВВП за 2008–2015 гг. (%)

Однако антироссийские санкции, проблемы у её экономических партнёров (в первую очередь, в зоне евро) и общая нестабильность в мире тормозят возможности роста в целом. Волатильность валют и фондовых рынков, «Брексит» и др. добавляют общую неустойчивость в мировую экономику. Согласно МВФ (апр. 2016): «Риски для глобальной финансовой стабильности возросли»¹.

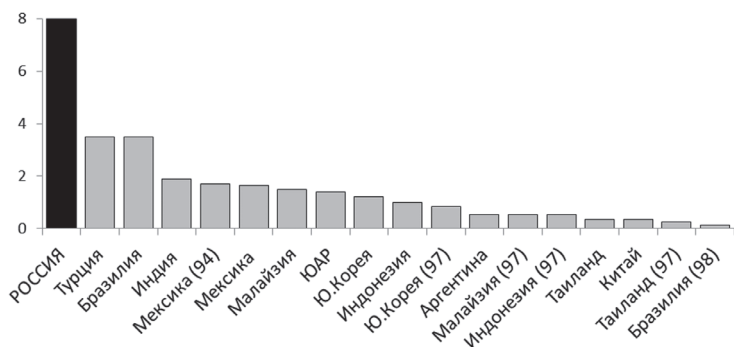
В таких условиях крайне важно «снизить зависимость национального финансового рынка от внешних рисков», на необходимость чего справедливо указывал Президент России В. В. Путин². Задача, поставленная Президентом Российской Федерации, делает необходимым формирование более прочных национальных основ развития, опирающихся, в первую очередь, на внутренние механизмы и рычаги, уменьшая при этом зависимость от внешней конъюнктуры. Это предполагает модификацию ряда экономических подходов.

Курсовая нестабильность как фактор торможения экономического роста

Развитие деловой активности в России сдерживается высокой волатильностью рубля. По опросам реального сектора РСПП в первой поло-

¹ IMF. Global Financial Stability Report. April 2016. P. ix.

² Послание Президента Российской Федерации Путина В. В. Федеральному Собранию Российской Федерации. 04.12.2014.

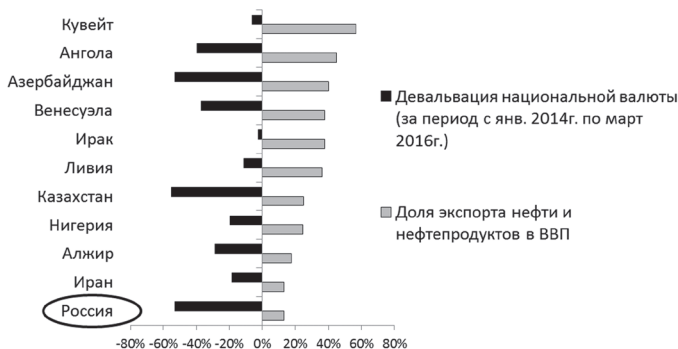

Источник: ЕЦБ.

Рис. 2. Волатильность валютных курсов ряда стран в 2015 г. (в скобках рядом указаны другие кризисные годы, когда была повышенная волатильность. Стандартное отклонение ежедневного изменения курса национальной валюты к доллару США)

вине 2016 г., наибольшее число респондентов назвали волатильность и слабый курс рубля (44%) среди основных факторов, мешающих росту. Действительно, курс рубля демонстрирует самую большую волатильность среди стран с развивающимися рынками (рис. 2).

При этом даже у стран-нефтеэкспортеров, у которых доля экспорта нефти в ВВП выше, чем в России, масштаб обесценения их национальных валют был существенно ниже, чем российского рубля (рис. 3).

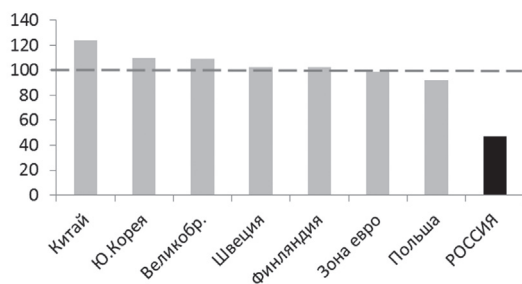

Источник: по данным национальной статистики.

Рис. 3. Доля экспорта нефти в ВВП и девальвация национальных валют (%)

В двух странах (Казахстане и Азербайджане) валюты обесценились примерно на ту же величину, что и в России. Но их зависимость от экспорта нефти гораздо сильнее, чем у России и, соответственно, их валюты должны были бы также обесцениться более масштабно.

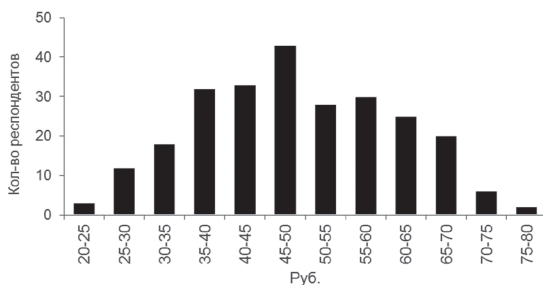
За период с конца 2014 г., когда Банк России перешёл на режим свободного плавления курса, к середине 2016 г. рубль обесценился более чем на 30% (рис. 4).

* опрошено 256 организаций. Источник: BIS.

Рис. 4. Номинальный эффективный валютный курс в 1 кв. 2016 г. (январь 2010 г. = 100)

Согласно опросу Банка России в мае 2016 г., около 70% опрошенных предприятий (всего 253 респондента) оптимальным считают валютный курс в диапазоне от 35 до 60 руб./долл. (рис. 5).

* Всего опрошено 253 респондента. Источник: ЦБ РФ.

Рис. 5. Оптимальный курс руб./долл. для российского бизнеса (опрос Банка России, май 2016 г.)

«Большинство респондентов высказали заинтересованность в крепком и устойчивом курсе национальной валюты», – указывает Банк России¹.

Действительно, сторонники опоры на экспорт и внешнюю сферу, как главный источник роста, заинтересованы в обесценивающейся валюте.

Однако если в качестве основных источников роста рассматриваются внутренние факторы, внутренний платёжеспособный спрос, то тогда речь должна идти о превращении рубля в полноценную национальную валюту – для сбережений и инвестиций.

Укажем при этом, что обесценение рубля привело к: росту инфляции; снижению внутреннего спроса; ограничению импорта передовой техники и технологий; росту недоверия к рублю; остановке многих предприятий (из-за сокращения внутреннего спроса, удорожания импорта и др.); росту платежей по обслуживанию внешнего долга.

Кроме того, удешевление рубля ведёт к сокращению оценок российского ВВП в целом (в иностранной валюте), что обусловит заведомо более низкие позиции страны в мировых показателях уровня развития. Обесценение рубля также приведёт к снижению стоимости национальных ак-

¹ Центральный Банк Российской Федерации. О чём говорят тренды. Май 2016. С. 3.

тивов и будет способствовать уменьшению объёма финансовых рынков, делая их более чувствительными к внешним шокам. Всё это ещё больше затруднит достижение задачи снижения зависимости российской экономики от внешних рисков.

Слабая национальная валюта, по сути, отсекает Россию и от участия в мировой экономике в качестве полномасштабного инвестора, делая зарубежные реальные активы для российских инвесторов недоступно дорогами и оставляя возможность нашего участия в экономиках других стран лишь в качестве поставщика товаров и сырья.

В принципе, дешёвый рубль максимально облегчает возможности доступа иностранных инвесторов на российский рынок, а это создаёт новые риски, которые во многих странах рассматриваются с точки зрения соображений национальной безопасности.

Все помнят запрет покупки американских портов в США инвесторами из стран Арабского Востока (2006 г.); запрет для Сити-групп по покупке ей Дойче Банка, когда совет директоров немецкого банка выступил против широкого доступа иностранцев в крупнейший финансовый институт страны (2004 г.).

Напомним, что иностранные инвестиции, притекающие в Соединённые Штаты Америки, регулируются Комитетом по иностранным инвестициям, в состав которого наряду с четырьмя экономическими министрами в преддверии последнего финансового кризиса также входили: министр обороны, министр национальной безопасности, генеральный прокурор, директор национальной разведки, государственный секретарь. Это показывает с каким вниманием регулируются такие стратегически важные вопросы в ведущих экономиках мира (причём в тех, которые принято считать «открытыми»).

Более того, проводимая Банком России в настоящее время валютная политика неясна. По его мнению, поддержка рубля была оправдана, пока не было санкций и пока не произошло падение цен на нефть¹. Отметим, однако, что и санкции, и падение цен на нефть лишь усилили неустойчивость на валютном рынке. И участие Банка России в такой ситуации было бы крайне важно для поддержания стабильности рынка и сохранения уверенности участников. Прекращение поддержки в этих условиях выглядит столь же непонятно, как если бы врач объявил пациенту о прекращении его лечения ввиду обострения болезни.

О необходимости курсовой стабильности

Для повышения устойчивости валютной сферы важно проводить курсовую политику, направленную на обеспечение долгосрочного стабильного реального курса рубля. Понятно, что волатильность курса – это благоприятная ситуация, в первую очередь, для спекулятивных операций – им устойчивая среда крайне нежелательна. Предсказуемость курсовых рисков будет способствовать удешевлению и удлинению кредитов для реального сектора. При этом российская экономика и регуляторы обладают необходимыми для этого рычагами.

¹ Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной в Государственной Думе Российской Федерации. 16.06.2015 г.

Так, золотовалютные резервы сейчас превышают величину всей рублёвой эмиссии (денежной базы) более чем в 2 раза (рис. 6). Это означает, что регулятор может установить любой целесообразный с его точки зрения уровень валютного курса, полностью при этом минимизируя уровень неопределённости и амплитуду курсовых колебаний.

Источник: ЦБ РФ.

Рис. 6. Денежная база рубля и международные резервы Российской Федерации (май 2016 г., млрд долларов)

Регуляторам следует более чётко обозначать свои курсовые предпочтения и те возможности по установлению курса, которыми они располагают, и которые следовало бы ясно донести до рынка. Это даст большее понимание участникам относительно его будущих тенденций.

Переход к плавающему курсу не означает, что «курс рубля может безнаказанно становиться объектом финансовых спекуляций... Власти знают, кто эти спекулянты, и инструменты влияния на них есть, пришло время воспользоваться этими инструментами», – подчёркивал Президент Российской Федерации В. В. Путин¹.

Для обеспечения стабильности на валютном рынке может и не потребоваться значительное вмешательство в ситуацию на рынке. Всего лишь необходимо чётко донести видение и понимание регуляторов относительно характера развития валютного рынка до его участников, призывая их работать в соответствии с ожиданиями регулятора, не играть против него, а содействовать вместе с ним формированию стабильного финансового и валютного рынка.

При этом часто задаётся вопрос: сколько понадобится потратить резервов, чтобы стабилизировать курс рубля? Представляется, что очень мало. Достаточно одного-двух выходов регулятора на рынок. Как только регулятор покажет всерьёз своё присутствие и обозначит свои предпочтения, рынок перестроится и будет действовать в соответствии с этим.

Когда нам говорят, что рынок играет против регулятора, это, по сути, означает, что рынок играет себе в убыток. Рынок не может переиграть регулятора, учитывая рычаги и возможности последнего (особенно принимая во внимание возможности одномоментного выхода регулятора с своими ресурсами на рынок, что не может быть в такой же мере достигнуто даже очень скоординированными действиями ведущих участников). Преобла-

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 04.12.2014.

дание рынка возможно лишь когда регулятор самоустранится и на рынке его не будет. Тогда рынок станет делать что хочет.

Для недопущения неоправданного перетока средств в валютные активы должны предприниматься меры, которые будут трактовать рублёвые операции как более привлекательные по сравнению с валютными (по опыту других стран, в частности, Швейцарии, Японии) и предполагать использование более льготных нормативов, регулирующих операции с рублями – норм резервирования, достаточности капитала и др.

Представляется оправданным применение дифференцированных норм резервирования по рублям и иностранной валюте (как это делает сейчас Банк России), когда по рублёвым пассивам эти нормы более мягкие, чем по валюте, что будет формировать большую привлекательность рублёвых пассивов. При этом более целесообразно формирование указанных различий не путём повышения норм по валюте (как сделано сейчас), а путём снижения норм по рублям. В этом случае решается задача не только повышения привлекательности рублёвых операций по сравнению с валютными, но также и смягчение условий для кредитных организаций в целом.

Напомним также и о применявшихся ранее рычагах стимулирования ухода в валюту (например, в 1998 г., когда нервозность рынка была гораздо более высокой, чем в последние годы). Тогда была введена, так называемая, «нулевая валютная позиция по конверсионным операциям»¹. При всей жёсткости этой меры она позволила удержать рынок от дальнейшего падения, а затем, когда ситуация стабилизировалась, эта мера была отменена. Поэтому, если давление на рынок будет высоким, то не исключена возможность использования похожих стабилизирующих мер и сейчас (но опять-таки лишь на время).

Наконец, нужно помнить о возможности прекращения торгов в случае провала валютного курса на определённую величину (так делается на многих валютных рынках, включая рынки развитых стран), и о возобновлении продажи части валютной выручки. Последнее будет не только способствовать пополнению золотовалютного резерва (ЗВР), но и внесёт ясность для участников рынка относительно формируемых трендов. Всё это расширит возможности для стабилизации валютного рынка.

Напомним, что даже в государствах, объявляющих о своём минимальном присутствии в экономике, в критические моменты регуляторы выходят на рынок и изменяют складывающиеся там негативные тренды в соответствии с теми приоритетами, которые стоят перед экономикой. При этом они не допускают и провалов рынка. Так, например, после событий 11 сентября 2001 г. в первый день работы американских рынков ФРС, помимо снижения ставок и вброса ликвидности через специальные

¹ Указание Центрального Банка Российской Федерации № 367-У от 23.09.98.

Эта мера существенно ограничивала нетранзакционный (отличный от обеспечения внешнеторговой деятельности клиентов, бесперебойной работы обменных пунктов и операций с банковскими картами) спрос банков на валюту. Фактически на конец операционного дня участники валютного рынка не могли иметь больше валюты, чем в начале дня (если речь шла о валюте, которая не была связана с обслуживанием внешнеторговых контрактов, а была приобретена чисто как страховой актив или для спекулятивных целей).

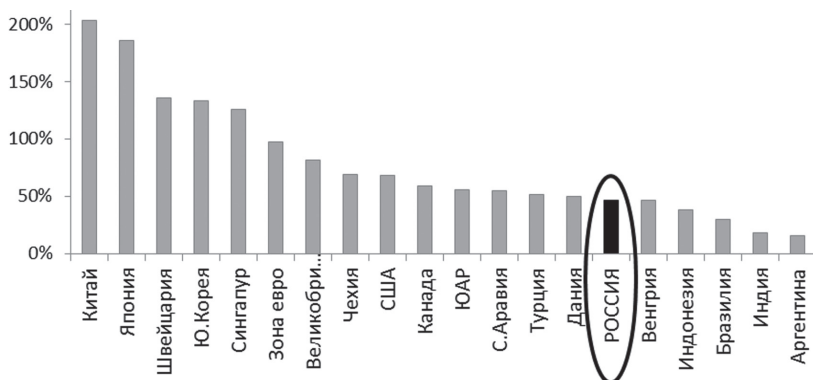
механизмы, только через инструменты рефинансирования увеличила предоставляемые банкам объёмы финансовых ресурсов более чем в 200 раз (!) по сравнению с обычными днями. Аналогично, в последний ипотечный кризис финансовые регуляторы США запретили ряду ведущих банков и инвесткомпаний (около 30 структур) на несколько месяцев проведение основного вида спекулятивных операций на фондовом рынке – «коротких продаж», считая, что эти операции дестабилизируют рынок. Когда ситуация нормализовалась, эта мера была отменена. Таким образом, чрезвычайные антикризисные шаги являются распространённым инструментом в современных условиях глобальных рисков.

Нужно помнить, что воздействие валютного курса на экономику носит разнонаправленный характер, поэтому необходимо использовать его в комплексе с другими регулируемыми механизмами и рычагами. В частности, для поддержки экспортёров могут быть применены внутренние рычаги экономической политики; для защиты внутреннего рынка – инструменты тарифной политики (квоты, субсидии и др.). Также для увеличения бюджетных доходов могут использоваться иные механизмы – например, повышение эффективности сбора налогов и т. д.

Высокие процентные ставки также осложняют рост

Снижению зависимости финансового рынка от внешних рисков и росту его устойчивости будет также способствовать и повышение его глубины, т. е. увеличение того объёма ресурсов, который на нём обращается. Понятно, чем масштабнее рынок, тем он более устойчив к колебаниям внешнего рынка (в шторм у маленькой лодки меньше шансов остаться невредимой, чем у большого парохода).

В этой связи укажем, что уровень монетизации экономики в России по-прежнему один из самых низких в мире (рис. 7).

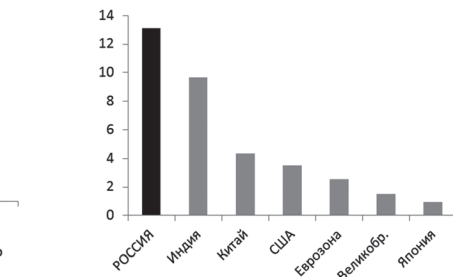
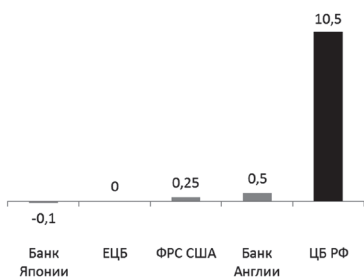
Источник: по данным МВФ, национальной статистики.

Рис. 7. Монетизация экономик ряда стран (М2/ВВП, 2014–2015 гг., %)

Считается, что низкая монетизация – это следствие невысокого спроса на рубли в экономике. Формально так и есть. Однако напомним,

что низкий спрос на деньги возникает не сам по себе. Он зависит от цены денег, от наличия их необходимого объёма, от длины. Спрос также определяется возможностями роста экономики и другими обстоятельствами. В нынешней ситуации представляется, что низкий спрос на деньги возник, в первую очередь, в результате запретительно высокого уровня процентных ставок, который значительно превышает средний уровень рентабельности по отраслям (7–10%). Естественно это не даёт возможность использовать такие деньги в экономике.

В целом отметим, что процентные ставки в России значительно выше большинства стран (рис. 8). Как следствие, ставки по кредитам тоже очень высоки (рис. 9).

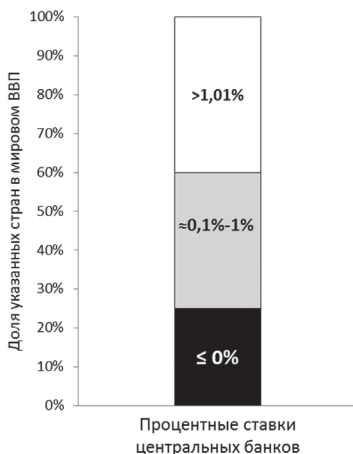

Источник: центральные банки соответствующих стран.

Рис. 8. Основные процентные ставки центральных банков ряда стран (сентябрь 2016 г., %)

Рис. 9. Ставки по кредитам нефинансовым организациям (% годовых)

При этом в 23 странах, на которые приходится 25% мирового ВВП, процентные ставки центральных банков установлены на уровне ниже 0% или равны 0% (рис. 10).

Источник: по данным IMF, Bloomberg.

Рис. 10. Доля стран в мировом ВВП с соответствующим уровнем процентных ставок Банка России (июль 2016 г., %)

В России «жёсткая фискальная и денежно-кредитная политика также дают на экономический рост», – указывает Всемирный банк (июнь 2016)¹.

В условиях торможения экономической активности в России начинает складываться структурный профицит ликвидности, когда имеющиеся свободные средства не идут в экономику и не востребованы в ней. И причины указанного профицита не только в расходах Резервного фонда, как это обычно объясняется. Профициту способствует также запретительно высокий уровень процентных ставок и существенное сжатие внутреннего спроса (в т. ч. из-за девальвации рубля), что делает средства маловостребованными.

Чтобы уменьшить объём излишних свободных средств, не идущих в экономику, Банк России, конечно, может повысить ФОР (как это было неоднократно сделано в 2016 г.). Однако более целесообразным представляется использование механизмов, которые будут **способствовать перетоку** средств в реальный сектор. Именно таким путём идут развитые страны, где для обеспечения притока средств в экономику часто снижают ставки до минимальных значений (рис. 8–9), иногда до уровня ниже темпов инфляции. А регулятор для увеличения предсказуемости на рынке ещё и объявляет ставку заранее на несколько лет вперёд (как это было в США).

Европейский центральный банк по своим длинным механизмам финансирования (TLTRO, на 4 года) в случае направления средств коммерческими банками в реальный сектор даже ввёл весной 2016 г. отрицательные ставки. Это, по сути, означает, что не банки платят регулятору за взятые у него средства на рефинансирование, а наоборот – регулятор доплачивает банкам в случае направления ими средств на обозначенные цели в реальный сектор. Фактически речь идёт о дифференцированных ставках в зависимости от экономических приоритетов.

В этой связи вызывает удивление политика Банка России, которая включала в себя меры «направленные на ограничение снижения структурного дефицита ликвидности»². Вновь повышены резервы и нормативы, ужесточающие условия для банков. Более того, вместо того, чтобы стимулировать переток имеющихся средств в экономику, предполагается более широкое использование механизмов абсорбирования ликвидности – в том числе через размещение указанных средств на депозитах в самом Банке России, а также инвестиции в облигации ЦБ – ОБР³.

Вновь укажем, что низкая инфляция в странах зоны евро не является гарантией роста экономики и приходится использовать дополнительные рычаги, и даже доплачивать инвесторам, чтобы подтолкнуть их к инвестициям в реальную экономику.

Подчеркнём, что как для стран с высокой инфляцией, так и для стран с низкой инфляцией, снижение процентной ставки одинаково играет смягчающую роль и одинаково расширяет возможности развития бизнеса (поэтому довод, что российской экономике с более высокой инфляцией этот механизм использовать не следует, представляется некорректным).

¹ World Bank. Global Economic Prospects. June 2016. P. 110.

² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 г. и период 2018 и 2019 гг., проект от 27.09.2016. С. 29.

³ Там же. С. 30.

Наверное, следовало бы подумать, в какой мере подобные подходы могут быть эффективны для российской экономики. Насколько активно более низкие ставки у нас могут применяться по более приоритетным проектам?

Принято считать, что в российской экономике мало привлекательных проектов и мало надёжных заёмщиков, что при нынешних параметрах рынка в определённой мере так и есть. Однако, естественно, при снижении ставок круг привлекательных проектов расширится.

В целом необходимо использовать широкий набор стимулов, способствующих направлению средств в реальную экономику (налоговые льготы, финансовые нормативы и др.).

Высокие процентные ставки, повышенная волатильность рубля, курсовые провалы существенно усложняют условия ведения бизнеса и увеличивают риски. Поэтому если не создавать условий, способствующих притоку средств в свою экономику, следствием будет либо хранение средств на резервных счетах, либо отток ресурсов в зарубежные экономики.

О рисках роста монетизации и снижения ставок в российской экономике

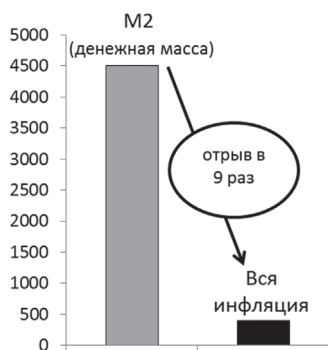
В качестве аргументов против снижения высоких ставок и повышения монетизации называют:

- инфляционные риски,
- дефицит государственного бюджета.

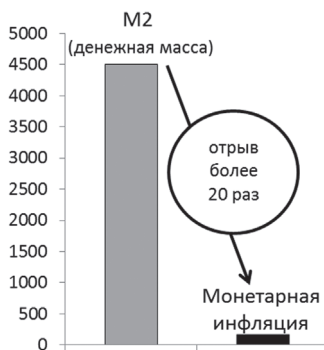
Об инфляционных рисках¹. Аргументы о том, что рост монетизации российской экономики может быть сопряжён с инфляционными рисками, не подтверждаются фактической статистикой за последние 15 лет.

Как следует из рис. 11А, суммарный прирост денежной массы в российской экономике за 2000–2015 гг. был многократно выше, чем размер

А) М2 и ИПЦ

Б) М2 и монетарная инфляция

Источник: ЦБ РФ.

Рис. 11. Суммарный прирост М2 и инфляции в 2000–2015 гг., Россия

¹ Подробнее см.: Ершов М. В. Мировой финансовый кризис. Что дальше? – М.: Экономика, 2011. – 295 с.

суммарной инфляции. Учитывая немонетарную долю инфляции в её общем объёме, разрыв между ростом денежной массы (M2) и ростом цен достигает более 20 раз (рис. 11Б). Другими словами, 100-процентный рост M2 вызовет повышение цен менее чем на 5%. Причём это не одномоментная точечная оценка, а устойчиво отмечающаяся тенденция последних 15 лет. (Исключением являются 2014 и 2015 гг., что связано с провалом курса рубля. По оценкам Банка России, «в 2015 г. ключевым фактором инфляции явилась динамика курса рубля, которая, по оценке, сформировала около 5 процентных пунктов (примерно 40%) прироста потребительских цен за год»¹.)

Другими словами, у нашей экономики есть потенциал безинфляционного принятия ресурсов. Регуляторам следовало бы, в первую очередь, определить, какие практические действия возможны на основе тех закономерностей, которые отмечаются в приведённых графиках. Ведь если наблюдаемой ситуации будет дано корректное и объективное объяснение, то это, очевидно, расширит возможности выработки эффективных подходов стимулирования экономического роста.

О бюджетном дефиците. Банк России подчёркивает: «Чем выше дефицит, тем жёстче денежно-кредитная политика», «...когда мы видим дефицит бюджета, финансирование через резервные фонды, избыток ликвидности, ЦБ должен либо абсорбировать эту ликвидность, либо держать высокие процентные ставки»².

Укажем, однако, что во многих ведущих экономиках мира наблюдается прямо обратная картина – когда устойчивый бюджетный дефицит отмечается наряду с минимальными значениями процентных ставок (рис. 12–13). Это делается с целью создания более благоприятных условий для участников экономики, обеспечивая тем самым дополнительные возможности для экономического роста.

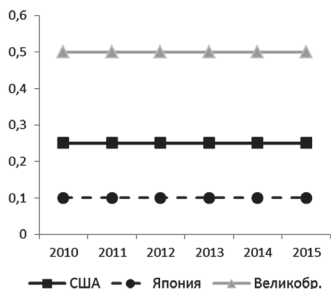
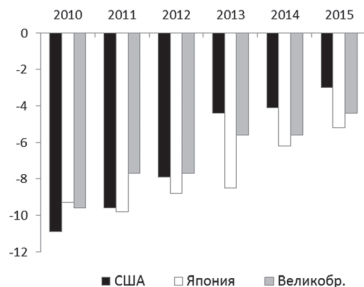

Рис. 12. Основные процентные ставки центральных банков (%)

Источник: по данным национальной статистики, IMF.

Рис. 13. Дефицит государственных бюджетов (% к ВВП)

Особенно наглядно эти подходы видны в долгосрочной перспективе (табл. 1).

¹ Доклад о денежно-кредитной политике Центрального Банка Российской Федерации. Март 2016 г. С. 20.

² Ведомости. 16.06.2016.

Дефициты бюджетов и экономический рост в ведущих странах

	Рассматриваемые годы	Кол-во лет с дефицитом	Накопленный дефицит	Прирост ВВП (номинальный)
США	1975–2015	38	12,2 трлн долл.	16,4 трлн долл.
Великобритания	1975–2015	26	0,9 трлн ф. ст.	1,8 трлн ф. ст.
Япония	1975–2015	35	785 трлн иен	386 трлн иен

Источники: по данным национальной статистики, минфинов соответствующих стран.

И в США, и в Великобритании абсолютный прирост ВВП превысил абсолютный размер накопленного дефицита. В Японии такой прирост ВВП ниже, но хотя формально рост экономики был относительно небольшим, тем не менее, с учётом масштабных системных проблем, с которыми сталкивалась страна в течение многих лет, можно предположить, что не будь использована мощная бюджетная поддержка, японская экономика столкнулась бы с гораздо более существенным и долгосрочным спадом.

Более того, согласно МВФ (окт. 2013), в последние годы «либерализация денежно-кредитной политики и бюджетные стимулы позволили Японии добиться **впечатляющего оживления** (выделено нами. – М. Е.) экономической активности»¹.

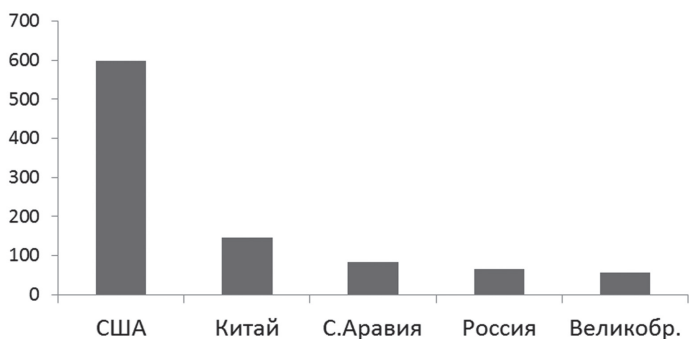
О геоэкономическом содержании бюджетных механизмов как важнейшем элементе экономического суверенитета

Бюджетные и денежно-кредитные механизмы в их взаимосвязке являются для США и ряда аффилированных с ними ведущих экономик не только важнейшим инструментом текущей экономической политики, но и механизмом, обеспечивающим их системное геополитическое лидерство в мире.

Пользуясь теми преимуществами, которые сложились для американской экономики после Второй мировой войны, США последовательно используют бюджетные механизмы для сохранения своего геополитического и геоэкономического превосходства (обеспечивая в том числе самый масштабный и мощный по своим объёмам военно-промышленный комплекс (ВПК) в мире) (рис. 14).

При этом, пытаясь всячески ограничить использование схожих механизмов другими странами (особенно через рычаги политического давления, механизмы МВФ и др.), США, страны-партнёры, а также, в первую очередь, стоящие за ними «центры интересов» (последние, заметим, по сути, и определяют характер действий основных участников), фактически замыкают на себе бюджетные и монетарные механизмы глобального развития, становясь его первоисточником. В течение многих десятилетий эти страны устойчиво осуществляют политику поддержания дефицита бюджета и его финансирования посредством целевой эмиссии со стороны своих центральных банков, превращаясь в результате в главный источник

¹ IMF Survey: Global Growth Patterns Shifting. October, 2016.

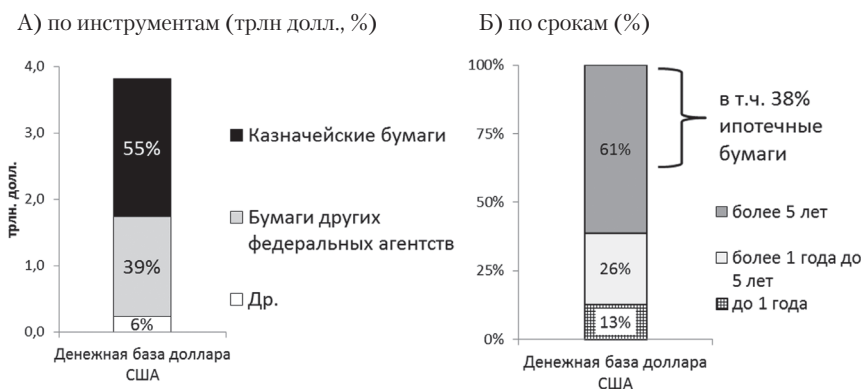
Источник: The Economist, 13.02.2016.

Рис. 14. Расходы на ВПК в ряде стран в 2015 г. (млрд долларов)

финансовых ресурсов для остального мира. Одновременно им удаётся и укрепить экономические основы своих государств, поскольку прежде чем попасть на финансовый рынок, эмитированные средства используются для финансирования приоритетных системообразующих программ.

О механизмах целевой эмиссии¹

В рамках подходов по формированию ликвидности для бюджетного финансирования ФРС США покупает госбумаги (в первую очередь, длинные) своего министерства финансов и размещает затем эти бумаги у себя на весь срок действия (до 30 лет). При этом осуществляется целевая эмиссия, и экономика в этом случае получает длинный целевой кредит. (Структура инструментов такой эмиссии и её сроки показаны на рис. 15.) Более того, когда срок бумаг заканчивается, часто происходит новая эмиссия и покупка новых бумаг, что делает процесс поддержания «длинных» целевых ресурсов в экономике при необходимости практически бессрочным.

Источник: US Federal Reserve.

Рис. 15. Денежная база доллара США (июнь 2016 г.)

¹ Подробнее см.: www.ershovm.ru.

При этом принципиально не только широкое использование госбумаг как инструмента привлечения целевого финансирования, и не только возможности размещения этих бумаг на вторичном рынке среди инвесторов. (Возможности использования у себя обоих подходов уже допускают и российские регуляторы.) Самым важным элементом указанной схемы является участие в ней ЦБ, а вот возможность его участия в указанных подходах в России как раз почему-то не рассматривается. Но ведь именно участие ЦБ позволяет осуществлять финансирование бюджетных задач без ущерба для отдельных отраслей, и даже повышая при этом уровень ликвидности в экономике. Если же напротив – госбумаги будут покупать частные компании, то средства от этой покупки будут действительно инвестированы на цели бюджета, но на иные виды текущей деятельности (кредиты и т. д.) этими компаниями уже потрачены быть не могут. В результате произойдёт лишь переток средств из частного сектора в бюджетный. Следовательно, для одних отраслей возможности роста повысятся, а для других уменьшатся, что затормозит рост экономики в целом. Поэтому участие ЦБ в указанной операции в качестве источника ликвидности критически важно, поскольку предотвращает сжатие ликвидности в отдельных секторах, создавая тем самым условия для более равномерного роста для всех участников.

Таким образом, ФРС США и Казначейство США создают масштабный объём длинных целевых финансовых ресурсов в увязке с экономическими приоритетами (региональные программы, МСБ, ипотека и др.). Центральные банки фактически предоставляют долгосрочный кредит экономике, которая в результате получает масштабный инвестиционный потенциал, ещё больше расширяющийся по мере подключения частного сектора.

О бюджетных механизмах в условиях санкций

В условиях санкций, действительно, необходимо более активное использование бюджетных механизмов для стимулирования экономического роста. При этом, как уже отмечалось, проблема обеспечения экономического роста может эффективно решаться без ущерба для отдельных отраслей, как это успешно применяется последние десятилетия в наиболее зрелых экономиках мира – в США и Японии. Напомним, что в указанных странах на государственные облигации, эмитированные для целевого финансирования экономического роста и направления ресурсов на первоочередные бюджетные и иные приоритеты, приходится 80–90% всей денежной базы (эмиссии) их валют (а в России на госбумаги приходится меньше 5%).

Поэтому вызывают сомнения предложения по изъятию дополнительных доходов, полученных российским нефтяным сектором от девальвации рубля, для покрытия дефицита бюджета, которые активно обсуждались в Правительстве Российской Федерации. О возможных дополнительных налоговых изъятиях начали вновь говорить и в середине 2016 г. Укажем, что при направлении этих средств на бюджетные цели не будет в полной мере обеспечиваться рост экономики в целом – поскольку не произойдёт необходимый **прирост** финансовых ресурсов, а лишь их переток из одних отраслей в другие (через бюджетные каналы).

Неоднозначными выглядят и предложения о продаже госсобственности в целях пополнения бюджета. Формально такие подходы, конечно, могут использоваться. Однако зададимся вопросом: когда в будущем уже не останется госсобственности для продажи, означает ли это, что тогда возможности для дополнительного финансирования бюджета прекратятся? Очевидно, нет, поскольку использование рассмотренных выше денежно-кредитных механизмов создаёт мощную основу самостоятельного развития, позволяя не прибегать ни к внешнему финансированию, ни к иным источникам фондирования.

*Очевидно, что рост экономики должен основываться на увеличении **дополнительных** финансовых ресурсов, делающих такой рост возможным. При этом в целом дефицит является неотъемлемым атрибутом будущего экономического роста. Ведь даже на микроуровне для того, чтобы произвести продукцию и получить прибыль, сначала необходимо купить сырьё, нанять рабочую силу, арендовать помещение и т. д., то есть изначально войти в дефицит. И лишь после реализации продукции он будет покрыт доходом, обеспечивая рост.*

И если раньше российская экономика при финансировании в незначительной степени опиралась на международные рынки, то теперь при их закрытии решающую роль неизбежно должны будут играть внутренние источники финансовых ресурсов. При этом ещё раз подчеркнём, что речь должна идти о нетто-притоке финансирования в целом, а не о привлечении ресурсов с других сегментов внутреннего рынка (что ограничит возможности роста последних). Здесь и должны сыграть свою важную роль механизмы бюджетного дефицитного финансирования, как важные стимулы экономического роста в новых условиях, с включением в процесс денежных властей (Банка России и Минфина России).

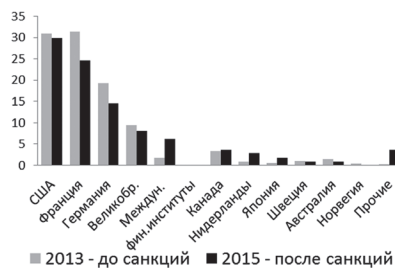
Более того, указанные механизмы должны укрепить внутреннюю основу экономики России, делая её более устойчивой к внешним шокам, актуальность чего сохраняется по-прежнему высокой.

О глобальных рисках

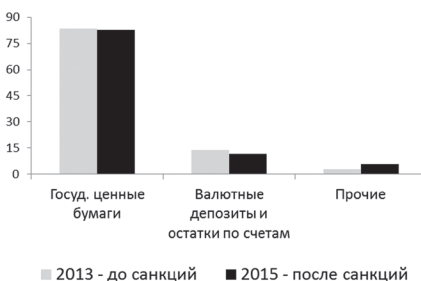
Обеспечению геополитического доминирования США в финансовой сфере (помимо бюджетных механизмов) также способствует и то, что Соединённые Штаты замыкают на своей финансовой системе основную часть всех международных резервов большинства стран, которые размещаются этими странами в американской финансовой системе. Так, Китай – самый крупный держатель золотовалютных резервов (ЗВР) в мире – более трети своих ЗВР имеет в форме казначейских облигаций США. У России 30 % ЗВР вложены в американские инструменты. Однако обращает на себя внимание, что и до введения санкций, и после них картина принципиально не изменилась (рис. 16).

При этом, хотя после введения санкций против России объёмы российских вложений в американские казначейские обязательства и сократились, однако затем вновь возросли (рис. 17).

А) географическое распределение резервных валютных активов

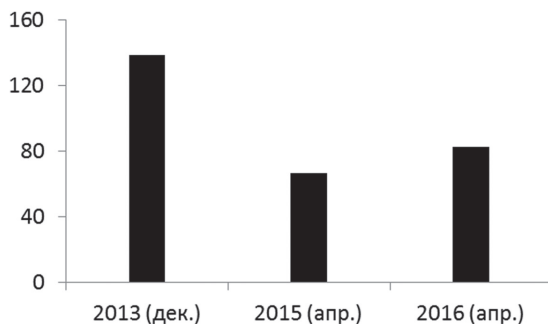
Б) распределение резервных валютных активов по инструментам

Источник: Годовые отчеты ЦБ РФ за 2013 г. и за 2015 г.

Рис. 16. Размещение ЗВР России: до и после санкций (%)

Такая политика, очевидно, может быть сопряжена с рисками. Как отмечал бывший председатель Банка Англии М. Кинг, Китай и другие страны не хотят оказаться в ситуации, когда их международные активы будут зависеть от положения в США. «Если произойдут серьезные обострения, все китайские активы могут быть аннулированы»¹ (выделено нами. – М. Е.).

Источник: US Treasury.

Рис. 17. Вложения России в американские казначейские облигации (млрд долл.)

Действительно, к подобным «конфискационным» методам США не раз прибегали в прошлом. В частности, за последние годы имела место заморозка средств, размещённых в США рядом стран Арабского Востока. Также можно напомнить о блокировании средств стран-союзников США, размещённых в американских банках, во время Второй мировой войны.

Не следует забывать и о фактическом дефолте США в связи с крахом Бреттон-Вудской системы. Существовавшие до 1971 г. механизмы предпологали, в частности, обмен долларов на золото. Однако, когда ряд стран (в первую очередь, Франция и Великобритания) решили воспользоваться этим правом и предъявили свои долларовые авуары для обмена на золото, то их требования удовлетворены не были, поскольку более 70% долларов уже не имело золотого обеспечения. Другими словами, все, кто когда-то об-

¹ King M. Misguided policies and economic risk // Gold Investor. June 2016. P. 14–17.

менял своё золото на доллары, а потом захотел получить его обратно, сделать этого по ранее договорённой цене уже не мог. Причём США нарушили указанные многосторонние соглашения в одностороннем порядке.

И в этой же связи интересен ещё один вопрос. Любая страна, не выполнившая своих обязательств, должна каким-то образом впоследствии свои долги гасить. Это практикуется не только применительно к современной ситуации (Лондонский клуб, Парижский клуб и т. д.), но и даже к обязательствам гораздо более раннего периода. Примером могут служить недавние попытки предъявления претензий к России по её долгам, возникшим до 1917 г. Аналогично, вполне оправданно было бы и оценить размер потерь всех стран, которые имели доллары к 1971 г., и для которых пересмотр правил игры означал серьёзные убытки, и рассмотреть вопрос о механизмах возможной компенсации. То же самое могло бы касаться и частных долларовых вкладчиков, которые в результате столкнулись с невыполненными обязательствами по американской валюте.

А приводимые доводы о том, что в настоящее время нет столь же надёжных и привлекательных инструментов для размещения ЗВР, как казначейские облигации США, не выглядят убедительными с учётом вышеизложенных примеров. Поэтому, естественно, требует внимания проработка подходов размещения российских активов в других государствах, в других инструментах, размещения через третьи страны и т. д., что особенно актуально в условиях повышенных геополитических рисков.

Да и в принципе, вызывает удивление, когда вместо того, чтобы размещать ресурсы, которые имеются в российской экономике, у себя, эти средства, напротив, инвестируются в экономики других стран, тем самым стимулируя их развитие. Более того, средства вкладываются в те страны, которые проводят по отношению к России недружественную политику (рис. 16).

Все эти обстоятельства приобретают особую актуальность с учётом неопределённости и рисков, которые складываются в мировой финансовой системе.

По мнению экспертов, США находятся на пороге «катастрофического экономического кризиса, который будет гораздо хуже, чем кризис 2008 г.» [Рон Пол, апр. 2015]¹.

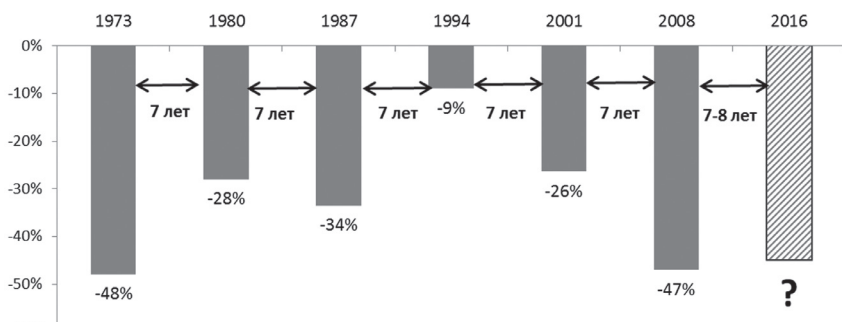
Укажем, что у финансовых кризисов отмечается своя особая периодичность – 7–8 лет, не совпадающая при этом с очерёдностью известных циклов («кондратьевский» и др.) (рис. 18).

Получается, что эти кризисы, будучи не чётко связаны с реальной экономикой, всё равно имеют свою жёсткую периодичность. Это даёт возможность предположить либо свою собственную периодизацию циклов в финансовой сфере, либо их искусственный рукотворный характер, при котором они провоцируются для решения неких системных задач (перелом сфер влияния, собственности и др.).

Согласно указанным циклам, 2016 г. может стать годом серьёзных финансовых осложнений в мире. По мнению известного финансиста Дж. Роджерса, «в течение ближайших 1–2 лет мы увидим огромные проблемы на мировом финансовом рынке»². При этом многие международ-

¹ Political Outcast. Режим доступа: <http://politicaloutcast.com/>.

² <http://www.peakprosperity.com/>. Дата обращения: июнь 2015 г.

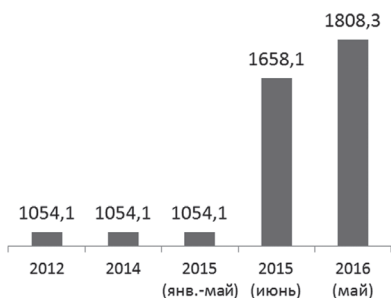
Источник: М. Ершов, Bloomberg.

Рис. 18. «Цикличность» провалов (динамика Индекса S&P 500, %)

ные эксперты считают, что падение рынков может составить даже более 50% и это лишь дело времени, поскольку фундаментальные перекосы не устраняются, а лишь обостряются.

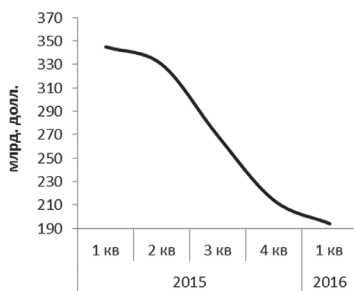
Остроту ситуации добавляют проблемы, которые сохраняются в банковской системе. Так, по мнению бывшего министра финансов США Л. Саммерса, «сейчас банки на Wall Street имеют не меньшие риски, чем до кризиса 2008 года»¹. Очередным подтверждением этого явились новые падения на мировом банковском рынке в конце сентября 2016 г., когда вновь упали акции ряда банков. Причём акции такого крупного и системообразующего банка, как Deutsche Bank, упали за один день на 7%!

Напряжение, уже отмечающееся на отдельных рынках, заставляет некоторых ведущих участников создавать антикризисную «подушку безопасности», которая может позволить пережить финансовые потрясения и сохранить свои позиции в условиях возможных кризисных обострений. Так, Китай за один месяц (июнь 2015 г.) резко и масштабно (более чем на 50%) увеличил свои золотые запасы (рис. 19).

Источник: tradingeconomics.com.

Рис. 19. Официальные запасы золота в ЗВР Китая (тонны)

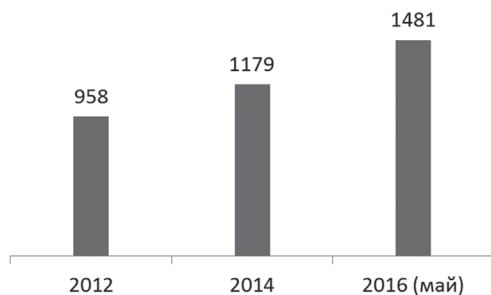
Источник: Казначейство США.

Рис. 20. Китай: объём портфеля американских акций (млрд. долл.)

¹ Former Treasury Secretary Warns Banks Riskier Now Than In 2008 Crisis. Режим доступа: <http://www.zerohedge.com/news/2016-09-15/former-treasury-secretary-warns-banks-riskier-now-2008-crisis>. Дата обращения: сентябрь 2016 г.

Обращает на себя внимание, что Китай, возможно почувствовав некие скрытые угрозы, также резко сократил объём американских акций в своих портфелях (рис. 20).

Увеличение спроса на золото отмечается и со стороны России, которая за последние годы также масштабно увеличила свои золотые запасы (рис. 21).

Источники: ЦБ РФ, World Gold Council.

Рис. 21. Официальные запасы золота в ЗВР России (тонны)

При этом и Россия, и Китай занимают значимые позиции по объёмам золотых резервов.

Это в целом говорит о тенденции к формированию антикризисных стабилизирующих механизмов, которые могут позволить смягчить таким странам финансовые потрясения и сохранить свои позиции в условиях возможных кризисных обострений.

Россия также несколько сократила свои вложения в американские акции с весны 2015 г. Однако приводимые в статистике Минфина США данные в целом показывают очень небольшие значения общего объёма российского портфеля¹ (что говорит о том, что основные вложения в эти инструменты осуществляются нашими компаниями через офшоры и юрисдикции других государств). Поэтому основные риски, по-видимому, находятся в тех портфелях, которыми располагают российские держатели, но которые не учитываются официальной американской статистикой как российские. В этой связи для минимизации возможных потерь российским инвесторам, в каких бы юрисдикциях они ни находились, следует учесть формирующиеся риски.

Угроза провалов на рынках, если это произойдёт, в состоянии привести к масштабным экономическим и геополитическим изменениям в мире, а потому требует специальных мер, которые были бы адекватны остроте возникших вызовов.

России следует быть готовой к созданию механизмов, минимизирующих внешние шоки и обеспечивающих ей запас геоэкономической и геополитической прочности, необходимый для расширения её системообразующей роли в новых условиях. В такой ситуации поиск путей решения задач, поставленных Президентом России об уменьшении зависимости от внешних рисков, становится крайне необходимым.

¹ U. S. Department of the Treasury. Режим доступа: www.treasury.gov.

МЕНЯТЬСЯ ВМЕСТЕ С МИРОМ: КАКИЕ СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ НАМ НУЖНЫ

Юргенс И. Ю., председатель правления Института современного развития, президент Всероссийского союза страховщиков, президент Российского Союза автостраховщиков, кандидат экономических наук

Снижение темпов экономического роста, ставшее в последние годы устойчивым явлением практически для всего мира, оказалось одной из составляющих посткризисной «новой нормальности». Оно уже рассматривается как среднесрочная, по меньшей мере, тенденция – хотя задача наращивания темпов по-прежнему остаётся на верхних строчках и для институтов глобального управления, и для национальных правительств.

Но российские макроэкономические показатели резко выделяются даже на таком фоне. Из свежих цифр лета-2016: ВВП, по предварительным данным Минэкономразвития России, снизился в первом полугодии на 0,9% относительно того же периода предыдущего года; консенсус-прогноз экспертов Высшей школы экономики обещает годовое падение ВВП не менее чем на 0,8%, а на годовые темпы роста примерно в 2% экономика страны, по их мнению, сможет выйти только к 2020 г. Эти же специалисты настаивают, что «инерционное развитие событий к росту в ближайшее время не приведёт», и «возможна вторая волна рецессии, что чревато переходом к долговременной стагнации». Не показывая положительной динамики, экономика постепенно «загнивает, утрачивая шансы на возобновление роста»¹.

Обращение к долговременным прогнозам не добавляет оптимизма. Глобальная картина, согласно мнению специалистов «PricewaterhouseCoopers» и Международного валютного фонда (МВФ), обещает быть такой: общемировой ВВП удвоится к 2037 г. и утроится к 2050-му. Доля Китая в середине 2020-х гг. стабилизируется на уровне 20% в результате снижения темпов роста до среднемировых. Доля США сократится с 17% до 14%, Индии – вырастет с 7% вдвое, стран ЕС – понизится с 17,5% до 12%. При этом средний доход на душу населения в Китае составит лишь 40%, а в Индии – 20% от американского уровня.

При среднегодовых темпах России в 2,1% (против общемировых 3%), отрыв нашей страны по объёмам ВВП от лидеров усугубляется с 2–5 до 5,5–8,5 раз. В 2015 г. доля России в мировом ВВП по паритету покупательной способности насчитывала 3,27% (оценка МВФ в апреле 2016 г.). При пересчёте ВВП на душу населения 6-е российское место в общемировой таблице о рангах по общему объёму трансформируется в 48-е. К 2020 г. позиции, вероятно, ухудшатся: подушевой ВВП (по ППС) в России, по ожиданиям экспертов МВФ, вырастет с 24,1 тыс. до 27,7 тыс. долларов (для сравнения, в Латвии, Польше и Греции он к этому временному порогу составит 33,0–34,6 тыс. долларов), а наша доля в мировом ВВП снизится до 2,66%. И это – оптимистический прогноз.

¹ Комментарий о государстве и бизнесе. Вып. 117. 11–31 июля 2016 г.

Впрочем, экономисты признают, что обрисованный глобальный расклад может существенно поменяться под влиянием ускоряющегося прогресса технологий. Укоренение этих технологий будет прямо зависеть от реализации структурных повесток, то есть, от успешности перехода к новым моделям развития, трансформации институтов и регулятивных практик. Эти же условия определяют степень готовности национальных экономик к ответам на другие вызовы, которыми будут задаваться темпы экономического роста в первой половине нынешнего века, – прежде всего, демографические (одновременно и рост численности, и старение населения Земли)¹, на глубокие коллизии, связанные с изменениями климата, на появление новых форм социального неравенства (доступ к информационно-коммуникационным технологиям, к услугам здравоохранения, образования и т. д.).

И когда здесь, в России, нынешняя рецессия и угрожающая стагнация заставляют говорить о необходимости структурных реформ даже тех, кто к таким реформам не был особенно расположен, все мы должны помнить, что требования к этим структурам со временем меняются. Структурные реформы необходимы для устойчивого роста; устойчивый рост будет обеспечен реинтеграцией России в мировое хозяйство; значит, нельзя терять из виду вектор нынешнего и будущего развития этого хозяйства.

Кризис 2008–2009 гг. положил начало переходу глобальной экономики в иное качественное состояние, которое будет отличаться новыми структурными характеристиками – балансами общемировых предложения и спроса, соотношением финансовых секторов и производства товаров и услуг, распределением экономической мощи между странами (выражаемой долями в глобальном ВВП, объемами финансовых рынков, прямым иностранным инвестициям и т. п.).

Переходный период, как ожидается, растянется, самое меньшее, на ближайшие полтора десятилетия. С точностью предсказать всех лидеров и аутсайдеров на его финише пока невозможно. Но одно из условий успеха можно обозначить точно. Уже сегодня сложилась ситуация «продвинутой взаимозависимости», когда целостный экономический мир выступает основанием перемен для его национальных составляющих. Усвоение этой логики чем дальше, тем больше будет определять устойчивость результатов и российской экономической политики².

Скорость структурных реформ пока ещё невыразительна даже там, где в достатке присутствуют и политическая воля, и здравый смысл. (Показа-

¹ В исследовании «Глобальное старение: 58 оттенков серого», опубликованном «Standard&Poor's» в конце апреля 2016 г., указывается, что в ближайшие несколько десятилетий самый заметный рост отношения количества пожилых людей к работающим будет отмечаться в развивающихся экономиках. К 2050 г. в Бразилии это отношение утроится до 36,6%, в Индии вырастет более чем вдвое до 20,5%, в России – в 1,8 раза до 34,1%. Эксперты ожидают, что население России при этом сократится со 143,5 млн человек в 2015 г. до 128,6 млн к 2050-му. А вот расходы, связанные с обслуживанием пожилого населения, к середине века вырастут в нашей стране с нынешних 13,1% ВВП до 19,1%. См.: Global Aging 2016: 58 Shades Of Gray. Режим доступа: http://www.agefactifs.com/sites/agefactifs.com/files/fichiers/2016/05/global_aging_2016_-_58_shades_of_gray_28_apr_16.pdf

² Подробнее об этом и далее см. в моногр.: Будущее России в глобальной экономике / под общ. ред. И. Юргенса. М.: Экон-информ, 2015.

телен пример Китая, руководство которого уже не первый год пытается выдержать баланс между структурными реформами и мерами стимулирования экономики.) Но практически никто не оспаривает их нарастающей востребованности. Как отмечал президент Всемирного экономического форума Клаус Шваб, «мир должен прекратить смотреть назад... Политика, основанная на ошибочном предположении, что проблемы посткризисного мира – всего лишь временное явление, принесли лишь анемичное восстановление... Посткризисная эра миновала, перед нами «постпосткризисный мир». Это время для принятия нового набора реалистических решений». Смысл таких решений, полагает он, «в неизбежных структурных ломках для адаптации к новым существенно более жёстким условиям конкуренции»¹.

Для каждой экономики складывается собственная структурная повестка. Но есть и общая направленность – поиск новых источников роста, стимулов к увеличению производительности и инвестиций, к созданию амортизаторов тяжелеющей социальной нагрузки на финансовые системы. Все более актуальными становятся меры, нацеленные на повышение качества и накопление человеческого капитала. Помимо национального уровня чрезвычайно важно и международное измерение, часто называемое глобальным управлением, которое ориентировано, прежде всего, на универсализацию и стандартизацию регулятивных и деловых практик для повышения открытости экономик и обеспечения равных возможностей в конкурентной борьбе.

В финансовом секторе регулятивный «мейнстрим» сегодня сводится к трём составляющим. Это, во-первых, постепенная нормализация денежно-кредитной политики. Во-вторых, повышение роли налогово-бюджетной политики в усилении деловой активности и, прежде всего, в ускорении структурных трансформаций (за счёт умеренности в государственных расходах и повышения их эффективности, сокращения объёмов государственного долга) в наиболее затратных для национального бюджета секторах.

Наконец, в-третьих, это собственно структурные реформы, учитывающие, прежде всего, формирование новых рыночных институтов и модернизацию регулятивных норм и правил в сферах, где существуют наибольшие риски для макроэкономической стабильности и устойчивости финансовых систем, а также накоплены наиболее жёсткие ограничения для роста совокупной факторной производительности труда.

В «низкоскоростном режиме» развития экономики качественно меняется характер инвестиций (которые, казалось бы, тоже замедляются). Компании вкладывают столько же, если не больше, в капитал, основанный на знаниях (программное обеспечение, обработка данных, включая облачные технологии, системы организации управления производством – то есть, так называемые «нематериальные активы»), чем в машины, оборудование и производственные сооружения. Классические инвестиции в основной капитал начинают отступать под напором информационных технологий (если, например, использовать «облака», то можно сократить потребность в собственных серверах и дата-центрах).

¹ Klaus Schwab. The Age of Adaptation // Project Syndicate. February 19, 2015. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/technological-economic-transformation-by-klaus-schwab-2015-02>.

Вместе с тем, динамика инвестиций может быть поддержана вложениями в инфраструктуру, общемировая потребность в которых оценивается в настоящее время более чем в 7 трлн долларов (объём вложений в заявленные и разрабатываемые проекты). Эффект можно ожидать немалый. По расчётам персонала МВФ, в выборке стран с развитой экономикой увеличение инвестиционных расходов на инфраструктуру на 1 п. п. ВВП повышает объём производства примерно на 0,4% в том же году и на 1,5% через четыре года.

Речь идёт, прежде всего, о государственных расходах, финансируемых за счёт выпуска специализированных долговых инструментов. Понятно, что условием реализации такой возможности является существенное повышение эффективности госинвестиций за счёт совершенствования оценки проектов, их отбора, реализации и тщательного анализа затрат и выгод (с проведением на каждой из этих стадий независимой экспертизы). Это особенно актуально для крупных развивающихся экономик, Китая и Индии, – равно как и для России. Одновременно возрастает запрос на эффективные институты государственно-частного инвестиционного партнёрства.

Ещё одно неперемное условие экономического роста – успешное преодоление крайностей социального расслоения. Расчёты аналитиков МВФ обнаруживают примечательную закономерность: повышение благосостояния богатых на 1 п. п. ведёт к тому, что за следующие пять лет темпы роста ВВП в стране снижаются на 0,08 п. п. Аналогичный же подъём уровня доходов бедных и среднего класса может привести к ускорению ВВП на 0,38 п. п. Но «завести» этот естественный драйвер роста без структурных реформ практически невозможно.

Целый комплекс аналогичных по эффекту драйверов связан с позиционированием страны в глобальном хозяйстве. К России это относится в первую очередь. Наша страна зависит от мировой торговли больше, чем, к примеру, США и ЕС, что является логичным следствием экспортной ориентации при относительно низком внутреннем спросе.

В последние 10–15 лет для мировой торговли и развития характерны несколько главных тенденций. Одна из них – это быстрое распространение цепей добавленной стоимости (ЦДС), в рамках которых товары, перемещаясь между странами, проходят сложный путь через полуфабрикаты от сырья до готовых изделий. Активное распространение ЦДС во многом обусловлено прогрессом в области транспорта, связи, информационно-коммуникационных технологий. Участие в ЦДС позволяет странам уйти от необходимости создания полного цикла производства вплоть до готовых изделий, налаживая вместо него более доступный им выпуск компонентов или выполняя отдельные производственные операции. Это существенно расширяет возможности увеличения экспорта, освоения новейших технологий, привлечения иностранных инвестиций. Такое явление в международном разделении труда нашло отражение в новом понятии: «from Trade-in-Goods to Trade-in-Tasks» (от торговли товарами к торговле задачами/операциями).

Распространение ЦДС потребовало более высокой степени интеграции торговых партнёров и дало толчок появлению преференциальных

торговых соглашений нового типа, охватывающих не только торговлю, но и стандарты, инвестиции, охрану интеллектуальной собственности, конкурентную политику.

Став новым драйвером мировой торговли и инвестиций, ЦДС спровоцировали резкий рост торговых потоков промежуточных товаров, которые составляют более половины импорта стран-членов ОЭСР и почти три четверти импорта крупных развивающихся стран, таких как Китай и Бразилия.

Участие в ЦДС несёт в себе существенные выгоды для международной торговли, экономического роста стран и их развития в целом. По последним имеющимся расчётам за 1995–2009 гг., в эти полтора десятилетия прибыль от торговых потоков в рамках ЦДС в среднем увеличилась вдвое. Причём в Китае она возросла в 6 раз, в Индии – в 5 раз, в Бразилии – в 3 раза. Рост прибыли означает увеличение занятости населения и дополнительные возможности для реализации целей устойчивого развития.

ЦДС могут эффективно функционировать только если деловая и торговая среда, в которую они попадают, предоставляет такую возможность. Это первое ключевое условие успеха участия страны в ЦДС. Вторым условием является продуманная долгосрочная стратегия привлечения иностранных инвестиций.

Текущие показатели включенности российского бизнеса в ЦДС не отвечают потенциалу национальной экономики. Расчёты на основе Global Trade Analysis Project матриц затраты-выпуск по России показывают, что её общий суммарный индекс участия в ЦДС составляет 48,06%. В том числе: 9,36% – участие компонентами (backward participation, т. е. долей импортных компонентов для производства экспорта); 38,7% – участие продукцией (forward participation, долей экспортируемых национальных компонентов, используемых в производстве в других странах). По данному индексу Россия отстаёт не только от ведущих мировых производителей, но и, к примеру, от Белоруссии, где этот показатель составляет 68,96%¹. Наиболее слабы наши позиции в машиностроении. Вес России в глобальном экспорте частей и комплектующих составляет не более 0,2% (в 2014 г. – 3,4 млрд долларов), в импорте – едва дотягивает до 1,9% (в 2014 г. – 25,8 млрд долларов).

Участие страны в ЦДС характеризуется также протяжённостью отраслевых цепей добавленной стоимости. Наиболее короткими они являются в добывающей промышленности, где как раз участие России в глобальных ЦДС наиболее ощутимо. К отраслям с наибольшей степенью фрагментации (то есть, с максимальной длиной ЦДС) относятся: производство телекоммуникационного оборудования, автомобильная и авиационная промышленность, металлургия, лёгкая и электротехническая промышленность. Именно по этим отраслям следует судить о степени вовлеченности национальной экономики в современные ЦДС. В наибольшей степени российский бизнес задействован в современных ЦДС в сферах автомобилестроения, авиапрома. Вместе с тем в автомобильной

¹ См.: Кадочников П. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. С. 9.

промышленности Россия отстает практически от всех стран с такой индустрией, имея показатель протяженности 2,2 (против 3,5 у Китая).

Если говорить о перспективах наращивания участия российского бизнеса в ЦДС, то они явно имеются в следующих сферах: нефтегазохимия (с выходом в химический комплекс и фармацевтическую промышленность); создание новых материалов и использующих их производств; аграрный сектор (по всем направлениям, в том числе по переработке биоресурсов моря); черная и цветная металлургия; деревообработка; легкая и текстильная промышленность. Ограниченный потенциал участия в ЦДС (с учетом изменившихся внешнеполитических условий) сохраняется в сфере военно-технического сотрудничества.

Другая тенденция в современной глобальной торговле связана с новой ролью сырьевых товаров в стратегиях развития. В 2003–2008 гг. мировые цены металлов, минералов и энергоносителей в целом выросли более чем в два раза, а цены сельскохозяйственной продукции – почти в два. В последующие годы положение кардинально изменилось – общий индекс сырьевых цен резко пошел вниз, практически нивелировав предыдущий рост. В 2015 г. общесырьевой индекс Bloomberg Commodity потерял почти 25%, а к середине 2016 г. его падение по итогам пяти лет составило около 44%. В результате все без исключения ресурсные экономики (в том числе и Россия), столкнувшись с нарастанием финансовых проблем, оказались перед необходимостью существенной диверсификации экспорта.

В то же время новые перспективы складываются для производителей аграрной продукции. Согласно прогнозу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, к 2050 г. мировое производство продовольствия должно будет увеличиться на 70% с тем, чтобы прокормить растущее население и решить проблему голода и недоедания в целом ряде стран. Вывод экспертов – при эффективном использовании агроэкспортной выручки она может и должна стать важным средством устойчивого развития.

Четвертая тенденция – возрастание синхронизации и глобализации макроэкономических шоков. Как правило, развивающиеся страны оказываются наиболее уязвимыми в период потрясений и кризисов, передаваемых через внешнеэкономические связи. В качестве одного из средств минимизации негативных последствий макроэкономических шоков предполагается дальнейшее усиление координации и сотрудничества в рамках международных организаций, включая Всемирную торговую организацию (ВТО). Совершенно очевидно, что успешное репозиционирование нашей страны в глобальном хозяйстве невозможно без участия в формировании новых правил международной конкуренции и стандартов деловых практик, универсальных для Востока и Запада.

Пока что мы включены в эти процессы чрезвычайно слабо. Так, несколько лет назад присоединившись ко Всемирной торговой организации, Россия по сей день отличается в ней пассивным поведением, практически не выдвигая собственных инициатив.

Несмотря на рекордную продолжительность переговоров о присоединении (18 лет), наша страна не смогла своевременно и в должной мере подготовиться к членству в ВТО. Далеко не все в государственном апа-

рате осознали, что участие в ВТО много сложнее, чем процесс вступления в эту организацию.

В частности, не были подготовлены в достаточном количестве кадры в сфере торговой политики и права ВТО, не был реформирован соответствующим образом внешнеэкономический блок Правительства Российской Федерации (хотя такие намерения существовали ещё в 1999 г.), что лишило российскую сторону эффективного механизма принятия и реализации решений в сфере торговой политики и переговоров.

Ставка на поддержку в ВТО со стороны членов БРИКС оказалась несостоятельной: вес и влияние в ВТО Китая, Индии и даже Бразилии несравнимо выше влияния России, и эти страны преследуют свои собственные интересы, которые не совпадают с российскими (кстати, в ВТО вместо БРИКС в большей степени распространена аббревиатура БИК, что подчёркивает степень влияния указанных трёх стран).

В 2018 г. заканчивается действие для России большинства согласованных с ВТО защитных мер «переходного периода». Не исключено, что ряд отраслей и предприятий окажутся не вполне готовы к снятию последних мер защиты и переходу к условиям свободной конкуренции.

Между тем, уже сейчас внешнеторговые показатели являются наиболее удручающей частью и без того нерадостной российской экономической статистики (в 2015 г. внешнеторговый оборот сократился на треть, в том числе экспорт – на 31,1 %, импорт – на 36,7 %; абсолютные показатели минувшего года оказались самыми низкими за последние пять лет). Выход из сложившегося структурного тупика может быть найден на пути создания новой модели двусторонних отношений – от традиционного товарообмена к «торговле проектами» и масштабному инвестиционному сотрудничеству.

Прокладывание подобных «маршрутов» требуется и к рынкам других стран. При этом принципиально важен тщательный учёт вероятных структурных сдвигов в экономиках Востока и Запада. Поверхностный подход к этим вопросам, к сожалению, по-прежнему остаётся «ахиллесовой пятой» стратегического планирования внешнеэкономической деятельности в России.

Недостаточно учитывается, например, набирающая силу тенденция к «решорингу», то есть, «возвращению» высокотехнологичных производств из развивающихся в развитые экономики (так, корпорации США прогнозируют, что к 2020 г. половина соответствующих производственных мощностей будет сосредоточена собственно в Штатах). Помимо роста технологической импортной зависимости от стран Запада многих других экономик, российским ответственным за стратегию внешнеэкономической деятельности следует иметь в виду, что такого рода концентрация станет индустриальным «трамплином» для распространения нового технологического уклада.

Китай и Индия (которая создаёт свой аналог Кремниевой долины) также не намерены довольствоваться ролью приобретателей новых технологий, активно используя потенциал ЦДС. Конфигурация последних указывает на то, что итогом ближайших 10–15 лет может стать формирование «суперфабрик» и «супермаркетов по торговле услугами» в Евроат-

лантике и Большой Азии, ориентированных на продвинутое потребление результатов экономики знаний.

Следует также предвидеть, что структурные сдвиги в мировом производстве товаров и услуг чем дальше, тем больше будут испытывать давление меняющихся стандартов потребления (урбанизация в развивающихся странах, общее старение населения, рост численности средних классов и т. п.). К сожалению, все эти перемены пока практически не учитываются в стратегических выкладках по поводу перепозиционирования России в глобальном хозяйстве. Равно как и разворачивающийся в Азии инфраструктурный бум.

По оценкам международных экспертов, около 64% мирового прироста спроса на энергоносители к 2035 г. будут обеспечивать страны Азиатско-Тихоокеанского региона. До 2025 г. на ведущей позиции здесь Китай, затем – Индия. При этом сам спрос будет качественно меняться вследствие перехода к моделям ресурсоэкономного и энергосберегающего роста, «декарбонизации» экономической деятельности в широком смысле слова (прежде всего, на транспорте, в промышленности и в коммунальном хозяйстве), использования возобновляемых источников энергии, развития многоступенчатой высокотехнологичной переработки нефти и газа (в том числе для производства более экономичных и экологичных видов моторного топлива). Тренд на повышение технологичности спроса – уверенная перспектива ближайших десятилетий. Опасность отставания российского топливно-энергетического комплекса от ускоряющихся перемен пока лишь возрастает.

Управление рисками снижения эффективности экспорта первичных энергоресурсов может быть обеспечено в рамках серьёзного структурного манёвра в нефтегазовом секторе. Потребность в либерализации экспорта газа требует масштабной реструктуризации «Газпрома». Дополнительные объёмы нефтедобычи способно обеспечить ускорение развития малых и средних компаний. В целом же сектор через экспорт должен заработать на собственную модернизацию, то есть на выстраивание цепей добавленной стоимости от добычи до, как минимум, нефтегазохимии, что позволит существенно повысить поступления от «нового» нефтегазового экспорта.

Складывание нового экономического мира идёт в условиях «глобализации структурных сдвигов». Оправданность их доказывается приращением позиций на внешних рынках и, в конечном счёте, увеличением вклада чистого экспорта в ВВП, а рыночные и государственные институты постоянно испытываются жёсткими условиями международной конкуренции на состоятельность содействия достижению таких результатов.

Конкурентоспособность российской экономики в ближайшие 15–20 лет – это готовность к гибким и относительно быстрым трансформациям и умение сводить потери к минимуму при стрессовых ухудшениях внешних условий. Текущий уровень её соответствия этим потребностям крайне низок.

Причин много, и одна из главных – отсутствие внятного плана институциональных структурных реформ, что запирает будущее развитие даже при самом благоприятном стечении обстоятельств в двухпроцентном «гетто» экономического роста при необходимости иметь минимум

3,5–4,0% в силу взятых на себя государством оборонных, социальных и других обязательств. К тому же и эта «двойка» условна, так как вся совокупность санкций (вместе с ответными мерами) притормаживает потенциальный ВВП примерно на 1–1,5% в год.

При продолжении структурно-политической анемии надежды на экономическую динамику могут быть связаны только с внешним спросом. Но прирастать он может лишь на новом предложении товаров и услуг из России, что опять-таки возвращает к исходной посылке о невозможности обеспечить такой сдвиг при наличествующей экономической структуре.

В числе приоритетов в политике создания стимулов роста для России, как и для других ведущих развивающихся экономик, остаются регулирование предпринимательства, повышение гибкости рынка труда, реформы в налоговой и бюджетной сферах и модернизация инфраструктуры.

Однако ещё более важным является качество общего институционального контекста исполнения структурной повестки. Для повышения его до приемлемого уровня (измеряемого доверием бизнеса и граждан к государству) необходимы: кардинальное ослабление силового давления на предпринимательский класс с одновременным повышением качества судопроизводства; облегчение явно избыточного контрольно-надзорного бремени; дебюрократизация государственного управления; равная для всех «рыночная ответственность» и универсализация «правил игры», предполагающие разгосударствление крупного бизнеса, ставшего по сути отраслевым «приложением» к госаппарату; сокращение доли государственного сектора в ВВП (в 2015 г. достигшей по некоторым экспертным оценкам 70%) до максимум 40%; оптимизация численности занятых в бюджетном секторе.

Общие предпосылки исполнения такой повестки тоже очевидны. С одной стороны, это радикальное повышение эффективности администрирования принимаемых решений – до сих пор многое из разумного и правильного у нас так и остаётся в разряде деклараций. С другой – рост легитимности частной собственности и предпринимательства в глазах общества и в практиках органов власти.

Здесь основа для успешной реализации любого комплекса структурных реформ. Здесь же и точка отсчёта долгосрочной стратегии нового позиционирования России в глобальном хозяйстве, способной принести реальные результаты.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ЭЛЕМЕНТ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА¹

Данилов-Данильян А. В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», председатель Совета по инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, кандидат экономических наук

Новая индустриализация и развитие отраслей новой экономики России, постепенное изменение сырьевой ориентации её экспорта невозможны без привлечения масштабных инвестиций в регионы. Однако помимо макроэкономических мер по улучшению инвестиционного климата нужны и меры промышленной политики. В «чистое поле» – если это не добыча сырья – инвестиции приходят редко: им нужна конкретная инфраструктура, чётко работающие налоговые и иные стимулы, гарантированные на перспективу региональными и местными властями, квалифицированные и обеспеченные жильём на местах кадры, достоверная информация о потенциальных смежниках и покупателях продукции и т. д. Всякими рассуждениями об улучшающемся инвестиционном климате и формальными отчётами о снижающейся инфляции тут не обойдёшься.

Нужно предлагать новые, небюрократические способы решения постоянно возникающих проблем новой индустриализации, изучать мировой опыт и наработанную в передовых российских регионах практику. Соответственно под это необходимо перенастраивать ключевые показатели эффективности для отраслевых федеральных и региональных органов исполнительной власти. Сложнее всего будет должным образом скорректировать внутреннюю деятельность самих органов власти, ныне ориентированных прежде всего на авральное выполнение многочисленных поручений руководства страны и часто откладывающих «на потом» систематическую работу по развитию вверенных им отраслей и профильных видов бизнес-деятельности.

Государство и бизнес: система «круглых столов» для взаимодействия

Одним из ключевых факторов плохого инвестиционного климата в России является глубочайшее взаимное недоверие государства и бизнеса, особенно не относящегося к категории «сверхкрупного». Это проявляется, в частности, в стремлении многих бизнесменов вести свои предпринимательские дела максимально «незаметно» для государственных органов. И хотя усилия Федеральной налоговой службы в последние годы привели к созданию мощных взаимоувязанных электронных систем, позволяющих отслеживать правильность начисления и уплаты налогов, а также выявлять разрывы в цепочках формирования добавленной стоимости, тем не менее ещё пока рано говорить о достаточной эффективности этой работы. Это по-

¹ Свод тезисов из некоторых выступлений автора на заседаниях Столыпинского клуба.

звolyет тысячам предпринимателей занижать масштабы своей деятельности, формально оставаясь в рамках малого бизнеса или вовсе находясь в категории безработных. Оценка числа самозанятых граждан, колеблющаяся от 6 до 30 млн россиян, показывает неготовность миллионов соотечественников раскрывать свои истинные доходы перед государством. Они боятся и высокого риска утечки этой информации, и резкого усиления административного давления на них, что особенно остро воспринимается в условиях вновь усилившейся с конца 2014 г. неуверенности в завтрашнем дне.

Изменение этих обстоятельств, появление на рынке большого количества новых высокооплачиваемых и высокопроизводительных рабочих мест на средних и крупных предприятиях, гарантирующих достойную занятость на длительную перспективу, могло бы привести к принятию решения многими ныне самозанятыми гражданами по переходу на работу на такие рабочие места. Это бы перезапустило процесс «обеления» российской экономики, остановило бы спекуляции на тему причин низких темпов роста ВВП, якобы кроющихся в низкой безработице и перезагруженности производственных мощностей. Обе причины не выдерживают критики, если смотреть на проблему комплексно, в динамике и с учётом применения всех рецептов стимулирования новой индустриализации. Для этого государство должно приложить максимум усилий, во-первых, по доведению до всех граждан своей страны, начиная со школьников, информации о созданных механизмах государственной поддержки предпринимательской деятельности, и во-вторых, по резкому снижению масштабов контрольно-надзорной деятельности. В противном случае недоверие к государственным институтам со стороны бизнеса снижаться не начнёт.

Более того, представители подавляющего большинства видов бизнес-деятельности из самых разных отраслей экономики испытывают недоверие не только к государственным служащим, но и к «чиновникам от бизнеса» – лидерам и аппарату предпринимательских объединений, союзов, гильдий и ассоциаций. Поэтому они, как правило, не стремятся добровольно вступать в эти объединения, не видят для себя пользы от их деятельности, часто обращаются к ним лишь в крайних для себя жизненных обстоятельствах. В свою очередь, и «большая четвёрка – G4» (ТПП, РСПП, «Деловая Россия», ОПОРА), и отраслевые бизнес-объединения, не охватывают в должной степени своей членской базой предпринимательское сообщество, особенно с учётом упомянутых самозанятых граждан. Также у них нет сколько-нибудь полных сведений о количественном составе участников отраслей и видов предпринимательской деятельности как в целом по стране, так и в региональном разрезе. Поэтому, представляя деловые круги на встречах с руководством страны и органов власти, G4 и иные объединения часто не в полной мере отражают настроения предпринимателей, а выдвигаемые ими предложения иногда носят специфический отпечаток узкогруппового лоббизма в пользу отдельных компаний, что деформирует истинную картину потребностей развития отдельных отраслей.

Важно отметить и тот факт, что, не будучи носителями прямого административного ресурса, G4 и иные предпринимательские объединения не имеют возможности получать из государственных органов сведения о количестве, адресах и фактах реальной деятельности всех участников

отраслей. Более того, таких сведений в оформленном в реестр виде нет и в большинстве профильных федеральных органов исполнительной власти, а межведомственный обмен по-прежнему чрезвычайно затруднён. Скажем, статистику о компаниях, реально работающих (а не просто числящихся) в отраслях, целесообразно брать не в Росстате, а в ФНС. Ведь это не налоговая тайна, а лишь общие сведения о «живых» компаниях в каждой отрасли и их адресах, и не случайно поэтому реестр малого и среднего предпринимательства было принято решение создавать именно на основе данных налоговой отчётности. А, например, в Минпромторге России по-настоящему достоверными можно считать лишь сведения о предприятиях – поставщиках продукции оборонно-промышленного комплекса.

Таким образом, назрела потребность в организации на постоянной основе более эффективной, единой и внутренне гармоничной системы «Государство – бизнес», построенной по принципу не размера бизнеса и не принадлежности к тому или иному предпринимательскому объединению, а комплексно, охватывая все отрасли и регионы. Для этого нужен регулярный, а не эпизодический, например, ежемесячный диалог предпринимателей, представляющих каждый вид бизнес-деятельности, с профильными чиновниками, работающими в отраслевых министерствах и ведомствах. В ходе такого диалога должны вскрываться все барьеры, мешающие развитию каждого вида бизнеса (отрасли, подотрасли), вырабатываться предложения по их оптимизации и преодолению, изучаться и «расширяться» узкие места по всем видам ресурсов, рассматриваться и согласовываться идеи смежников и потребителей и т. д. Как организовать этот диалог, хватит ли для этого временных и финансовых ресурсов?

В основу базового подхода разумно положить Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2), который включает около 2 тысяч конечных видов – «подотраслей», – объединённых в 21 раздел и 88 подразделов. Некоторые из них не могут быть отнесены к бизнес-деятельности, например, услуги в области государственного управления и обеспечения военной безопасности. Но для всех остальных система «Государство – бизнес» должна начать работать.

Государственный ресурс для этого нужен совсем небольшой. Действительно, всего лишь 100 государственных служащих, проводя ежемесячно (20 рабочих дней) каждый по одному заседанию (2–3 часа) в день, смогут охватить все 2 тысячи подотраслей на постоянной основе. Каждый такой чиновник тем самым будет системным куратором в среднем 20 видов/подотраслей. Эти люди должны быть полностью освобождены от «текучки», сопровождающей деятельность любого органа власти. Им надо заниматься только организацией этих заседаний, обобщением их результатов, тестированием различных идей на своих «аудиториях», подготовкой предложений по улучшению инвестиционного климата и созданию новых производств и центров услуг в своих и смежных подотраслях. При этом участников заседаний от бизнеса целесообразно периодически ротировать, особенно в тех подотраслях, где представлено много компаний.

Нужно ли выделить эти 100 человек в отдельную структурную единицу? Совсем не обязательно, хотя и допустимо, например, под эгидой Открытого правительства. Однако отраслевые министерства и ведомства

могли бы сами организовать такую работу по своему профилю, в ежедневном режиме собирая представителей каждой подотрасли на «круглый стол», посвящённый её проблемам развития и способам их решения в других странах. Подобный опыт постепенно накапливается, например, в некоторых департаментах Минпромторга России и Минсельхоза России. В целом же такая система помимо выявления и выработки предложений по оптимизации и снятию административных и иных барьеров, мешающих развитию подотраслей, могла бы помочь в организации решения и ряда специальных вопросов, например, импортозамещения.

Действительно, конечные импортёры каждого конкретного наименования продукции могут на очередном «круглом столе» не только подписать протоколы о намерении переориентироваться на закупки отечественной продукции в случае, если она по цене будет более выгодна, а по качественным параметрам не будет уступать импортируемой, но и принять участие в софинансировании строительства соответствующих импортозамещающих мощностей. Остальную часть финансирования предоставят крупные государственные и частные банки, а также иностранные производители импортируемой продукции (видя угрозу потери существенной части российского рынка). От государства требуется лишь организационная работа, чтобы объединить за «круглым столом» российских импортёров для такого разговора. Также может понадобиться предоставление государственной гарантии, например, в объёме до 50 % от общих инвестиционных затрат. На заключительном этапе следует изучить возможность оказания содействия со стороны других государственных институтов развития, например, Фонда развития промышленности, Фонда развития моногородов или Российского фонда прямых инвестиций, если стоимость заёмного финансирования с рынка оказывается для проекта неподъёмной.

Мы уверены, что российский бизнес, особенно крупный и средний, уже достаточно цивилизовался для того, чтобы возвращать в полном объёме заёмные средства, взятые у банков под введение в действие импортозамещающих мощностей, и не доводить дела до гарантийных случаев. В этой связи финансовые риски государства будут минимальны, особенно тогда, когда вовлечь в проект удаётся крупных потребителей импортной продукции (в том числе под специальные инвестиционные контракты для целей локализации). Банки более охотно будут ссужать деньги, видя надёжный спрос на продукцию, производимую на импортозамещающих мощностях, а также собственные гарантии участников проекта.

Следует отметить, что оценку коммерческой эффективности каждого импортозамещающего проекта должны будут проводить частные участники «круглого стола» и заинтересованные представители соответствующей подотрасли. Соответственно, риск ошибок, которыми полны чисто государственные проекты, в данном случае также минимален. Если крупные конечные покупатели импортной продукции, постоянно конкурирующие между собой на рынке и потому испытывающие друг к другу недоверие, не сойдутся в едином мнении касательно организатора и дирекции инвестиционного проекта, то государство всегда может само провести соответствующий тендер. Однако принципиально важным здесь является жёсткий контроль частных участников проекта за деятельностью подобной дирекции.

Представители каждой подотрасли, участвующие в ежемесячных заседаниях профильного для них «круглого стола», помимо импортозамещения могут оказать серьёзное содействие развитию стандартизации и технического регулирования в целом, вырабатывая соответствующие нормы и требования к продукции. Также проще стало бы решать общие для всех вопросы подготовки кадров нужных специальностей. Более эффективно заработали бы имеющиеся в подотрасли организации, сертифицирующие технологии, а также центры коллективного пользования и лизинговые компании. Вместе со снятием отдельных административных, тарифных, монопольных и иных барьеров, мешающих динамичному развитию соответствующих подотраслей, регулярная работа «круглых столов» способствовала бы укреплению доверия в системе «Государство – бизнес».

Конечно, в первое время регулярной работы «круглых столов» взаимное недоверие, особенно со стороны представителей бизнеса, будет сохраняться. Однако с каждым решённым вопросом, с каждым успешно реализованным инвестиционным проектом качество отношений будет приобретать всё более цивилизованный и доверительный характер. И почти сразу возникнут некоторые важные для экономики следствия, среди которых отдельно выделим упрощение условий для создания кластеров.

Территориально-отраслевые комплексы (кластеры)

На что похожи кластеры? Здесь лучше всего подходит бытовая аналогия с шампуром, на который нанизываются куски мяса: центральная идея/продукт, вокруг которого складывается многоуровневая кооперация малого, среднего и крупного бизнеса, занимающегося как переработкой и доведением продукции до вида конечного использования, так и изготовлением различных компонентов для основного продукта.

В чём преимущества кластеров? Снижаются затраты, прежде всего логистические и инфраструктурные. У участников кластера выше производительность труда, меньше совокупные риски ведения бизнеса, больше возможностей для инноваций, энергосбережения, создания новых рабочих мест и повышения квалификации кадров. Некоторые кластеры легко тиражировать, заимствуя в других регионах уже отработанные схемы взаимодействия участников. Для нашей территориально гигантской страны – это принципиально важно.

В чём состоят главные сложности в процессе формирования сети кластеров в России? В отличие от создания нового предприятия, например, завода, очень непростым становится процесс согласования решений и получения разрешений. Например, участники кластера могут предъявлять разные требования к общей инфраструктуре. Однако укрепление доверия в системе «Государство – Бизнес» упростит такие задачи: привычка к совместной выработке решений и предложений по общим проблемам, привитая в ходе регулярных «круглых столов», начнёт сказываться и в процессе создания кластеров. В результате Россия и в этом направлении постепенно войдёт в число стран с развитой структурой экономики, создав по всей территории страны сеть из самых разнообразных, инициированных бизнесом кластеров. Это снизит зависимость страны от экспорта сырья и импортируемой

инфляции, уменьшит волатильность валютного курса рубля, кардинально увеличит производительность труда и уровень жизни занятых на производстве людей, повысит конкурентоспособность российского бизнеса.

Сколько нужно кластеров для такой страны как Россия? На этот вопрос в настоящее время дать ответ невозможно. Однако, исходя из некоторых ключевых показателей эффективности, сформулированных Президентом России В. В. Путиным для Правительства Российской Федерации в его «инаугурационных» майских 2012 г. указах, приблизительную оценку сделать можно. Взяв в качестве высокопроизводительного рабочего места (ВПРМ) то, которое приносит не менее 3 млн рублей добавленной стоимости в год, и помня про ориентир создания 25 млн ВПРМ, можно утверждать: эти ВПРМ будут генерировать порядка 75 трлн рублей ВВП ежегодно и образовывать около 250 тысяч новых или модернизированных предприятий с количеством занятых в среднем по 100 человек. Половина из этих организаций может входить в кластеры. Получится примерно 1200 кластеров в среднем по 100 предприятий, – это нормально для развитой кооперации.

Достаточно ли компетенций для создания такого количества кластеров? В стране имеется гораздо больше, чем 1200 высококлассных крупных предпринимателей – организаторов бизнеса, каждому из которых по плечу задача формирования полноценного кластера. И в стране есть 50 тысяч предпринимателей, которые составят костяк для этих кластеров, а также ещё 100 тысяч потенциальных предпринимателей, которые присоединятся к ним на следующем этапе. Плюс к этому надо добавить иностранных инвесторов, особенно из стран, не поддерживающих режим санкций, введённых против России некоторыми странами Запада. Поэтому даже по самым минимальным оценкам в нашей стране достаточно предпринимательских компетенций для решения этой задачи. Важно будет самым тесным образом с ними работать, слушать их аргументы в части потребностей кластеров, и даже инфраструктурное строительство с ними согласовывать, чтобы не строить «дороги в никуда». Кстати, эти бизнес-лидеры в отличие от большинства чиновников-теоретиков на своей практике доказали, что они – люди дела. За них самих и за их инвестиции уже конкурируют другие страны, а вот про конкуренцию за российских чиновников, даже переставшими быть государственными служащими, информации нет.

Оптимистично следует смотреть и на проблему трудовых ресурсов для сети кластеров. Как уже говорилось выше, из рядов самозанятых и низкооплачиваемых граждан можно рекрутировать миллионы рабочих рук для кластерных ВПРМ. На наш взгляд, нуждается в серьёзной реорганизации и блок госсектора, связанный с контрольно-надзорной и правоохранительной деятельностью: сейчас он и по численности, и по эффективности не соответствует лучшим мировым практикам. Следует провести скрупулёзный сопоставительный анализ, в каких именно местах возникают неэффективность и избыточный персонал. Решительный переход на страховые принципы позволит и снять избыточное административное давление, и сэкономить бюджетные средства, повысить качество соблюдения обязательных требований на производстве, и высвободить множество специалистов.

Хватит ли инвестиций на кластеры, особенно в условиях дефицита федерального бюджета, и сколько их надо? Мировой опыт свидетельствует, что на создание одного ВПРМ в развивающихся странах в среднем требуется от 50 до 100 тысяч долларов вложений в зависимости от отраслевой специализации. Итого – до 2,5 триллионов долларов на все 25 миллионов ВПРМ. 1200 кластеров предъявят спрос примерно на половину, что при нынешнем курсе рубля соответствует около 78 триллионам рублей. Речь ни в коем случае не идёт о государственных средствах, в основном это частные и банковские деньги, лишь некоторое их количество будет привлекаться под государственные гарантии, особенно в случаях подведения производственной инфраструктуры. Определённые суммы могут быть предоставлены и государственными институтами развития в качестве софинансирования. Отметим, что количество относительно свободных средств в руках банковской системы последний год увеличивается, что дало Центральному банку Российской Федерации основание говорить про нарастающий профицит ликвидности на рынке. Однако без комплекса мер по созданию стимулов для их инвестиционного применения (например, посредством реализации программы «Экономика роста» Столыпинского клуба), эти средства не станут финансовой основой для сети кластеров и соответствующих инвестиционных проектов, а лишь увеличат давление на валютный рынок и рынок государственных облигаций.

Что ещё государство может и должно сделать для развития кластерных инициатив, не прибегая к очередным бюджетным тратам? Например, в сфере выдачи разрешений:

1) признать в качестве достаточной основы для проектирования новых производств в России те директивы, технические регламенты и стандарты стран ОЭСР, где производятся заводы и цехи «под ключ», которые будут закупаться, монтироваться и работать в нашей стране;

2) признать международные лицензии, сертификаты и аккредитации стран ОЭСР в качестве достаточной основы для автоматического допуска иностранных проектных организаций на российский рынок при условии, если инвестиционный проект реализуется на базе иностранных технологий и оборудования;

3) обеспечить «одно окно» для подачи заявлений, документации, расчётов и материалов, связанных с получением разрешений на реализацию инвестиционных проектов и на ввод в эксплуатацию новых объектов. Обеспечить европейский уровень (до 100 дней) по срокам рассмотрения всех таких документов;

4) обеспечить реализацию принципа «один продукт – один документ», описывающий все виды разрешений на производство и обращение этого продукта на территории России.

Есть уверенность, что в ходе работы «круглых столов» подотраслей будет высказано, подготовлено в виде нормативных правовых актов и реализовано огромное количество подобных предложений. Главное – обеспечить системную работу над ними, последовательно, без текучки и бюрократической нервотрёпки.

РОССИИ НУЖНА РАЗУМНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Бабкин К. А., сопредседатель Московского экономического форума, председатель Совета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России, президент Российской ассоциации производителей сельхозтехники «Росагромаш»

В 2016 г. исполнилось 25 лет с начала проведения «гайдаровских реформ», которые до сих пор определяют российскую экономическую политику.

Цифры и факты начала «гайдаровских реформ»:

- сокращение ВВП 18%;
- рост цен в 26 раз;
- 30% населения – недоедание;
- безработица – 40% населения;
- спад промышленности – 19%;
- рост преступности – в 2 раза с 1990 по 1993 г.

Мы разрушили советскую систему, но создать другую успешную экономическую модель у нас не получилось. Сегодня страна, которая обеспечена всеми необходимыми ресурсами, огромным рынком и прекрасными территориями, где живут образованные граждане, отстаёт в темпах развития от многих других государств.

Доля России в мире по запасам природных ресурсов:

- чернозём – 1-е место;*
- леса – 1-е место;*
- уголь – 2-е место;*
- газ – 1-е место;*
- железная руда – 3-е место;*
- нефть – 6-е место;*
- пресная вода – 1-е место.*

При этом 16,1 млн человек (11,2% от общего числа) живут за чертой бедности.

Многие люди живут в бедности и не могут купить необходимое количество продовольствия, не говоря уже о том, чтобы обеспечить достойный уровень жизни и почувствовать себя полноценным средним классом. Они сидят без работы, в то время как поля никто не обрабатывает, без дела стоят тысячи тракторов, разрушаются фермы. Уверен, что бедность существует в нашей богатой стране только потому, что выстроена неправильная экономическая политика.

Либеральная экономическая доктрина, которая доминирует в России уже четверть века, отрицает необходимость планирования и борьбы за развитие. Считается, что невидимая рука рынка всё сделает за нас – этим принципом и руководствуются либералы, отрицая, что эта доктрина привела страну к деградации, к сокращению населения, к отставанию от других стран.

Что делать?

Пришло время отказаться от беззаветной веры в добрую силу невидимой руки свободного рынка. Необходимо выстроить активную государственную экономическую политику, которая стимулирует производство в сельском хозяйстве, в промышленности, которая обеспечивает экономику дешёвыми ресурсами, низкими налогами, поддерживает экспорт, добивается доступа на внешние рынки и тем самым даёт людям работу, возможность реализовать себя и свои таланты.

Без вмешательства государства в экономику не обойтись – оно устанавливает налоги, пошлины и процентную ставку Банка России. В этом государство руководствуется не интересами производства, а абстрактной целью 25-летней давности: отказаться от имперских амбиций и встроятить страну в мировую экономику на правах сырьевого придатка. Такая политика привела нас к сокращению населения, к бедности, безработице, к деградации и экономической, и культурной, и образовательной.

О трудовых ресурсах

Сегодня нигде не трудоустроены четыре миллиона человек или 5,5% экономически активного населения России (официально зарегистрированные безработные, а также те, кто находится в поиске работы). К этой цифре надо добавить полтора миллиона охранников, которые зачастую обладают достойным образованием, но не могут найти работу, и ещё полтора миллиона бухгалтеров, которые обслуживают неоправданно сложную систему бухгалтерии и финансовой отчётности.

Невостребованность человеческого потенциала у нас очень высокая. С ней нужно бороться путём создания качественных и высокооплачиваемых рабочих мест в первую очередь в сельском хозяйстве, поскольку село по количеству безработных традиционно значительно опережает город.

За 25 лет с начала «гайдаровских реформ» производство продовольствия удвоилось во всех регионах мира: в Северной и Южной Америке, в Африке, в Китае. У нас упало на 40%. Здоровое и трудоспособное сельское население вынуждено сидеть без работы или ездить в соседний город работать охранниками. Людям создали невыгодные условия, не позволяющие выращивать овощи, фрукты, зерно, производить качественную молочную продукцию, заниматься животноводством. Всё это можно исправить, приняв необходимые меры экономической политики.

Разрешённый уровень господдержки сельского хозяйства в ВТО:

ЕС – 107,7 млрд долларов;

США – 23,9 млрд долларов;

Китай – 147,0 млрд долларов;

Россия – 4,4 млрд долларов, в реальности нет и этого...

Не городить стены, а создавать равные условия конкуренции

Во внешней политике необходимо искать возможности для реализации взаимных интересов. В частности, в области сельхозмашиностроения

нет выраженной экономической изоляции. Мы спокойно сотрудничаем с Канадой, с Германией, другими странами, кроме, пожалуй, Украины и Ирана. С Западом и Китаем у России нет никаких экономических проблем, поскольку на сотрудничество работает экономическая целесообразность. Думаю, изоляции не было и во время начала «ельцинских реформ» – все наши проблемы больше внутренние.

Скажем, ограничение на ввоз сыров из Швейцарии привело к созданию многих сыроварен в России. Другое дело, что ситуативные ответы на «обиды» в форме антисанкций не приводят к долгосрочному экономическому росту. Поэтому базисом нашей политики должны быть не реакции на внешние раздражители, а анализ и создание равных условий конкуренции для российских производителей.

В Швейцарии, например, дотации фермерам составляют 900 евро на гектар обрабатываемой площади, а у нас – 5 евро, которые к тому же распределяются непрозрачно и достаются далеко не всем. Соответственно, если мы хотим создать равные условия конкуренции для российского сельского хозяйства, мы должны либо повысить дотации, либо защитить нашего крестьянина пошлинами или квотами, либо обеспечить ему гораздо более дешёвый ресурс, чем имеет швейцарский фермер. Тот же Евросоюз активно применяет ограничительные меры, устанавливает большие пошлины и квоты на импорт зерна. Из-за этого мы не можем продать странам ЕС ни одной тонны зерна. Поэтому в ограничительных мерах нет ничего плохого, главное – правильно их применять. Не надо городить стены, когда необходимо создавать равные условия конкуренции.

Дотации фермерам в расчёте на гектар:

Россия – 5 евро/гектар;

Швейцария – 900 евро/гектар.

Стержень новой экономики России – развитие сельского хозяйства и промышленности

Мы все говорим о политике, об экономике, об увеличении производства. Основным направлением я предлагаю сделать как раз последнее – развитие сельского хозяйства и промышленности. В условиях правильной экономики главной ценностью станут не тонны урожая, нефтяные залежи, количество долларов на счетах или абстрактные показатели типа соотношения госдолга к ВВП, а человек труда. Люди будут ощущать себя достойными, о них будет заботиться государство – повысится уровень медицины и образования, возрастёт качество жизни, потому что общество, которое думает о движении вперёд, будет всецело настроено на человека труда – создателя будущего.

Стержнем активной экономической политики, нацеленной на созидание и независимое развитие страны, должно быть производство, промышленное и аграрное развитие. Это позволит в несколько раз увеличить объёмы отечественной продукции и дать миллионам людей больше возможностей реализовать свои таланты, работать и зарабатывать. Понятно, что нам надо заботиться и о культуре, и об образовании, и о науке, и о ме-

дицине. Но без развития производства, если не будут востребованы люди, станут ненужными образование и наука. Даже если мы вложим нефтяные доходы в инфраструктуру, наша страна без реального сектора ничем не оправдает своё существование, поэтому главной целью социально-экономического развития России до 2030 г. должно стать проведение новой индустриализации.

Достижение поставленной цели позволит обеспечить внутреннюю экономическую безопасность страны, создать альтернативные сырьевым источники экспорта. Реализация антикризисных мероприятий, отдельных мер по поддержке экспорта, привлечению инвестиций, импортозамещению и т. п. без ориентации на главную цель позволит на время замаскировать существующие проблемы, но не добиться их решения.

Необходимо установить в качестве приоритета развитие обрабатывающих секторов промышленности, перейти от фискальной к стимулирующей внешнеэкономической политике в соответствии с приведёнными ниже подходами и принципами.

Стимулирующая политика – с чего начинать?

Стимулирующая экономическая политика должна носить системный характер, т. е. реализовываться одновременно по всем направлениям государственного регулирования хозяйственной деятельности. Так, невозможно рассматривать вопросы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в отрыве от проводимой внутренней промышленной политики, развитие несырьевого экспорта без создания условий, стимулирующих развитие производств с высокой добавленной стоимостью на внутреннем рынке.

Стимулирующая экономическая политика в области регулирования внешнеэкономической деятельности (ВЭД) должна быть направлена на выравнивание конкурентных условий между российскими и иностранными производителями. Необходима разработка нетарифных мер поддержки, учитывающих специфику функционирования той или иной отрасли (налоговая нагрузка, стоимость кредитных ресурсов, энергии и комплектующих, логистика, административные расходы и пр.), либо в отсутствие такой возможности – повышение ставок ввозных таможенных пошлин с учётом уровня тарифной защиты, необходимого для каждого отдельного вида продукции.

В основе стимулирующей политики в области регулирования ВЭД должно быть выстраивание чётких приоритетов промышленного развития, классификация и приоритизация развития отраслей экономики.

Так, необходимо провести всесторонний анализ текущего состояния отраслей обрабатывающей промышленности, по итогам которого выделить отрасли группы А – стратегически значимые отрасли, требующие постоянного контроля со стороны государства; отрасли группы Б – наиболее перспективные для развития и экспортно-ориентированные отрасли; отрасли группы В – испытывающие наиболее серьёзные трудности в части конкуренции с импортной продукцией, полностью зависящие от государственных субсидий (рис. 1).

Рис. 1. Приоритеты развития отраслей промышленности

По итогам проведения классификации отраслей необходимо придерживаться не универсального (как в настоящее время), а секторального подхода.

Меры по стимулированию кооперации и локализации производства иностранными инвесторами должны рассматриваться в качестве приоритетных в отношении отраслей группы В, в то время как поддержку отраслей группы А и Б целесообразно сосредоточить на развитии национальных производств полного цикла, для группы А в приоритетном порядке предусматривать мероприятия по импортозамещению.

При выборе основы обеспечения промышленного и социально-экономического развития страны, в развитии экспортного потенциала приоритет должен быть отдан отраслям группы Б, финансирование которых таким образом также должно носить приоритетный характер.

При возникновении противоречий между интересами производителей и потребителей российской продукции, приоритет всегда, на всех уровнях реализации производственных процессов, должен быть отдан интересам развития производства.

Интересно обратиться к опыту Дмитрия Ивановича Менделеева. Мы знаем его как великого химика, но он считал своей главной заслугой вклад в развитие экономики России. В 1891 г. с его подачи был разработан так называемый толковый тариф, который изменил подходы к регулированию внешней торговли. До этого в целом пропагандировалось фритрейдерство. Мы максимально открывали внутренний рынок, чтобы нашим потребителям иностранные товары доставались дешево.

Менделеев правильно определил приоритетную цель внешнеторгового тарифа – «не собрать денег, не влиться в мировую экономику. Главная задача внешнеторгового тарифа – это создание условия для развития обрабатывающих производств».

Им были выделены отрасли, которые в России имели все возможности для развития. Тариф должен был обеспечить защиту таким отраслям. С его точки зрения, пошлины должны иметь возбуждающий характер.

Ставки пошлин по статьям тарифа были повышены в среднем до 25–30 %. По таким товарам, как керосин, пошлины выросли в 3 раза, на нефть – в 2 раза, на медь – от 6 до 8 раз, чугун – в 10 раз, железо – от 3 до 4,5 раза, паровозы – в 4 раза, рельсы – в 4 раза, хлопчатобумажные ткани – в 2 раза и т. д.

В последующие 10 лет произошёл рост промышленного производства более чем в два раза. По отдельным позициям рост производства достигал 2000 %. Это паровозы и пассажирские вагоны – отрасль передового развития в то время.

Результат был очень впечатляющим. И он сохранялся четверть века в России. В России после введения этого тарифа наблюдался экономический бум. После 1917 г. была введена монополия на внешнюю торговлю, толковый тариф Менделеева забыли, другие принципы и другие законы стали действовать в экономике.

Интересно также его понимание государственного «протекционизма»:

«Промышленно-торговую политику страны нельзя правильно понимать, если разумеешь под нею только одни таможенные пошлины. Протекционизм подразумевает не их только, а всю совокупность мероприятий государства, благоприятствующих промыслам и торговле и к ним приравняемых: от школ до внешней политики, от дороги до банков, от законоположений до всемирных выставок, от бороньбы земли до скорости перевозки»¹.

Считаю, что сегодня пора вернуться к тем принципам, которые заложил Дмитрий Иванович.

Принцип определения приоритетов должен быть понятен всем и не иметь исключений. В ситуации наличия производства (или готовых к запуску инвестпроектов по его организации) конфликт интересов потребителей и производителей готовой промышленной продукции должен разрешаться в пользу производителей готовой продукции, конфликт интересов производителей готовой продукции и производителей комплектующих должен быть разрешён в пользу производителей комплектующих и т. п.

Так, необходимо исключить ситуацию импорта аналогичной продукции (например, субсидирование конечных потребителей иностранной промышленной продукции).

Как стимулировать производство в России?

Стратегия государства в области стимулирования локализации производства, запуска новых инвестпроектов должна учитывать в первую очередь интересы существующего на территории России производства аналогичной продукции.

Предоставление бюджетных субсидий иностранным инвесторам должно базироваться на специально разработанной методике оценки уровня локализации и реализовываться только с момента достижения значительного уровня добавленной стоимости.

¹ Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 476

Аналогичный подход должен быть реализован в рамках государственных программ поддержки экспорта, включая деятельность уполномоченных государством структур по поддержке экспорта. В целях развития экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью необходимо предусмотреть разработку и внедрение методики оценки уровня локализации экспортируемой продукции, в качестве одного из критериев принятия решения о выдаче субсидии.

Для реализации стимулирующей экономической политики в области регулирования ВЭД необходимо:

1. Активное и масштабное финансирование государственных программ экспортного кредитования (в настоящее время единственный доступный в рамках правил ВТО инструмент финансовой поддержки экспорта).

2. Повышение эффективности использования механизма государственных закупок отечественной продукции (нет обязательств в ВТО по предоставлению национального режима), что в настоящее время реализуется в рамках постановления Правительства Российской Федерации от 17.07.2015 № 719. На текущий момент всё ещё необходимо проведение работы в части синхронизации механизма поддержки СПИК и критериев, устанавливаемых постановлением от 17.07.2015 № 719, что позволит ужесточить требования к локализации производства, избежать ситуации субсидирования отъёмочной сборки на территории России.

3. Внедрение эффективных механизмов поддержки экспорта и защиты рынка по итогам мониторинга используемых торговыми партнёрами мер, а также оперативное оспаривание мер, применяемых в нарушение обязательств торговых партнёров и наносящих ущерб интересам российской промышленности.

4. Увязка торговой политики в отношении определённого торгового партнёра с проводимой им политикой в области открытия рынка для российского экспорта (преференциальные условия должны создаваться только для торговых партнёров, открывающих свой рынок для российских экспортёров, создающих благоприятные условия их деятельности на своём внутреннем рынке).

5. Приоритет реализации совместных проектов, развития промышленной кооперации с государствами-членами ЕАЭС, выработки совместной стратегии проведения международных торговых переговоров в целях совместной защиты интересов ЕАЭС на площадке ВТО.

6. Кардинальный пересмотр политики участия Российской Федерации в ВТО. Необходим либо выход из этой организации, неисполнение навязанных обязательств, либо выстраивание активной стратегии проведения международных торговых переговоров, которая в настоящее время отсутствует.

Текущая политика участия России в ВТО определяется принятием политики двойных стандартов, все усилия направлены на формальное исполнение навязанных в ходе присоединения обязательств, а не на выстраивание и активное проведение линии защиты национальных интересов, как это реализуется другими государствами – членами ВТО.

Стратегия участия России в ВТО должна быть основана на реализации целей и задач внутренней стимулирующей промышленной политики,

соответственно необходимо более активное использование инструментов государственной поддержки.

Конкурентоспособные налоги

Мощнейшим толчком для развития производства может стать грамотная налоговая политика. Проводимая в России в настоящее время налоговая политика сосредоточена на реализации фискальной функции налогообложения (собирающая), в то время как потенциал стимулирующей функции налоговой системы, создающей условия для инвестиционных вложений в промышленное развитие, остаётся практически нереализованным.

Так, текущий уровень налоговой нагрузки на бизнес крайне высок. По данным Всемирного банка, за 2014 г. суммарная доля налогов и сборов в прибыли компаний до уплаты налогов составляет в России 47 %, США – 43,9 %, Иран – 44,1 %, ОПЕК – 34,4 %. При этом российская система налогообложения не предусматривает масштабных налоговых льгот и преференций, которые активно реализуются в странах – членах ОЭСР, в частности, для стимулирования налогоплательщиков вкладывать получаемую прибыль в развитие производства. Например, в Бельгии единая для всех компаний система предоставления налоговых льгот, которая включает в себя единовременный вычет в размере 14,5 % от всех инвестиций в разработку нового продукта или технологии за отчётный период, ускорение амортизации в размере 21,5 % от стоимости оборудования используемого при разработке, а в Канаде ускорение амортизации в форме списания 50 % затрат на оборудование, понесённых предприятием за отчётный период, уменьшение суммы налога на прибыль в размере половины расходов на модернизацию, реализованных компанией в отчётном периоде.

Решение стоящих перед российской экономикой задач модернизации и обновления основных фондов, создания альтернативных сырьевым источникам экспорта требует кардинального пересмотра текущей налоговой политики, принятия в приоритетном порядке стимулирующих налоговых мер.

Для налогового стимулирования развития промышленности Российской Федерации я предлагаю:

– Предусмотреть ***введение инвестиционной премии по налогу на прибыль, позволяющей списывать 100 % затрат на приобретение основных производственных фондов непосредственно в год их приобретения.***

Введение 100 % инвестиционной премии необходимо в целях оживления инвестиционной активности и увеличения выпуска экономики. Принятие этой меры будет способствовать ежегодному реинвестированию чистой прибыли, так как для компаний-налогоплательщиков это будет означать фактическое освобождение от уплаты налога на прибыль в отчётном периоде.

1 рубль льготы по налогу на прибыль принесёт российской экономике:

– 5 рублей инвестиций;

– до 8 рублей промышленного производства ежегодно;

– рост обрабатывающей промышленности до 1,5 % в год.

В перспективе введение меры не приведёт к росту выпадающих доходов бюджета, так как списание затрат в первый год позволит увеличить налогооблагаемую базу по налогу на прибыль в последующие годы, что возможно также сочетать с повышением ставки по налогу на прибыль, как дополнительного инструмента стимулирования инвестиций. Введение меры будет способствовать увеличению бюджетных поступлений за счёт увеличения ВВП, роста рентабельности, прибыли, вследствие создания мощного стимула для распределения прибыли не в пользу потребления, а в пользу инвестиций в производство.

– Целесообразно ввести инвестиционную льготу по налогу на прибыль в форме уменьшения суммы уплачиваемого налога в размере 50 % затрат компаний на модернизацию имеющихся основных фондов, вложения в R&D.

В России инвестиционная льгота по налогу на прибыль уже была использована ранее, так она была внедрена и доказала свою эффективность в ходе преодоления кризиса 1998 г., обеспечив высокие темпы роста инвестиций и сбора налога на прибыль. В 2002 г. одновременно была отменена льгота и снижена ставка по налогу на прибыль, что резко сократило темпы роста инвестиций (с 12 % до 3 % в год) и снизило сборы налога на прибыль (на 10 %). Предоставление инвестиционной налоговой льготы предприятиям обрабатывающей промышленности России на сумму 250 млрд рублей (50 % от объёма уплаченного налога в 2015 г.) повысит выпуск продукции на сумму до 2 трлн рублей в первый же год. Таким образом, 1 рубль льготы по налогу на прибыль принесёт российской экономике 5 рублей инвестиций и до 8 рублей промышленного производства ежегодно, позволит обеспечить годовой рост обрабатывающей промышленности до 1,5 %.

В целом введение предлагаемых стимулирующих налоговых мер позволит в автоматическом режиме регулировать налоговую нагрузку предприятий в зависимости от их инвестиционной активности.

Отдельно о транспортных налогах и «Платоне»

К важной составляющей налоговой нагрузки на бизнес, оказывающей на промышленное развитие сдерживающий эффект, относятся транспортные налоги и платежи. На сегодняшний день перевозки автомобильным транспортом облагаются целым рядом налогов и платежей, являющихся избыточными и дублирующими друг друга. Обилие и дублирование транспортных налогов и платежей значительно повышает логистические издержки предприятий и снижает их конкурентоспособность. Транспортную составляющую налоговой нагрузки на промышленность необходимо снизить, сократив количество сборов до одного – транспортного налога, включающего в себя плату за проезд. Соответственно система платы за проезд (федеральный и региональный «Платон») должна быть отменена.

Топливный акциз, составляющий бремя потребителей на внутреннем рынке, также предлагается отменить, включив его в экспортную стоимость нефтепродуктов путём повышения экспортных пошлин.

Реализация предлагаемых мер в области транспортного налогообложения активизирует как перевозки внутри России, так и экспортные и транзитные перевозки, база по транспортному налогу вырастет, что позволит частично компенсировать выпадающие доходы консолидированного бюджета вследствие введения мер.

Чем залатать дыры в бюджете?

Компенсацию выпадающих доходов целесообразно также проводить путём планомерного повышения ставок транспортного налога на транспортные средства, относящиеся к предметам роскоши (например, предусмотреть увеличение повышающего коэффициента по налогу на роскошь в части автотранспортных средств стоимостью от 15 млн рублей с 3,0 до 6,0).

В целях повышения эффективности работы системы строительства, содержания и ремонта автомобильных дорог общего пользования предлагаем пересмотреть подход к наполнению дорожных фондов Российской Федерации. Существующая система финансирования дорожных фондов подразумевает наполняемость этих фондов за счёт сбора маркированных налогов и платежей (транспортный налог и топливные акцизы). Между тем годовые отчёты фондов свидетельствуют, что такая система неработоспособна. Так, дорожные фонды лишь на 33% финансируются за счёт транспортного налога и топливных акцизов. При этом, закрепив схему наполнения фондов за счёт сбора маркированных налогов, законодатель лишается возможности существенного снижения их ставки без риска недофинансирования фонда. Необходимо пересмотреть данную систему в сторону прямого финансирования фондов из федерального и региональных бюджетов. Это позволит ликвидировать маркировку налогов и платежей и установить их ставки на эффективном уровне (без привязки к наполняемости соответствующих фондов).

Распределение налоговых доходов между регионами и центром

В целях увеличения возможностей для стимулирования промышленного развития в субъектах Федерации необходимо существенно реформировать систему распределения налоговых доходов между федеральным и региональными бюджетами.

В России две трети налоговых доходов поступают в федеральный бюджет, при этом большинство региональных бюджетов являются дефицитными. В результате регионы не имеют ни финансовых возможностей (дефицит бюджета), ни значительных стимулов к развитию (доходы уходят в федеральный бюджет).

Например, в Германии подобного перекоса не наблюдается: доходы делятся поровну между федеральным и региональными бюджетами. Это создаёт и стимулы, и возможности для регионов развивать промышленность (рис. 2).

В России необходимо повысить долю региональных бюджетов в налоговых доходах.

Рис. 2. Распределение налоговых поступлений между федеральным и региональными бюджетами

На текущий момент доходы распределяются в отношении «два к одному». На 1 рубль доходов федерального бюджета приходится всего 50 копеек доходов регионального бюджета. Это связано с тем, что большинство крупнейших по объёму сборов налогов (НДС, НДСПИ, доходы от внешнеэкономической деятельности) напрямую поступает в федеральный бюджет.

Основные статьи доходов региональных бюджетов – НДФЛ, налог на прибыль (из которого также 2 п. п. перечисляется в федеральный бюджет).

Если сборы НДС и НДСПИ сопоставимы со сборами НДФЛ и налога на прибыль, то доходы от внешнеэкономической деятельности значительно (в 5 раз) превышают сборы налогов на имущество.

Необходимо ликвидировать перекос в распределении налоговых доходов. Для этого предлагается оставить 100% сборов налога на прибыль в региональных бюджетах, а НДС распределить поровну между федеральным и региональными бюджетами. Это позволит распределить доходы в отношении 1,25 к 1, т. е. на 1 рубль доходов федерального бюджета будет приходиться 80 копеек доходов региональных бюджетов.

Двузначный рост нашей экономики реален

Хочу напомнить, что потенциал нашей страны огромен. Производство, выстоявшее при неадекватной экономической политике, своей живучестью это доказало. Сельхозмашиностроение, сельское хозяйство, производство мебели, самолётов и другие сохранившиеся отрасли в перспективе суперконкурентоспособны. При правильной экономической стратегии, разумных налогах и ставке Банка России, при поддержке экспорта мы сможем измерять рост в промышленности и в сельском хозяйстве не долями процента, а двузначными цифрами.

Например, в этом году рост российского сельхозмашиностроения достиг 25%. Это произошло, во-первых, из-за девальвации рубля, которую Правительство Российской Федерации воспринимает как трагедию на фоне борьбы с инфляцией. Во-вторых, реальный эффект дала

программа субсидирования крестьянам 25% стоимости сельхозтехники. На субсидию потрачено не так много денег, но результат оказался впечатляющим. Проблема в том, что и с этой программой многие в правительстве борются, сокращая её долю в бюджете. Я надеюсь, что кризисные явления и внешнеполитическая обстановка помогут чиновникам оценить потребности отрасли в комплексе, и Правительство Российской Федерации признает, что нужно планировать и проводить активную промышленную политику, увеличивая рентабельность реального сектора.

Вот уже несколько лет мы говорим о поставленных выше вопросах без всякой цензуры и исключений на Московском экономическом форуме. Кризиса не стоит бояться, он может оказать оздоравливающий эффект, если мы сможем ответить на вызов и пересмотреть экономическую политику.

ОБ ОСНОВАХ ЭФФЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Дасковский В. Б., научный руководитель Национального института экономики, доктор экономических наук,

Киселёв В. Б., профессор кафедры «Экономика и управление социально-экономическими системами» Московского государственного университета пищевых производств, доктор экономических наук

Актуальность проблемы. Вялость инновационного обновления техники и технологии советского периода сменилась параличом процесса воспроизводства в период рыночных реформ. Сегодня, когда развитые страны готовятся к переходу на новый технологический уклад, производительные силы России включают лишь 15% достижений уже уходящего технологического уклада. Физический и моральный износ техники и технологии обусловил нарастание затратности производства, а с ней рост цен (инфляции), снижение рентабельности предприятий и неконкурентоспособность их продукции.

Десятилетия функционирования предприятий народного хозяйства в условиях инвестиционного голода и финансовой нищеты деформировали экономическую среду. Движущей силой хозяйственной деятельности стала не борьба за развитие производства в целях снижения издержек и повышения качества продукции, а борьба за выживание обречённых из-за деградации материально-технической базы на небытие предприятий путём повышения цен, вхождения под надёжную «крышу» чиновников или правоохранительных органов и массового использования «отката». Конкуренция в общепринятом содержании этого понятия в российской экономике отсутствует.

Экономическая среда сильно «засорена» убыточными и низкорентабельными предприятиями, не способными отвечать по хозяйственным договорам. Длительное функционирование предприятий и экономики в целом вне рамок экономических законов, закономерностей, норм и нормативов, замена на государственном уровне научно обоснованного подхода, паллиативными решениями привело к ситуации, в которой базовые критерии, экономические категории и показатели измерений хозяйственной деятельности оказываются недейственными. Неупорядоченность массовых решений хозяйствующих субъектов и несоответствие их последствий общей цели в нерегулируемом рынке вызвало ускоряющееся падение эффективности народного хозяйства.

Институциональное строительство не только не завершено (отсутствие долгосрочного кредита, разбазаренная природная рента, дотационный Пенсионный фонд, нежизненность процедуры банкротства, не работающие институты развития, неэффективность государственного планирования и процедур проектирования бюджета, не стимулирующая экономическое и социальное развитие налоговая система и денежно-кредитная политика и др.), но имеет результатом и аварийные, находя-

щиеся в эксплуатации объекты, в частности, работающую на себя – «ядовитую» банковскую систему.

Уже к 2009 г. на пике «макроэкономической стабилизации» многие из предприятий, ориентированных на внутренний рынок, вплотную подошли к рубежу банкротства: рентабельность хозяйствования, их финансовая устойчивость неудовлетворительны, выпускаемая ими продукция неконкурентоспособна, полноценных источников развития они не имели. По оценке руководства страны, «отечественный бизнес, за малым исключением, не изобретает, не создаёт нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, – сырьём либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведённые в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью. Отсюда и большее, чем в других странах, падение производства во время нынешнего кризиса» [1]. Как было признано, «мы сделали далеко не всё необходимое в предшествующие годы. И далеко не всё сделали правильно» [1].

За 25 лет пореформенного периода (1992–2016 гг.) на прежних предприятиях усилиями прежних трудовых коллективов, в условиях мирного времени Россия не только не достигла, но и ухудшила очень низкие стартовые технико-экономические показатели находившейся в «перестроечном» кризисе советской экономики. Произошёл развал ряда отраслей (машиностроения, электронной, химической промышленности и др.), деформирована структура промышленности, затянулась стагнация строительства, сельского хозяйства и транспорта. Не прекращена растрата колоссального научно-технического потенциала. Сама жизнь свидетельствует о том, что экономическая политика всего переходного периода не адекватна требованиям времени.

Неэффективность экономической политики – результат прежде всего отсутствия теоретической платформы, определяющей в числе других важных положений социально-экономического развития место государства в экономике, способы, формы, направления и степень его участия в ней. Отсюда много противоречивых действий и серьёзных ошибок.

Ещё со времени мирового кризиса стало ясно, что нашей стране необходима новая модель социально-экономического развития, адекватная задачам инновационной модернизации. Дискуссия по корректировке концепции и стратегии развития страны продолжается до сих пор. Обостряющийся в течение 2013–2015 гг. внутренний экономический кризис в России серьёзно обеспокоил руководство страны. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. В. В. Путин отметил: «В прошлом году мы столкнулись с серьёзными экономическими вызовами. Упали цены на нефть, другие наши традиционные экспортные товары, был ограничен и доступ российских финансовых учреждений, компаний на мировые финансовые рынки. Знаю, что многим сейчас непросто. Сложности в экономике сказываются на уровне жизни наших людей. И хорошо понимаю, что люди задаются вопросами: когда мы преодолеем трудности и что для этого будем делать?..

Мы должны быть готовы к тому, что и период низких цен на сырьё, да и возможно, внешние ограничения могут затянуться, и затянуться надолго. Ничего не меняя, мы просто-напросто проедим наши резервы, а темпы роста экономики будут колебаться где-то на нулевой отметке» [2].

Неудовлетворительные итоги завершившегося года и явно обозначившееся торможение в экономике в I квартале наступившего 2016 г., растерянность власти и острые разногласия во взглядах учёных, специалистов и экспертов на пути развития в новой ситуации, судя по всему, были для В. В. Путина побудительным мотивом провести 25 мая заседание президиума Экономического совета при Президенте России (предыдущее проводилось в 2014 г.), на котором обсуждались три доклада – от Минэкономразвития России, Столыпинского клуба «Деловой России» и Центра стратегических разработок. По данным РБК, В. В. Путин, открывая Совет, признал, что старая модель экономического роста исчерпала себя: «Резервы и ресурсы, которые в начале 2000-х двигали нашу экономику вперёд, не работают так, как прежде... Если не найти новые источники роста, динамика ВВП будет находиться где-то около нулевой отметки». Задачу Экономического совета Президент России обрисовал так: «Обсудить и наметить ключевые ориентиры экономической политики до 2025 года, определить основные факторы роста экономики и развития социальной сферы при ограничениях: сохранения макроэкономической стабильности, не допущения раскочки бюджетного дефицита и разгона инфляции». По итогам совещания, по заявлению пресс-секретаря Президента России Д. Пескова, «все точки зрения приняты во внимание, обсуждение будет продолжено» (РБК).

Ещё до заседания Экономического совета при Президенте России важные назначения получил А. Л. Кудрин. Он стал председателем Центра стратегических разработок (ЦСР) и руководителем рабочей группы «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост» в рамках Экономического совета. Свои предложения А. Л. Кудрин должен сформулировать в начале следующего года, координируя свои действия с экспертами, которые разрабатывают «Стратегию-2030». Подход бывшего вице-председателя Правительства России (и министра финансов) к решению макроэкономических проблем известен, он, на наш взгляд, является первопричиной нынешних трудностей российской экономики и необходимости разбирательств по этому вопросу. Однако озвученная им постановка в части обоснования направлений, путей и методов выведения экономики к устойчивому экономическому росту высокими темпами на базе определения главных препятствий к этому – конструктивна.

Параллельно с установлением диагноза хвори российской экономики и разработкой курса её восстановления, чем занимаются под руководством Кудрина должностные и заинтересованные лица, проведём эту работу и мы. Анализ выполним с позиций, определённых Президентом Российской Федерации: «Россия не имеет права быть уязвимой. Нам нужно быть сильными в экономике, в технологиях, в профессиональных компетенциях, в полной мере использовать сегодняшние благоприятные возможности, которых завтра может уже и не быть» [2].

Стратегия инновационной реконструкции народного хозяйства

Обоснование стратегии. Сопоставление потребности в инвестировании с объёмами и структурой реальных инвестиций свидетельствует об отсутствии противодействия разрушению народного хозяйства ввиду

недейственности инвестиционной политики. О недостаточности инвестирования основного капитала свидетельствует темп выбытия основных фондов 0,7–1 % в год (более 100 лет на замену действующих основных фондов). При таком хозяйствовании нельзя рассчитывать на укрепление бюджета и самообеспечение нации собственным трудом, не говоря уже о росте конкурентоспособности отечественных товаров на мировых рынках.

Учёт реального положения исключает надежды на преодоление трудностей лишь переходом от «модели спроса» к «модели предложения», как предложено при послекризисной корректировке Концепции и Стратегии социально-экономического развития – 2020 [3, 4]. Недостатками и других предложенных стратегий является недооценка тяжести существующего положения [5, 6, 7], угрожающего приближением скоротечной (в течение нескольких лет) развязки, под которой подразумевается наступившая невозможность существования государства без интенсивного наращивания суверенного долга.

Конкурентоспособные стратегии должны быть не только перспективными, но и реализуемыми в пределах наличия ресурсов и имеющегося запаса времени [8]. Это означает, что бездотационность госбюджета нефтегазовыми доходами, его самодостаточность должна быть достигнута в течение нескольких ближайших лет. Достижение такой цели явится подстраховкой стабильности положения в стране при новых глобальных «подвижках» в мировой экономике. В этом плане особое значение приобретает возможность генерирования в кратчайшие сроки нарастающих потоков дохода в народном хозяйстве в процессе реализации мероприятий новой стратегии развития.

Идея о концентрации усилий и ресурсов на опережающем развитии и становлении базисных производств нового технологического уклада безусловно плодотворна [6]. Однако, принимая во внимание царящую разруху в инновационной системе, к которой она пришла за годы рыночных преобразований, а также значительные временные лаги и затратность инновационного цикла, серьёзно рассчитывать, что с помощью пока ещё фантомов нано- и биотехнологии удастся нарастить приход российского бюджета в ближайшем пятилетии не приходится, хотя благополучное выживание России в стратегическом плане невозможно без решения этой проблемы. Совершенно очевидно, что нынешний российский бюджет не осилит, а экономика не выдержит финансовой нагрузки реализации и становления стратегии нового технологического уклада, поскольку положительные результаты проявятся за пределами срока возможного существования экономики в её нынешнем виде и состоянии.

Сегодня первейшая задача сводится к удушению кризиса и преодолению распада экономики путём энергичного инновационного её обновления. В российских условиях замена каждого устаревшего рабочего места (их 85 %) современным приближает к преодолению экономического кризиса, что выразится в росте производительности труда и зарплаты работников, уменьшении зависимости бюджета от трансферта нефтегазовых доходов, росте рентабельности и прибыли хозяйственной деятельности, оживлении парализованного процесса воспроизводства основных фондов.

В развитых странах функционирует современная материально-техническая база. Их усилия концентрируются на освоении нового технологического уклада. В России преобладает техника и технологии 1965–1980 гг. В соответствии со сроками полезного использования они подлежат утилизации. К тому же вместо организационной и технологической интеграции производства в российской экономике упорно проводится курс на разрушение уже существовавших национальных систем железнодорожного транспорта и электроснабжения, а прорывное направление нового нанотехнологического уклада возглавляет г-н А. Б. Чубайс. Вразумительные речи руководителей государства об актуальности инновационного обновления и диверсификации экономики, разработке новой модели и стратегии развития преследуют политические цели. Насущность их практической реализации недооценивается.

Ещё в 2005 г. мы писали: «Налицо странная ситуация. Экономика разрушается в связи с деградировавшей материально-технической базой. Для её восстановления требуются огромные средства, и они имеются в наличии у государства. Однако Правительство Российской Федерации не видит потребности, не готово сформулировать её в виде общехозяйственного инвестиционного проекта, который в полном объёме можно обозначить как инновационную реконструкцию народного хозяйства.

Идея проекта заключается в концентрации огромных инвестиционных ресурсов на коренной реконструкции действующего производства. Совокупность решённых в рамках этого проекта достаточно локальных и стереотипных, но массовых задач пообъектной реконструкции превзойдёт и по масштабам, и по результатам самые фантастические замыслы кабинетных работников. К тому же отпадает необходимость придумывать что-либо. Низовые потребители инвестиций (предприятия) представят свои проекты. Дело сводится к тому, чтобы разработать чёткую, прозрачную и жёсткую систему их отбора и финансирования» [9, с. 21].

В общем случае стратегической целью является социально-экономическое развитие государства. На данном этапе способом её достижения может быть инновационная реконструкция материально-технической базы народного хозяйства, определяющая название стратегии.

Упор следует сделать непосредственно на инновационное обновление материально-технической базы предприятий с параллельным достраиванием и отлаживанием институциональной системы экономики. В отличие от действующей (с похожим названием) новая стратегия ведущим направлением развития предполагает кардинальное совершенствование производительных сил, призванных «вытащить» на уровень стоящих задач «надстройку».

Содержание и структура стратегии. Изложенное позволяет заключить, что базой новой стратегии социально-экономического развития России должна быть программа инновационной реконструкции предприятий народного хозяйства. Параллельно и одновременно с ней, опираясь (в том числе) на генерируемые в ней инвестиционные ресурсы и новые экономические возможности, должны осуществляться шесть взаимосвязанных программ: развития малого предпринимательства, оптимизации организационной структуры народного хозяйства, массового строительства

жилья, перманентной модернизации институционального обеспечения экономики, развития регионов и инфраструктуры народного хозяйства, а также воссоздания и развития инновационной системы (рис. 1).

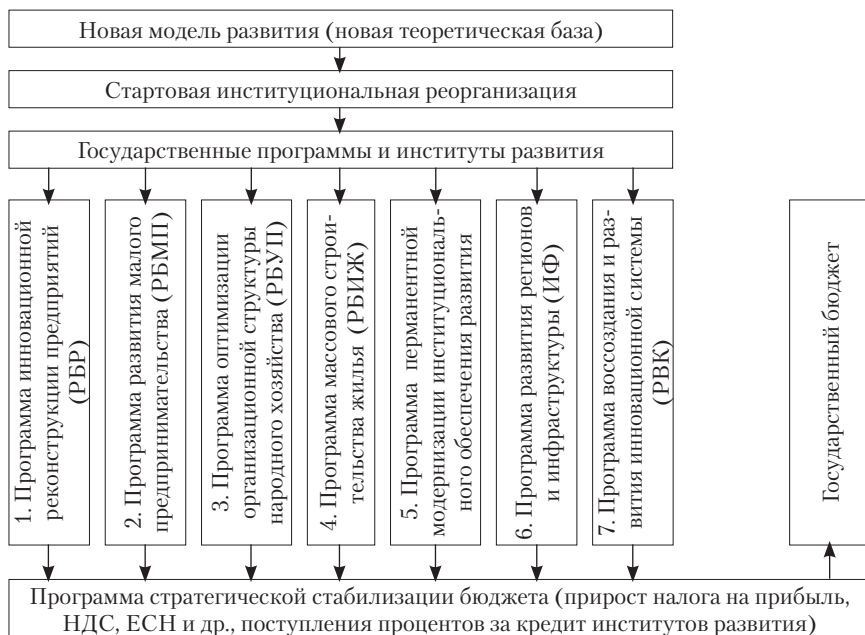

Рис. 1. Содержание и структура стратегии инновационной реконструкции народного хозяйства

Примечание: РБР – Российский банк реконструкции; РБМП – Российский банк малого предпринимательства; РБУП – Российский банк реабилитации убыточных предприятий; РБИЖ – Российский банк ипотеки жилья; РВК – действующая Российская венчурная компания; ИФ – действующий Инвестиционный фонд (все институты – госкорпорации).

Их назначение и взаимосвязи объясняет следующее. Последствиями массовой инновационной реконструкции предприятий будет большое высвобождение квалифицированных работников ввиду роста производительности труда, а также вывод из оборота ряда предприятий из-за отсутствия спроса на их продукцию, выпускаемую в требуемых количествах и повышенного качества перевооружёнными предприятиями. При правильной организации создающаяся ситуация может быть эффективно использована для создания малых предприятий на базе производственных площадей закрываемых предприятий, оснащённых всей инфраструктурой, и использования труда высвобождаемых работников.

Результаты инновационной реконструкции предприятий следует рассматривать как важный толчок для приведения в движение давно назревшей масштабной программы развития малого предпринимательства (второй блок стратегии), влачащего ныне жалкое существование. Ущербный характер отечественного малого бизнеса определяется совершенной неразвитостью его в реальном производстве, слабостью материально-

технической базы и кадрового потенциала, произволом чиновников и правоохранительных структур. Между тем, по выражению В. В. Путина – это совершенно необходимый «подлесок» экономики. Развитое малое предпринимательство является носителем инновационных начал в экономике, первопроходцем зон высоких рисков.

Несмотря на общее понимание важности развития малого бизнеса решение проблемы лишено перспектив. В экономическом плане – это отсутствие полноценного кредитования текущей деятельности и развития материально-технической базы в требуемых объёмах и по посильной цене. В организационном плане – это бездействие территориальных властей, выражающееся, например, в неисполненном до сих пор распределении и закреплении за фермерами земельных наделов. В правовом – это безнаказанное мздоимство со стороны государственных служащих.

Существенное повышение заработной платы работников в процессе реализации описанных программ (см. рис. 1, блоки 1 и 2) вместе со значительным высвобождением работников по первой программе, не компенсируемым развитием малого предпринимательства, обуславливают целесообразность массового строительства жилья (4-й блок стратегии). Эта программа, с одной стороны, позволит удовлетворить наболевшую потребность населения в собственной «крыше», ликвидировать грозящий катастрофами разрастающийся фонд ветхого и аварийного жилья, а с другой стороны, связать избыточные средства увеличившихся зарплаток работников в ипотечных кредитах, а высвобожденных работников занять на строительном конвейере жилья и оснащении его бытовой техникой, мебелью, утварью.

Интеграция производства – признанное средство повышения его эффективности. Будущее – за межотраслевыми объединениями, вырастающими до масштабов ТНК [7]. Это не только теория, но и практика развитых государств. В российской экономике, построенной на копировании всех заповедей рыночных догматов, в отношении этого положения делается исключение. Более того, дроблению подвергнуты уже созданные общегосударственные системы (РАО «ЕЭС России», ОАО «РЖД»). Предстоит последовательная и продуманная работа под началом государства по объединению разрозненных товаропроизводителей в мощные межотраслевые объединения (см. 3-й блок стратегии).

Польза от реабилитации убыточных предприятий, как и польза от интеграции производства очевидна. Но в обоих случаях рынок проявляет бессилие. Государственная программа оптимизации организационной структуры народного хозяйства (3-й блок) призвана положить начало обоим процессам. На первом этапе убыточные предприятия за счёт государственных средств (по лизингу) будут перевооружены, а на втором этапе – уже как конкурентоспособные производства, подконтрольные государству, по заранее разработанному плану объединены в межотраслевые объединения. В дальнейшем они могут быть приватизированы [8].

Необходимо отметить, что первая программа является основой реализации остальных программ, а полного и максимального успеха можно достигнуть только при параллельном осуществлении всех программ. В этом случае, например, массовое высвобождение рабочей силы в процессе осуществления первой программы из фактора обострения безработицы превраща-

ется в фактор подпитки квалифицированными работниками сопутствующих программ. Заметный рост заработной платы работников не «разогревает» экономику (и инфляцию) и не дезорганизует их быт, а концентрирует помыслы и усилия работников на решении одной из базовых задач бытия – приобретении собственного жилья. Практика развитых стран, в которых рассматриваемые проблемы успешно решены, подтверждает взаимодополняющий и стимулирующий характер программ, в определённой мере – вхождение их в типовой комплект строительства развитой экономики.

В начальной фазе реализации стратегии основную ответственность за интенсивность и глубину положительных перемен несут шесть блоков, исключая программу воссоздания и развития инновационной системы. Они являются разгонными и призваны в течение 10 лет вывести российскую экономику на орбиту развитых государств, с которой с помощью заблаговременно созданного седьмого блока в третьей пятилетке предлагаемой стратегии должен быть осуществлён старт экономики в новый технологический уклад, освоение которого сулит качественно новые социально-экономические преимущества.

Рекомендуемые программы интенсификации социально-экономического развития назрели, весьма эффективны и непонятно, какими соображениями может быть оправдано затянувшееся ожидание государства в части реализации их предпринимателями. Инновационное обновление предприятий повысит рентабельность и конкурентоспособность экономики, снизит поступление по импорту продовольствия и товаров народного потребления, высокотехнологичного сырья и материалов, устранил перекосы отраслевой структуры и, в конечном счёте, обеспечит устойчивость государственного бюджета.

Параллельно с интенсивным развитием экономики России, способствуя ему и подстраиваясь под достижение успеха, должно происходить целенаправленное реформирование институтов и деловой среды, а также осуществление программы борьбы с коррупцией (блок 5). Институциональное устройство необходимо совершенствовать не вообще, не в сравнении с реалиями других стран, а убирая все препятствия реализации программ вхождения страны в развитую экономику в назначенное время.

Новая теоретическая платформа должна исключить ошибочные оценки и взаимосвязи явлений в экономической системе, приводящие к принятию ущербных мер и многочисленным запретам эффективных решений.

Теоретическая база (модель) эффективного развития

Новая концепция модели развития. Лозунг инновационной модернизации экономики провозглашён. Однако чьими силами и за счёт чего будет осуществлено обновление материально-технической базы не решено. Инвестиционный потенциал предприятий и организаций не позволяет им решить эту проблему. К тому же, экономических интересов, которые бы объединили усилия миллионов товаропроизводителей на всей территории страны, чтобы за десять лет убрать всё отжившее свой век оборудование и заменить его новым, вырожденная экономическая среда не генерирует. Нет необходимых для этого нескольких триллионов дол-

ларов и у олигархов. Они и не берутся за это. Вектор общих рыночных устремлений деструктивен, поскольку нацелен на получение дохода воровством, коррупцией и немедленно. Подписан, однако, указ Президента России В. В. Путина, предусматривающий скорейшее создание 25 млн новейших рабочих мест [10]. Но кто решит эту проблему?! Выбора нет – государство. Другого пути преобразовать экономику в конкурентоспособную до её развала не существует.

Актуальность непосредственного и масштабного участия государства в экономической жизни объясняется невозможностью обновления производства и регенерации экономической среды силами существующих рыночных агентов на базе рыночных целевых установок. Деформированная мотивация отечественного бизнеса не позволяет рассчитывать на освоение им в обозримой перспективе новых, остро необходимых для общества направлений хозяйственной деятельности. Непосредственное государственное участие обуславливается и его миссией – обязанностью масштабных действий на особо важных направлениях перспективного развития, освоения не освоенных рынком ниш хозяйственной деятельности для устранения возникших деформаций на низкоприбыльных направлениях хозяйственной деятельности, обеспечивающих повышение рентабельности всех других участников общественного производства. При такой постановке вопроса удалось бы сделать в необходимые сроки то, что иначе произойдёт нескоро. Ускоряется перелом в хозяйственной деятельности, достигается установление объективных ценовых ориентиров, создание условий здоровой конкуренции.

В сложившейся ситуации государство не должно ограничиваться общей координацией народного хозяйства, развивающегося преимущественно под действием рыночных сил. Оно должно активизировать свою функцию владельца собственности и право в его лице участвовать в хозяйственной деятельности. Форма участия должна исключать вред участникам рыночных отношений и самим отношениям. При этом пора признать аксиомой положение о том, что при рациональной постановке дела государственное предприятие не может быть менее эффективным, чем частное, особенно если результаты деятельности подразумевают синергетический эффект всех взаимосвязанных звеньев производства (народно-хозяйственный результат), а не прибыль на счёте организации.

Действующая концепция развития народного хозяйства, основанная на максимальном ограничении роли государства в хозяйственной деятельности и выдаваемая за наиболее точную версию учения классиков рыночной экономики, с одной стороны, грубо искажает их позицию о непременном участии государства, а с другой стороны, привела государство на грань экономического обрушения. Государство как выразитель народно-хозяйственных интересов должно присутствовать в экономике в той мере, в какой этого требуют обстоятельства. *Реализуемая нами концепция государственного присутствия в экономике отличается от принятой признанием изменчивости во времени мер, форм и масштабов государственного регулирования, определяемого необходимостью достижения баланса общественных и частных интересов в экономической среде.* Развитие этого положения в соответствии с реальным состояни-

ем экономики и требований практической реализации остро назревших мер приводит к формулированию новых концептуальных положений, инструментария и целеполагания, кардинального смещения акцентов в экономической деятельности и управления ею: *речь идёт о переходе к новой модели развития экономики.*

Основные теоретические положения новой модели развития сводятся к следующему:

1. *Признание немонетарной природы инфляции в России.* Денежно-кредитная политика последнего шестнадцатилетия была сконцентрирована на подавлении инфляции методами, исключающими нормализацию «атмосферы» бизнеса, во вред ей. Монетаристская антиинфляционная политика, проводимая экономическим блоком государства, подвергнута во многих работах острой критике. Доказана, в частности, бесперспективность ограничения денежного предложения (сжатие денежной массы) в качестве инструмента подавления инфляции [12, 13]. До сих пор не разглядев источников зарождения и подпитки инфляции, экономические власти перешли в режим её таргетирования, в котором вообще всё и вся подчинено «священной» войне. Между тем, эффективная антиинфляционная политика позволяет держать под контролем цену, не подавляя роста национальной экономики.

Рассмотрение нами причин инфляции на потребительском рынке и в производстве товаров, продукции и услуг показало, что по многим направлениям «зачинщиками» инфляции являются отрасли госсектора экономики. Очевидно, что объективных поводов для повышения цен на энергоносители, тарифов на транспорт и электроэнергию нет. Между тем они растут ежегодно. Ожидается этот рост и в прогнозируемом Минэкономразвития России периоде 2017–2019 гг.

В действительности рост цен в производстве товаров и продукции определяется не избыточной массой денежных средств в хозяйственной деятельности, на стерилизацию которой акцентирована вся денежно-кредитная политика, а нарастающей затратностью экономики, которая вызвана деградацией материально-технической базы, засильем торговцев и посредников движения материальных и финансовых потоков, а также губительными действиями госсектора экономики. *Остановить дальнейшее раскручивание спирали инфляции можно осуществлением массовой инновационной реконструкции предприятий всех отраслей народного хозяйства, результатом чего будет снижение издержек производства и, как следствие, – подавление инфляции.*

Но для обновления техники и технологий необходимы инвестиции, от которых в годы больших накоплений государство избавлялось, а теперь (в новых условиях) при возникших трудностях накопления ничего не предпринимается для обновления основного капитала и преодоления спада экономики.

Ошибочное представление о факторах инфляции в России привело к формированию недейственной денежно-кредитной политики, которая выхолостила все другие разделы экономической политики и стала тормозом развития народного хозяйства. Обуздание инфляции основывается на принесении в жертву экономического роста [8].

2. *Признание материальных инвестиций средством стерилизации избыточной денежной массы.* В российском бюджете в период 2000–2013 гг. не было дефицита в средствах, имевших нетрудовое происхождение – в виде сверхприбылей от экспорта природных ресурсов. И вместо того, чтобы использовать благоприятные условия и имевшиеся накопления для ускоренного развития экономики и преодоления зависимости от нефтедолларов, денежные власти, мотивируя свои абсурдные действия борьбой с инфляцией, осуществляли и осуществляют жесточайшие ограничения денежной массы в экономике, наличие которой в сравнении с общепринятыми критериями значительно меньше, чем в развитых и успешно развивающихся странах. Эта (будем считать её базовой) мера подкреплялась дополнительным «отсосом» из экономики средств путём государственных займов. Приветствовался (и приветствуется) в рамках зарубежной экспансии увод из страны отечественными ТНК в форме прямых инвестиций огромного капитала, сопоставимого с инвестициями в основной капитал в экономику России. Создание «денежной пустыни» в экономике России завершало (и завершает) размещение за рубежом в ценных бумагах накоплений международных резервов Банка России, Резервного фонда и Фонда благосостояния Правительства Российской Федерации. К тому же много лет Правительство России прятало из хозяйственного оборота в «маленький кошелечек» профицит бюджета. Как свидетельствует практика, перечисленные тотальные меры в борьбе с инфляцией ожидаемого эффекта не дали.

Несмотря на убыточность размещения накоплений за рубежом и потребность этого капитала внутри страны, экономику упорно ведут губительным курсом. Корень зла в том, что экономическая политика базируется на ошибочном совмещении понятий: *наличность* на руках населения и *денежные средства* вообще, массу которых в разумных пределах, чтобы она не нарушала баланс спроса и предложения в экономике, надо ограничивать, и *инвестиции*. Под «стерилизацией избыточной ликвидности» экономический блок государства понимает и «обрезание» (ограничение наличности и массы денежных средств), и «кастрирование» (избавление от инвестиций), одновременно. Пора разделить эти понятия и, осуществляя при необходимости ограничение избытка наличности и массы денежных средств, снять ограничения с инвестирования народного хозяйства. Экономика, лишённая инвестиций, не может плодоносить и приносить ожидаемые от неё блага. Инвестиции, трансформируясь во внутреннем обороте в процессе строительства в котлованы, фундаменты, корпуса, оборудование и т. д., замораживаются и никак не могут попасть на потребительский рынок или стать избыточными в хозяйственном обороте. Поэтому в общем случае они являются идеальным средством стерилизации избыточной денежной массы. В наших сегодняшних условиях крупномасштабные инвестиции в инновационную реконструкцию предприятий народного хозяйства являются к тому же «лекарством», способным привести к снижению инфляции.

Но с позиций Центробанка оправдано только абсолютное омертвление средств, не допускающее и мысли о развитии. Вот высказывание по этому поводу С. М. Игнатьева (в ту пору Председателя Банка России): «В 2006 г. продолжал эффективно функционировать механизм Стабилизационного фонда, благодаря которому удалось стерилизовать значительную часть избыточной

ликвидности, возникающей в связи с большими валютными поступлениями от экспорта энергоносителей» [14, с. 3]. Стабилизационный фонд с позиций Банка России – это просто склад «избыточной ликвидности».

Не поддается логической интерпретации и другой сюжет. Банк России изгоняет российские накопления за рубеж. Одновременно Правительство Российской Федерации прилагает большие усилия для привлечения в нашу экономику иностранных инвестиций (первое противоречие). Руководство страны с удовлетворением отмечает увеличившийся приток иностранных инвестиций. Но разве при этом инфляция не повысится? Или из-за «бугра» идут особым образом стерилизованные доллары (второе противоречие)?!

3. Необходимо *исключить квалификацию финансирования из бюджета рентабельных инвестиционных проектов и рентабельной деятельности государственных организаций бюджетными средствами*. Это – государственные прибыльные инвестиции. Устоявшийся взгляд на бюджетные расходы только как на потери, а на бюджетную политику – как на «помощь бедным» является помехой интенсификации развития экономики. Следует ускорить переход к проектированию бюджета исходя из принципа отбора эффективных программ, а не урезания расходов. При разработке бюджетов всех уровней установление рейтингов по потенциально доходным программам и учёт прихода от них в бюджет на рычаге трёх лет – обязательны. Наличие проекта и обоснования его эффективности является неременным условием представления мероприятия для бюджетного финансирования.

Из-за крайнего напряжения в приходе бюджета из внутренних источников, государство как регулятор экономики испытывает трудности в организации доступа предприятий и территорий к финансовым ресурсам для активизации текущей деятельности и развития их. В существующей ситуации актуально возможное ограничение безвозмездного бюджетного финансирования программ и максимальное расширение кредитования.

4. Признание немонетарной природы инфляции в России обуславливает *ограничение её не средствами денежно-кредитной политики* Банком России, *а фиксации цен Правительством* Российской Федерации. В России инфляцию инициирует Правительство Российской Федерации, допускающая рост цен предприятий, включая и государственных, но борьба с ней поручена Банку России. Отсюда и наша рекомендация снять с Банка России ответственность за инфляцию, определяющую сейчас основную цель денежно-кредитной политики, и тем самым прекратить обрядовый характер стерилизации средств в экономике, используя её по необходимости.

Убытки ряда предприятий в условиях замораживания на трёхлетие цен из-за действия неблагоприятных факторов будут компенсироваться в этом случае из вновь создаваемого резерва Правительства Российской Федерации, который помимо функции стабилизации текущей деятельности через Стабилизационный фонд должен осуществлять функцию развития производства (рис. 2).

В пылу бесплодной борьбы с инфляцией оказалась второстепенной основополагающей задачей Банка России по поддержанию оптимального денежного обращения в экономике. В каждом году масштабы эмиссии денег

Рис. 2. Схема финансирования инновационной реконструкции народного хозяйства и стабилизации бюджета

и их прирост в хозяйственном обороте определяется не интересами сфер производства и обращения, а движением цен на мировом рынке нефти, обуславливающим случайные значения экспортной выручки, объёмов скупки и стерилизации валюты, а в конечном итоге – продолжительность «печатания» денег на станке и масштабы их пополнения в хозяйственном обороте. Банк России должен сосредоточить усилия на развитии финансовой системы, нормализации денежного обращения, наращивании монетизации экономики, сокращении бегства капитала, снижении кредитной ставки, решении проблемы «плохих» долгов банков, организации масштабной линии долгосрочного кредитования, рефинансировании коммерческих банков, регулировании курса рубля с позиций повышения эффективности общественного производства, подготовке условий его конвертируемости и др.

5. *Государство* для усиления своего ресурсного потенциала преобразования экономики, минуя субъективные манипуляции с НДС и таможенными сборами, *должно реализовать своё конституционное право на владение всей природной рентой* путём выкупа добытых предприятиями всех форм собственности природных ресурсов по внутренним расчётным ценам и введения монополии на торговлю ими на мировом рынке. Фиксация и контроль цен и ценообразования, государственная монополия на торговлю природными ресурсами исключают необходимость ренационализации предприятий добывающей промышленности, поскольку этими мерами осуществляется полное изъятие природной ренты из частного присвоения.

Вырученные валютные средства за минусом затрат на выкуп природных ресурсов у производителей и их транспортировку должны образовать резерв Правительства Российской Федерации, используемый не только

на стабилизацию текущей деятельности, но главным образом на финансирование институтов развития, ответственных за реализацию «прорывных» программ, важной целью которых является стратегическая стабилизация государственного бюджета.

6. *Новая концепция построения государственных резервов* базируется на полном овладении государством в лице Правительства Российской Федерации природной рентой (разность экспортной и расчётной внутренней цены), реализованной им во внешней торговле и аккумулируемой на счетах Внешэкономбанка. Она наделяет Правительство Российской Федерации значительными ресурсами, которые вместе с плановой эмиссией денег станут финансовой основой стабилизации текущей деятельности народного хозяйства и функционирования институтов развития экономики. Институты развития следует рассматривать как мощный источник роста госбюджета и недостающие звенья в системе управления экономикой страны – средства реализации целевой функции управления. Резерв Правительства Российской Федерации рассматривается нами как ресурсная база реализации экономической политики государства (рис. 2).

Финансирование деятельности институтов развития (госкорпораций) из вновь образуемого резерва Правительства Российской Федерации предполагает ежегодное поступление от них в бюджет, как от хозрасчётных организаций, налоговых средств от хозяйственной деятельности и ссудных процентов, получаемых от кредитуемых предприятий. На реконструируемых за счёт государственного кредита предприятиях увеличится прибыль, зарплата и амортизация. Это, помимо укрепления финансов и конкурентоспособности обновлённых предприятий и интенсификации экономического роста народного хозяйства, создаёт второй поток прироста доходов бюджета (дополнительно к отчислениям институтов развития) за счёт увеличившихся налогов предприятий на прибыль, НДС, ЕСН и др. Комплекс институтов развития представляет собой «фабрику» выращивания значительных и ежегодно увеличивающихся (при соответствующем финансировании) доходов для госбюджета, работа которых сегодня заблокирована.

7. *Квазигосударственный сектор и ложное частно-государственное партнёрство.* Значительная часть госсектора в рыночной экономике: объекты инфраструктуры, НИОКР, подготовка и переподготовка кадров, охрана окружающей среды, – в большинстве своём нерентабельна. Другая часть – государственные предприятия в сырьевых и энергетических отраслях, где требуются большие инвестиции, а оборачиваемость капитала медленная.

Рентабельность государственных фирм ниже частных. Государство ограничивает её низким нормативом рентабельности. Прибыль не является первостепенной целью деятельности сектора, а убытки покрываются из бюджета. Поэтому госсектор в развитых странах стал поставщиком дешёвых услуг, в частности, транспортных, почтово-телеграфных, электроэнергетики и сырья, снижая издержки в частном секторе. Ему отводится стабилизирующая роль в экономике – путём противодействия росту цен, поддержки конкуренции в экономической среде и создания условий для конкуренции товаров национальной экономики на мировом рынке. Госсектор в рыночном хозяйстве, функционирующий на принципах, отличающихся от принципов частных фирм, используется для решения го-

сударственных задач, повышения прибыльности частного хозяйства и эффективности общественного производства.

Государственный сектор нашей страны включает объекты базовых отраслей: электроэнергетики, газовой и нефтяной промышленности, железнодорожного и трубопроводного транспорта и др. Государство контролирует финансовые потоки банковской системы. И потому во многом именно оно несёт ответственность за нынешнее трудное положение дел в народном хозяйстве. *Причина этого – не масштабы участия государства в экономике, а вялость и социальная нерациональность воздействия.*

Неэффективность пореформенного государственного сектора определяется неадекватностью экономических и организационно-правовых механизмов регулирования подлежащим решению задачам. Так, в результате необоснованного выбора акционерных обществ в качестве основной организационно-правовой формы государственного участия в экономике, государство через Сбербанк, ВТБ, Сельхозбанк, Газпромбанк, действующие в рамках уставов с типовыми коммерческими целями акционерного общества, фактически угнетает реальное производство неподъёмными кредитными ставками. С другой стороны, «общенародная» компания «Газпром» делит в кругу своих акционеров рентный доход, принадлежащий всему народу.

Формально государственное действует на деле как частное, т. е. Россия имеет сейчас фиктивный государственный сектор, или квазигосударственный. Поэтому экономические механизмы, используемые в квазигосударственном по сути секторе, а также для регулирования всего народного хозяйства, не обеспечивают решение основных задач: преодоление затратности и роста цен, увеличение производительности и рентабельности хозяйственной деятельности, эффективности и конкурентоспособности производства. Так, в добыче топливно-энергетических ископаемых рентабельность проданных товаров находилась и находится на очень высоком уровне для любой отрасли, не говоря уже о базовой, принадлежащей к государственному сектору. Рентабельность на транспорте и в электроэнергетике низкая, но не критическая. Очевидно, что объективных поводов для повышения цен на энергоносители, тарифов на транспорт и электроэнергию нет. Между тем удорожания происходят ежегодно.

К тому же организационно-правовая форма акционерных обществ активно используется, в том числе высокопоставленными государственными служащими, для прикрытия частного присвоения народного достояния: рентных доходов от торговли природными ресурсами. С другой стороны, мешая частникам принимать решения, направленные на максимизацию прибыли, государство в акционерных обществах становится обузой. Отсюда и лозунг (заклинание) – государства много, оно должно уйти. И оно должно уйти из ряда акционерных обществ (банков) или преобразовать их в государственные предприятия (добывающие компании).

8. *Разделение инвестиции в основной капитал на реальные капиталовложения и ремонтные затраты.* Сильнейший инвестиционный голод с начала рыночных реформ, приведший к вырождению инвестиционной деятельности и деградации материально-технической базы, в явном виде не просматривается ввиду смещения растущих затрат предприятий на ремонт чрезмерно изношенного оборудования и сооружений с инвестиция-

ми в основной капитал, допускаемого принятыми формами статистического учёта и отчётности. Между тем, капитальный ремонт, возвращая активной части основных фондов работоспособность, исключает преодоление морального износа и повышение эффективности производства.

В постсоветской экономике процесс воспроизводства основных фондов трансформировался в процесс поддержания их работоспособности с помощью ремонта и посильной модернизации. Это приводит к консервации устаревших технологий и не может способствовать производству конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, а в долгосрочной перспективе ведёт к полной технологической деградации. До изменений в официальной статистике в экономической практике необходимо использование специальных методик разделения общего потока инвестиций на реальные капиталовложения и ремонтные затраты. Без этого реальная оценка состояния дел и принятие действенных решений по развитию на всех уровнях управления народным хозяйством затруднены.

9. *Реформа налоговой системы.* Налоговые сборы непосредственно связаны с бюджетом и бюджетной политикой государства. В настоящее время, характеризуемое сменой профицита дефицитом бюджета и предполагаемым его нарастанием, новации очень инерционной налоговой системы неоправданны. Допустимы только эпизодические, остро назревшие совершенствования, по возможности повышающие приход бюджета. Например, введение прогрессивного налога на доходы физических лиц, предметы роскоши.

Что же касается мероприятий обратной направленности, предполагающих снижение налоговой нагрузки для интенсификации производства, то, как показал наш анализ, дестабилизация инвестиционной и хозяйственной деятельности предприятий столь велика, что ни одна экономическая регулировка, ни весь их комплекс не оказывают стимулирующего воздействия.

Российская экономика базируется на налоговой системе, имеющей несовершенную конфигурацию: фискальная нагрузка сосредоточена на предприятиях и организациях, а не на физических лицах и процессе потребления. Разницу налоговых систем развитых стран и России, масштабность предстоящих задач по реформированию иллюстрирует такой пример. Если налоговую систему уподобить конусу, то в российских условиях он окажется стоящим на острие. С учётом критического положения бюджета реформа налоговой системы, предполагающая назревшее существенное снижение налоговой нагрузки предприятий, на данном этапе не может рассматриваться как серьёзное средство оздоровления экономической среды и тем более как рычаг перевода экономики на новую траекторию развития.

Переориентация экономической политики. Новая теоретическая платформа открывает новые перспективные направления интенсификации социально-экономических преобразований в стране, которые при общем понимании их важности и эффективности находятся вне зоны осуществления.

Наиболее востребовано нынешней ситуацией масштабное участие государства как непосредственного субъекта экономических отношений в качестве кредитора, хотя при необходимости оно может выступить в качестве строительных, добывающих, транспортных и др. организаций.

Последнее оправдывается тем, что деформация мотивации бизнеса в России привела к ослаблению стимулирующей роли госзаказа, построенного на высокой, но рациональной рентабельности предстоящих работ, которая не устраивает (в ряде случаев солидных и надёжных) участников рынка.

Государство при принятии на себя функции кредитора предприятий в отличие от акционеров может пожертвовать часть своего дохода на решение стратегической задачи, что выражается, например, в возможном снижении ставки кредита до 5% при коммерческой 15–20%. Причём эта жертва относительна, поскольку «низкие» 5% годовых в несколько раз превышают доход, получаемый государством от финансовых вложений в иностранные ценные бумаги, а также потому, что выигрыш на процентах лишь малая толика преимуществ от принятия такого решения, проявляющихся в развитии народного хозяйства.

Функционирование на финансовом рынке нескольких крупных государственных банков кардинальным образом изменило бы возможности отечественной банковской системы, к коммерческому сектору которой, включая Сбербанк, Внешторгбанк и др., добавились бы мощные государственные.

Новая теоретическая платформа позволит проводить энергичную экономическую политику, которая станет не свидетельством преданности идеалам рынка, а реальной опорой его совершенствования и средством достижения стратегических целей. Предстоит прагматичная переориентация денежно-кредитной и инвестиционной политики на развитие народного хозяйства и исключение нефтедолларовой зависимости бюджета, требующая многократного роста инвестиций в инновационную реконструкцию предприятий и НИОКР.

Отпор Банка России притоку в экономику свободных средств должен смениться режимом благоприятствования; покровительство бегству капиталов из страны должно смениться ограничением перемещения средств за рубеж, в частности, в форме прямых иностранных инвестиций российских организаций. Отказ от тотальной стерилизации притока денежных средств позволит обратить на нужды инновационного обновления российской экономики масштабный объём инвестиций. Экономической политике консервации отсталости и дотирования приемлемого уровня жизни населения за счёт резервирования конъюнктурных сверхдоходов от торговли природными ресурсами можно противопоставить активную экономическую политику инновационного обновления народного хозяйства.

Предстоит выработать механизмы сдерживания массовых финансовых вложений организаций на фондовом рынке, носящих спекулятивный характер. Государство должно своё участие в развитии определённых производств и корпораций осуществлять не приобретением их акций, а обеспечением доступа к дешёвому долгосрочному кредиту, ресурсы которого окажутся подпитанными снижением участия организаций на фондовом рынке. Развитие банковского сектора в сравнении с фондовым (и за счёт него) обеспечивает более чёткие перспективы и размеры получаемых результатов, а также гарантии возврата заёмных средств. Фондовому рынку присуща естественная неопределённость движения средств. Использование его в спекулятивных и мошеннических целях значительно усиливает

этот недостаток. При кризисном состоянии российской экономической среды, включая её правовой аспект, ограничение финансовых вложений организаций на фондовом рынке является крупным резервом оживления кредитной системы и реальной инвестиционной деятельности.

Финансовой базой старта новой экономической политики могут быть накопления предприятий и организаций, банковские кредиты, сверхнормативные государственные резервы и средства плановой эмиссии денег.

На перепутье

Становление новой доктрины развития страны происходит в обостряющемся противоборстве сторонников ортодоксальной платформы развития, основанной на использовании теоретических постулатов рынка, подразумевающих как основу прогресса дальнейшую либерализацию и свободу экономических отношений, без их корректировки в соответствии с уже обнаруженными недостатками практикой, с одной стороны, и полным игнорированием специфики российской ситуации и условий её нормализации, с другой стороны (А. В. Улюкаев, В. А. Мау, Э. С. Набиуллина, К. В. Юдаева, А. Л. Кудрин), со сторонниками прагматичной платформы, опирающимися на особенности текущей ситуации и базовые экономические закономерности.

Оппозиция и экспортно-сырьевой политике, и модели либерализации экономики многочисленна, но пока не консолидирована. Она включает представителей промышленности, сельского хозяйства, вузов, НИИ АН России, редакции журналов «Экономист» и «Российский экономический журнал», общественное движение «Деловая Россия» и др. Персонально следует отметить академиков С. Ю. Глазьева, Р. С. Гринберга и А. Д. Некипелова, а также С. С. Губанова, М. Г. Делягина, М. В. Ершова, Б. Ю. Титова.

Видение недостатков нынешнего курса, оценка состояния экономики и путей дальнейшего развития с позиций этих платформ противоположное. Иллюстрацией этого утверждения является сравнение 3-х сценариев развития России до 2020 г., представленных на рассмотрении в мае текущего года на совещании у Президента России.

Один из них разработан Минэкономразвития России (А. В. Улюкаев) и предназначен для разработки Минфином России бюджета на 2017–2019 гг., который до нового года поступит на утверждение депутатам нового созыва Государственной Думы Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста мировой экономики в 2015–2019 гг.

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
<i>Мир</i>	3,1	3,2	3,4	3,4	3,4
США	2,4	2,2	2,4	2,6	2,7
Великобритания	2,2	2,1	2	2,2	2,1
Китай	6,9	6,5	6,2	6	5,9
Индия	7,4	7,4	7,3	7	6,3

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Бразилия	-3,8	-4	3	6	6,5
Россия	-3,7	-0,2	0,8	1,8	2,2

Источник: Сценарные условия и основные макроэкономические параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2017–2019 гг. Минэкономразвития России (с. 9)

К обычному и трудно объяснимому превосходству по отношению к России в темпах экономического роста Китая и Индии теперь примыкает уже и Бразилия. Необъяснима и недопустима уступка мировым темпам роста. Тяжким укором в беспомощности экономической власти является планирование нашего отставания в 5 лет от США и Великобритании.

Во всех вариантах краткосрочного прогноза социально-экономического развития Минэкономразвития России доминирующей целью является снижение инфляции, а не выход на устойчивые темпы экономического роста и развития. Способ преодоления инфляции неприемлем – снижение платёжеспособности и спроса организаций и населения, «подтягивание ту же поясов». Реализация инвестиционных программ даже крупнейших компаний на приоритетных направлениях развития из-за отсутствия финансирования заморожена. Ситуация с неработоспособными институтами развития, а также провальными региональными разрезами развития не рассматриваются.

По нашему мнению, прогноз социально-экономического развития на трёхлетний период «путеводителем» Минфина России при разработке государственного бюджета быть не может, свою миссию не оправдывает. Уменьшающиеся из-за кризиса благоприятные возможности не используются, а завтра их, по выражению В. В. Путина, «может уже и не быть».

Доклад «Об источниках экономического роста...» А. Л. Кудрина (ЦСР) свёлся в основном к констатации утраты прежних источников и общей рекомендации проведения структурных реформ. Это не ново. Вопрос в том, как и когда, наконец, эти задачи будут решены?

В отношении достижения стабильного экономического роста на уровне 4%, заданном Президентом России, но не обоснованным Минэкономразвития России, А. Л. Кудрин отмечает, что «это требует глубоких институциональных и структурных реформ. Таких преобразований в трёхлетний период добиться очень трудно, поскольку их необходимо проводить шаг за шагом, но за более длительный период такой показатель достижим» (с. 5).

Справедливо утверждение, что проведение глубоких институциональных и структурных реформ в трёхлетний период проблематично. Но ошибочно представление А. Л. Кудрина в части того, что эти реформы могут рассматриваться как альтернатива инвестициям. Совершенствование надстройки не может компенсировать моральный и физический износ базиса экономики. Альтернативой реальным инвестициям в основной капитал в наращивании экономического роста и развития в сегодняшней ситуации ничто быть не может. Но с их помощью выход на экономический рост с темпом 4%, безусловно, осуществим.

Важным условием благополучия становится восстановление в ближайшие три года сбалансированности бюджетной системы после падения цен на нефть и доходов бюджета. Принимая за основу данные прогноза Минэкономразвития России, А. Л. Кудрин в его ограничениях даёт эскиз

трёх сценариев бюджетного проектирования. В оптимальном варианте дефицит бюджета 1,7 %, его не удастся сократить до 1 % в соответствии с пожеланиями самого Кудрина, а экономический рост 2,2 %, гораздо ниже 4 % в соответствии с заданием Президента России. Повышение заимствований Правительства Российской Федерации будет способствовать, по признанию А. Л. Кудрина, сохранению препятствий к снижению процентных ставок, общему доступу организаций к кредиту.

Участники рынка ожидают определённости в налоговой и бюджетной политике на ближайшие годы. Сохраняющаяся неопределённость откладывает инвестиции и рост. По мнению Кудрина А. Л., бюджетная консолидация требует повышения пенсионного возраста. Это означает, что очередная прореха бюджета будет устраняться за счёт населения. Недостающие средства, однако, можно получить за счёт введения хотя бы «мягкой» шкалы прогрессивного налога на доходы богатых людей.

Анализ докладов Минэкономразвития России и Центра стратегических разработок свидетельствуют о необнаружении новых источников развития экономики, в связи с чем насущные проблемы экономического роста и развития, сбалансирования государственного бюджета в новых условиях и сохранения благоприятного социального климата остаются нерешёнными. Это особенно настораживает, так как именно поиск и реализация новых источников развития были исходным заданием их работы.

По признанию А. Л. Кудрина, подходы ЦСР близки к подходам Минэкономразвития России, уточняют и дополняют их. Ряд предложений Столыпинского клуба близки ЦСР – снижение доли государства в экономике, давления правоохранительных сил и контрольно-надзорной деятельности на бизнес, снижение инфляции до 3–4 %. Возражение встретило предложение о «необеспеченной эмиссии и введении ограничений на валютные операции для предприятий и граждан».

Десятилетие реализации программы Столыпинского клуба по представленным материалам не только позволит достигнуть ошеломляющего прогресса по всем направлениям, но и выведет Россию в мировые лидеры по ряду из них. На фоне грустных прогнозов Минэкономразвития России позиции Столыпинского клуба представляются в прессе нереалистичными. Учёные и эксперты с либеральными взглядами на развитие экономики отвергают программу «Экономика роста».

Нам трудно судить о реальности достижений 2025 г., поскольку не обнародовано их обоснование. Но показатели 2020 г. соответствуют как по уровню достижения, так и по рациональности направлений концентрации усилий нашим собственным представлениям. Они являются, по сути, контрольными, означающими перелом в процессе распада экономики и, что принципиально важно, обеспечиваемыми этой программой. В сравнении с двумя предыдущими программами в этой обоснован позитивный исход, соответствующий заданию Президента России, что обязывает к углублённому анализу рекомендаций.

Наибольшее неприятие специалистов и пересуды в прессе вызвала рекомендация политики «количественного смягчения» (QE), обеспечивающей предложение доступного, под низкую ставку долгосрочного кредита для инновационного развития. Ввиду отсутствия накопленных кредитные ресурсы образуются денежной эмиссией Банка России – по 1,5 трлн рублей

в течение 5 лет. Использование этих средств предусматривается исключительно в эффективные инвестиционные проекты, «с помощью специальных механизмов, по целевым каналам», что должно предотвратить переток этих средств на валютный рынок и в хозяйственный оборот. Отрицательное отношение к этой рекомендации экономического блока государства и А. Л. Кудрина мотивируется её несоответствием рыночным отношениям и угрозой гиперинфляции. Не вдаваясь в полемику относительно существования явлений, отметим лишь, что после мирового кризиса в США осуществляется противоречащее монетаристским догмам решение – продолжение накачки экономики деньгами в рамках политики «количественного смягчения». Позднее к ней присоединился Евросоюз. Причём наращивание денежной массы производится без условий «связывания» её. Учитывая колоссальный разрыв в уровне монетизации экономики России в сравнении с развитыми странами, опасения лидеров экономического блока, основывающиеся на «теоретических» положениях и игнорирующие данные практики, лишены оснований – стали препятствием преодоления кризиса.

Из сказанного ясно, что первопричиной нынешнего кризиса является деградация материально-технической базы. Без её инновационного обновления рассчитывать на успех не приходится. Но на это необходимы сотни триллионов рублей, которые «старческая» экономика генерировать не в состоянии: рентабельность основной массы предприятий крайне низка, амортизационный фонд практически израсходован. К тому же львиная доля прибыли предприятий уходит на оплату банковских процентов за кредит, восполняющий утрату собственных оборотных средств. Ресурсы банковской системы покрывают лишь 6 % нынешнего, совершенно недостаточного финансирования основного капитала. Объём инвестиций в основной капитал в 2015 г. вернулся (в сопоставимых ценах) к уровню 2009 г. (60 % к 1990 г.). Из этих скудных средств лишь 20 % являются действительно инвестициями и приводят к выбытию изношенных основных фондов; 80 % средств тратится на ремонт (ремонтинвестиции).

Нет сомнений, что пора, наконец, провести давно назревшие институциональные реформы. Но нельзя этим ограничиваться, а тем более противопоставлять их совершенствованию базиса экономики. Модернизацию экономики нельзя откладывать на посткризисный период, она должна быть составной частью антикризисных мер. В докладах Минэкономразвития России и ЦСР ресурсы и пути инвестирования обновления предприятий не определены, подменены проведением реформ.

Конструктивные начала прорисованы в программе «Экономика роста» Столыпинского клуба. Её главный КРП – создание к 2025 г. 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Но реакция на её основные положения Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева заставляет усомниться в скором и успешном преодолении трудностей экономики: «Но государственные инвестиции не могут быть главным источником роста на все времена. Государство также не может превращать в такой источник печатный станок: свобода бесконтрольной эмиссии денег – одна из наиболее опасных свобод. Ссылки на западный опыт эмиссионного стимулирования несостоятельны» [11, с. 18].

Вопреки здравому смыслу, когда в стране накопления были в изобилии, следуя постулатам рынка, их не использовали для инновационной

реконструкции предприятий, а инвестировали в высокоразвитую экономику США, которые, не смущаясь нарушением догм, принимали эти средства в перенасыщенную ими свою финансовую систему. Когда из-за «пузырей» перегруженной финансовой системы США стали инициатором мирового финансового кризиса (2009 г.), словно в отместку за «послушание» рыночным правилам Россия понесла наибольшие потери в мире.

Сейчас, когда высокоразвитые страны, вопреки рыночным постулатам и здравому смыслу, ведут денежную накачку своих экономик, не считаясь с угрозой срыва в новый мировой кризис, Россия отказывает себе в «связанной», жалкой по масштабам в сравнении с Западом эмиссии кредитных ресурсов, которые помогли бы ей вернуться на путь устойчивого развития и встретить новый глобальный финансовый кризис стоя, а не на четвереньках. По нашему мнению, есть над чем поразмыслить и не рубить сплеча.

Список литературы

1. *Медведев Д. А.* Россия, вперёд // Российская газета. – 11.09. 2009.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 года. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.
3. Стратегия 2020: новая модель роста – новая социальная политика / под науч. ред. В. Мау, Я. Кузьминова. – Кн. 2. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 408 с.
4. *Мау В.* Экономика и политика в 2011 году: глобальный кризис и поиск новой модели роста // Вопросы экономики. – 2012. – № 2.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008–2020 гг.): Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. – СПС «Консультант Плюс».
6. О стратегии развития экономики России: научный доклад / под редакцией С. Ю. Глазьева. – М: ООН РАН, 2011. – 48 с.
7. *Губанов С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9.
8. *Дасковский В. Б., Киселёв В. Б.* Контуры новой модели развития экономики России. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013.
9. *Дасковский В. Б.* Экономический рост: темпы и качество // Экономист. – 2005. – № 11.
10. Указ Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике» № 596 от 07.05.2012 г. // Российская газета. – 2012. – № 5775(102).
11. *Медведев Д. А.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – № 10.
12. *Глазьев С. Ю.* Кудрявая экономика // Политический журнал. – 2006. – № 43–44, 47–48.
13. *Дмитриева О. Ушаков Д.* Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. – 2011. – № 3.
14. *Игнатьев С. М.* Выступление на XVIII съезде Ассоциации российских банков // Деньги и кредит. – 2007. – № 4.

К НОВОМУ КАЧЕСТВУ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ)

Бодрунов С. Д., директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, доктор экономических наук

Исследование сущности феномена индустрии, доминант её развития и наметившихся в последнее десятилетие вызовов, подтверждают *неизбежность перехода* к новому для человеческого общества этапу его развития, *новой генерации индустриального общества*, и даже – *новому типу общественного устройства*, настолько существенно отличающемся от того, что было в конце XX века – начале нынешнего, что мы можем говорить о нём как *неком новом типе общественного устройства*, которое можно назвать *новым индустриальным обществом* второго поколения (назовём его для краткости НИО.2). При этом, однако, НИО.2 и его экономика станут «отрицанием отрицания», диалектическим «снятием» и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и другими «постиндустриалистами».

Мировые тренды-XXI: новое индустриальное общество «второго поколения»

Чтобы охарактеризовать НИО.2 грядущей эпохи, проанализируем некоторые важные реальные *тренды развития современного материального производства*, *качественно меняющие и сам процесс индустриального производства* (изменения происходят во всех его компонентах – материалах, технологиях, организации, труде), и его результат – *продукт производства*.

Всякий продукт, получаемый в результате производственной деятельности, содержит, помимо материальной основы, «нематериальный элемент» – *знание*, которое присутствует во всех компонентах производственного процесса. Соответственно, знание составляет, наряду с материальной основой, *неотъемлемую часть* продукта производства.

Отметим при этом, что на протяжении всей истории развития общества имеет место *непрерывное увеличение относительной доли знаний* как во всех компонентах производства, так и в продукте – при относительном снижении в последнем доли «материальной» части. Именно этот тренд обеспечивает постепенное *качественное* изменение и *производственного процесса*, и *индустриального продукта* как его результата, порождая «новые реальности» как в возможностях удовлетворения человеком своих потребностей, так и в формировании новых, создавая порой иллюзию возможности их «нематериального», «непроизводственного», «неиндустриального» удовлетворения. Однако неправомерно делать отсюда вывод об отмирании *определяющей роли* собственно материального произ-

водства; из этого следует сделать иной вывод: именно – о *непрерывном* росте *знаниеёмкости продукта материального производства и переходе* на этой основе к *качественно новому типу материального производства*.

С этой точки зрения *знаниеинтенсивность технологий* материального производства есть результат критического синтеза достижений «традиционно-индустриальной» и «информационной» компонент экономики. Этот критический синтез проводит не теория, а сама практика современного высокотехнологического производства. Он выражается, в частности, в том, что в таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не как придаток машины (станка, конвейера), а как носитель знания, трансформируемого в процессе такого производства в технологию, – как говорил К. Маркс, «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролёр и регулировщик»¹.

На этой основе формируется принципиально *новый тип материального производства, а именно – знаниеинтенсивное производство*. Его основными чертами постепенно становятся:

- переход к *приоритезации нематериальной доли* в продукте, непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энергоёмкости, материалоёмкости, фондоёмкости продукции;

- развитие «вширь» и «вглубь» самого производственного процесса, придание ему новых черт, позволяющих обеспечить *максимальное «приближение» продукта к запросу потребителя* – притом, безусловно, не путём возврата к ручному производству индивидуальных продуктов («индпошиву»), а на базе развития *индустриального способа производства*;

- *сетевая модель структуризации индустрии*, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;

- признание в качестве базовых и интенсивное развитие *современных методов организации производства и управления* – «just-in-time», «lean-production» и др.;

- экологическая чистота и ориентация на новые *источники энергии*;

- развитие *качественно новых технологий* в самом материальном производстве, транспорте, логистике (нанотехнологии, 3D-принтеры и т. п.);

- смена базовой технологической парадигмы индустриального производства – сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности в силу распространения аддитивных технологий (процесс объединения материала с целью создания объекта из 3D-модели, как правило, слой за слоем, в отличие от «вычитающих» производственных технологий – обрезки, стачивания, спиливания материала с заготовки и т. п.);

- изменение *характера индустриального труда* в пользу приоритета *знаниеёмких трудовых функций* (контроллинга, высокотехнологического труда, внедрения «безлюдных» технологий, автоматизации, роботизации производства и т. п.);

- принципиальное *изменение технологий усвоения индустриальных знаний* и трудовых навыков, необходимых для осуществления эффективной производственной деятельности в условиях нового индустриального

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

производства («гаджетизация», «чипизация», «интернетизация», использование технологий виртуальной и «дополненной» реальности и пр.).

Принципиальное значение приобретает тенденция к *нарастанию темпов технологических изменений, происходящих со всё большим ускорением*, «ускорением ускорения», что становится характерным признаком, *одной из важнейших особенностей экономической системы грядущего общества*. Вследствие этого принципиальное значение приобретает *темп перевода научных достижений в непосредственное индустриальное производство, в его компоненты, в индустриальный продукт*. Очевидно также, что вследствие этого индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев – уже приобретает) характер *непрерывной инновации*.

Все эти изменения влекут *изменения и в макроструктуре экономики*. В ней в силу указанных выше тенденций развития *доминирующее положение* постепенно займут отрасли, которые образуют целостный комплекс, *создающие знаниеёмкий продукт*, а именно, отрасли, в которых *производится данный продукт* как таковой, а также те, где *создаётся самое знание и человек*, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве.

Как результат, экономика такого общества должна базироваться на объединении (на микро- и макроуровнях) таких звеньев, как:

- *знаниеинтенсивное высокотехнологичное материальное производство*, создающее знаниеёмкий продукт;
- *наука*, создающая knowhow;
- *образование и культура*, формирующие человека, обладающего не только знаниями и способного их применить в производстве, но и способностью их генерировать.

Таким образом, вычлняются *три основных сферы нового общественного производства*.

Основой этих трёх сфер является – и в этом случае автор является продолжателем традиции классической политической экономии – собственно *материальное производство*; наука – реально становится *непосредственной производительной силой*, образование «через всю жизнь» – *непременным условием эффективности* производственной деятельности.

Развитие нового содержания и структуры общественного производства, происходящего в условиях генезиса новой индустриальной экономики, обуславливает, в свою очередь, ***изменения в системе экономических отношений и институтов***. Новая индустриальная экономика, предполагающая возрождение в новом качестве позитивных черт прошлого, обуславливает и новые вызовы к развитию начал *рыночного саморегулирования и частной собственности*, с одной стороны, и *государственного воздействия на экономику* – с другой.

Существенные требования к экономическим отношениям и институтам предъявляет и переход к массовому созданию и использованию знаниеёмких продуктов. Синтетическая (интеллектуально-материальная) природа такого продукта обуславливает многие иные изменения в системе экономических отношений и институтов. К примеру, следствием происходящей приоритизации «нематериальной» компоненты в индустриальном продукте становится резкий рост значимости таких новелл последних де-

сятелетий, как *интеллектуальная собственность*. Не секрет, например, что в стоимости высокотехнологичных изделий (от современных авиалайнеров до сложных лекарственных препаратов) расходы на разработку технологий и охрану прав интеллектуальной собственности занимают постоянно растущую долю, уже сравнимую с расходами на их производство, а в ряде случаев и превосходя последнюю. *В знаниеинтенсивном производстве роль «нематериальной», интеллектуальной компоненты станет преобладающей.*

Тенденции развития индустриального производства неумолимо свидетельствуют: впереди – снижение потребности мирового производства в материалах, сырьё, ископаемых, энергии, т. е. того, на чём стоит российская экономика, при резком возрастании роли индустриальных знаний, технологий, темпов их получения, освоения, имплементации в реальный сектор, развития и т. п. Не за горами – *новая технологическая революция*. Очевидно, что *экономическими лидерами НИО.2 будут страны – лидеры технологические.*

От деиндустриализации к реиндустриализации: российские вызовы

Для экономики России, развивавшейся в рамках постиндустриальной рыночно-фундаментальной монетарно-либеральной модели, приведшей к искажению структуры народного хозяйства, гипертрофии сырьевого сектора, неумеренной финансиализации и деиндустриализации, отмеченные выше задачи стоят особенно остро. Однако разворот в сторону высокотехнологичного, знаниеёмкого материального производства диктуется не только необходимостью исправления глубоких структурных перекосов, выхода из экономической стагнации последних лет и задачами импортозамещения в условиях режима санкций, но, прежде всего, отмеченной выше объективной необходимостью выхода на новую ступень экономического и технологического развития.

Все эти причины неумолимо подводят нас к выводу: необходима *смена экономической модели*, восстановление *приоритета индустриального пути развития* России.

В нашей стране долгое время проводилась экономическая политика, имевшая, в принципе, верные *стратегические цели* создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития.

Однако те *средства*, которые были выбраны для её достижения – прежде всего, сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления – вызвали стагнацию нашей экономики со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Результатом явился крупнейший со времён окончания Второй мировой войны промышленный спад в российской экономике. Если принять 1991 г. за базовый, то рассчитанный по данным Росстата кумулятивный индекс промышленного производства по итогам 1998 г. составил 48,2%, т. е. совокупное промышленное производство в стране сократилось более чем в 2 раза. Российская экономика пережила масштабную **деиндустриализацию**. Причиной её была так называемая «шоковая»

экономическая политика (несмотря на попытки использования градуалистического подхода в некоторых областях государственной политики, в сфере промышленности были осуществлены шоковые преобразования). Предприятиям не дали времени и не создали условий для адаптации к разрыву межреспубликанских хозяйственных связей и к новой, «рыночной» модели российской экономики.

Ещё раз следует подчеркнуть, что теоретические обоснования для такого пренебрежения национальной промышленностью строились при этом на либералистских представлениях о сокращении роли государства в экономике (пресловутая концепция государства – «ночного сторожа»), а также на рассуждениях о наступлении «постиндустриального этапа» в развитии мировой экономики, поскольку с позиций постиндустриализма промышленность признавалась «непрогрессивным» и неперспективным элементом национальной экономики, не заслуживающим существенной государственной поддержки.

Не проводя подробного анализа имеющихся статистических материалов, отметим, что из-за существенного сокращения отечественного производства доля импорта, например, в станкостроении и лёгкой промышленности сегодня превышает 90%, в тяжёлом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании – 80%. К сожалению, аналогичная, если не более серьёзная, ситуация – в других базовых секторах российской экономики: пищевой промышленности, добывающей промышленности, энергетике, связи и т. д. Так, например, если в 2000 г. машин, оборудования, транспортных средств Россия импортировала на 10 млрд долларов, то спустя 14 лет – уже на 150 млрд долларов, т. е. наблюдается рост в 15 раз. Эти и другие данные подтверждают, что сегодня Россия критически зависима от импорта.

Последний тезис полностью подтверждается динамикой структуры российского экспорта. Так, по данным Всемирного банка, доступным на его интернет-сайте, за период с 2003 по 2013 г. доля высокотехнологичной продукции в экспорте российской промышленности сократилась более чем вдвое – с 18,3% до 8,4%, и это падение стало наиболее сильным среди всех развитых и развивающихся стран, данные по которым приводятся в указанном источнике. Экспортная модель России на сегодняшний день – это, по-прежнему, модель, ориентированная на экспорт продукции низкой степени переработки (сырья и энергоносителей). Например, на долю ведущих восьми нефте- и газодобывающих компаний, по данным Росстата, пришлось на начало 2014 г. более 60% стоимостного объёма всего российского экспорта, а доля экспорта несырьевого сектора сократилась до четверти.

Это состояние российской экономики является следствием длительно развивавшихся процессов её деиндустриализации¹. Следует подчеркнуть, что нынешняя рецессия – в принципиальном плане – является следствием именно *глубокой деиндустриализации* нашей экономики.

¹ См.: Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19–49; Попов А. И. Создание новой модели развития: модернизация и условия перехода к инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 4. С. 18–26.

Это не просто сокращение технологического уровня и глубины переработки исходного сырья, оснащённости производственных систем, станочного парка, оборудования и приспособлений, снижение квалификации персонала, утрата им навыков и умений, понижение квалификационного уровня, утрата профессий и компетенций и т. д. Экономическим результатом этого явления становятся общий упадок и утрата целых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии, нередко – без способности их восстановления. Те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, во многом закономерны и обусловлены ранее принятыми на государственном уровне решениями, выстроенными на основе неадекватной российским реалиям системе «либеральных» экономических взглядов.

Во-первых, процессы деиндустриализации, в том числе в высокотехнологичных отраслях, тесно связаны с особенностями хода рыночной трансформации в нашей стране. Многие перекосы, допущенные в ходе приватизации и при выборе макроэкономической политики, создали относительно более благоприятные условия для функционирования топливно-сырьевого сектора, финансового рынка, торгово-посреднической деятельности и некоторых других секторов сферы услуг. Проблема заключалась не столько в том, что не удалось обновить технологии за счёт инвестиций из-за рубежа, сколько в том, что были совершенно не использованы, и поэтому деградировали, внутренние источники технологического обновления.

Во-вторых, рассматривая блок проблем, связанных с преодолением деиндустриализации, принято апеллировать к необходимости создания в российской экономике конкурентной среды. Именно этим руководствовались российские «приватизаторы» в своём стремлении раздробить крупные предприятия. Безусловно, конкуренция необходима для рыночной экономики, но здесь следует учитывать, что структура, хозяйственная организация, состав активов бывших советских предприятий существенно отличались от аналогичных параметров западных компаний, а в условиях ещё и разрыва хозяйственных связей попытки разбить цельные производственные комплексы вели не к росту конкуренции, а к успешному «утоплению» совершенно не готовых «плавать» в такой среде «осколков» крупных предприятий. Дробление крупных предприятий, «разъединение» научно-производственных объединений, представлявших собой единые технологические комплексы, не привело к созданию конкурентной среды, а лишь дезорганизовало промышленность и способствовало деиндустриализации экономики страны.

В-третьих. Одной из причин деиндустриализации, по мнению автора, можно считать «голландскую болезнь». Образовавшийся в 2000-х гг. приток в страну финансовых ресурсов благодаря растущей конъюнктуре на мировом рынке нефти не привёл к исправлению катастрофической ситуации, сложившейся в промышленности в результате реформ 1990-х гг. Избыточная ликвидность не направлялась на расширение предложения конкурентоспособных товаров и услуг через проведение модернизации экономики и обновление основного капитала, а либо стерилизовалась в различных фондах, либо служила росту внутреннего спроса, который, в силу постоянного ослабления позиций национальных промышленных производителей, удовлетворялся, в основном, за счёт импорта и лишь в небольшой мере стимулировал рост внутреннего производства.

Пора радикально изменить курс и перейти от **де**индустриализации к **ре**индустриализации.

Первая существенная особенность теперешней российской экономики, важная для оценки возможности осуществления реиндустриализации, состоит в том, что в стране ещё не произошло восстановление даже того *промышленного* научно-технологического потенциала, который у нас был до начала перестройки, более чем наполовину разрушенного в ходе системного кризиса 1990-х годов.

Возьмём, например, машиностроение. Оно сегодня характеризуется глубоким спадом производства. По отдельным видам машиностроительной продукции этот спад беспрецедентен. И по доле машиностроения (табл. 1) в структуре обрабатывающих производств сегодня российская экономика существенно отстаёт от стран – основных конкурентов.

Таблица 1

**Доля производства машин и оборудования
в структуре обрабатывающих производств**

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Россия	2011	21,5
США	2007	32,5
Германия	2008	42,8
Великобритания	2007	29,8
Франция	2008	27,9
Япония	2007	44,4
Бразилия	2007	26,9
Китай	2009	33,6

Источник: здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

При этом спад отечественного машиностроения произошёл, прежде всего, за счёт стремительного сокращения производства в станкостроительных отраслях. Объёмы производства машин и оборудования к 2012 г. едва превысили половину от объёма 1991 г., не достигнув даже уровня 2008 г., а станкостроение вообще сократилось к 1998 г. на порядок по сравнению с 1991 г. Но, может быть, это просто «тренд» развития в мире? Нет, это не так; развитые страны, наоборот, увеличивают эти показатели. А Россия далеко отстаёт от стран-конкурентов (табл. 2).

Таблица 2

Производство металлорежущих станков, шт.

Тип станков	Сверлильные и фрезерные		Токарные	
	2007	2008	2007	2008
Россия	2826	2408	1360	1412
Германия	15721	45370	6574	23342

Тип станков	Сверлильные и фрезерные		Токарные		
	Страна	2007	2008	2007	2008
США		9 246	8 139	6 210	7 416
Япония		16 544	14 311	27 761	26 998
Бразилия		9 127	11 799	13 344	5 429

Отставание станкостроения неизбежно влечёт за собой продолжающееся физическое и моральное старение всей производственно-технологической базы. Таким образом, мы не только не восстановили свой промышленный потенциал хотя бы 20-летней давности, но и продолжаем всё сильнее отставать. Вот таков, вкратце, **технологический аспект** сегодняшней экономической ситуации.

Теперь – о *второй* важной особенности нынешней модернизации, которая связана с текущим состоянием экономики в стране в целом. Начиная с 2012 г., темпы развития экономики постоянно падают. Начало 2014 г. характеризовалось ситуацией, которую можно назвать модным сурковским термином, – «околоноля». Мы вошли в полноценную рецессию, выход из которой просматривается не ранее, чем к концу 2016 – середине 2017 гг. Итак, налицо очевидная параллель – стагнация промышленности – стагнация экономики, и далее – негативное влияние на политическую стабильность государства. Отсюда вытекает вывод о безусловной необходимости восстановления приоритета индустриальной компоненты в российской экономике.

Какая реиндустриализация нужна России

Пора радикально изменить курс. Необходим *отказ от действующей экономической модели и переход к модернизации экономики через восстановление – в качестве приоритета – индустриального пути развития*, т. е. – необходим переход от **деиндустриализации** к **реиндустриализации**. Отмечу, что об этом мне доводилось говорить ещё более десяти лет назад.

Главный тренд предлагаемого специалистами Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте курса – реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий, имеющая в виду *качественное обновление* технологической основы материального производства.

Отсюда вытекает, что **реиндустриализация** должна стать *механизмом* решения этой задачи, *базовой парадигмой* развивающейся, а не стагнирующей российской экономики, а *главной целью реиндустриализации*, или «*новой индустриализации*», как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать *восстановление роли и места промышленности в экономике* страны в рамках её *структурной перестройки* в качестве базовой компоненты, причём – *на основе нового, передового технологического уклада* путём решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач *в рамках модернизации России*. Осуществление *промышленной политики* через *основанную на высоких технологиях реиндустриализацию* – это *единственно возможная экономическая стратегия*, позволяющая преодолеть стагнацию нашей экономики и вывести нашу страну в экономические лидеры следующих десятилетий.

Стратегической целью должен стать переход к *качественно новому уровню материального производства* в нашей стране.

Однако эта задача, при всём многообразии путей и механизмов её решения, не может быть решена без выявления и разрешения неких ключевых, фундаментальных вопросов. *В каждом из упомянутых выше основных элементов современного материального производства* есть нечто *общее*, без чего оно существовать не может. Этот элемент, ключевое звено – *знания*. При этом важно учитывать, что современные знания появляются в процессе исследовательской деятельности, *познания* (научные знания) и становятся присущими индустриальному работнику в процессе его *научения* (образования). Более того, в современном обществе *наиболее эффективным способом превращения научных знаний в квалификацию труда является трудовая деятельность*, что в полной мере относится к *производственной деятельности* людей.

С этой точки зрения, именно поэтому успешное развитие **современного** (и особенно – **перспективного!**) **производства**, являющегося *материальной базой* формирования нового типа экономики – *экономики знаний*, являющейся в свою очередь, базовым атрибутом и экономической основой не общества услуг и спекуляций, а *нового индустриального общества*, невозможно без *глубокой* его **интеграции** с **образованием** и **наукой**.

Интеграция производства, науки и образования.

На этом фундаменте должны выстроиться и все компоненты *производственного процесса*, и – *сопряжённые* с ним. При этом *изменения в материальном производстве* должны носить *системный* и *целостный* характер, коснуться **всех элементов производственного процесса** – и его *организации*, и его *технологической базы*, и его *продукта*, ну и, конечно, характера и качества *индустриального труда*.

И ещё один аспект этой проблемы.

Наиболее значительное отличие современного индустриального производства от той стадии его развития, на которой впервые стали широко применяться меры активной промышленной политики, заключается в его **инновационности**, опирающейся на постоянное повышение, я бы применил такой термин, – «знаниеёмкости» индустриальной деятельности. В последнее время, начиная с конца XX века, производство приобретает, я бы сказал, характер «непрерывной инновации», а *непрерывное обновление* линеек *продуктов* и разработка новых *технологий* – стало *императивом эффективного функционирования производства*. Исследование, поиск, передача, внедрение технологий становятся *неотделимыми элементами современной производственной системы*, частью *производственного процесса*.

Можно нередко слышать соображение, что в условиях рецессии следует «по одежке протягивать ножки», а не замахиваться на какие-то масштабные преобразования, нацеленные на далёкое будущее, для которых ни у государственного бюджета, ни у бизнеса всё равно нет свободных денег. Однако проблема упирается вовсе не в делёж скудного финансового пирога, а в решение проблемы выбора тех стратегических целей, для до-

стижения которых эти деньги нужны. Главное – правильная постановка целей, что определяет и выбор средств для их достижения.

Если мы хотим достичь нового качества материального производства на пути реиндустриализации экономики, то и средства для этого нужны соответствующие.

Как отмечено выше, успешное *развитие современного производства* невозможно без глубокой его *интеграции с образованием и наукой*. Названные выше изменения в содержании и структуре общественного производства приводят к тому, что **основным производственным звеном** новой индустриальной экономики становится *индустриальный комплекс нового поколения, интегрирующий производство, науку и образование в едином производственном процессе* не только на макро-, но и на микроуровне. Такие комплексы могут стать основой формирования индустриальных структур кластерного типа, соединяющих эти компоненты в едином научно-производственном процессе – например, т. н. ПНО-кластеров, включающих в себя собственно производственные предприятия, центры НИОКР/ОКР и образовательные организации с единой инфра- и ультраструктурой.

Решение проблем реинтеграции производства, науки и образования требует осмысления новой роли этих секторов в современных условиях.

Выделим важные для дальнейшего три ключевых тезиса.

Первый: *сфера образования чем дальше, тем больше становится источником формирования ключевых производственных ресурсов*, поскольку обеспечивает производство креативных способностей человека. То, что человек есть один из основных факторов производства или, на языке марксизма, главная производительная сила, экономисты знали всегда. Специфика современной экономики, однако, состоит в том, что это система, в которой основную роль играет творческий потенциал человека. А его формирование обуславливает необходимость развития образования, которое будет общедоступным и развивающимся через всю жизнь. Формирование такого образования как предпосылки возрождения экономики постоянно подчёркивается, в частности, в работах О. Н. Смолина, в этом мы с ним согласны¹.

Второй тезис. *Технологическое применение науки невозможно без существенного развития фундаментальных исследований и определяет создание и продвижение инноваций*, а инновации – это наиболее дорогостоящий и конкурентоспособный товар мировой экономики, производство которого определяет уровень конкурентоспособности национальной экономики и национальной безопасности.

Третье. *Производство* в современных условиях играет роль не только основы экономики, формирующей «заказ» образованию и науке как сферам, производным от него, но и *постепенно становится областью приложения потенциала, создаваемого в секторах образования и науки*. Для экономики XXI века как никогда ранее становится актуальным противоположность и вместе с тем единство приоритетов: наука, образование и культура, с одной стороны; материальное производство – с другой.

На наш взгляд, учёт уроков прошлого и международного опыта, а также приведённые выше в сжатом виде теоретические положения по-

¹ Смолин О. Н. Образование для всех. М., 2006.

звolyют сформулировать следующие **рекомендации по реализации мер, направленных на реинтеграцию производства, науки и образования.**

Во-первых, материально-техническая база инноваций в рамках проекта интеграции производства-науки-образования (**ПНО**) должна опираться на решение в принципе хорошо известных задач:

- подготовку в системе образования креативные кадры, специалистов и профессионалов;
- развёртывание научных исследований и опытно-конструкторских разработок, опирающихся на достижения фундаментальной науки;
- доведения новых технологий до создания промышленных образцов;
- организации на отечественных предприятиях массового серийного выпуска такой продукции.

Однако в сложившейся реальной ситуации эти требования могут быть первоначально реализованы лишь на избранных, ограниченных участках.

Поэтому, *во-вторых*, в современной России следует ориентироваться на возрождение в первую очередь *ещё сохранившихся заделов высокотехнологичных укладов* (в основном в оборонном секторе), а программы комплексного создания новых технологий и принципиально новых изделий могут осуществляться в ограниченном объёме и только по считанным направлениям, обещающим наибольший народнохозяйственный эффект.

В-третьих, экономические механизмы реализации указанного проекта могут опираться на рыночные стимулы (финансирование через госзаказы, долгосрочные кредиты, гарантии), государственно-частное партнёрство, долгосрочные государственные программы и активную промышленную политику, увязывающие рыночные механизмы с государственными инвестициями и планами развития государственных предприятий (в том числе – в сфере образования и науки).

В-четвёртых, организационно-правовое обеспечение этих приоритетов может включать специальные институты долгосрочного развития (обеспечивающие разработку и реализацию стратегических программ, проведение активной промышленной и структурной политики и др.). Для их успешной работы необходимо обеспечить снижение административных барьеров в финансово-кредитной, налоговой, таможенной системе, и, напротив, расширить государственную поддержку в таких сферах, как патентование, сертификация технологических процессов и продукции и т. п.

Важную роль здесь могут сыграть *интегрированные кластеры ПНО* (производства-науки-образования), которые могут иметь различные организационно-правовые формы – от открытых сетей до комплексов, имеющих единую программу развития и работающих на единый долгосрочный результат, с единым финансированием и согласованным управлением.

Следует обратить внимание на провалы, связанные с применением идеологии рыночного фундаментализма 1990-х гг. Так, в первый период реформ резко изменилось отношение к науке, особенно фундаментальной – она стала рассматриваться только как непроизводительная статья расходов. Финансирование науки упало, заработные платы научных работников сократились и абсолютно (до уровня нескольких десятков долларов в месяц), и относительно, по сравнению с другими секторами эко-

номики. Начался массовый отток квалифицированных кадров из сферы НИОКР, в том числе и за рубеж. Укажем в этой связи только на один факт: в начале 2000-х число докторов наук – выходцев из СССР, работающих в США, было сопоставимо с числом оставшихся в отечественной науке.

Однако пострадала не только фундаментальная наука. В ходе приватизации произошло резкое (многократное – примерно впятеро) сокращение внутрифирменных научно-исследовательских организаций. Фундаментальная и прикладная наука оказались оторваны друг от друга, а производство, в свою очередь, лишилось поддержки со стороны прикладной науки¹.

Нарушилась также и связь образования с производством. Навязывание высшему профессиональному образованию чисто коммерческих критериев деятельности в условиях сокращения бюджетного финансирования привело к чисто конъюнктурной реакции. Вузы, не имея для этого квалифицированной преподавательской базы, скачкообразно увеличили подготовку суррогатных юристов, экономистов, менеджеров. Значительно выросло число студентов, поступающих в вузы только ради получения диплома, являющегося пропуском на рынок труда². В то же время произошёл глубокий спад в подготовке квалифицированных рабочих, поскольку частный бизнес поспешил снять с себя нагрузку по подготовке кадров в профессионально-технических училищах (ныне именуемых колледжами), да и уровень оплаты квалифицированного труда оказался занижен.

Немного лучше складывалась ситуация с подготовкой инженерных кадров: наиболее востребованными в технических вузах оказались в спешке создаваемые экономические и юридические факультеты. Обучение собственно техническим специальностям стало непрестижным со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако главной проблемой в вопросе взаимодействия производства, науки и образования явилась деградация самого производства. Приспособительной реакцией экономики на реформы 90-х годов стало как сокращение объёмов производства, так и его *технологическая примитивизация*. Свёртывание производства в реальном секторе экономики и падение его технологического уровня, в конечном счёте, и определило слабую потребность в НИОКР и в подготовке кадров. Такое производство не генерирует достаточный спрос и на инновации, и на высокообразованную рабочую силу. Поэтому и никаких усилий, направленных на замену разрушенных форм интеграции науки, производства и образования в плановой системе новыми институтами, соответствующими условиям рыночной экономики, длительное время не предпринималось.

Подчеркнём: в 2000-е была предпринята попытка решить указанную проблему в рамках амбициозных бюрократических проектов, реализуемых специально созданными для этой цели государственными корпо-

¹ Об этом писал, например, директор Института США и Канады. См.: Рогов С. Невостребованность науки – угроза безопасности страны // Независимая газета. 08.02.2010. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2010-02-08/9_science.html.

² См.: Колганов А. И. Институциональные и организационные проблемы участия российских университетов в инновационном процессе // Университет как звено национальной инновационной системы. М.: МАКС-Пресс, 2011.

рациями (подобными «Сколково», «Роснано», «Ростех»). Однако эта попытка вызывает множество справедливых нареканий из-за явной неэффективности расходования значительных бюджетных средств и связанных с этим злоупотреблений¹.

Парадоксом в данном случае является то, что имеющийся значительный зарубежный опыт успешного функционирования различных форм взаимодействия производства, науки и образования (например, в военно-промышленном комплексе США, в деятельности транснациональных корпораций в сфере наукоемкого производства, в соединении университетской фундаментальной науки и образования с прикладными исследованиями в скандинавских странах) оказывается гораздо ближе к опыту плановой экономики СССР, чем к тем механизмам, что использовались на протяжении 20 последних лет в якобы рыночной экономике постсоветской России. В нашей стране не только советский, но и зарубежный опыт интеграции науки, образования и производства, несмотря на декларируемую приверженность «стандартам цивилизованного мира», до сих пор очень мало востребован.

В то же время следует отметить, что *в России в последние годы наметились позитивные тенденции формирования некоторых форм интеграции производства, науки и образования.*

Примером такого рода может служить деятельность ФГУП «Государственный космический научно-производственный центр имени М. В. Хруничева», Группы «Аэрокосмическое оборудование» и др. В этих случаях реализованы успешные проекты интеграции производства, науки и образования – уже в современных условиях. В соответствии со стратегией развития ракетно-космической промышленности, а также согласно Федеральной целевой программе «Реформирование и развитие оборонно-промышленного комплекса (2002–2006 гг.)», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2001 № 713, на базе ФГУП ГКНПЦ им. М. В. Хруничева было решено создать крупную интегрированную структуру в области разработки и создания ракет-носителей тяжёлого класса. Важнейшая задача интеграции – сохранение существующего производственного и научно-технического потенциала предприятия, обеспечение выполнения государственных заказов, предусмотренных Федеральной космической программой. 3 февраля 2007 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ «О федеральном государственном унитарном предприятии «Государственный космический научно-производственный центр имени М. В. Хруничева». В настоящее время этот комплекс выступил с инициативой интеграции с рядом ведущих технических вузов России, обеспечивая целевой набор студентов с ориентацией на будущую работу на предприятиях и в КБ этого комплекса.

Также достаточно известны аналогичные микроуровневые проекты при создании инновационных кластеров, построении сетей трансфера тех-

¹ Специальное исследование на эту тему: Соколов А. А. Влияние ренто-ориентированного поведения на инвестиции российских государственных корпорация: автореф. дис. ... канд. эконом. наук / А. А. Соколов. – Москва, 2013. Режим доступа: <http://www.cemi.rssi.ru/news/cemi/sokolov.pdf>.

нологий¹, технологических хабов и др. Однако одновременно приходится, к сожалению, всё-таки констатировать сохраняющееся доминирование по преимуществу негативного опыта в рассматриваемой сфере. В стране пока нет ни системы, ни долгосрочной, реально работающей стратегии интеграции производства, науки и образования на макроуровне. Задачи такой интеграции если и решаются, то по преимуществу в режиме «ручного управления», сопровождаясь широким распространением коррупционных механизмов и т. п.

Экспортно-ориентированное импортозамещение

Анализ и мировая практика показывает, что успешная *реиндустриализация, нацеленная, в частности, на решение задачи экспортноориентированного импортозамещения*, предполагает в качестве своей обязательной компоненты, что будет осуществляться **активная государственная промышленная политика**, нацеленная на приоритетное развитие ключевых сфер материального (и прежде всего наукоёмкого высокотехнологичного) производства и необходимого для этого развития науки и образования.

Активная промышленная политика в широком смысле слова должна предполагать использование таких средств достижения названных выше целей, как:

– **адекватные стимулирующие денежно-кредитная политика Банка России и бюджетно-налоговая политика Минфина России**, обеспечивающие финансирование развития предприятий промышленности и АПК (в необходимом объёме, сообразно имеющимся потребностям);

– **стимулирование внутреннего спроса** на продукцию промышленных предприятий, в том числе через «дотирование» цен и систему государственного заказа;

– **длительный характер проводимых мероприятий**, позволяющий привлечь долгосрочные инвестиции;

– **сохранение высокой степени открытости экономики**, за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность и безопасность граждан; развитие кооперации с зарубежными партнёрами в областях технологического обмена, научного сотрудничества и создания передовых производственных технологий (следует помнить, что создание искусственных ограничений на импорт и экспорт технологий приводит к снижению эффективности деятельности и конкурентоспособности продукции);

– **государственная поддержка экспорта** конкурентоспособной промышленной продукции.

Суммируя сказанное выше, можно сделать *принципиально важный вывод*: для решения названных выше задач необходимы активная промышленная политика, государственно-частное партнёрство, селективный протекционизм и международное ПНО-сотрудничество.

¹ Осипенко А. С. Технологический трансфер в системе обеспечения инновационного развития промышленности // Экономическое возрождение России. 2014. № 1 (39). С. 83–88.

Реализуя эту политику, важно не забывать о *рисках*, среди которых приоритетное значение имеют следующие:

1) **снижение конкурентоспособности российской промышленной продукции** за счёт создания «стерильных условий» для развития российских промышленных предприятий в виде господдержки и отсутствия на внутреннем рынке конкуренции с ведущими зарубежными производителями. В результате снижается качество менеджмента, а также создаются предпосылки для снижения качества и роста цены (вследствие монополизации рынков) выпускаемых товаров. Очевидно, что основным способом разрешения этой проблемы является развитие отечественных инновационных разработок¹, проведение целенаправленных прикладных исследований и внедрение полученных результатов в промышленность, что требует более тесной интеграции науки и промышленного производства;

2) **снижение эффективности экономики страны в целом** – в случае, если продукция и технологии национальных производителей уступают по конкурентоспособности (цене, качеству, ассортименту) зарубежным аналогам. Таким образом, политика импортозамещения в промышленности при отсутствии грамотного системного подхода к её реализации (включая в т. ч. постоянный мониторинг динамики развития промышленности в разрезе отраслей и предприятий) может привести к снижению уровня конкуренции, конкурентоспособности отечественной промышленной продукции и эффективности деятельности отечественных промышленных предприятий;

3) **увеличение нагрузки на бюджет**. Меры по реализации политики импортозамещения в рамках стратегии реиндустриализации российской экономики требуют значительных инвестиций со стороны государства. В случае ухудшения экономической ситуации (что как раз и происходит в современной России) и невозможности выполнения всех запланированных бюджетных расходов Правительство Российской Федерации будет поставлено перед выбором: или сокращать расходы на социальную сферу и по другим направлениям, или приостанавливать финансирование мероприятий по импортозамещению. Вследствие этого возникнет ещё один риск, связанный теперь уже с **ростом коррупции**. У представителей госкорпораций и чиновников возникнет возможность и соблазн лоббировать те или иные решения, связанные с перераспределением выделяемых ограниченных бюджетных средств;

4) **технологическое отставание российской промышленности** на глобальном уровне. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, так как процесс импортозамещения может быть довольно длительным, существует риск частично заменить импорт из экономически развитых стран другим, доступным импортом из стран Азии, Латинской Америки и партнёров по ЕАЭС. Это не только затормозит развитие промышленности страны, но и закрепит тренд на отставание технологического уровня российской промышленности (а оно и так составляет у нас 40–60 лет). Во-вторых, стратегия импортозамещения в краткосрочной перспективе ориентирована на замену зарубежной продукции отечественными анало-

¹ Цацулин А. Н. Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 2 (80). С. 12–21.

гами. То есть, по сути, речь идёт о копировании зарубежных продуктов и технологий, которые уже существуют на рынке. А это означает перманентное технологическое отставание. Преодоление указанного риска возможно за счёт опережающего (по отношению к производству) развития отечественной исследовательской и конструкторско-технологической базы и школы, что требует активизации усилий по поддержке науки и образования и их интеграции с производством¹.

Анализ указанных рисков позволяет сделать вывод, что многие из них преодолимы на основе активизации внутренних источников технологического обновления материального производства. Это позволит не только решить локальную задачу импортозамещения для удовлетворения чисто внутренних потребностей, но и создать в его процессе конкурентоспособное на мировом рынке экспортно-ориентированное отечественное производство.

Экономические механизмы перехода к новому качеству материального производства

Широко известно, что в современной России важнейшим условием успешного предпринимательства служит тесное взаимодействие с властными структурами. Речь идёт не о партнёрских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях представителей властных структур диктовать свою волю. При этом неважно, чем руководствуется чиновник: собственным представлением об «общественной пользе» (приватизация права выражать общественный интерес) или корыстью. Важно лишь то, что существует институт (как правило, не формализованный), позволяющий действовать подобным образом. Без преодоления этого достаточно устойчивого феномена невозможна и эффективная политика модернизации.

До тех пор, пока деятельность по перераспределению прав собственности будет гораздо «интереснее», чем по её развитию, будут безуспешными и борьба с «рейдерством», и призывы к «инновационному поведению». В этих условиях компенсационные меры (кредитно-инвестиционно-налоговые льготы или механизмы государственно-частного софинансирования) не послужат достаточно значимым фактором, снижающим риски инновационной деятельности. Более результативны не столько компенсационные меры, сколько институты, делающие использование иных (неинновационных) инструментов конкуренции существенно более рискованным.

Нынешнее огосударствление российской экономической жизни определяется низким уровнем легитимности сложившихся отношений собственности на средства и результаты производства, что предопределено механизмами приватизации госсобственности 90-х годов. Тогда под лозунгом разгосударствления осуществили крайне примитивное обновление отношений собственности, за которым не стояло ни научных идей, ни анализа мирового опыта. Результатом стало появление «неэффектив-

¹ См. Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – Российская государственная библиотека, 2010. – 148 с.

ного» (в народнохозяйственном смысле) собственника¹. В результате любые действия государства (его представителей), направленные на ограничение «предпринимательских свобод», даже если они противоречат действующему законодательству по защите прав собственников, получают поддержку в массовом сознании, особенно если такие действия совершаются под идеологическим прикрытием защиты интересов «простых людей». Отсюда глубокое расхождение между правом и правоприменительной практикой в экономической жизни российского общества. Сама по себе *приватизация не тождественна разгосударвлению*.

Единственный надёжный механизм реального разгосударствления экономики, как показывает исторический опыт, есть постоянная активная деятельность институтов гражданского общества. Именно эти институты способны ограничивать объективно обусловленные эгоистические интересы предпринимателей, с одной стороны, и постоянное стремление государства к избыточному присутствию в экономике – с другой. В экономике, которую принято называть социально ориентированной, эти институты образуют важнейшую органическую часть механизма регулирования экономической жизни общества. Поэтому неудивительно то внимание, которое уделяется развитию этих институтов в странах, преодолевающих негативные последствия «социалистической» организации общественного производства.

Восстановление взаимного доверия между государством, бизнесом, и гражданами как на местном, так и на региональном и общенациональном уровнях, служит необходимым условием эффективной работы института *государственно-частного партнёрства*. Необходимость в оживлении этого института огромна, ибо без активного участия бизнеса ни о какой модернизации, реиндустриализации, инновационной экономике и т. д. речи быть не может. В то же время глубина накопившихся проблем такова, что без серьёзного государственного участия эти проблемы силами одного только предпринимательского сообщества не поднять. Да и сама по себе активная государственная промышленная политика немислима без конструктивного взаимодействия бизнеса и государства. А уровень общественного доверия к тем целям, которые преследуют государство и бизнес, выступает хотя и менее осязаемой, но не менее, весьма значимой составляющей успеха предпринимаемых начинаний.

Вот если в процессе модернизации нашего общества нам удастся эту институциональную проблему решить, «обуздать», если предприниматель будет уверен – ещё раз подчеркну – в своём будущем, он, наш предприниматель, и станет тогда – и только тогда! – развивать, вкладывать и оставлять результаты своего дела потомкам, обществу – здесь, а не, так сказать, за «бугром». Вот тогда будут и инвестиции, и инновации. Это, говоря языком математики, базовое из набора необходимых и достаточных условий. Предприниматель – основная **движущая сила** модернизации, и **главная задача государства и общества – позитивное мотивирование**

¹ Аналогичная ситуация сложилась на значительной части постсоветского пространства. См.: Киндзерский Ю. Деформация института собственности в Украине и проблемы формирования эффективного собственника в неэффективном государстве // Вопросы экономики. 2010. № 7.

его деятельности. Я бы настаивал на такой формуле: будет интерес предпринимателя в осуществлении своей деятельности здесь, у нас, на нашей российской земле – состоится у нас и модернизация экономики. И содействовать этому нужно через все факторы: и экономические, и неэкономические, и любые иные.

Но вот вопрос – достаточно ли у России **финансовых ресурсов** для модернизации экономики и реиндустриализации?

По утверждённой Правительством Российской Федерации в конце декабря 2012 г. Государственной программе «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» объём финансирования в период до 2020 г. в среднем на год составляет около 440 млрд рублей. Конечно, в госпрограмму Минпрома России включены далеко не все инвестиционные проекты, необходимые для проведения реиндустриализации, да и в известных указах Президента России речь не шла исключительно о госинвестициях. В то же время, если отталкиваться от положений, прописанных в указах Президента России, требуется увеличить объём инвестиций в реальный сектор экономики примерно до 20 трлн рублей. Таким образом, необходимо на порядок увеличить объёмы финансирования инвестиционных проектов и программ, связанных с индустриализацией, модернизацией обрабатывающей промышленности и других базовых отраслей реального сектора экономики.

Согласно расчётам, столь масштабное увеличение инвестиций в реальный сектор экономики возможно, но оно требует переориентации денежных и кредитных ресурсов как корпораций, так и государства на решение задач реиндустриализации:

- смягчение монетарной, бюджетной, фискальной политики;
- использование части накопленных государственных финансовых резервов и резервов крупных госкорпораций на нужды реиндустриализации;
- кредитование базовых проектов реиндустриализации путём использования золотовалютных резервов;
- переориентация системы государственных льгот и преференций на реальную поддержку индустриального развития экономики;
- разработка и осуществление мер по рационализации вывоза капитала;
- формирование адекватной задачи реиндустриализации денежно-кредитной политики, снижения стоимости заёмного капитала для промышленности;
- использование возможностей международных финансовых организаций для целей реиндустриализации.

Нынешний уровень монетизации экономики России (ниже 50% ВВП) и уровень насыщения кредитами (всего 35% ВВП) не позволяют обеспечить уверенный экономический рост. Ситуация, когда стоимость рыночных кредитных ресурсов для ключевых отраслей выше нормы рентабельности, практически исключает кредитование развития промышленности, что является серьёзным ограничением возможности реиндустриализации.

Источником финансирования широкомасштабной модернизации национальной экономики может стать расширение механизма кредитной

эмиссии под финансирование структурообразующих инвестиционных программ модернизации и отобранных отраслей национальной экономики и промышленности.

Эмиссия кредитных ресурсов может быть произведена через реальную индексацию вкладов населения в Сбербанке до 1991 г., которые были обесценены последующим инфляционным взрывом. Было бы целесообразно эти индексированные средства ограничить в использовании тремя направлениями по выбору самих граждан:

- 1) пополнение пенсионного капитала;
- 2) формирование ипотечного капитала для финансирования социальной ипотеки (для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий);
- 3) приобретение акций специального государственного инвестиционного фонда модернизации национальной экономики.

Вместе с тем использование кредитной эмиссии для финансирования приоритетных инвестиционных проектов потребует, во-первых, существенного улучшения качества и всей деятельности по формированию инвестиционных проектов и, во-вторых, усиления прозрачности движения как общих денежных потоков, так и валютных средств.

Необходимо отказаться от тезиса, согласно которому только доведение инфляции до 3–4% будто бы обеспечит привлекательность инвестиций за счёт снижения ставки по кредитам, включая вложения в технологичные сектора. Однако при этом упускается, что за время такой «борьбы» будут потеряны объекты инвестирования, а потеря внутренних рынков будет «играть» в направлении увеличения инфляции.

Наращивание финансовых ресурсов для реиндустриализации может обеспечить и политика сокращения разрыва между вывозом и ввозом капитала (который в течение ряда лет достигал 7–10%).

Ещё одним, на самом деле – гигантским, резервом для финансирования задач реиндустриализации является снижение уровня и структуры налогового льготирования всего и вся (кроме того, что нужно), предусмотренного нашей налоговой системой. По данным Минфина России, налоговые льготы обходятся бюджету в 1,8 трлн рублей в год (т. е. почти 3% ВВП). Почти 95% из этой суммы – это льготы по четырём налогам – на прибыль, НДС, НДС и на имущество юридических лиц. При этом – назовите мне значительные льготы для промышленности! Нет таких. Зато льготы получают самые «бедные» – торговля, нефтегазовики и т. п. Наведение порядка в этой сфере, перераспределение льгот на промышленную сферу – вот где один из важнейших финансовых резервов реиндустриализации экономики.

Россия в настоящее время обладает одной из самых низких *номинальных* ставок налогообложения прибыли по сравнению с другими европейскими странами, где она находится на уровне 40–45%. Однако *реальная* ставка налогообложения прибыли у них – 20–22%, то есть сопоставима с российской. Дело в том, что, в отличие от России, в этих странах действует эффективная система контроля за целевым использованием средств, направляемых на инвестиции и инновации из части прибыли, освобождаемой от налогообложения. В этой связи безальтернативный

императив для нас – восстановление налоговых льгот для инвесторов, осуществляющих модернизацию. При этом следует решительно отвергнуть широко распространённый аргумент противников данной меры, что в России, якобы, в принципе невозможно преодолеть практику злоупотребления дифференцированными стимулами.

Таким образом, если принять наши предложения, которые консолидировано отражают предложения существенной части экономистов России, выступающих за реиндустриализацию как особый тип экономической (промышленной) политики, то можно говорить о том, что финансовые и инвестиционные возможности осуществить реиндустриализацию у нас имеются.

Разумеется, эффективное использование этих ресурсов требует создания соответствующих институтов развития, которые обеспечивали бы канализацию финансовых потоков именно на цели реиндустриализации на основе новейших технологий, обеспечивали бы концентрацию средств на тех целях, которые формулируются в рамках государственной промышленной политики. Важно, однако, отметить, что осуществить импортозамещающую реиндустриализацию на «пустом месте» невозможно. Одной лишь политической воли, даже подкреплённой финансовыми ресурсами, недостаточно. Для решения сложных и амбициозных задач по воссозданию высокотехнологичного материального производства нужны мирового уровня наука и образование, культура, которой будут гордиться россияне и к которой будут тянуться граждане других стран мира¹. Требуется пересмотр отношение к науке, культуре и образованию, как к бюджетным нахлебникам. Пора выработать политику эффективного стимулирования культурного прогресса в самом широком смысле слова, ибо только «человек культурный» сможет стать творцом инновационного прорыва в высокотехнологичное промышленное производство нового поколения.

Решение, как минимум, перечисленных задач позволит выстроить базу для реализации программы модернизации российской экономики, учитывающей выделенные выше стратегические цели, объективно обусловленные новыми качественными сдвигами в экономике мировой. В частности, это создаст возможность резкого ускорения инновационного тренда индустриального развития России во имя достижения технологического лидерства (ещё раз подчеркнём: экономические лидеры будущего – лидеры технологические!), выхода в перспективе на уровень т. н. «технологической границы» (уровень базовых технологий передовых в технологическом отношении стран) для начала хотя бы по отдельным перспективным направлениям. Очевидно, здесь особую роль (автор в целом позитивно, несмотря на повсеместную модную ныне критику, относится здесь к усилиям государства), могут и должны сыграть и поддерживаемые государством крупные, в т. ч. – инфраструктурные, проекты, и центры инновационного развития.

¹ Бодрунов С. Д. Интеграция производства науки и образования и новая индустриализация России / Вестник. № 215. 19.11.2014. С. 17.

СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОГО ОПЫТА

Холодков В. М., начальник сектора международных экономических организаций Центра экономических исследований Российского института стратегических исследований

В условиях очередного экономического спада, который начался в конце 2014 г., а также прогнозируемых на ближайшие годы низких темпов роста или даже стагнации, в стране развернулись дискуссии о необходимости проведения структурных реформ и их содержании.

Причины экономического кризиса

Для определения целей и содержания реформ, очевидно, важно прежде всего выявить причины нынешнего экономического кризиса.

Негативные тенденции в экономике России, которые выражались в замедлении темпов экономического роста и ухудшении большинства других макроэкономических показателей (курс национальной валюты, объём золотовалютных резервов, инвестиции в основной капитал и т. д.) наблюдались задолго до украинского кризиса и введения Западом антироссийских санкций. Если в 2011 г. ВВП России вырос на 4,3%, то в 2012 – на 3,4%, в 2013 – на 1,3%, в 2014 – на 0,6%. Россия неуклонно шла к стагнации и даже спаду, который и произошёл в 2015 г., когда ВВП сократился на 3,7%¹.

Основная причина заключалась в резком замедлении темпов роста экспорта, который был основным драйвером экономического развития страны. Если до кризиса 2008–2009 гг. экспорт увеличивался ежегодно на 27–30%, то в 2012 г. вырос только на 2,4%, а в 2013 г. впервые снизился в абсолютном выражении (на 1,2%). Причём сжатие экспорта произошло в условиях чрезвычайно благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей и металлов: средняя цена на нефть марки Urals в 2012 г. составила 110,5 доллара за баррель, а в 2013 г. – 107,9 доллара².

Глубина и длительность спада обусловлены, в первую очередь, резким снижением со второй половины 2014 г. мировых цен на нефть. В результате российский экспорт, в котором преобладают углеводороды и другие виды

¹ Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 22.05.2016

² Подсчитано по материалам ежегодных мониторингов об итогах социально-экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 28.05.2016.

минерального сырья, в 2014 г. сократился на 5,7%, а в 2015 г. – на 31,8%¹. Падение экспорта «потянуло» за собой вниз и все другие макроэкономические показатели. Антироссийские санкции лишь добавили трудностей в отечественную экономику, но отнюдь не создали их.

Более глубокие причины нынешнего кризиса заключаются в том, что в экономике страны накопилось много структурных деформаций и диспропорций, которые сделали её чрезвычайно уязвимой перед внешними угрозами. Назовём лишь некоторые. Первая – чрезмерная зависимость от экспорта нефти, газа, металлов и других видов минеральных ресурсов. Вторая – массивованное наращивание российскими банками и компаниями внешних заимствований при одновременном выводе собственных капиталов из страны. Третья – узкая направленность экспорта на рынки Европы при неразвитости других направлений внешней торговли.

Феномены экономического кризиса в России

Указанные деформации и диспропорции не только привели страну к кризису, но и породили в этот период множество уникальных и уродливых экономических феноменов.

Не имеет мировых прецедентов такая особенность российского кризиса, как стремительный рост прибыли предприятий при одновременном падении производства. В 2015 г. ВВП страны сократился на 3,7%, а сальдированный финансовый результат (прибыль за вычетом убытков) отечественных предприятий вырос в полтора раза по сравнению с относительно благополучным 2014 г., когда спад ещё и не начался (ВВП в 2014 г. хоть и медленно, но рос, а нефть стоила дороже 100 долларов за баррель)². По отдельным секторам экономики финансовая картина ещё более впечатляющая: прибыль подскочила в 4, 5, 6, 7 и даже в 17 раз!³ Важно также, что прибыль выросла не только у предприятий экспортно ориентированных сырьевых отраслей, но и в отраслях, ориентированных на внутренний рынок (пищевая, текстильная промышленность, розничная торговля и т. д.).

Финансовое процветание компаний в условиях падения производства объясняется чрезвычайно просто: отечественный бизнес, в том числе государственные предприятия, вздувает цены на товары и услуги, пользуясь монопольным положением или через картельные сговоры.

Второй феномен состоит в том, что беспрецедентный рост прибыли предприятий произошёл на фоне резкого снижения доходов населения

¹ Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 29.05.2016.

² Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 17.05.2016.

³ Мониторинг «О текущей ситуации в экономике Российской Федерации по итогам первого полугодия 2015 года». Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/>. Дата обращения: 18.05.2016.

(на 10%) и повышения уровня бедности с 10,8% в 2013 г., до 11,2% в 2014 г. и 13,4% в 2015 г. Количество бедных за 2015 г. увеличилось на 3,1 млн человек, достигнув 19,2 млн человек¹. Другими словами, через высокую инфляцию всю тяжесть кризиса компании перекладывают на население.

Третий феномен. Несмотря на резкий рост прибыли и накопление у предприятий свободных денежных средств в размере 19 трлн рублей, что больше годового объёма совокупных инвестиций (14 трлн рублей)², увеличение активов российских банков, впервые превысивших размер валового внутреннего продукта России (80 трлн рублей)³, избыточную ликвидность в банковской системе⁴, инвестиции в основной капитал в 2015 г. упали на 8,4%⁵. Иначе говоря, у предприятий много свободных средств, но они не вкладывают деньги в развитие производства, используя их в других целях: кладут на срочные депозиты либо участвуют в спекулятивных операциях на фондовой и валютной биржах, получая огромные прибыли.

Это обуславливает четвёртый феномен: бурный рост биржевых торгов в период экономического спада. Как отмечается в годовом отчёте Московской биржи, в 2015 г., когда производство падало все 4 квартала, биржа получила «рекордные финансовые результаты», которые «были обусловлены увеличением объёма торгов на валютном, денежном рынках и рынке облигаций». В частности, общий объём торгов на валютном рынке составил 310,8 трлн рублей, что на 36,0% выше, чем в 2014 г.⁶. Иначе говоря, биржа, которая в экономической теории считается индикатором состояния реальных секторов экономики и следует за их трендами (либо несколько опережает их), в условиях России оторвалась от реальной экономики и, более того, идёт совершенно в противоположном направлении.

¹ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#. Дата обращения: 26.05.2016.

² Дембинская Н. Поставить диагноз: как будут спасать российскую экономику // Официальный сайт агентства РИА Новости. 25 мая 2016 г. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20160525/1439468751.html>. Дата обращения: 05.05.2016.

³ Минфин и ЦБ разработали систему самостоятельного пенсионного обеспечения // Аргументы и факты. 01.07.2016. Режим доступа: http://www.aif.ru/money/economy/minfin_i_cb_razrabotali_sistemu_samostoyatel'nogo_pensionnogo_obespecheniya. Дата обращения: 05.07.2016.

⁴ ЦБ ограничит давление валютных спекулянтов на рубль // Агентство РБК. 15 мая 2016 г. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/finances/11/05/2016/5732f7c39a794755495a2964><http://www.rbc.ru/finances/11/05/2016/5732f7c39a794755495a2964>. Дата обращения: 21.05.2016.

⁵ Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 году. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 18.05.2016.

⁶ Московская биржа объявляет финансовые результаты 2015 года. Официальный сайт Московской биржи. Режим доступа: <http://moex.com/n12294>. Дата обращения: 05.05.2016.

Модели экономического развития России и Китая

Кризис показал, что сырьевая модель экономического развития полностью исчерпала потенциал и завела страну в тупик.

В этой связи в экспертном сообществе сложилось единство мнений относительно целей структурных реформ, которые, очевидно, должны состоять в диверсификации производства и экспорта за счёт повышения доли готовой продукции, в т. ч. высокотехнологичных товаров, что обеспечило бы условия для устойчивого экономического роста на длительную перспективу.

Для достижения этих целей нужна новая экономическая политика, при выработке которой любая страна использует успешный зарубежный опыт. Самый очевидный образец для России – наш сосед Китай.

Актуальность китайского опыта для нас определяется прочными отношениями стратегического партнёрства с этой страной в двустороннем и многостороннем (группа БРИКС) форматах, а также тем фактом, что в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века Россия могла пойти по китайскому пути, но по ряду причин этого не произошло. В тот период в России между т. н. «демократами» и «консерваторами» шли жаркие дискуссии о том, в каком направлении нужно проводить рыночные реформы. «Демократы» настаивали на необходимости следовать рекомендациям, сформулированным теоретиками либерализма в Вашингтонском консенсусе, «консерваторы» предлагали использовать китайский опыт рыночных реформ.

В итоге победила точка зрения «демократов», и предложенная ими либеральная экономическая политика в различных вариациях проводится в России с начала 90-х гг. прошлого века. В её основе лежит вера в способность стихийных рыночных сил к саморегулированию и приверженность идеям «невмешательства» государства в экономику. Из этого вытекают постулаты экономического либерализма: свобода трансграничного движения товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, снятие ограничений для иностранных инвестиций, тотальная приватизация государственной собственности даже в тех отраслях, где невозможна или сильно затруднена конкуренция (например, на железнодорожном транспорте, в электроэнергетике), снижение налогов на бизнес, введение плавающего курса национальной валюты, отказ от любых видов контроля за ценами, сокращение социальных обязательств государства и поддержание бездефицитного госбюджета и т. д.

Китайская модель экономического развития идёт вразрез с «рекомендациями» МВФ. В отличие от догматизма адептов либеральной модели, которые считают её единственно верной, универсальной и навязывают любой стране, для китайской экономической политики характерны прагматизм, учёт национальной специфики при проведении рыночных реформ (традиции, менталитет, численность и половозрастная структура населения, географические особенности страны и т. д.), отказ от революционных методов преобразований в пользу эволюционных, их постепенность (принцип «малых шагов»), социальная направленность реформ, которые должны приводить к росту жизненного уровня широких слоёв населения.

Главное содержательное отличие китайской модели развития от либеральной состоит в противоположном понимании роли государства в экономике. Китайская модель предполагает наличие многоукладной частно-государственной экономики; активное участие государства в управлении экономикой при доминировании в стратегических секторах (банки, энергетика, ВПК, телекоммуникации); сочетание частной инициативы с жёстким государственным контролем, а также принципов плановой и рыночной экономик, причём по мере развития экономики план приобретает менее директивный и более индикативный характер; промышленную политику; формирование благоприятного делового климата для привлечения прямых иностранных капиталовложений в сочетании с валютным контролем, включая ограничение финансовых операций с офшорными юрисдикциями; широкое стимулирование технологического обновления производств¹.

Наиболее показательное различие в подходах России и Китая к формированию курса национальной валюты.

В октябре 2014 г. – в период резкого снижения цен на нефть, начинавшегося экономического спада и атак спекулянтов на рубль – Банк России провозгласил переход к режиму «плавающего» курса рубля, практически ушёл с валютного рынка и отказался поддерживать курс рубля через валютные интервенции, аргументируя свою позицию нежеланием тратить международные резервы. В течение 2015 г. Банк России совершил на Московской бирже операции по покупке-продаже американской валюты на сумму всего 12,4 млрд долларов², при том что общий объём валютных операций на бирже превысил 310 трлн рублей или примерно 5,2 трлн долларов³.

Курс рубля стал формироваться под влиянием внешних факторов, – непредсказуемого движения мировых цен на нефть, решений короля Саудовской Аравии об увеличении или снижении объёмов производства «чёрного золота», отношений между членами ОПЕК, – а также массированных атак отечественных и зарубежных валютных спекулянтов. Поскольку курс национальной валюты во многом определяет мотивацию и поведение хозяйствующих субъектов, политика Банка России фактически означала, что государство отказывается от этого важнейшего инструмента влияния на развитие экономики.

Такое понимание режима плавающего курса национальной валюты, как полной свободы для «стихийной игры рыночных сил», не имеет прецедентов. Центральный банк любой страны, провозгласившей плавающий курс национальной валюты, стремится сгладить резкие курсовые колебания особенно в периоды высокой волатильности и кризисов, поскольку устойчивость национальной валюты является одним из важнейших усло-

¹ Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М.: изд-во «Форум», 2009. 560 с.

² Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 18.05.2016.

³ Московская биржа объявляет финансовые результаты 2015 года. Официальный сайт Московской биржи. Режим доступа: <http://moex.com/n12294>. Дата обращения: 05.05.2016.

вий устойчивого развития экономики в целом. В частности, Центробанк Японии регулярно совершает валютные интервенции с целью стабилизации курса иены.

Результаты такой курсовой политики хорошо известны. Инфляция в 2015 г. подскочила до 12,9%¹. Надежды на то, что низкий курс рубля будет стимулировать рост экспорта, не оправдались. В 2015 г. объём экспорта упал на 31,8%, а в первом полугодии 2016 г. – на 29,7% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. Для стимулирования экспорта мало низкого курса национальной валюты. Нужны ещё инвестиции в производство, а их объём также упал – в 2015 г. на 8,4% и в первом полугодии 2016 г. – почти на 10%. ВВП России в январе-июне 2016 г. снизился на 0,9% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.²

Китайский подход разительно отличается от российского. Несмотря на огромное давление со стороны США, ЕС, Японии и МВФ, Пекин проводит независимую и гибкую валютную политику. Народный банк Китая (НБК) придаёт главное значение стабильности курса юаня и оперативно корректирует курсовую политику в соответствии с меняющимися внешними и внутренними экономическими условиями. В тех случаях, когда возникает угроза стабильности курсу юаня, Китай без колебаний применяет все имеющиеся инструменты, включая административные меры.

С 1994 г. курс юаня был жёстко привязан к доллару (8,28 юаня за доллар). В 2005 г. Китай перешёл к «управляемому плавающему курсу» национальной валюты по отношению к корзине основных валют, включающей доллар США, с прицелом на постепенное повышение курса. При этом Китай неоднократно корректировал механизм курсообразования путём ужесточения или ослабления мер валютного контроля, изменения состава валютной корзины, а также изменения степени «свободы» и границ курсовых колебаний в зависимости от состояния мировой финансовой системы (в период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. китайцы фактически вернулись к политике фиксированного курса юаня). По мере нормализации ситуации в мировых финансах Китай снимал или ослаблял ограничения в сфере валютного регулирования³.

В 2013 г. китайское руководство в рамках дальнейшего продвижения рыночных реформ приняло решение о либерализации валютного и фондового рынков. Весной 2014 г. на фондовый рынок КНР впервые были допущены западные инвесторы, и в течение года совокупная

¹ Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/resources/bfeda678-29cd-44ae-b07b-d3c6d7200d32/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_2015.pdf. Дата обращения: 18.05.2016.

² О текущей ситуации в экономике Российской Федерации по итогам первого полугодия 2016 г. Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/20160728>. Дата обращения: 01.08.2016.

³ Катасонов В. А. Валютная политика Китая: запретить нельзя разрешить // ИА REGNUM. 23.02.2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2084716.html>. Дата обращения: 08.06.2016.

капитализация бирж в Шанхае и Шенчжэне увеличилась на 170% – до 10 трлн долларов¹.

Однако с июля 2015 г. западные инвестиционные фонды стали играть на понижение курса юаня и выводить краткосрочные капиталы с китайского фондового рынка: их отток по некоторым оценкам составил в 2015 г. около 1 триллиона долларов. НРБ принял решительные меры для того, чтобы не допустить обрушения курса юаня. На поддержание курса была израсходована значительная часть международных резервов (513 млрд долларов или 15% всего объёма)². В результате международные резервы КНР сократились до минимального за последние четыре года уровня (3,2 триллиона долларов), но это не остановило руководство НБК, которое дало понять международным спекулянтам, что не позволит обрушить юань, поскольку стабильность курса неизмеримо важнее, чем величина золотовалютных резервов.

Одновременно Китай ужесточил контроль за движением капитала, наложив временные (на период турбулентности) ограничения на права иностранных компаний репатриировать прибыль и запретив иностранным управляющим активами, включая хедж-фонды и фонды прямых инвестиций, привлекать средства в юанях для инвестиций за границей. В январе 2016 г. НБК дал указание банкам в Гонконге и зарубежным филиалам китайских банков приостановить кредитование в юанях, временно приостановил операции в иностранной валюте для зарегистрированных в Китае филиалов западных банков, предупредив их о возможных санкциях за увеличение объёмов операций на валютном рынке в пользу зарубежных клиентов)³.

Такая политика обеспечивает поразительную устойчивость юаня: несмотря на массированные атаки международных спекулянтов с 1 июня 2015 г. по 1 июня 2016 г. юань подешевел всего на 5,5% по отношению к доллару США (с 1,61 до 1,52 доллара за 10 юаней), хотя валюты большинства развивающихся и даже некоторых развитых стран упали на 20–30%. При этом пределы колебаний курса юаня составили те же 5,5%. Для сравнения: курс рубля за тот же период упал на 24,6% (с 52,9 до 65,9 рублей за доллар), а пределы колебаний составили 61,8% (с 49,8 до 80,6 рублей за доллар)⁴. Стабильность юаня стимулирует стабильный рост китайской экономики, а турбулентность и резкое падение рубля усугубляют кризис в России.

¹ Восток против Запада: битва за реформирование мировой экономики. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 6(33). Режим доступа: <http://riss.ru/bookstore/journal/2015-2/problemy-natsionalnoj-strategii-6-33/>. Дата обращения: 19.05.2016.

² Валентин Катасонов. Валютная политика Китая: запретить нельзя разрешить // ИА REGNUM. 23.02.2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2084716.html>. Дата обращения: 20.05.2016.

³ Валентин Катасонов. Валютная политика Китая: запретить нельзя разрешить // ИА REGNUM. 23.02.2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2084716.html>. Дата обращения: 20.05.2016.

⁴ Подсчитано по базам данных интернет-портала Banki.ru. Режим доступа: <http://www.banki.ru/products/currency/cny/>. Дата обращения: 17.05.2016.

Признанием стабильности и надёжности юаня стало решение Совета управляющих МВФ в ноябре 2015 г. включить китайскую денежную единицу в состав корзины валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) – внутренней валюты МВФ.

Не менее разительно отличается подход двух стран к кредитно-денежной политике.

Российский подход до настоящего времени категорически отвергал возможность смягчения кредитно-денежной политики в целях стимулирования экономического роста на том основании что «запуск печатного станка» «разгоняет инфляцию», увеличивает бюджетный дефицит и государственный долг, влечёт за собой снижение кредитного рейтинга страны и сокращение притока иностранных капиталов.

Критики указывают, что подобная аргументация напоминает театр абсурда, либо чрезвычайно узкий, «бухгалтерский» взгляд на экономику. Любой специалист понимает, что кредитный рейтинг и масштабы сокращения или притока иностранных капиталов зависят от целого комплекса макроэкономических показателей, а также от общего инвестиционного климата в стране. Экономический кризис и ухудшение практических всех макроэкономических показателей в 2014–2015 гг. привели к тому, что суверенный рейтинг России упал ниже «инвестиционного» уровня, приток прямых производственных инвестиций (ПИИ) многократно сократился (2013 г. – 69,2 млрд долларов, 2014–22,9 млрд долларов, 2015–4,8 млрд долларов), а чистый отток ПИИ достиг рекордного объёма (2014 г. – 35,1 млрд долларов, 2015–16,8 млрд долларов)¹.

То же самое касается инфляции. В условиях современной России инфляция определяется, в первую очередь, не дефицитом госбюджета, а совершенно другими факторами и носит немонетарный характер. Рекордный рост потребительских цен в 2014–2015 гг. был обеспечен резким падением курса рубля, которое привело к удорожанию импортных товаров, разрешительной практикой ежегодного увеличения цен и тарифов государственных монополий, а также картельными сговорами между крупными компаниями, контролирующими рынок какого-то товара или услуги.

В свою очередь, китайская модель экономического развития предполагает проведение «мягкой» и гибкой кредитно-денежной политики в сочетании с жёстким контролем за целевым использованием кредитов, что позволяет эффективно стимулировать экономический рост. Банковские кредиты предприятиям в 2015 г. достигли уровня 18,8 трлн долларов или 170% от ВВП при базовой ставке Центробанка 2,25% и средней ставке коммерческих банков – 4,4%². Благодаря строгому государственному контролю за целевым использованием кредитных средств, никаких признаков повышенной инфляции в Китае нет (2,5% – в 2013 г., 1,6% – в 2014 г., 1,7% – в 2015 г.)³.

¹ Алексей Шаповалов. Чтобы вкладывать в Россию, надо жить на Багамах // Коммерсантъ. 27.05.2016. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2997129>. Дата обращения: 06.06.2016.

² The World Factbook // CIA website. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ja.html>. Дата обращения: 04.05.2016.

³ The World Factbook // CIA website. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ja.html>. Дата обращения: 04.05.2016.

Сравнение итогов экономического развития России и Китая

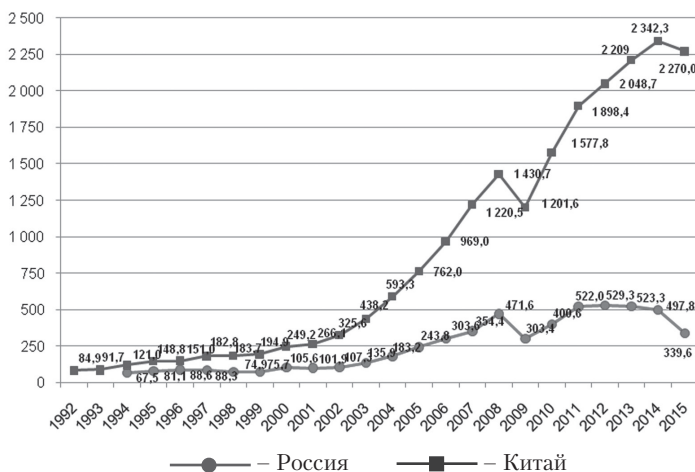
Для понимания эффективности используемых Россией и Китаем экономических моделей сравним динамику макроэкономических показателей двух стран с момента начала рыночных реформ в России, т. е. с 1992 г. В целях сопоставимости воспользуемся статистикой Всемирного банка.

Первоочередной интерес для нас представляют те параметры экономического развития, которые сопряжены с названными выше целями предстоящих структурных реформ: устойчивый экономический рост на длительную перспективу и диверсификация экономики за счёт развития высокотехнологичных производств.

Сначала сопоставим динамику роста ВВП – наиболее важного и обобщённого показателя экономического развития.

График (рис. 1) показывает, что китайская экономика развивалась на порядок быстрее российской. В 1992 г. стартовые позиции двух стран были примерно равны: ВВП России равнялся 460,3 млрд долларов, ВВП Китая – 424,9 млрд долларов. Через 24 года ситуация кардинально изменилась: ВВП России (1,23 трлн долларов) составляет всего 11,4% от ВВП КНР (10,8 трлн долларов), т. е. российская экономика почти в 9 раз меньше китайской. По объёму ВВП в текущих ценах Китай занимает второе место в мире после США (10,8 трлн долларов против 17,9 трлн долларов), а по объёму ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, – уже первое (19,3 трлн долларов против 17,9 трлн долларов у США). Россия откатилась на 12-е место¹.

Важно, что экономический рост КНР отличается стабильностью, продолжаясь без перерывов и спадов уже в течение 30 лет (9,5% в сред-

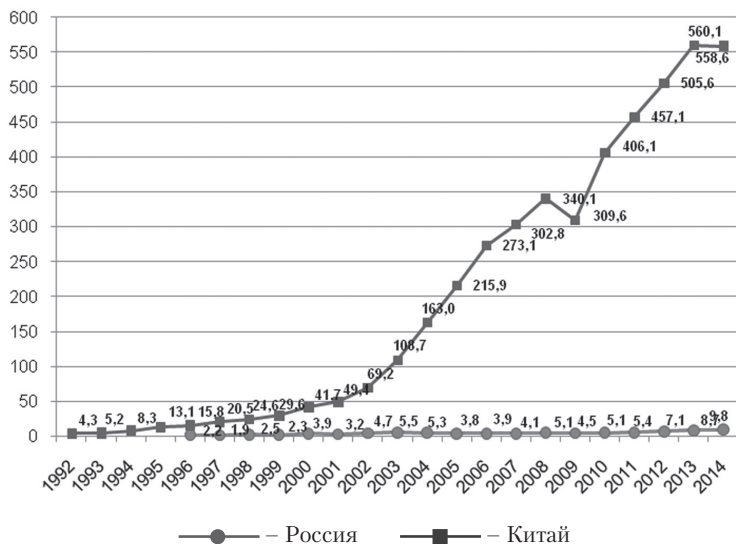
Источник: база данных Всемирного банка.

**Рис 1. Динамика ВВП России и КНР
(в текущих ценах, млрд долларов США)**

¹ Worldbank website. GDP at market prices. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/?locations=S&locations=US&locations=CN>. Дата обращения: 11.05.2016.

нем за 2000–2015 гг.). На коротких отрезках многие страны показывали быстрый подъём экономики, однако подобный «марафонский» забег Китая не имеет прецедентов в новейшей мировой истории. Поражает устойчивость экономики КНР к внешним шокам: Китай безболезненно пережил глобальные финансово-экономические кризисы 1997–1998 и 2008–2009 гг., а также множество других потрясений на отдельных региональных и товарных рынках.

Аналогичный тренд характерен и для динамики экспорта (рис. 2), который в течение длительного периода был главным драйвером экономического роста в обеих странах. Китай превратился в «мировую фабрику».

Источник: база данных Всемирного банка.

Рис. 2. Динамика товарного экспорта РФ и КНР (млрд долл. США)

Стартовые позиции двух стран по показателю экспорта также были примерно равны: 84,9 млрд долларов у КНР в 1992 г. и 67,5 млрд долларов у России в 1994 г. (в базе данных Всемирного банка статистика экспорта из России до 1994 г. отсутствует). В 2015 г. российский экспорт (340 млрд долларов) был уже почти в 7 раз меньше китайского (2270 млрд долларов)¹.

В 2015 г. китайский экспорт снизился на 2,8% (с 2,34 до 2,27 трлн долларов), однако это не свидетельствует о нарастании каких-то серьёзных проблем в экономике КНР. Китай всего лишь повторяет (причём в более мягком варианте) общую негативную тенденцию в мировой торговле, которая, по данным ВТО, в 2015 г. сжалась на 13% (с 19 до 16,5 трлн долларов), что связано с резким падением цен на мировых рынках аграрной продукции, энергоресурсов, металла и многих других видов сырья. В большинстве других крупных странах падение экспорта составило

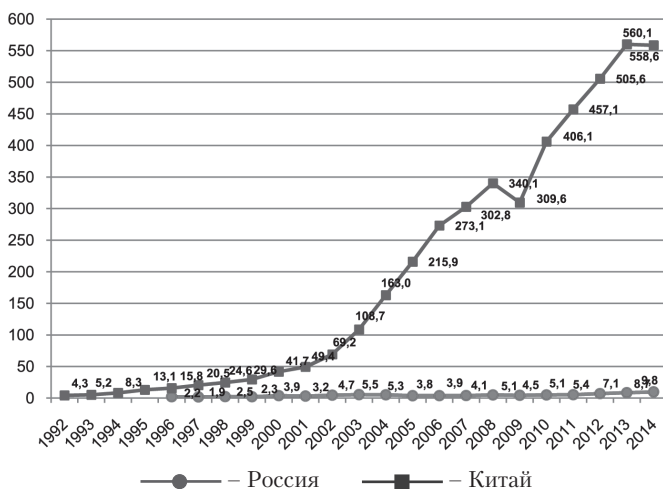
¹ Worldbank website. Merchandise exports. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT/countries/1W?display=default>. Дата обращения: 26.05.2016.

от 7 до 16%: США (на 6,8%), ФРГ (на 11,2%), Японии (на 9,4%), Южной Кореи (на 7,4%)¹.

Статистика Всемирного банка развеивает ещё одну иллюзию о том, что Китай – быстро развивающаяся, но технически отсталая страна, а Россия хотя и уступает Китаю по темпам экономического роста, намного превосходит его в научно-техническом отношении. Посмотрим на позиции двух стран с точки зрения темпов роста и объёмов экспорта высокотехнологичной продукции (ВТП).

Как видно из рис. 3, объём экспорта ВТП из Китая в 1992 г. составлял 4,3 млрд долларов, Россия же в 1996 г. (в базе данных Всемирного банка статистика экспорта из России приводится за период 1996–2014 гг.) экспортировала ВТП на 2,2 млрд долларов. К 2014 г., т. е. за 24 года, российский экспорт вырос по объёму в 4,5 раза (до 9,8 млрд долларов), а китайский – в 130 раз (до 558,6 млрд долларов).

В 2005 г. Китай обогнал по этому показателю США и занял первое место в мире. В 2014 г. доля КНР в мировом экспорте ВТП (2,1 трлн долларов), по оценке экспертов Всемирного банка, составила 26% (558,6 млрд долларов) против 7,3% у США (155,6 млрд долларов), тогда как в 2000 г. доля Китая была в 100 раз меньше американской (0,17% против 17,4%). Доля России за эти годы практически не изменилась и составляет меньше полпроцента (0,46%). Таким образом, Китай сейчас поставляет на мировой рынок высокотехнологичной продукции в 57 раз больше, чем Россия².

Источник: база данных Всемирного банка.

Рис. 3. Динамика высокотехнологичного экспорта РФ и КНР (млрд долларов США)

¹ Trade growth to remain subdued in 2016 as uncertainties weigh on global demand. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/pres16_e/pr768_e.htm. Дата обращения: 15.05.2016.

² Worldbank website. High-technology exports. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD/countries/1W?display=default>. Дата обращения: 10.05.2016.

Китай занимает лидирующие позиции в мире по выпуску многих видов высокотехнологичной продукции, причём по некоторым товарным позициям производит больше, чем остальные страны вместе взятые. В 2015 г. Китай произвёл судов водоизмещением 766 млн тонн (45% мирового производства), 23,7 млн автомобилей (27% мирового производства), 351 млн персональных компьютеров (91% мирового производства), 1,77 млрд мобильных телефонов (70,6% мирового производства)¹.

В конце 2015 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) опубликовала доклад «Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности за 2015 год». Первое место в рейтинге ВОИС уже пятый год подряд занимает Китай, учёные и изобретатели которого в 2014 г. подали 928,2 тыс. патентных заявок – значительно больше, чем занимающие второе место США (578,2 тыс.). Россия с 40,3 тыс. заявок уступает Китаю в 23 раза².

Китайские компании Lenovo, Huawei, Xiaomi, Coolpad, ZTE и другие успешно конкурируют на мировых рынках с западными, в том числе с такими лидерами в сфере высоких технологий, как Apple, Samsung, IBM и Sony.

Уже прошло время, когда промышленность КНР развивалась в технологическом плане только за счёт использования западных патентов. Начался обратный процесс: западные корпорации в массовом порядке покупают патенты у китайских фирм. Например, в соответствии с корпоративным соглашением об обмене технологиями китайская Huawei в 2015 г. закупила у американской Apple 98 патентов, а продала ей 769 патентов. По итогам года Apple выплатила компании Huawei более ста миллионов долларов³.

Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень научно-технического развития страны, является число научных публикаций по тематике точных наук (физика, химия, математика, биология, материаловедение и т. д.). По этому показателю Китай занимает второе место в мире после США: 401 тыс. научных статей против 412 тыс. в США. Россия с 35,5 тыс. статей откатилась на 14-е место. Нас обогнали даже те страны, которые значительно уступают нам по численности населения, например Южная Корея (58,844 тыс. публикаций; 51,4 млн чел.), Канада (57,8 тыс. публикаций; 35,6 млн чел.), Австралия (47,8 тыс. публикаций; 24 млн чел.). Наши показатели сопоставимы с Нидерландами (30,4 тыс. публикаций) при том, что население этой страны составляет 17 млн чел. против 146 млн в России⁴.

¹ Владимир Полеванов. Первая экономика Мира // ИА REGNUM. 04.06.2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2140917.htm>. Дата обращения: 05.06.2016.

² Революционные инновации и экономический рост: доклад о положении в области ИС в мире за 2015 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Режим доступа: http://www.wipo.int/econ_stat/ru/economics/wipr/#full_report. Дата обращения: 14.05.2016.

³ Компания Apple выплачивает Huawei лицензионные отчисления // ИА RUSSIAN.NEWS агентства Синьхуа. 11.05.2016. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0511/c31518-9056282.html>. Дата обращения: 12.05.2016.

⁴ Worldbank website. Scientific and technical journal articles. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/IP,JRN.ARTC.SC/countries>. Дата обращения: 18.05.2016.

В рейтинг стал лучших университетов мира Times Higher Education-2016 вошли 8 китайских вузов, а лучший из них – университет Цинхуа – занял 18-е место. Среди российских вузов в список включены только три: МГУ им. М. В. Ломоносова (опустился на 30-е место), Санкт-Петербургский университет и Московский физико-технический институт¹.

В рейтинге международной организации top-500 китайские суперкомпьютеры Sunway TaihuLight и Тяньхэ-2 занимают две первые строчки, а американские Titan и Sequoia – на третьей и четвёртой позициях². Китай обогнал США не только по мощности, но и по количеству суперкомпьютеров (167 против 165 у США). Что касается российских суперкомпьютеров, то в рейтинг попали лишь 7 из них, причём в первую сотню top-500 включён только один – «Ломоносов-2»³.

В последние месяцы западные СМИ регулярно пишут о «конце китайского чуда» на том основании, что темпы роста ВВП Китая снизились. Конечно, снижение имеет место, но и сейчас Китай по этому показателю в 2–4 раза опережает крупнейшие западные экономики: в США ВВП в 2015 г. вырос на 2,5%, в государствах зоны евро – на 1,5%, в Японии – на 0,4%, а в КНР – на 6,9%⁴.

Снижение темпов роста ВВП связано с осуществлением в КНР структурных реформ, предполагающих переход от модели экономического развития, ориентированной на расширение экспорта, укрепление государственных предприятий и инвестирование государственных средств в инфраструктурные проекты, к модели, которая ставит во главу угла расширение внутреннего спроса, сферы услуг и развитие частного сектора. Масштабные преобразования в экономике включают в себя также постепенную либерализацию финансового рынка, системы налогообложения и земельную реформу.

Атаки международных спекулянтов на фондовом и валютном рынках Китая во второй половине 2015 – первой половине 2016 гг. не поколебали фундаментальных основ китайской экономики. Важно, что одновременно с выводом с фондового рынка Китая западных краткосрочных портфельных инвестиций наблюдался рост объёма прямых иностранных инвестиций производственного характера в экономику КНР, которые в 2015 г. достигли рекордного уровня 126,3 млрд долларов. В 2015 г. в КНР было создано 26,5 тыс. новых предприятий с иностранным участием –

¹ World Reputation Rankings 2016. Times Higher Education. Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/reputation-ranking#!page/2/length/25/sort_by/rank_label/sort_order/asc/cols/rank_only. Дата обращения: 29.05.2016.

² 5 чудес китайской науки и техники // ИА RUSSIAN.NEWS агентства Синьхуа. 03.06.2016. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0603/c31517-9068025.html>. Дата обращения: 8.06.2016.

³ Самый мощный российский суперкомпьютер потерял десять позиций в рейтинге // Росбизнесконсалтинг. 20.06.2016. Режим доступа: http://www.rbc.ru/technology_and_media/20/06/2016/5767ddac9a79472c13e35342. Дата обращения: 20.06.2016.

⁴ Снижение спроса, ухудшение перспектив // Бюллетень перспектив развития мировой экономики, январь 2016 г. Официальный сайт МВФ. 19.01.2016. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2016/update/01/pdf/0116r.pdf>. Дата обращения: 14.05.2016.

на 11,8% больше, чем в 2014 г¹. Иначе говоря, западные спекулянты (инвестиционные банки, хедж-фонды, страховые компании и т. д.) свои капиталы с фондового рынка КНР выводили, а в то же время западные производственные компании увеличивали инвестиции в реальные сектора экономики КНР.

Положительные результаты реформ налицо. Впервые в новейшей истории Китая главным драйвером экономического развития страны в 2015 г. (66,4% роста ВВП) стали не производственные инвестиции или наращивание экспорта, а расширение внутреннего спроса, в первую очередь потребительского. Неуклонно соблюдается принцип социальной направленности реформ, что обеспечивает сильную поддержку курса на реформы со стороны общества. Реальные доходы на душу населения выросли в 2015 г. на 7,4%; были трудоустроены 13,1 млн человек; численность бедного населения в сельских районах сократилась на 14,4 млн человек².

Выводы

Вывод прост: самостоятельная, независимая экономическая политика Китая, суть которой сводится к активному управлению рыночными процессами со стороны государства, позволила этой стране выстроить современную диверсифицированную экономику и выйти на передовые позиции в мире по многим направлениям, в т. ч. в сфере НИОКР и развития высокотехнологичных производств.

Либеральная экономическая политика по рецептам МВФ отбросила Россию далеко назад. Мы растеряли достижения даже в тех областях науки и техники, в которых 24 года тому назад имели преимущество перед конкурентами. Она толкает страну к бесконечному наращиванию вывоза нефти, газа и другого сырья, подавляет рост отечественных инвестиций и реальных секторов экономики за исключением топливно-энергетического комплекса и одновременно создаёт идеальные условия для спекуляций на финансовом рынке. Она консервирует нынешнюю отсталую структуру российской экономики и не способна изменить её.

Китайский опыт показывает, что успешной реализации структурных реформ должна предшествовать подготовка соответствующего долгосрочного плана (программы, дорожной карты и т. д.). Этот документ должен содержать конкретные цели структурных реформ, в первую очередь повышение до определённых значений доли ненефтяных секторов в общем объёме ВВП и экспорте параллельно с соответствующим снижением нефтегазового сектора, а также развитие определённых высокотехнологичных производств. Эти цели необходимо разбить на промежуточные временные этапы с указанием конкретных значений, объёмов и источников финансирования.

¹ В декабре 2015 г. объём прямых внешних инвестиций Китая увеличился на 6,1% // Портал RUSSIAN.NEWS информационного агентства Синьхуа. Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-01/21/c_135031115.htm. Дата обращения: 16.05.2016.

² Доклад о работе правительства // Портал RUSSIAN.NEWS информационного агентства Синьхуа. 17.03.2016. Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-03/17/c_135198606.htm. Дата обращения: 18.05.2016.

Сейчас страна стоит перед выбором, который определит её развитие на долгую перспективу: провести ли «косметический ремонт» существующей либеральной модели в рамках привычных императив Вашингтонского консенсуса либо сделать радикальный поворот в экономической политике и пойти по пути Китая? В первом случае мы никогда не «слезем с нефтяной иглы» и будем отброшены на задворки истории. Как показывает нынешний кризис и снижение темпов экономического развития России в 2011–2013 гг., даже в периоды резкого удорожания нефти Россию ожидает стагнация, а во время падения цен на «чёрное золото» – очередные кризисы, но в целом – растущее отставание от всего мира, крушение идеи евразийской интеграции, дрейф бывших советских республик в сторону Запада или Востока. Во втором случае мы получаем шанс вырваться в передовую с экономической и технической точки зрения группу стран, обеспечить достойные материальные условия жизни для большинства граждан, сохранить самобытную российскую цивилизацию, создать условия для проведения суверенной внешней политики, а также обеспечить для России достойное место на мировой арене.

Новая модель
экономического развития России:
концепция формирования и реализации

Редактор В. В. Нарбут
Корректор Т. Д. Романосова
Компьютерная вёрстка Л. А. Дерр

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 07.11.2016
Формат 60x90/16. Печ. л. 20,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 5693

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
107140, г. Москва, пер. 1-й Красносельский, д. 3, оф. 17